

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арҗамак

ТАТАРСТАН 12+

№3 (20) • 2014

МЫ ПОСТРОИЛИ ГОРОД (ОАО «КамГЭСэнергострой» — 50 лет). Стр. 25

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

Главный редактор
Алешков Николай Петрович

№ 3(20) • 2014

***Себя к столу приговорить
и жаждою родства
усыновить, удочерить
безродные слова...***

***Николай Перовский,
стр. 149***

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна — первый секретарь
Правления Союза российских писателей;

Ларионова Татьяна Петровна — исполнительный директор
республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);

Миннахметов Ирек Джаудатович — руководитель
республиканского агентства по печати
и массовым коммуникациям «Татмедиа»;

Руденко Гульзада Ракиповна — генеральный директор Елабужского
государственного историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника

Фомин Анатолий Алексеевич — председатель Общественной палаты
Республики Татарстан

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Н. Н. Беляев — член Союза российских писателей (Казань);

Н. М. Валеев — доктор филологических наук,
член Союза писателей России (Казань);

Н. А. Вердеревская — кандидат филологических наук,
член Союза российских писателей (Елабуга);

В. Н. Гофман — протоиерей, член Союза писателей России
(Нижний Новгород);

В. А. Ермаков — заслуженный работник культуры РФ,
член Союза писателей России (Орёл);

И. В. Лимонова — член Союза писателей СССР (Москва);

Д. Е. Кан — член Союза писателей России (Новокуйбышевск);

С. Д. Кузнецихин — член Союза российских писателей (Красноярск);

С. Е. Михеенков — член Союза писателей России (Таруса);

Н. В. Переяслов — секретарь Союза писателей России (Москва);

Н. Б. Рачков — член правления Союза писателей России
(Тосно, Ленинградская обл.);

Р. Ш. Сарчин — кандидат филологических наук,
член Союза российских писателей (Казань);

В. С. Суворов — доктор педагогических наук (Набережные Челны);

В. П. Хамидуллина — член Союза российских писателей (Набережные Челны);

М. А. Чванов — президент Международного
Аксаковского фонда, член Союза писателей России (Уфа).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-58009 от 08 мая 2014 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Заместители главного редактора — Александр Воронин,
Ксения Ларина

Дизайнер-верстальщик — Виталий Павлов

Художник — Ольга Белова-Недовизий

Фото на обложке — Михаил Медведев

СТАНИСЛАВ ЗОЛОТЦЕВ

РОССИЯ ПИШЕТ...

* * *

Россия пишет стихи и прозу
в кошмарах смуты, в чаду разрухи.
А — всё про то же: и о берёзах,
и о свиданьях, и о разлуке...
Любого в мире сильнее гипноза
её словесность — а ей всё мало.
Россия пишет стихи и прозу —
как никогда ещё не писала!

В ином посёлке — ни баб тверёzych,
ни мужиков не найдёшь тем паче.
Но — есть мальчишка: такую прозу
он сочиняет, что люди плачут.
И есть девчонка — как жемчуг нижет
стихи, что мёртвых бы воскресили...
И знать не знает она, что движет
её ручонкой сама Россия.

Дождём кровавым исходят грозы
над ней, но болью, глубинной самой,
Россия пишет стихи и прозу,
как никогда ещё не писала!
О них и ведать ещё не может
читатель русский в быту свинцовом.
Но день России недаром прожит,
коль в нём возникло живое слово...

Почти нагая, почти босая,
не перестанет сквозь кровь и слёзы,
себя спасая и мир спасая,
писать Россия стихи и прозу.

ПОСЛЕ ЗВАНОВОГО ОБЕДА...

Как-то нынешним летом я был зван «на деловой обед для первых лиц», который позиционировался как «площадка для неформального общения власти, бизнеса и общества». Устроители — агентство по привлечению инвестиций города Набережные Челны — предложило выступить на тему: «Станет ли Россия вновь самой читающей страной в мире?» В качестве моего оппонента был представлен Тимур Ильшатович Хазиев — директор городского ИТ-парка, который подробно рассказал о развитии информационных технологий нового поколения.

Однако предполагаемой дискуссии не получилось. Мы оба не стали спорить об очевидном: Интернет успешно внедряется в массы, а газеты, журналы и книги на бумаге также желают здравствовать. Хорошо, если эти процессы будут развиваться параллельно на благо цивилизации. Ведь без Интернета нынче не обходится и наш брат-литератор — исключения крайне редки. Интернет помогает мне как редактору работать над каждым номером «Аргамака», переписываться с авторами, сиюминутно решать возникшие вопросы. Прогресс...

Помните: персонаж фильма «Москва слезам не верит» пятьдесят лет тому назад провозглашал, что с развитием телевидения отомрут театры? Прогноз не сбывся — живут лицедеи! Авось, и книга останется в веках. Не я один называю её лучшим изобретением человечества. Кладезь мудрости, кладезь веры — Библия и Коран. Они всегда будут почитаемы именно в печатном виде. Перелистывание священных страниц, вживание в тексты — это движения души, а не разума и не тела. Книга на века, на тысячелетия сохраняет нашу память, наши творческие устремления, наши поиски истины.

Не оскудели ещё российские библиотеки, жаль только, что в глубинке они закрываются одна за другой, оказавшись «неперспективными». Но в лучших-то бережётся в неприкосновенности вся мудрость человеческая! И в каждой ныне наряду с пергаментными фолиантами, с современными томами, исполненными полиграфически безупречно, находятся, пользуются спросом и компьютеры, активно действуют сетевые технологии. То есть, книга и Интернет помогают друг другу.

Конечно, такое взаимодействие необходимо. Случись какой-либо глобальный сбой в сети (не приведи Господь, конечно!) — и всемирная информационная паутина разорвётся, накроется медным тазом. А книга останется!

В это и хочется верить. Однако не всё так гармонично, как хочется. По статистике, проведённой в 2005 году ведущей мировой компанией NOP World, исследующей книжный рынок, россияне уступили пальму первенства самой читающей нации не только индийцам и китайцам, но и тайландцам, филиппинцам и египтянам. Жители Индии, например, тратят на чтение аж 11 часов в неделю (неужели у них телесериалы не популярны?), а у россиян этот показатель составляет только семь с лишним часов. Но при среднемировых шести с половиной часах и это неплохо.

Статистика исключает, к сожалению, такое понятие, как качество чтения. Мне же, например, безразлично, чьи произведения читают современные россияне: Серван-

теса или Дарьи Донцовой, Валентина Распутина или Виктора Ерофеева? Не будем забывать, что вечные русские вопросы были заданы не пользователями сети, а литераторами: «Что делать?» — Чернышевским, «Кто виноват?» — Герценом, «Что с нами происходит?» — Василием Макаровичем Шукшиным. Какое это имеет отношение к затеянному разговору? Отвечаю: о главных, о нравственных вопросах бытия мы привыкли размышлять над книгой, а не перед экраном компьютера. Перед экраном некогда.

Но и тут социологи бьют тревогу — дескать, классической литературе ныне предпочитают романы о вампирах или бульварные детективы. Я не склонен доверять подобной статистике, и в этом на помощь мне вновь приходит вездесущий Интернет. Загляните на многочисленные литературные сайты — сколько там стихов, сколько художественной прозы! И параллельно: сколько новых литературно-художественных журналов открылось в регионах России — больше, чем в Москве и Питере. Ренессанс!

Качество разное — да. В Интернете далеко не всё подвергается отбору — свобода слова и тут часто превращается в беспредел. А вот лучшие литературные журналы, которых становится всё больше, стараются держать художественную планку высоко, не уступая порой ни «Новому миру», ни «Нашему современнику». При этом они сотрудищаются, а не грызутся друг с другом по политическим мотивам. И у каждого (заметьте!) кроме издания на бумаге есть и свой сайт. А сайты порой объединяются в интернет-проекты. Один из них — «Русский крест» — открыл писатель из города Иваново, член редколлегии журнала «Аргамак» Валерий Клячин. На его призыв оперативно откликнулась вся читающая и пишущая провинция. Вслед за Солженицыным авторы размышляют, «как нам обустроить Россию», как вернуть в повседневность «семейное чтение» (неважно с какого носителя), как воспитать в себе достойный литературный вкус. Валерий Алексеевич в январе нынешнего года, к великому сожалению, скоропостижно скончался, но дело, начатое им, продолжается и в «Аргамак», и в сети.

Так что, не пропадём, подставляя плечо друг другу, или даже не соглашаясь друг с другом в принципиальных вопросах. Ни власть, ни общество до сих пор не нашли способов освободить Интернет от всего, что противоречит законодательству или нравственным ценностям. Разве не серьёзная проблема — игромания? Как оттащить ребёнка от компьютера, от сомнительных мультиков, от проникновения на порносайты, от знакомства с подлецом-педофилом, — не знает никто. А за детей отвечаем мы все!..

На том званом обеде, с которого я начал свои размышления, прозвучал в мой адрес и каверзный вопрос: «Вы вот пропагандируете книги, журналы, а лес Вам не жалко?» Публика зааплодировала, беседа оживилась. А я улыбнулся и вспомнил: в восьмидесятые годы мне довелось работать литконсультантом в городской писательской организации. Над моим рабочим столом висел лозунг: «Не издашь книгу — сохранишь лес». Шутка, конечно, а не ответ. Правда, я добавил, что надо издавать литературу, а не макулатуру. К макулатуре недурно бы относить не только плохие книги, но и бумажный документооборот, который почему-то многократно возрос в России одновременно с развитием высоких технологий и с многочисленными реформами в экономике, в образовании. И главный вопрос — только ли на бумагу губится русский лес? Сколько сгорает его ежегодно от многочисленных лесных пожаров, а то и от поджогов? Сколько ценной древесины используется на мебель? Сколько леса уходит на экспорт? Может быть, на книгоиздание его бы хватало без ущерба, если учесть, что лесу и санитарные вырубки необходимы. Вот пиратские — другое дело. Кто учитывает их объёмы?.. Наверное, я был не слишком убедительным, а автор вопроса по моей инициативе получил от устроителей обеда приз.

Не секрет, что в последние годы наряду с электронными книгами набирают популярность аудиокниги, которые обладают не только преимуществом в мобильности и компактности, но и содержат музыку, озвучиваются голосами популярных актёров, «освобождают руки», что очень удобно для автомобилистов. Несомненно, за ними будущее, хотя бы потому, что они дешевле. Средняя стоимость печатной книги сегодня — 250 рублей, электронной — 90. Существенная разница. Молодым и наиболее «продвинутым» пользователям сети уже незачем содержать домашние библиотеки, посещать общественные — всё, что необходимо, можно найти в собственном планшете, который всегда под рукой.

Удобно? Ещё как! А мне, однако, жаль, если ностальгия по печатным книгам останется только у старшего поколения, к которому, увы, отношу и себя. Мне кажется, что в безудержном стремлении к комфорту люди теряют что-то очень важное и нужное. Ну, например, элементарную грамотность. Аудиокнигам, в частности, нужны не читатели, а слушатели. Слушатели не видят текста, шрифта, его графики. Школьные представления об орфографии, пунктуации, синтаксисе стираются очень быстро, не говоря о стилистике письменной речи, которая существенно отличается от устной. В результате в сети появляется всё больше «афторов», которым не нужны никакие правила, которые убивают родной язык, и без того засорённый англишканцеляризм. Таким «продвинутым» не нужны ни Тургенев, ни Бунин — они мешают самоутвердиться в тупости и хамстве.

Именно тупости и хамству всегда противостоят культура и литература — причём литература подлинная, опирающаяся на традиции классики, а не та, которую чересчур «продвинутые» нынешние постмодернисты называют «другой», а более точно, на мой взгляд, её назвал «палёной» критик Владимир Бондаренко. Печатные книги и журналы, как и интернет-издания, бывают умными и не очень. Что выбрать — каждый решает сам. Сейчас, уважаемые читатели, вы держите в руках юбилейный, двадцатый номер журнала «Аргамак. Татарстан». Пишите нам, заходите на сайт! А мне остаётся поблагодарить за приглашение на «деловой обед для первых лиц» его автора, председателя Совета директоров ГК «Магнолия» Сергея Васильевича Майорова, модератора проекта Павла Валерьевича Евдокимова, исполнительного директора агентства по привлечению инвестиций города Набережные Челны Анастасию Александровну Филиппенко.

Николай АЛЕШКОВ

Р.С. Редакция журнала «Аргамак. Татарстан» рада сообщить своим читателям, что 2015 год будет объявлен в России Годом литературы. Такое предложение было сделано президентом В.В. Путиным 21 ноября 2013 года на первом Российском Литературном собрании в Москве в присутствии писателей, журналистов, библиотекарей, книгоиздателей, учителей-словесников и учёных-филологов. Тысячный зал принял слова об этом аплодисментами. Появляется надежда, что общество и власть вновь стремятся сделать нашу страну самой читающей в мире.

А наступивший Год культуры ещё и год Лошади, год «Аргамака». Мы уже пять лет успешно выступаем на издательском ипподроме России, радуемся тому, что журнал признан в ближнем и дальнем зарубежье. Мы стали лауреатами республиканского конкурса «Книга года — 2010» (Татарстан) и международного конкурса русскоязычных изданий (Берлин, 2013). «Аргамак» был благословлён в добрый путь первым президентом Республики Татарстан М.Ш. Шаймиевым в 2007 году. Тогда же было принято решение, что

журнал станет общероссийским литературным изданием, которое призвано консолидировать гуманитарное сообщество на пространствах от Калининграда до Владивостока и одновременно укреплять позитивный имидж нашей республики.

Сейчас перед нами стоит задача повышения тиража (на сегодняшний день он составляет 2000 экземпляров и большей частью расходуется по библиотекам). Хочется верить, что интерес к литературно-художественным журналам, как в старые добрые времена, возвратится в российские семьи, на предприятия, в профсоюзное движение. Никакой монитор не заменит общение с книгой или журналом. Пора вспомнить, что книга — лучшее изобретение человечества. Она хранит память народа, его обычаи и традиции.

Журнал «Аргамак. Татарстан» включился в общероссийскую подписку периодических изданий. Мы также обращаемся к Вам, уважаемый читатель, с убедительной просьбой перечислить 1 000 рублей по указанным ниже банковским реквизитам Татарстанского отделения Союза российских писателей, являющегося издателем журнала. Просим сделать приписку о назначении платежа: «Благотворительный взнос на развитие журнала «Аргамак». В случае оплаты мы гарантируем, что Вы будете получать не менее двух экземпляров каждого номера нашего издания. Журнал выходит четыре раза в год: в марте, июне, сентябре и декабре. Доставка будет осуществляться силами редакции. Важно, чтобы вслед за оплатой Вы оставили нам свой адрес. А мы сообщаем банковские реквизиты, по которым Вы можете оплатить предлагаемую подписку:

Расчётный счёт: 40703810762030100272 в Набережночелнинском ОСБ 8219, кор./сч. 30101810600000000603 в ОСБ «Банк «Татарстан» 8610 г. Казань. БИК: 049205603, ИНН: 1663001674, КПП: 165001001.

Татарстанское отделение Союза российских писателей.

Наши телефоны и адреса — на последней странице журнала.

СОБЫТИЯ МИНУВШЕГО ЛЕТА

ЮНЕСКО ЕДЕТ В ТАТАРСТАН

Возрождённый историко-археологический комплекс в древнем Болгаре включён в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Он стал 1002-м объектом в этом мировом списке. Ранее в него входили лишь 25 российских объектов, в том числе Казанский Кремль.

Этого события татарстанцы ожидали больше трёх лет, и вот, наконец, важное и долгожданное решение принято 23 июня 2014 года на 38-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО. Она проходила в Дохе, столице Катара, под председательством шейхи Аль Маясса бинт Хамад бин Халифа Аль Тани.

На заседании присутствовали советник Постоянного представительства России при ЮНЕСКО в Париже Константин Волков и татарстанская официальная делегация во главе с помощником Президента Татарстана по социальным вопросам, исполнительным директором республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры Татьяной Ларионовой, сообщает пресс-служба Президента РТ. В составе делегации были министр культуры РТ Айрат Сибагатуллин, глава Спасского муниципального района РТ Камиль Нугаев, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва Павел Юдин, руководитель Поволжского отделения Кафедры ЮНЕСКО по сохранению градостроительных и архитектурных памятников Рафаэль Валеев.

Напомним, членами Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО является 21 страна: Алжир, Германия, Индия, Катар, Колумбия, Малайзия, Сенегал, Сербия, Япония, Вьетнам, Казахстан, Корея, Ливан, Перу, Польша, Португалия, Турция, Филиппины, Финляндия, Хорватия, Ямайка. В список всемирного наследия входят более тысячи историко-архитектурных и природно-ландшафтных объектов, признанных уникальными в своём роде и имеющих важное для цивилизации значение. Главная цель списка Всемирного наследия ЮНЕСКО — сохранить выдающиеся культурные ценности и сделать их достоянием всего человечества.

Изначально (с 1978 года) эксперты разработали критерии для объектов культурного наследия — и этот список насчитывал шесть пунктов. Затем, ради восстановления паритета между разными континентами, в список Всемирного наследия стали включать и природные объекты — для них ввели дополнительные критерии из четырёх пунктов. Наконец, в 2005 году все их свели воедино — и теперь каждый объект Всемирного наследия имеет в своём описании хотя бы один из культурных критериев.

(I) Объект представляет собой шедевр человеческого созидательного гения.

(II) Объект свидетельствует о значительном взаимовлиянии человеческих ценностей в данный период времени или в определённом культурном пространстве, в архитектуре или в технологиях, в монументальном искусстве, в планировке городов или создании ландшафтов.

(III) Объект является уникальным или по крайней мере исключительным для культурной традиции или цивилизации, которая существует до сих пор или уже исчезла.

(IV) Объект является выдающимся примером конструкции, архитектурного или технологического ансамбля или ландшафта, которые иллюстрируют значимый период человеческой истории.

(V) Объект является выдающимся примером человеческого традиционного сооружения, с традиционным использованием земли или моря, являясь образцом культуры (или культур) или человеческого взаимодействия с окружающей средой, особенно если она становится уязвимой из-за сильного влияния необратимых изменений.

(VI) Объект напрямую или вещественно связан с событиями или существующими традициями, с идеями, верованиями, с художественными или литературными произведениями и имеет исключительную мировую важность.

Номинация «Болгарский историко-археологический комплекс» на 38-й сессии обсуждалась первой, сообщает «Татар-информ». Дискуссия длилась больше часа, в итоге — по II и VI критериям — древний город Болгар был включён в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

В Казани эта новость сразу же стала сенсацией! Подробности журналисты узнали на следующий день во время пресс-конференции, прошедшей в Казанском Кремле. Участие в ней приняли Государственный Советник Татарстана, председатель Попечительского совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры Минтимер Шаймиев, заместитель председателя Государственного Совета республики, председатель Союза журналистов РТ Римма Ратникова, министр культуры РТ Айрат Сибгатуллин, помощник Президента РТ по социальным вопросам, исполнительный директор фонда «Возрождение» Татьяна Ларионова, члены Попечительского совета и Международного экспертного совета Фонда «Возрождение», учёные и писатели, представители общественности. В зале совещаний Представительского корпуса Казанского Кремля долгими аплодисментами присутствующие встретили председателя Попечительского совета фонда «Возрождение» Минтимера Шаймиева — ведь именно по инициативе его, первого Президента республики, в Татарстане стали активно возрождать древний город Болгар и остров-град Свияжск.

В своём вступительном слове Минтимер Шарипович поблагодарил всех, кто оказал и оказывает поддержку в восстановлении святынь Татарстана, и напомнил, что археологические раскопки в Болгаре велись сотни лет, ещё со времён Российской империи.

— Восстановительные работы были начаты в 2010 году с одобрения Президента РФ Владимира Путина, также они были поддержаны Президентом РТ Рустамом Миннихановым и правительством республики. Благодаря этому удалось найти понимание важности восстановления Болгара и Свияжска не только для Татарстана, но и для всей России, — отметил Минтимер Шаймиев. — При всеобщей поддержке был создан работоспособный, мощный фонд «Возрождение», который успешно возглавляет Татьяна Ларионова. Нам удалось создать команду, которая в состоянии дать объективную оценку тех или иных объектов и в будущем. Таких специалистов в стране очень мало. На суд экспертов ИКОМОС были представлены несколько томов научно-практических обоснований, масштабных реставрационных и консервационных работ в Болгаре, подготовленных нашими специалистами. Они в целом признаны соответствующими строгим правилам требований ЮНЕСКО. В итоге Болгар включён в список Всемирного наследия, с чем я всех нас от души поздравляю! При умелой ор-

ганизации и обращении это историческое наследие не только обогатит нас духовно, но сыграет огромную познавательную роль. Оно покажет миру, кто мы и что из себя представляем, какое достойное у нас наследие.

Отвечая на вопрос, где в Болгаре установят знак ЮНЕСКО, Минтимер Шаймиев сказал, что предложены два-три объекта для согласования с соответствующими специалистами институтов ЮНЕСКО. Запланировано масштабное мероприятие в связи с получением знака, на которое должны прибыть и представители ЮНЕСКО. Вместе с тем, восстановительные работы на этом не заканчиваются.

— Мы будем открывать новые пласты, раскопки будут продолжаться. В Болгаре появятся археологические парки, они ничему не противоречат, потому что крупных сооружений там не будет, — сказал Минтимер Шаймиев. — Одним из главных направлений остаётся решение капитальных вопросов транспортного обеспечения. Мы сейчас думаем, как сократить водный путь на летний и зимний период. Прорабатываем варианты. Возможно, люди будут ехать до Лаишева, а потом по водохранилищу до Болгар. Конечно, самое главное — дноуглубительные работы, чтобы выйти на русло Волги. Республика выделяет 30 процентов средств, остальное будет сделано за счёт российских структур. Скоро Болгар сможет принимать любые теплоходы, будет пристань, причальные стенки, чтобы оградить сползание. Тогда вообще всё заиграет! Продолжим работу и по Свяжску. Остров-град также может побороться за включение в список ЮНЕСКО. Деревянная церковь XV века — это ведь величайшая ценность. Есть уникальная роспись в Успенском соборе. Однажды мы показали экспертам Свяжск по природному критерию, ландшафту. И ждём эксперта, чтобы определить, как работать. Простым этот путь не будет, но работу мы продолжим. Сейчас мы поверили в себя — и это главное. Будем думать, как подойти к работе, в какой номинации и в какой форме — это не тот случай, когда вышел и победил. Да это и не нужно. Я обещал главам районов посетить Тетюши, Биляр. И до сих пор ещё не доехал, потому что разбрасываться в этом деле невозможно.

Будем изучать, что ещё и как делать. Я вам скажу, что Болгарское государство ещё ведь включает и Мордовию, и территорию Самары. Это огромное государство, и на всё у нас сил не хватит. Вопросы есть, включая и Чистополь. Сейчас в России идёт развитие туризма в малых городах. Мы только появились, по сути, в презентабельном виде — и Болгар среди малых городов уже на десятом месте. Ниже уже не будет — я уверен в этом.

Помощник Президента РТ по социальным вопросам, исполнительный директор фонда «Возрождение», руководитель татарстанской делегации на сессии в Дохе Татьяна Ларионова напомнила, что в прошлом году на сессии в Камбодже Комитетом Всемирного наследия вопрос о Болгаре отложили, но вместе с тем приняли историческое решение — о признании выдающейся универсальной ценности древнего города. Одновременно Татарстану было рекомендовано доработать досье, обратив внимание на вопросы аутентичности и подлинности памятника. В Болгар приезжали эксперты ИКОМОС с консультативной миссией и дали рекомендации по выбору критериев, по которым лучше номинировать комплекс. В этом году на 38-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО разгорелась дискуссия в отношении окончательного определения критерия по нашей номинации. Так, Казахстан предложил рассмотреть Болгар сразу по трём культурным критериям. «Получив от эксперта ИКОМОС Бритты Рудольфф исчерпывающие и убедительные доводы и обоснования, члены Комитета решили принять Болгарский комплекс по II и VI критериям, — сообщила Татьяна Петровна. — И это убедительная, яркая, очередная победа Минтимера Шариповича Шаймиева!»

По её словам, в историко-археологическом комплексе основные объекты, связанные с инфраструктурой, и палаточный городок вынесены за границы городища. Уточнила она и объём средств, направленных в последние годы на восстановление Болгара: по паритетному финансированию (федеральное плюс местное) в год выделялось по 400 млн рублей. В этом году сумма составит 380 млн рублей, сообщает «БИЗНЕС Online». Некоторые объекты полностью финансируют частные инвесторы.

— Программа финансирования не бесконечная и продлена пока до 2015 года, — уточнил Минтимер Шаймиев. И с улыбкой закончил: — Будем думать, что делать. Не без заначки...

В заключение хотелось бы добавить, что все пять лет своего существования литературный журнал «Аргамак. Татарстан» подробно, из номера в номер, освещал ход восстановительных работ в древнем городе Болгар и на острове-граде Свяжск. И теперь мы от души поздравляем всех татарстанцев с этой выдающейся победой!

Александр ВОРОНИН
Фото Михаила КОЗЛОВСКОГО

В СВЯЖСКЕ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА, В БОЛГАРЕ ЗВУЧАТ МОНАДЖАТЫ

В нынешнем году законодатели решили один из новогодних выходных перенести на июнь, а именно — присовокупить лишний день отдыха к празднованию Дня России. Так что россияне впервые получили возможность отдохнуть сразу четыре дня — с 12 по 15 июня.

На эти дни пришёлся и Сабантуй. А на праздник плуга принято созывать в республику высоких гостей. По традиции их приезд связывают с важными датами или форумами.

Вот и на этот раз Сабантуй сопровождался проведением знаковых мероприятий — юбилейных торжеств «Изге Болгар жыены», посвящённых 1125-й годовщине принятия ислама Волжской Булгарией, а также III Международного фестиваля «Музыка веры» и III Международного фестиваля еврейской музыки. Мероприятия проходили в разных городах Татарстана, на них побывали министр культуры РФ Владимир Мединский и министр транспорта РФ Максим Соколов, председатель Духовного управления мусульман РФ Талгат хазрат Таджутдин и председатель Совета муфтиев РФ Равиль хазрат Гайнутдин, а также известные музыканты и творческие коллективы из многих стран и городов.

Свияжск

Первый концерт III Международного фестиваля «Музыка веры» состоялся на острове-граде Свияжск 12 июня, а прамбулой к нему стало исполнение Государственным струнным квартетом РТ духовных сочинений Чайковского и Бородина в залах недавно открывшегося Музея истории Свияжска. Как сказал руководитель и первая скрипка квартета, профессор Казанской консерватории Шамиль Монасыпов, изначально их выступление планировалось на открытой площадке, но из-за дождя было перенесено в музей. Для музыкантов, объездивших с гастрольями Японию, Германию, Голландию, США, Индию, Австралию и многие другие страны, участие в фестивале «Музыка веры» стало приятной встречей с родной публикой.

Основное действо фестиваля развернулось внутри одного из крупнейших храмов Свияжска — Собора Богородицы Всех Скорбящих Радости, недавно открывшегося после реставрации. Перед его началом над островом прозвучал праздничный колокольный звон, сообщает пресс-служба БКЗ имени С. Сайдашева. Слова приветствия и благодарности организаторам, участникам и публике произнесли настоятель Свияжского Богородице-Успенского мужского монастыря отец Силуан и директор Свияжского музея-заповедника Артём Силкин.

Концертную программу фестиваля открыл братский хор Свияжского Богородице-Успенского мужского монастыря под управлением регента Павла Елисова, который затем выступил и в роли ведущего. Богослужебные православные песнопения, народные духовные стихи, сочинения на духовные темы современных авторов прозвучали в исполнении вокального ансамбля духовной музыки «Благовест» из города Лаишева под руководством регента Елены Калиткиной.

Доброй традицией III Международного фестиваля «Музыка веры» стало выступление Государственного камерного хора РТ под руководством Миляушы Таминдаровой, хор звучал необыкновенно, расположившись на балконе — под самым куполом храма!

А вот грузинский ансамбль «Мцхета» выступал в Казани впервые. Мужской вокальный квартет, исполняющий как народные, так и эстрадные песни, представил на острове-граде программу грузинских традиционных песнопений. Квартет много гастрольрует в Европе и США, он носит имя древнейшего города Грузии — прежней столицы Картлийского царства. С особым трепетом участники ансамбля «Мцхета» отнеслись к предложению выступить в Свияжске — святом месте, где были основаны первые в Поволжье православные монастыри. «По дороге в Свияжск мы посетили Раифский монастырь, — рассказали участники квартета, — где преклонили колени у прославленной и чудотворной Грузинской иконы Божьей матери, а в самом Свияжске мы встретили нашего соотечественника — отца Силуана!»

Долгожданным для многих собравшихся стало выступление вокального квартета «Притча» Раифского Богородицкого мужского монастыря (регент — отец Сергей),

для многих этот коллектив является олицетворением духовной музыкальной культуры Татарстана. Его участие, безусловно, стало кульминацией фестиваля. Завершился концерт исполнением «Патриаршье многолетия» всеми участниками концерта.

Открытие III Международного фестиваля «Музыка веры» посетило несколько сотен человек. Помимо постоянных, специально приехавших поклонников послушать концерт духовной музыки в уникальной акустике Собора Всех Скорбящих Радости смогли многочисленные посетители Свияжска в составе экскурсионных групп. И это лишний раз убеждает, что помимо важной культурной миссии фестиваль «Музыка веры» играет значимую роль и в продвижении туристического бренда Казани и Татарстана.

Казань

Совещание по вопросу улучшения транспортной доступности древнего города Болгар и острова-града Свияжск состоялось 13 июня в Доме Правительства РТ с участием министра транспорта России Максима Соколова. Провёл его Президент Татарстана Рустам Минниханов, который отметил, что в республике уже реализованы и реализуется целый ряд проектов совместно с Министерством транспорта РФ. «Без соответствующей транспортной инфраструктуры территория не может быть привлекательной и удобной, — считает глава республики. — Одной из важных задач, стоящей перед транспортной отраслью республики, сегодня является обслуживание туристического потока на достопримечательностях Болгара и Свияжска. Их количество с каждым годом растёт, и в то время как мы продвинулись по железной дороге и воздушному транспорту, водный транспорт пока остаётся на невысоком уровне».

Министр транспорта и дорожного хозяйства РТ Ленар Сафин сообщил, что ежегодно мимо Болгара и Свияжска проходят около 600 больших теплоходов, которые не могут причалить из-за недостаточной глубины фарватера. «Тем самым мы теряем около ста тысяч туристов, которые готовы посетить наши достопримечательности», — отметил министр. Работы по дноуглублению в Болгаре оцениваются в 220,9 млн рублей, однако эту сумму можно сократить до 151 миллиона. А в Свияжске работы по дноуглублению оцениваются в 79 млн рублей, сообщает пресс-служба Президента РТ.

Министр транспорта России Максим Соколов подтвердил: федеральное агентство «Россморречфлот» проработало вопрос дноуглубления водных акваторий рядом с Болгаром и Свияжском, работы могут начаться уже в нынешнем году — этому благоприятствует и низкий уровень воды в Волге. Тем более, республика уже ввела в эксплуатацию речные вокзалы и в Болгаре, и в Свияжске, туда суда малого измещения уже заходят.

Руководитель Госкомитета РТ по туризму Сергей Иванов сообщил о планах по организации воздушных экскурсий в Болгар на имеющихся в республике самолётах «Цесна». Перелёт «туда-обратно» из Казани обойдётся примерно в 5 тысяч рублей на человека (при 80-процентной заполняемости рейса). В Болгаре есть готовая взлётно-посадочная полоса, но необходимо решить вопрос с оснащением пункта контроля пассажиров.

Глава минтранса РФ Максим Соколов отметил, что авиационный маршрут тоже имеет смысл развивать, особенно с учётом того, что Казань является центром региональной авиации ПФО. Президент Татарстана Рустам Минниханов, говоря об обновлении речного флота, поручил определить подходящие типы пассажирских судов, которые могли бы обслуживать маршруты до Болгара и Свияжска. В ближайших планах — капитальный ремонт на заводе имени А. М. Горького двух «Метеоров».

«Пример зеленодольских судостроителей показателен, — заявил в свою очередь Максим Соколов. — Их корабли пользуются спросом не только на Волге, но и на северных реках. Надеюсь, это будет ярким примером возрождения отечественного судостроения». Министр транспорта России обещал внимательно рассмотреть и поддержать инициативы республики по улучшению транспортной доступности Болгара и Свияжска. «Мы готовы поддержать инициативы, которые формируются в республике, — заверил Максим Соколов, — вовлечь в эту работу наших коллег из других министерств и ведомств».

Государственный Советник Татарстана Минтимер Шаймиев призвал увеличивать количество туристов в Болгаре и Свияжске не только из Казани, но и из районов республики, а также из соседних регионов. Было высказано предложение — автобусные маршруты из Казани до Болгара составлять с посещением достопримечательных мест по дороге.

Чистополь

В тот же день другой российский министр посещал культурно-исторические объекты в Чистополе. Глава Министерства культуры РФ Владимир Мединский и премьер-министр РТ Ильдар Халиков в сопровождении главы Чистопольского района Ильдуса Ахметзянова посетили Никольский собор, музей истории города и педагогический колледж, где будет создан Мемориальный музей Л. Леонова-Сельвинских. Кроме того, они побывали в литературно-мемориальном музее «Дом учителя», где в годы Великой Отечественной войны базировалось руководство Союза писателей СССР, побывали на аллее борцов революции, возложили цветы у мемориала «Вечный огонь», посетили Дом Мельникова, прошли по Скарятинскому саду.

Завершилась экскурсия в мемориальном музее Бориса Пастернака. Заведующая Любовь Демченко рассказала, что музей был открыт в 1990 году — в день столетия со дня рождения писателя. Борис Пастернак провёл в Чистополе почти два года, находясь вместе с другими советскими писателями в эвакуации. В комнате, где жил Пастернак, сохранилась вся мебель, а также часть его личных вещей. Поэт приехал в Чистополь, имея заказ на перевод Уильяма Шекспира. Именно здесь создавались знаменитые переводы шекспировских трагедий «Антоний и Клеопатра», «Ромео и Джульетта» и «Гамлет».

Борис Леонидович также работал и над своими произведениями. «Чистопольский период он назвал одним из лучших в своей жизни», — подчеркнула заведующая музеем.

«Чистополь — уникальный город, — подчеркнул министр культуры РФ Владимир Мединский. — Здесь в годы Великой Отечественной войны жили и работали лучшие советские писатели. Здесь были написаны произведения, которые стали классикой нашей литературы. Такой концентрации литературных гениев мировая культура не знает! Наверное, его можно сравнить лишь с писательским посёлком Переделкино или писательским домом в Лаврушинском переулке в Москве. И в этом главная изюминка Чистополя. Необходимо сделать так, чтобы этот центр был известен в России, а в перспективе — и во всём мире».

Министр культуры обратил внимание на то, что Чистополь может выполнять просветительскую функцию — такой туристический маршрут позволит гостям не просто посмотреть разные объекты, но задуматься, вспомнить историю. «Когда видишь стол, за которым сидел нобелевский лауреат, или лестницу, по которой поднимались известные советские писатели, это производит неизгладимое впечатление, — добавил Владимир Мединский. — У руководства республики есть план возрождения Чистополя. Думаем, Министерство культуры России могло бы оказать содействие».

У Чистополя есть всё, чтобы стать всероссийским туристическим центром, тем более, что он расположен на Каме — по водному пути из Казани в Болгар и Елабугу. «Хотя туристическая инфраструктура тут ещё слабо развита, но в последние два года интерес со стороны туристов и любителей советской литературы к Чистополю растёт, — сказал премьер-министр РТ Ильдар Халиков. — Уверен, что не только музей Бориса Пастернака, работы по которому удалось завершить, но и Музей уездного города, и Дом учителя, который был центром общения писателей, живших здесь в период войны, мы возродим, чтобы у жителей Татарстана и гостей республики была возможность соприкоснуться с историей».

В заключение Владимир Мединский оставил в книге отзывов музея пожелание: «Желаю замечательному Дому-музею Б. Пастернака стать центром преображённого Чистополя — как города-музея великой русской-советской литературы».

Болгар

Несмотря на дождливую погоду, свыше тридцати тысяч человек прибыли 14 июня в Болгар, чтобы принять участие в юбилейных торжествах «Изге Болгар жыены», посвящённых 1125-й годовщине принятия ислама Волжской Булгарией. Почётными гостями праздника стали Президент Татарстана Рустам Минниханов, Государственный Советник РТ Минтимер Шаймиев, премьер-министр РТ Ильдар Халиков, мэр Казани Ильдур Метшин, председатель ДУМ РФ Талгат хазрат Таджутдин, председатель Совета муфтиев России, председатель ДУМ Европейской части России Равиль хазрат Гайнутдин, председатель Управления мусульман Кавказа, председатель Консультативного совета мусульман Содружества независимых государств Паша-заде Аллахшукюр, а также духовные лидеры из Казахстана, Кыргызстана, Украины и Беларуси. До официальных торжеств Рустам Минниханов встретился с лидерами мусульманского духовенства в конференц-зале комплекса «Ак мэчет». После этого гости посетили Памятный знак, где хранится самый большой печатный Коран в мире и представлены его переводы на тридцать языков народов мира.

С праздником собравшихся поздравил Президент Татарстана Рустам Минниханов. В своём приветственном слове он отметил, что на «Изге Болгар жыены» прибыли лидеры мусульманского духовенства как России, так и стран дальнего и ближнего зарубежья. Глава республики отдельно поблагодарил Минтимера Шаймиева за огромную работу по восстановлению святынь, а также археологов, строителей, спонсоров, духовных лидеров, пожелав, чтобы подобные встречи проводились ежегодно.

Председатель попечительского совета фонда «Возрождение» Минтимер Шаймиев также поблагодарил собравшихся за то, что они пришли на торжество и отметил, что становится доброй традицией, когда именно в этот праздничный день на землю Татарстана Бог посылает долгожданный дождь — для последующего хорошего урожая (кстати, до этого в республике почти месяц стояла жаркая засушливая погода). Минтимер Шарипович подчеркнул, что святыни Болгара были восстановлены благодаря поддержке народа, что работа эта ведётся уже четыре года и её результаты видны всем. «Работа по восстановлению святынь будет продолжаться, — отметил он. — Кроме того, мы надеемся, что здесь духовные лидеры будут приходить к единому мнению по актуальным вопросам».

Также гостей праздника поприветствовали председатель ДУМ РФ Талгат хазрат Таджутдин, председатель Совета муфтиев России, председатель ДУМ Европейской части России Равиль хазрат Гайнутдин, председатель Управления мусульман Кавказа, председатель Консультативного совета мусульман Содружества независимых государств Паша-заде Аллахшукюр.

После своего выступления Талгат хазрат Таджутдин вручил Рустаму Минниханову и Минтимеру Шаймиеву на память орден «Аль-гыйззат». Торжество продолжилось концертом. Были исполнены мунаджаты, старинные татарские песни, выступили чтецы Корана. Для участников мероприятия у Речного вокзала были организованы палатки с интерактивной экспозицией средневековых ремёсел. В одной из палаток показывал мастерство изготовления старинных гвоздей кузнец из Великого Устюга Виктор Мизгирев. Вместе с ним Минтимер Шаймиев и Ильсур Метшин изготовили квадратные гвозди, как это делали в старину.

Далее официальные лица осмотрели Речной вокзал и выставочные павильоны, расположенные в башнях «Сувар» и «Биляр», где выставлены экспонаты из фондов Биляра, Суvara и Болгарского музея-заповедника, а также посетили святой источник «Габдрахман сахабз коесы» и верблюжью ферму, после чего приняли участие в обеденном намазе на Соборной площади.

В рамках празднования традиционного «Изге Болгар жыены» на площадке перед Памятным знаком затем прошёл второй концерт III Международного фестиваля духовной музыки «Музыка веры — Иман моны», посвящённый музыке ислама. Напомним, что форум был создан в 2012 году с целью объединения людей разных конфессий, приобщения широкого круга слушателей к сокровищам мирового музыкального искусства, укрепления имиджа республики как центра веротерпимости и мирного сосуществования представителей разных национальностей и религий. Концерты фестиваля традиционно проходят на открытых площадках центров туристического и духовного паломничества республики в Свияжске и Болгаре, а также на Пушечном дворе Казанского Кремля.

В знаменательный для мусульман республики день официального принятия Ислама Волжской Булгарией перед гостями «Изге Болгар жыены» выступали известные мастера исполнения монаджатов и нашидов Мингол Галиев и Ильяс Халиков, исполнитель авторских монаджатов Ландыш Субханкулова, молодые талантливые певцы Айгуль Хайри и Артур Шугаепов. Традиционную татарскую музыку представляли ансамбли «Бэрэкэт», «Мирас» и «Мэржэн».

Впервые в рамках фестивального концерта состоялась премьера фрагментов новой оперы молодого татарского композитора Эльмира Низамова «Кара пулат» («Чёрная палата»). В основе её сюжета — известная легенда времён нашествия Тамерлана. Песню Наргизы и дуэт «Туган ил» из «Чёрной палаты» исполнили лауреат международных конкурсов Айгуль Хисматуллина и Денис Хан-Баба. Особо отметим, что либретто к опере написал народный поэт республики, лауреат Государственной премии Российской Федерации Ренат Харис.

Томск

Официальная делегация Татарстана во главе с Президентом РТ Рустамом Миннихановым приняла участие и в Федеральном Сабантуе, который состоялся 15 июня в Томске на стадионе «Труд». В Городском саду наряду с праздником плуга проходил фестиваль Дружбы народов.

Федеральный Сабантуй начался театрализованным представлением, в котором приняли участие артисты разных национальных общин области. В своих национальных костюмах выступили самарские, сибирские, крымские, уральские татары и представители других групп этого народа. Напомним, на праздник прибыли представители татарских общин Башкортостана, Бурятии, Волгоградской, Воронежской, Владимирской, Кировской, Калужской, Костромской, Калининградской, Курганской областей, Республики Дагестан, Карачаево-Черкесской Республики и других регионов страны.

Делегация Татарстана, конечно, была самой представительной и включала до полутысячи человек. Артисты вынесли на сцену огромный чак-чак, созданный из множества воздушных шариков. Их пустили в небо, что вызвало у зрителей, заполнивших трибуны стадиона, настоящий восторг. В это время девушки в праздничных нарядах угощали зрителей настоящим чак-чаком.

Губернатор Томской области Сергей Жвачкин назвал Сабантуй общероссийским, а не исключительно татарским праздником и пожелал, чтобы таких общих праздников у нас было больше. Флаг федерального Сабантуя-2014 поднял депутат Думы города Томска Тимур Хисматуллин.

«Вот уже четырнадцатый год мы проводим федеральный Сабантуй в разных городах России, — отметил в своём приветственном слове Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов, — и видим, он очень востребован. Праздник плута призван показать самобытность татарской нации: её культуру, игры, состязания. Россия тем и сильна, что каждый народ, населяющий её, имеет свои особенности». Пожелав собравшимся приятного отдыха, Рустам Минниханов вручил Мурату Хуснутдинову, председателю Национальной культурной автономии татар Томска, ключи от новенького микроавтобуса.

Сергей ТИМОФЕЕВ

«...СУЩИЙ В НЕЙ ЯЗЫК...»

В начале третьего тысячелетия если и существует реальная угроза современной цивилизации, то она таится во взаимоотношениях между народами. Это вроде ясно всем. Но ясно как-то умозрительно. На уровне застывшего факта. Да и откуда взяться живому интересу к коренным вопросам мироустройства, когда почти в каждом из граждан нашей страны так или иначе поругано его достоинство. Кем и во имя чего — теперь уже не столь важно. Уточнение — лишь озлобленности прибавит. Чаше всего представитель одного народа не любит представителя другого народа только потому, что он чужой, вернее, не чужой даже — а не свой. Он не любит, не вникая, не думая, не сопоставляя. Уж так устроена человеческая психика, что в первую очередь в чужом он замечает самое худшее. Происходит некое поверхностное сличение с тем, к чему он привык, и коль в другом этого нет или что-то не так, как у него, просыпается неосознанная, животная неприязнь. Если зададимся вопросом, в чём разница, допустим, между типичным русским и типичным кавказцем, то, поразмыслив, убедимся, что кавказец во всех случаях жизни руководствуется готовыми представлениями. У него всё как бы заранее расписано, принято на веру и стало незыблемой традицией. Обычно он точно знает: что можно и чего нельзя в той или иной ситуации. Всё решает стереотип поведения. Внешняя форма. А у русского — совсем иначе: он человек сущностного начала, что у него внутри, то и снаружи, он более открыт, волен в поступках — и эта-то живость в каждом конкретном случае, неприятие всего устоявшегося, условного и составляет особую прелесть его характера.

Именно эта разница во врождённой предрасположенности и вызывает многие расхожие несуразицы в межнациональных отношениях. А они, отношения эти, весьма хрупкие и требуют исключительной деликатности. Ведь татарин, скажем, чувствует себя татарин, когда при встрече с представителем другого народа заходит разговор о его этнической принадлежности. Среди своих он — просто человек. Никто нарочно не садится и не думает: я вот татарин, армянин, украинец или русский. Об этом напоминают определённые обстоятельства. Поэтому следует постараться и сотворить такую житейскую атмосферу, чтобы человек везде и всюду чувствовал себя прежде всего личностью с непогранным достоинством. Это сверхважная проблема для всего постсоветского пространства. Ибо идея мононационального государства в её чистом виде — один народ и одно государство — нигде ещё не реализована и, как показывает история человечества, даже мечтать об этом безрассудно. Тем более на нашей одной шестой части планеты, где около шестидесяти миллионов человек проживает не в своих национально-территориальных образованиях. Хотим мы того или нет, но пока не будет лада в межнациональных отношениях, нечего ждать чего-то стоящего и в других сферах жизнедеятельности. Хвалёная дружба с западными странами, построенная на коммерческом интересе и холуйской зависти, ни к чему путному не может привести. О чём более чем красноречиво говорят нынешние ужасные украинские события и жалкие игры в самодостаточность европейских лидеров с угодливой лакейской оглядкой на американского хозяина. К тому же все европейские народы в первую очередь озабочены своими проблемами, не менее сложными и болезнен-

ными, и будет несправимой ошибкой допустить, чтобы уникальное своеобразие каждого из нас или, скажем точнее, универсальное наше многообразие, было поглощено тривиальной, изжившей себя посредственностью, называемой западной цивилизацией. Там стремятся к шаблонному, однообразному миру — и нам там, ясное дело, нет места: ни они нам не нужны, ни мы им. Разумеется, я не предлагаю никакой программы замкнутой в евразийском пространстве самобытности. Я просто желаю, чтобы наша страна была во всех смыслах открытым обществом. Но эта открытость должна строиться в первую очередь на духе доверия и уважения внутри собственного дома. Глядя на это, вероятно, и столь вожаденные западные державы тоже пойдут на более тесное сближение с нами.

Только взаимное уважение и терпимость между гражданами единого государства способны подвинуть общество к подлинной свободе. Кстати, именно изначальное стремление к истинной свободе и к развитию, обновлению, неуёмная живость русской души, русского характера, русского общества привлекают многих людей в Россию. А основой всего, всех и всё примиряющим, объединяющим началом может стать русский язык. Буквально во всех республиках бывшей страны вдоволь хлебнули оголтелого национализма, и у людей пробуждается тоска по бывшей великой, во многом складной, ладной державе. Тоска по прошлому. Суть не в том, каково оно было, это самое прошлое, суть в том, что настоящее мало кого устраивает. Все устали от царящего повсеместно своеволия и произвола. Конечно, никто из разумных людей не желает возврата к прошлому. Да он и вряд ли возможен. Также нельзя, однако, будущее пускать на самотёк. Либо отдавать на откуп воинствующим политикам. Все мы обязаны в меру своих сил готовить будущую достойную жизнь.

После развала огромной страны более двадцати лет назад миллионы людей из национальных республик хлынули в пространство русской речи и русской духовности. Среди них и этнические русские, и множество так называемых инородцев и иноверцев (кстати, к месту будет сказать, что вера — это не просто религия, тем более, если учесть наш долгий атеистический опыт, это вовсе не религия, а — образ жизни, мировидение, миропорядок, уклад). Для этих людей их родная национальная среда оказалась чуждой. Или они оказались чуждыми для той среды. Она их выталкивает. Исторически так сложилось, что образовалась определённая прослойка выходцев из разных народов, чьим первым, а подчас и последним языком общения, мышления и вообще всяческого развития является русский. Они сохранили нравы, обычаи и традиции своих предков, сохранили свой стихийный национальный инстинкт, свои фамилии, а многие и родной язык, но пользуются им исключительно в узком семейном кругу. Речь не о тех людях, что торгуют на городских рынках, а о тех, что реально вкраплены историей в полотно российской действительности. Весь цвет национальных культур в республиках, вся интеллектуальная и чиновничья элита получала образование в русских школах и русских университетах. То есть всё это евразийское пространство если и не русифицировано полностью, то с избытком напитано русским духом. В частности, вторая половина XX века дала таких выдающихся национальных писателей, пишущих по-русски, как Ф. Искандер, Ч. Айтматов, И. Друцэ, Т. Пулатов, В. Быков, братья Ибрагимбековы, Т. Зульфикаров, А. Ким, Ч. Гусейнов, О. Сулейменов и многие другие. Нет никакого сомнения, что все они глубоко национальные авторы, и каждый из них, само собой, прославил конкретно свой этнос, но в то же время значительно повлиял на общеимперский процесс и обогатил, окрасил новыми оттенками русский литературный язык.

Здесь уместно будет сказать несколько слов о совершенно новых авторах, нерусских по происхождению, но пишущих на русском языке блестящую прозу. Это Амир

Макоев (1963 г.) из г. Терека, что в Кабардино-Балкарской Республике, и Адель Хаиров (1963 г.) из Казани — столицы Республики Татарстан. У Амира Макоева я прочитал только одну повесть «Возвращённое небо», опубликованную в журнале «Аргамак Татарстан» № 1 (18) 2014. Макоев пишет вполне зрелую, плотную по языку и мироощущению психологическую прозу. Пересказывать сюжет и содержание произведения не имеет смысла. Такие книги просто нужно внимательно читать, вникая в подробности каждодневной жизни этого народа и отслеживая душевные движения главного героя. Замечу только, что житейские коллизии, разворачивающиеся пред глазами читателя, до малейших нюансов из нашей до боли узнаваемой хамовато-трагичной действительности. Совершенно другую прозу пишет Адель Хаиров и публикуется в основном в московском журнале «Октябрь», где он является постоянным автором с 2008 года. Эта проза лаконична, поэтична и метафорична, каждая фраза сверкает новизной и красотой. Заканчивая читать очередной рассказ автора, долго сидишь с душевным сожалением, что так быстро закончился этот дивный текст, оставивший в тебе стойкое позитивное послевкусие. Насколько мне известно, таких национальных писателей, реализующих себя в русской языковой стихии, до сих пор немало в постсоветском пространстве. Разве это не уникальное явление, разве это не богатство в готовом виде, когда ничего не нужно завоёвывать, осваивать, насаждать, добиваться неимоверными усилиями?..

Те же американцы тратят огромные средства, чтобы их язык, их культура, их ценности, их влияние охватили как можно больше территорий на планете. Ну а мы угодили в удивительно нелепую ситуацию: о западных странах и народах знаем гораздо больше, чем о народах собственной страны, напрочь забывая при этом, что небрежение к представителю более близкого народа обычно оборачивается небрежением к своей культуре и к своему народу. Причина скрыта в нашем историческом невежестве и поразительном преклонении перед иностранцами. Что нам известно, к примеру, о тех же украинцах, армянах, калмыках, татарах или грузинах? А ведь эти и многие другие народы столетиями жили в едином государстве и общались посредством одного языка. Россия складывалась, множилась и укреплялась, и многие народы, в разные эпохи своей волей влившиеся в русское духовное лоно, ныне остались за пределами родного отечества. Но не будем затрагивать историю, как далёкую, покоящуюся в тревожном забвении, так и близкую, всё ещё кровоточащую. И без того долгие годы сеются меж людьми дух раздора, дух произвола и дух стяжательства, что уже привело к всеобщему растлению и ненависти. От чего почти у всех утрачен инстинкт самосохранения. Теперь от каждого требуется некое глубинное волевое усилие, чтобы вновь обрести былое рачительное отношение к жизни. Вместе с тем скажем прямо и без обиняков: репутация выходцев из национальных республик умышленно подмочена, как, впрочем, и репутация самого русского народа, средствами массовой информации — особенно телевидением. Это делается намеренно, скорее всего, по заказу определённых деловых кругов, дабы тем самым отвлечь внимание общественности от своих глобальных финансовых афер. Но всем нам надо помнить, что эти новые нувориши, обобравшие как всякого русского, так и нерусского, поправшие права и достоинства каждого из нас, случись какая социально-политическая заваруха, с лёгкостью покинут пределы нашей страны. Им не нужны ни мы, ни наше отечество. Они не уезжают, пока можно грабить и тратить огромные средства на разоблачение народов. Эти силы желают, чтобы люди жили без оглядки назад, без исторической памяти и без осмысленного взгляда вокруг. К сожалению, часто наши представления об ином народе держатся на легковесно сотворённых, поверхностных мифах, нередко не имеющих ничего общего с истинным образом того или иного народа. Да и что тут

сетовать, когда даже русские люди, жившие в национальных республиках, перебравшись на историческую родину, труднее всех вписываются в новейшие российские условия, они тоже смотрятся чужаками, чуть ли не инородцами. Мешает их особая, сохранённая вдали от родины предков, исконно русская самобытность.

Между тем существует непреложная истина: чем выше культура отдельно взятого человека, чем шире круг его интересов, чем насыщеннее его духовная жизнь, тем меньше у него причин кичиться своей национальной принадлежностью. Более того, чем больше в человеке черт своей собственной национальности, тем лучше он относится к другим народам. Это давно известно. Всяк из нас от пращуров унаследовал свои конкретные этнические особенности — и тут нет личной заслуги. Это природная данность. Дальше каждый человек — как все: у него общечеловеческие проблемы. Разумеется, это не призыв к безродности. К мёртвому однообразию. А скорее — к терпеливости и чуткости, к активной любознательности, к осознанию значимости каждой индивидуальности, независимо от происхождения. Любой, желая сохранить своё национальное лицо, должен допустить и уважать это право и за другим. Это фундаментальная основа человеческого поведения. Пусть он не похож на тебя. Пусть у него иные, чем у тебя, взгляды, убеждения, вероисповедание, цвет волос, разрез глаз, форма носа, но ты должен терпеть и уважительно относиться к нему. И это уважение не к кому-нибудь — а к самому себе, поскольку на земле нет чужой жизни, как нет чужой боли и чужой вины. Всё в этом мире перемешано и всё взаимосвязано. Все мы как бы переливающиеся сосуды. Так что очень важно научиться по мере возможности комфортно сосуществовать вместе.

Россия всегда была самобытна именно многонациональностью, разноцветьем нравов, обычаев, темпераментов. Опять же, речь не о всеобщей нивелировке по меркам одного языка и одной культуры. Никто не требует от казаха, армянина, украинца или татарина, чтобы он стал русским. Просто всем известно, что русский народ в нашей стране — титульный народ, и тут нет ущемления чьих-то прав и тем более достоинства. Это ведь факт, что искони российская империя собиралась вокруг русского народа. Нет слов, каждый должен любить свою нацию, но также должен любить свою многоэтническую родину и отстаивать её интересы. Речь об осознании важности своей общей культуры, выстраданной ценности веками наработанного духовного капитала как для русского, так и для многих крупных и малых народов. Все люди, говорящие, думающие, читающие, видящие сны по-русски, вольно или невольно, однажды присягнули русской речи и русскому образу жизни — и это более чем выбор, более чем любовь. Это судьба, а с нею, как известно, не ведут распри. Нельзя жить в бесконечных взаимных обвинениях, наклеивании ярлыков. Настало время с умом и с особым душевным тщанием формировать почву для жизнедеятельности грядущих поколений. Это очень серьёзная задача. Власти делают вид, что стоят на страже порядка и согласия, что они всё контролируют на местах, что удерживают равновесие меж различными социальными и национальными группами населения. Но не равновесие следует сохранять. Равновесие уже предполагает наличие противостоящих сил. Необходимо каждому из нас, не дожидаясь указки сверху, навести порядок в своей душе, в своём мировидении. Негоже вечно надеяться на авось. У всякого народа, как и у всякого человека, свои достоинства и свои недостатки. И каждый народ, как и каждый человек, должен начинать с себя: учиться ценить всё подлинно хорошее в другом народе. Пришло время любить, холить и лелеять своё отечество. Пришло время быть патриотом, помня, что быть недовольным можно только своей нацией, а к другим либо нужно относиться с уважением, либо вообще никак не относиться, что в тесном нынешнем мире вряд ли возможно. Поэтому надо искать и находить

какие-то приемлемые для всех тропы. Да и не выживет ни один отдельно взятый народ, ни одна национальная республика без русского государства, так колоссален и необратим опыт совместного бытия. Все мы обречены жить в едином пространстве, сохранив языковую и культурную общность, ибо в единстве — наше спасенье от безродности и бездуховности. Спасенье от хаоса и окончательного разложения. Только путём сближения, взаимоуважения и расцвета разных цивилизаций, культур и конфессий можно обрести и столь искомую общенациональную идею нашего государства. Что, собственно, и может стать духовной миссией на долгие десятилетия.

Я. УДИН, г. Саратов

ЗДРАВСТВУЙ, «АРГАМАК»!

С утра в окно постучала синичка клювом.

«Хорошая примета», — подумал я, и не ошибся. После обеда почтальон принёс мне бандероль из Татарстана. Это был журнал «Аргамак», выпуск № 1 (18) за 2014 год.

Вообще, с некоторых пор я заметил: если долго не вижу номеров этого издания, мне словно чего-то не хватает... Да, да, именно «Аргамака». И тут я не стану кривить душой. Среди многочисленных подобных изданий в России, постоянно открывающихся и также закрывающихся (не удержались на плаву лукавого рынка, не успели завоевать широкого круга читателей — тут причин может быть много), «Аргамак» заметно отличается своим завидным полиграфическим качеством, солидным объёмом, устойчивой периодичностью, и, самое главное, авторами из разных уголков России. Тут уж, как было раньше, никакие звонки сверху и нужные знакомства не помогут, ибо у главного редактора журнала Н. П. Алешкова при отборе материалов к публикации один веский критерий: только талант! И для начинающих авторов, и для известных, планка одна: талант. И ничего более.

В этом мнении я не един. Приведу пример. Как-то в ЦДЛ, в нижнем буфете, за дружеским столиком известные писатели далеко не молодого поколения обсуждали когда-то модный и многотиражный среди литературных «толстячков» журнал. Названия его из-за этических соображений я называть не буду. Один литератор совершенно обоснованно возмущался слабыми материалами — и прозой, и стихами, опубликованными в этом номере, даже привёл некоторые «образчики». И тогда замечательный писатель, мой старший брат по перу Леонид Сергеев в сердцах воскликнул:

— Да-а, такая мура никогда бы не проскочила в «Аргамаке»!

Это была достойная оценка журналу из уст мэтра. Наверное, ещё и поэтому «Аргамак» всё увереннее год от года обретает силу, популярность и становится не только региональным изданием, но и всероссийским, а ещё раньше сказали бы — всесоюзным. Сам видел, как его заинтересованно читают в некоторых бывших республиках.

Конечно, не откладывая в долгий ящик знакомство с полюбившимся изданием, я прочитал его за три вечера. И вот хочу поделиться с читателями своими беглыми впечатлениями от прочитанного, что наиболее запомнилось, тронуло, «царапнуло» сердце.

Как всегда, в «Аргамаке» сильна публицистика: жизнь республики, её экономические, производственные, творческие и другие проблемы... Особенно творческие, ведь журнал-то, прежде всего, литературный.

«Дыхание времени» — так называется статья Людмилы Пахомовой о жизни прозаика и драматурга Александра Воронина, о его новых книгах и пьесах, приуроченная к юбилею автора. О вечере юбиляра в литературной гостиной библиотеки Сере-

бряного века Елабужского государственного музея-заповедника. Вызывает интерес взволнованная и эмоциональная статья талантливой поэтессы Дианы Кан «Его величество текст!» о современном литературном процессе. Её волнует, как и многих нас, пишущих, судьба литературных журналов, которые «за последние десятилетия из некогда обществостребованных и общедискутируемых превратились в некие «корпоративные» издания, где литераторы пишут, и они же читают». Совершенно верно сказано. Я сам наблюдаю за такой ситуацией во многих столичных журналах, которые с каждым годом напоминают подобие сект, в которую чужаку вход закрыт. Со многими мыслями и размышлениями автора трудно не согласиться.

Эта же тема, но уже в более развёрнутом виде продолжена и развита в беседе главного редактора журнала «Аргмак» Николая Алешкова и первого секретаря Правления Союза российских писателей Светланы Василенко в диалоге «Услышать друг друга». Пересказывать его нет смысла, надо прочитать обязательно самому. Это неравнодушный разговор двух видных литераторов, которые знают изнутри, а не понаслышке, о наболевшем и чаяниях своих коллег — писателей и поэтов, изданиях и распространении их книг в варварских рыночных условиях. О жизни творческих союзов, дальнейших возможных перспективах их существовании.

Тут же опубликован и солидный цикл стихов Светланы Василенко «Вольное поселение». Весьма порадовала меня эта подборка — своей эпичностью, сочными образами, «взрывными» метафорами, начисто отметающими устоявшуюся фразу «секретарская литература».

Светлана Василенко — литератор больших возможностей, нерастраченной энергии, способная удивить ещё не раз читателей своими произведениями.

Раздел «Проза наших дней» представлен повестью Амира Макоева «Возвращённое небо», увлекающая своей динамичностью, сюжетом, хорошим литературным языком... Это же можно сказать и о рассказах Виктора Гладкова, Камиля Зиганшина, Олега Глушкина, Бориса Мисюка...

Любопытным, глубоким и трогательным мне показалось автобиографическое эссе Дании Лобузной «Многоцветье бытия». Автор на примере родителей, братьев, сестёр и личной судьбы показала один из глубоких пластов нашей нелёгкой, иногда противоречивой, но по-своему прекрасной жизни, теперь уже ставшей историей. С её ошибками, потерями, обретениями, верой в светлое будущее...

Поэзия номера представлена такими яркими и индивидуальными именами, как Мударрис Аглямев, Борис Скотневский, Валентин Нервин, Виктор Пеленягрэ, Анатолий Бергер... Каждый из них достоин доброго слова, глубокого прочтения, осмысления. Однако остановлюсь на лирике Олега Чупрова, потому что до этого я не был знаком с его творчеством. И тут не моя вина, а беда «беспозетичного» времени, когда настоящая поэзия оказалась в загоне, а рынок цинично увещевает, что поэзия никому не нужна, и посему даже хорошие поэтические сборники не берут книжные магазины. А стихи Чупрова завораживают какой-то магической тайной: *«Человек на спине лежал,/ Обручальным играл кольцом./ А комар всё жужжал и жужжал/ Надоедливо над лицом./ На виски давила жара,/ Вспоминались жена и сын.../ Человек убил комара/ И остался совсем один».*

Чистые, тихие, исповедальные строки! С ощущением хорошей школы — Рубцова, Передреева, Цыбина и других достойных мастеров. В таких стихах больше мыслей, переживаний, чем в иных водянистых поэмах и романах в ламинированных книжных одёжках. Не потому ли их хочется читать и перечитывать: *«России путь необъясним,/ Неведомо куда несётся.../ Она воскреснет — только с ним,/ Святой поэзией спасётся!»*

Такая вера укрепляет дух, помогает жить. Поверим на слово поэту.

«Архивная полка» познакомила меня с очерком Рустама Тухватуллина «Письма дружбы» о жизни и творчестве татарских писателей в советское время. Автор на примере своего отца, известного татарского писателя Рафаила Тухватуллина, рассказывает читателям о том, как рождались его лучшие произведения, о широком круге коллег по перу, оставивших яркий след не только в татарской, но и братской литературе... Возвращает нас к утрачиваемому чувству дружбы, взаимопонимания, бескорыстной помощи, к истоку тех понятий, без которых жизнь обесценивается и теряет изначальный смысл.

Не прошла без внимания и статья Ольги Холмогоровой «Отсебятина» о живописи и графике талантливой художницы Татьяны Морозовой. Здесь же представлены её многокрасочные, брызжущие юмором и грустью живописные полотна. Они настолько индивидуальны и мозаичны, что, увидев раз, уже никогда не забудешь запомнившиеся полусказочные образы «Зелёной собаки», «Тыбыдымского коня со своим конёнком», «Девочку с лисицей» и другие работы мастера.

По устоявшейся доброй традиции журнал отводит свои страницы и дебютантам. На этот раз в «Аргамак» представлены стихи молодой поэтессы Анастасии Устиновой «Так однажды закончится детство». Искрящиеся, не замутнённые словесной шелухой, идущие из сердца строки не оставят равнодушными внимательного читателя: *«Пока ещё пугливо прячусь/В заботы суетного дня.../ Ну где же ты, моя удача?/ Смотри, не прогляди меня».*

Хочется верить, что жизненная и поэтическая удача обязательно улыбнутся Анастасии Устиновой. Она, право, заслуживает этого.

В конце журнала родители с удовольствием прочтут своим малышам новые стихи замечательных детских поэтов Александра Тимофеевского, Веры Хамидуллиной, Бориса Вайнера и других.

К сожалению, обзор мой получился не совсем полным. Но я и не ставил перед собой такой задачи, а посему, перефразируя известную поговорку, скажу: «Лучше прочитать журнал самому один раз (согласуясь со своими пристрастиями и вкусом), чем об этом же слушать бесконечное множество раз из чужих уст».

Доброго вам прочтения, друзья!

А для себя пожелаю, чтобы синичка не забывала моё окно.

Николай КРАСИЛЬНИКОВ, г. Москва

МЫ ПОСТРОИЛИ ГОРОД
ОАО «КАМГЭСЭНЕРГОСТРОЙ» – 50 ЛЕТ

ОАО «КАМГЭСЭНЕРГОСТРОЙ» — 50 ЛЕТ

МЫ ПОСТРОИЛИ ГОРОД

ОАО «КАМГЭСЭНЕРГОСТРОЙ» – 50 ЛЕТ

МЫ ПОСТРОИЛИ ГОРОД

ОАО «КАМГЭСЭНЕРГОСТРОЙ» — 50 ЛЕТ

МЫ ПОСТРОИЛИ ГОРОД

РЕШАЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ

*Крупнейшему строительному холдингу Татарстана
ОАО «КамГЭСэнергострой» — 50 лет*

Полистать страницы славной истории предприятия, рассказать о сегодняшних заботах строителей, заглянуть в будущее мы попросили Александра Сергеевича Евдокимова. Уроженец Высокогорского района Татарстана, он после окончания Казанского инженерно-строительного института приехал в Набережные Челны в 1972 году и 30 лет работал в «Автозаводстрое» — структурном подразделении будущего холдинга. Он прошёл путь от мастера до генерального директора. Возглавлял ОАО «КамГЭСэнергострой» с 2003 по 2012 год. Заслуженный строитель Республики Татарстан, Почётный строитель России, депутат Госсовета Республики Татарстан. Награждён орденами «Знак Почёта», Дружбы, медалью «В память 1000-летия Казани». Ныне председатель совета директоров ОАО «КамГЭСэнергострой».

— Александр Сергеевич, 50 лет — это не так много с исторической точки зрения. С другой стороны, эти полвека вместили в себя так много свершений. Каждое десятилетие — участие в каком-нибудь значительном, можно сказать, эпохальном строительстве. Вы были не только свидетелем, но активным участников этих свершений. О чём Вы вспоминаете накануне юбилейной даты?

— Важно то, что история предприятия проходит по двум тысячелетиям. Изначально оно было организовано для решения крупных государственных задач. Конечно, всё началось с программы развития энергетики СССР. Было намечено, где будут строить ТЭЦ, где ГЭС, где будут развивать атомную энергетику. В нашем регионе планировалось построить Заинскую ГРЭС, Татарскую АЭС в Камских полянах и Нижнекамскую ГЭС в Набережных Челнах. Отсюда и название родилось — «КамГЭСэнергострой». Приказ о его создании был подписан министром энергетики и электрификации Советского Союза Петром Непорожним в 1964 году. Это послужило началом

привлечения сюда необходимых кадров. Так началась история нашего предприятия. Там, где возводится гидростанция, должна быть мощная база стройиндустрии, потому что стройке в большом объёме нужны бетон, арматура и другие материалы. И такая база была создана. В свою очередь, это послужило веским аргументом, когда в СССР задумали построить большой завод по производству большегрузных автомобилей и искали место. Лоббирование тогдашнего секретаря обкома ТАССР Фикрята Табиева, наличие крупной строительной организации и мощной базы сыграли свою роль. Сама логика подсказывала, что здесь уже сформирован коллектив строителей, есть специалисты, есть точка опоры, от которой можно оттолкнуться. Так, местом строительства КАМАЗа выбрали Набережные Челны. И поручили это ответственное дело «КамГЭСэнергострою», который подчинялся тогда самому мощному ведомству — министерству энергетики и электрификации СССР. Задача была сверхважная и сверхсложная. Потому что строителям пришлось параллельно возводить Нижнекамскую ГЭС, заводы КАМАЗа и город.

— Получается, что с самых первых лет своего существования «КамГЭСэнергострой» стал для нашего региона точкой роста...

— Безусловно. Решением Центрального комитета КПСС объявили стройку Всесоюзной, комсомольской и ударной. И сюда потекла молодёжь со всей страны. Тогда ни у кого не было национальности. На это не обращали внимания. Кто приезжал, вливался в отряд строителей или камазовцев, становился просто челнинцем. Поэтому у нас сейчас такой толерантный город. Это было мощное патриотическое движение, под которое попал и я, будучи студентом Казанского инженерно-строительного института. Почти весь наш поток после окончания КИСИ приехал на эту ударную стройку. Насколько я знаю, сюда полностью были направлены три потока выпускников института. Огромное строительство требовало большого количества людей. В «КамГЭСэнергострое» тогда вместе с его субподрядными организациями работало около ста тысяч человек.

Я всем говорю, что наше 50-летие — это юбилей первопроходцев. Заслуга строителей, безусловно, велика. Но нельзя отделять от них партийных и советских работников, и, конечно же, врачей, которые нас лечили, педагогов, которые учили детей, работников общепита, которые нас кормили. Как известно, уже в 1976 году с конвейера КАМАЗа сошёл первый грузовик. Большой, современный город с населением в полмиллиона человек построили всего за 20 лет. Легендарный руководитель «КамГЭСэнергостроя» Евгений Никанорович Батенчук в своей книге «Всё остаётся людям» пишет, что раньше на строительство таких городов уходило 300 лет. Результаты Всесоюзной ударной комсомольской стройки — это небывалый случай в СССР и настоящий трудовой подвиг на Каме. Строительство Камского автозавода — один из самых успешных проектов, реализованных в СССР. Тогда, во время «холодной войны», только развивая свою экономику можно было противостоять блокаде Запада. Уже в то время, замышляя строительство КАМАЗа, умные люди в правительстве СССР предвидели, что здесь будет серьёзный промышленный узел. Так оно и получилось. Кроме КАМАЗа в Набережных Челнах «Камгэсэнергостроем» сданы в эксплуатацию картонно-бумажный комбинат и предприятие «Татэлектромаш».

Трудовым подвигом я также считаю восстановление сгоревшего в 1993 году завода двигателей КАМАЗа, в котором самое непосредственное участие принимал «КамГЭСэнергострой». Эта трагедия стала болью каждого челнинца. Все восприняли это близко к сердцу, все плакали. Идею, что завод надо восстановить, поддерживали все. Народ понимал, что от этого зависит будущее города. Организовали республиканский штаб по восстановлению, со всей страны съехались люди, чтобы помочь строителям

и камазовцам. Несмотря на то, что этой проблемой занималось федеральное правительство, серьёзной поддержки не было. Сначала давали финансирование, а потом денег не стало. Но люди делали всё, что могли. А времена были нелёгкие, город был голодный и холодный. Я убеждён, что преодолеть эту беду помогли интернациональный дух, патриотизм и, не побоюсь этого слова, коммунистическое отношение к труду, которое было у всех, кто принимал участие в эпопее восстановления. Благодаря самоотверженному, я бы сказал, гигантскому труду, завод двигателей был восстановлен менее чем за год. Катастрофа случилась в апреле, а в декабре завод двигателей уже выпустил первую продукцию после пожара. Помню, когда КАМАЗ посетил президент России Борис Ельцин, ему показали фотографии пожара, а потом провели по восстановленному, самому сложному цеху. Он поразился сделанному, назвал восстановление завода подвигом.

— Эпохальные задачи, поставленные страной перед строителями, были с честью выполнены. В этом большая заслуга не только патриотично настроенных масс, но и руководителей «КамГЭСэнергостроя». Это были неординарные, яркие личности, настоящие «генералы» стройки...

— Министр Пётр Непорожний умел подбирать людей. Недаром он работал в команде председателя Совета Министров СССР Алексея Косыгина, одного из самых умных и талантливых руководителей страны. Минэнерго присылало на нашу стройку опытных гидростроителей страны. Действительно, руководители предприятия — это целая плеяда одарённых людей, уже испытанных значительными стройками. Среди них не было ни одного случайного человека. Основоположник «КамГЭСэнергостроя», создатель фундамента его базы — Игорь Вячеславович Ильич. Затем стройкой руководили в разное время А. В. Эгенбург, Н. М. Иванцов, В. А. Фоменко, Е. Н. Батенчук, В. Н. Ельцов. Герой Социалистического труда Николай Максимович Иванцов одновременно был заместителем министра энергетики и электрификации СССР, имел за плечами опыт работы на Саратовской ГЭС. Пётр Непорожний дал ему поручение собрать самые серьёзные кадры, чтобы решить ещё одну сверхсложную и ответственную задачу — построить КАМАЗ и город. Иванцов объездил все стройки страны, именно он приметил и пригласил потом в Набережные Челны Евгения Никаноровича Батенчука. Аркадий Владимирович Эгенбург приехал сюда из Куйбышевгидростроя, Владислав Александрович Фоменко приехал с Братской ГЭС. Как видите, это были люди с разных регионов, у каждого — своя школа управления. Обычно с ними приезжали специалисты, которые возглавляли здесь строительные тресты, внесли большой вклад в развитие предприятия. Среди них В. Н. Гостев, В. А. Альфиш, В. Б. Айзин, А. А. Кича и многие другие. Дольше всех руководил «КамГЭСэнергостроем» Евгений Никанорович Батенчук, за плечами которого был опыт строительства трёх гидростанций. Последнюю из них, Вилюйскую ГЭС он построил в условиях вечной мерзлоты. Вообще, это был человек сложной и интересной судьбы. К примеру, во время Великой Отечественной войны он попал в плен. И долгие годы это было «чёрным пятном» на его биографии. Из-за этого его обошли наградой после сдачи Вилюйской ГЭС в эксплуатацию. Но справедливость восторжествовала, когда за первую очередь КАМАЗа Евгений Никанорович был удостоен звания Героя Социалистического труда. И уже после его смерти Вилюйская ГЭС стала называться «имени Батенчука». Жизнь научила Евгения Никаноровича быть очень гибким, лояльным к людям во имя дела. Поэтому и называли его ласковым и уважительным словом «Батя». Батенчук нашёл общий язык с первым секретарём горкома КПСС Набережных Челнов Раисом Беляевым, дружил с ним (они были даже соседями), что позволяло решать многие проблемы строящегося города...

КАМАЗ построили, а где люди будут жить? Раис Беляев и Евгений Батенчук приняли важное решение — ликвидировать все временные посёлки, которыми был окружён город. Это значило, что надо увеличивать строительство жилья и переселять людей из бараков, временных домиков в благоустроенные квартиры. Пробыть это решение было очень сложно, но им это удалось. Если бы не удалось, жилищная проблема в Набережных Челнах осталась бы острейшей до сегодняшнего дня. Когда Виктор Николаевич Ельцов был назначен главным инженером «КамГЭСэнергостроя», Батенчук везде, в том числе в министерстве, объявил, что Ельцов — его преемник. Он заранее готовил себе смену. Виктор Ельцов оказался достойным учеником. Став генеральным директором после Евгения Никаноровича, провёл «КамГЭСэнергострой» через рифы рыночной экономики в самое сложное время.

— *Сейчас есть такое модное слово «региональный игрок». Так говорят о предприятиях, которые переросли свой регион и работают уже на территории не только Татарстана, но и России. География «точек приложения» ваших сил тоже весьма обширна. Вы работали в Башкирии, в Удмуртии, в центральных областях России. Что вынуждало искать заказы на стороне? Это было благо или просто выживание?*

— Выезжая за пределы Татарстана, мы по-прежнему выполняли государственное задание. Например, в Удмуртии мы построили компрессорную станцию. Она была нужна для реализации программы газификации регионов. В Минэнерго СССР был большой отряд строителей, которым поручали все ответственные объекты. Ближайшая с Удмуртией мощная строительная организация — это «КамГЭСэнергострой», следовательно, нам и возводить объект. Причём в жёстко установленные сроки. И мы это задание выполнили. В составе Минэнерго работали в Волгодонске. Там из-за ошибки проектировщиков фундаменты зданий стали расползаться, здания рушиться. Мы там восстанавливали канализацию. В городе Курчатове, когда на АЭС запускали блок, помогали строителям. Ездили в Сибирь строить жильё. Нас всегда посылали на проблемные участки, потому что знали — мы справимся. В то же время министерство всячески помогало. Если не хватало людей, находили в других организациях и посылали к нам. Выделяли необходимую технику. Это было до развала Советского Союза.

Когда вместо СССР стала Россия, мы перешли под юрисдикцию Татарстана. «КамГЭСэнергострой» стал организацией, которая всегда была в резерве, чтобы выполнять республиканские задачи. Надо отметить, что большую роль в сохранении нашего потенциала играют первые лица республики. Это стало доброй традицией. Первый президент Татарстана Минтимер Шарипович Шаймиев доверил нам строительство жилья в Казани, нынешний президент РТ Рустам Нургалеевич Минниханов — строительство Дворца единоборств к Универсиаде-2013. Не было ни одного случая, чтобы мы сорвали объект, который нам поручало руководство республики. Проверка прочности началась с реализации президентской программы «Ветхое жильё», которая длилась несколько лет. Нам поручили самые сложные объекты. Мы установили тогда рекорд — построили 100-квартирный, 10-этажный дом за 2,5 месяца, от забивания свай до заселения, причём с хорошим качеством. За качеством следили особо. В какой-то степени это был вынужденный рекорд. Потому что приближался конец года, и план надо было выполнить. Отставание от графика случалось из-за того, что опаздывала документация, за нами не успевали проектировщики. А к концу года надо было сдавать по 3–4 дома. По этой программе в Казани было построено 32 тысячи квартир. В результате — ветхое жильё в Казани было ликвидировано. Мы гордимся, что достойно выполнили эту колоссальную по объёму работу и благодарим руководство республики, что её доверили нам.

— **Можно ли сказать, что патронаж первых лиц республики помог «КамГЭСэнергострою» выжить в новых, рыночных условиях?**

— После развала Советского Союза с заказами было туго. А коллектив был большой, около 40 тысяч человек. Их надо обеспечить работой. У нас никогда не стоял вопрос о сокращении людей. Это же наши кадры, им надо кормить семьи. В трудное время Виктор Ельцов принял решение участвовать в восстановлении Чечни. Мы там работали около двух лет. Но снова началась война, и мы вернулись. Тогда руководство республики и поручило нам реализацию президентской программы «Ветхое жильё», что нас здорово поддержало. Эти были вехи выживания. Спасибо, что руководители республики помогли с государственными заказами в самое трудное, самое нужное время. А мы, в свою очередь, ни разу их не подвели. Помню, на строительную площадку спортивного объекта к Универсиаде-2013, который мы возводили, пришёл Минтимер Шарипович с вице-премьером правительства РФ Игорем Шуваловым. Шувалов засомневался, сдадим ли мы объект вовремя. Шаймиев ответил: я за них не беспокоюсь, я уверен, они всё сделают к сроку.

— **Для профессионала нет больших и малых дел. Ко всему он относится с должным вниманием и старанием. Вы участвуете в больших проектах, в то же время строите фермы, школы, сельские клубы. Я знаю, что это для вас не «мелочёвка».**

— Мы структурировали свою деятельность. К этому приложил руку ещё Николай Максимович Иванцов, один из первых генеральных «КамГЭСэнергостроя». У нас отдельно идёт промышленное строительство, есть направления жилищного и сельского строительства. Такая тактика была заложена изначально. Наряду со строительством КАМАЗа, других предприятий, надо было строить жильё, развивать городскую инфраструктуру, а также Тукаевский сельскохозяйственный район, который снабжал город продуктами. После развала Советского Союза эта тактика тоже помогла. Работать на всей территории России нас приучило и Минэнерго. Учение не прошло даром. Приобретённый опыт помог удержаться и тогда, когда не стало трёх мощных министерств, наших основных заказчиков — министерства энергетики, автомобилестроения, регионального развития. Чтобы выжить, мы искали работу везде, где могли. Мы построили в Башкирии Юмагузинскую ГЭС, можно сказать на бартер. Взялись за реконструкцию «Ижстали» в Удмуртии. Это было время, когда во главе ОАО «КамГЭСэнергострой» стоял Виктор Николаевич Ельцов. У него была одна задача — сохранить коллектив в это смутное время. Когда он ушёл депутатом Госдумы РФ, на его место назначили меня. На мою долю выпало поднять ОАО «КамГЭСэнергострой». Тогда годовой объём выполненных работ составлял 1 млрд 200 млн рублей. За 3–4 года мы довели этот показатель до 8 млрд рублей. Надо были расти, расти и расти...

— **Вы имеете в виду, что вам поручили строительство комплекса нефтехимических заводов ТАНЭКО и спортивных объектов Универсиады-2013? Это тоже было государственное задание?**

— Конечно. На ТАНЭКО мы отвечали за строительство факельного хозяйства и всех прилегающих к нему объектов. Это тоже была большая стройка, где работали и другие организации. У каждой — своя зона ответственности. Стройку лично курировал Рустам Минниханов, который тогда был премьер-министром республики. Он вёл этот объект с первого колышка и до ввода в эксплуатацию. Он чётко разделил обязанности между генподрядчиком и субподрядчиками, привлёк все силы, какие есть в республике, системно контролировал ход работ, оперативно решал возникающие проблемы. Благодаря этому в достаточно короткий срок удалось реализовать такой сложный проект, как строительство нового нефтехимического завода. По такому

же принципу работали и на строительстве спортивных объектов к Универсиаде-2013. Мы построили Дворец единоборств, плавательный бассейн, хоккейный корт. Потом нам поручили строительство стадиона «Казань-Арена» на 45 тысяч посадочных мест, где прошли церемонии открытия и закрытия Универсиады-2013. Строительство этого стадиона — трудная задача. Президент Татарстана Рустам Минниханов принял решение разделить работы на две части, и самую сложную часть — возведение каркаса стадиона из монолитного бетона — поручил коллективу ОАО «КамГЭСэнергострой». Плюс отделочные работы. Здесь мы освоили колоссальную сумму в 11 млрд рублей. Стадион получился красивым, современным. Такого пока нет ни в одном городе России. Мы очень гордимся проделанной работой. Для нас это огромный опыт и испытание, которое мы выдержали. Мы в Казани решили ещё одну серьёзную задачу — реконструкцию объектов здравоохранения, в частности, Республиканской клинической больницы. Такой заказ мы получили от правительства республики после того, как реконструировали больницу скорой медицинской помощи в Набережных Челнах. Теперь это центр высокотехнологичной медицины европейского уровня. Потом, учитывая, что у нас есть лицензия по атомному строительству, нам поручили строительство Центра ядерной медицины, где будут лечить онкобольных.

— *Когда-то средний возраст камгэсовцев составлял 23 года, а сейчас свыше 40. Вы достаточно бережно относитесь к своим ветеранам, гордитесь Героями Социалистического труда. В Челнах поставили памятник легендарному «Бате», Евгению Батенчуку, его именем назвали площадь и улицу. Мне кажется, этого мало. Городу нужен хороший памятник, посвящённый всем строителям, а именами Героев Социалистического труда нужно назвать новые улицы.*

— Мы обязательно выйдем с такой инициативой. Что касается памятника, я не понимаю, почему руководство города не одобряет это дело. Мы давно предлагаем поставить памятник Петру Непорожнему. Считаем, что он много сделал и для города, и для республики. В том, что в Татарстане мощная энергетика, есть и его заслуга. Надо обязательно поставить памятник первопроходцам, именами знатных строителей называть улицы. Мне кажется, новое руководство ОАО «КамГЭСэнергострой» осознаёт это. Необходимо сохранить память о героических свершениях и легендарных людях предприятия, беречь традиции, чтобы на них воспитывать молодое поколение строителей. Мы к 100-летию со дня рождения Евгения Никаноровича Батенчука каждой школе города подарили его книгу «Всё остаётся людям». Раздадим школам и книгу, посвящённую 50-летию «КамГЭСэнергостроя».

— *Как я понимаю, центр управления ОАО «КамГЭСэнергострой» потихоньку перемещается в Казань. Это вызывает некую озабоченность. Не мешает ли это вашей деятельности? Вы всё-таки челнинская организация, часть нашего города...*

— Для меня, для наших строителей Набережные Челны — родной город. К тому же вся стройиндустрия здесь. Казань рядом, там достаточно иметь филиал или офис. Всё зависит от того, займёмся ли мы в ближайшее время крупным проектом. Там, где большая стройка, там и должно быть руководство. От Набережных Челнов, конечно же, не хочется отрываться.

— *Каким Вы видите будущее «КамГЭСэнергостроя»?*

— Он был, есть и будет. В этом нет никаких сомнений. Мы переходим на вторую половину своего 100-летия. У нас ещё будут новые достижения. Будущее в совершенствовании компании. Необходимо, не забывая старую историю, опыт прошлых лет, осваивать современные технологии. Такая программа развития сегодня принята на совете директоров компании. В течение ближайших лет надо увеличить объёмы про-

изводства. Я говорил, что мы можем достигнуть годового объёма работ в 9–10 млрд рублей. Но чтобы развиваться дальше, потребуется совершенно другая структура, другая форма управления, другой подход к организации работ. Нужна научная составляющая, компьютеризация, освоение новых технологий. Как депутат Госсовета РТ я принимал участие в разработке программы развития Татарстана. Её главная цель, чтобы республика была самодостаточной. Это разумная и серьёзная задача. В её реализации найдётся место и ОАО «КамГЭСэнергострой». Евгений Батенчук в своей книге пишет, что в начале нынешнего тысячелетия трудовой подвиг на Каме повторить не удастся. Строительство Нижнекамской ГЭС, КАМАЗа, практически нового города — это же был колоссальный проект, который сейчас наша страна реализовать не в состоянии. Но в дальнейшем всё может быть. Россия — богатейшая страна с огромным потенциалом и перспективами развития. Будущее у России есть, новые поколения строителей воплотят другие грандиозные проекты. Я в это верю.

— **Вы посвятили строительству всю свою жизнь. Вряд ли Вы об этом жалеете. Но что Вы нашли в этой профессии?**

— Во-первых, людей. На стройке замечательные люди работают. В строительстве условия работы совсем другие. Приходишь зачастую на пустое место, и начинаешь что-то возводить, невзирая на летнюю жару или зимний холод на улице. На каждой стройке свои традиции, у каждого руководителя своя школа управления. Всё решают люди. Мне было у кого учиться, со мной работали замечательные руководители и специалисты. А сейчас уже сам учишь. Приятно, когда рядом с тобой растёт молодёжь, постигает секреты нашей профессии. И ты к этому как-то причастен. «КамГЭСэнергострой» всегда был кузницей кадров для строительной индустрии города и республики. Приятно, когда видишь объекты, построенные нашим предприятием. Ты осознаёшь, что в этом есть частичка твоего труда. В «КамГЭС-энергострое» дело всегда поставлено так, чтобы достичь поставленной цели. Нас всегда учили порядочности: нельзя перекладывать ответственность на других. Когда министр автомобильной промышленности СССР Виктор Поляков делал обход строящихся заводов КАМАЗа, он смотрел, какие взаимоотношения между строителями и директором завода. Если между ними нет взаимопонимания, снимали одного или сразу обоих. Потому что-то раздрай мешал общему делу. Задача была такая — работать в одной упряжке. Это правило перешло у нас на взаимоотношения с заказчиками, субподрядчиками, проектировщиками. Все, кто участвует в процессе строительства, должны бить в одну точку. Эта камгэсовская традиция — собрать вокруг себя всех партнёров и с ними идти к цели. Мне она по душе. Я нисколько не жалею, что пошёл в строители. 50-летие «КамГЭСэнергостроя» я воспринимаю как праздник всех первопроходцев, неважно, где он тогда работал, на стройке, в школе или в больнице. Мы тогда были как единое целое и выполняли государственной важности задачи. Что продолжаем делать и сейчас...

Беседу вела Илisa ГАНЕЕВА

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ

МОСКОВСКИЕ СОЛОВЬИ

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Мир за ночь стал другим. Сады рукой стопалой
встречают над собой весёлые снега.
Земля белым-бела. Как будто не ступала
ещё нигде ничья настёрная нога.

Мир за ночь стал другим. Стерильным, чистым, строгим.
Безгрешным, как дитя. Наивным, как фольклор.
Оленьим стадом — нет — чудовищем сторожим
леса летят, звеня, в фарфоровый простор.

Не стой на их пути! Иначе, не заметив,
пространство на скаку копытами круша,
затопчут в слепоте — и улетит за ветром,
как пар из их ноздрей, беспечная душа.

Как отыскать ей путь? Здесь всё так незнакомо.
Мир за ночь стал другим — как ватман, что готов,
чтоб кто-то прочертил на нём пунктир до дома
спешащею строкой прерывистых следов.

Мир за ночь стал другим. Всё то, что было чёрным, —
сияло белизной, когда настал рассвет.
Земля, дома, сады — всё излучало свет
и ластилось к ногам слепым щенком покорным.

Казалось, больше нет ни горя, ни разлук,
всё утонуло вдруг в сиянии слепящем.
Мир за ночь стал другим — без войн, смертей и мук,
лишь белый снег — да свет, столбом над ним стоящий.

Куда ни посмотри — такая чистота,
что рвутся слёзы в мир, как рифмы с губ поэта!
Как будто мир лежит за пазухой Христа,
и там — нет ни-че-го, кроме *любви и света...*

НОКТЮРН

Ночная Москва — как огромный кроссворд из горящих
и аспидно-чёрных — *погашенных* — окон домов.
Налево пойдёшь — ненадёжную радость обрассешь,
направо пойдёшь — потеряешь навеки любовь.

А прямо по курсу — наткнёшься на сотни вопросов,
ответы к которым таятся за дымящейся лет.
Решишь хоть один, и считай, ты уже — Ломоносов,
и можешь сложить про себя триумфальный куплет.

Московский кроссворд всё тасует окошек квадраты —
часть окон зажжёт, а другие погасит взамен.
Что нам посулят эти жёлтые яркие карты —
успеху успеха или горькую горечь измен?

Кто прячется там, за горящими клетками окон?
Какую судьбу в них вписать, чтобы им подошло?..
Ночь мягкою тайной окутала всё, словно кокон,
лишь призрачно светит луна, точно диск НЛО.

Вон там — кто-то молится, кто-то корпит над стихами,
там — кто-то читает Пелевина, тихо плюясь.
А там — кто-то меряет комнату нервно шагами,
браня за свои неудачи соседей и власть.

Вон женская тень в жёлтой раме окна, а над нею —
склонилась мужская, в объятья её заключив...
Разгаданный мною, мой город тихонько темнеет,
заполненных клеточек-окон огни отключив.

Над кромками крыш высь истощенный след развеивает,
прожжённые звёздами вольно раскинув края.
И полночь зевает... зевает... зевает... зевает...
И вот уж — уснула устало столица моя!..

По мере того, как с секундами перетекали
мгновения вечера в ночи звенящий хрусталь —
все те, кто с утра себя числили по вертикали,
вписали себя в многоспальную горизонталь.

Затихли во мраке гудящих моторов раскаты,
недавние боли снесло ветерком во «вчера».
И я возвращаюсь домой, кем-то свыше разгадан
и в клетки кроссворда записанный им до утра.

И сладостный сон овевает меня собой, будто
на свете не стало ни войн, ни болезней, ни ссор.

И падают звёзды с небес, как незримые буквы,
кому-то на завтра готова судьбу, как кроссворд...

ВЗГЛЯД С 19-ГО ЭТАЖА

Подо мною — Москва-река
серебристой дугой искрится.
За окном плывут облака,
а немного пониже — птицы.

Громоздятся вокруг кубы,
пирамиды, многоугольники —
угловаты, темны, грубы.
Кто их складывал? Алкоголики?

По реке плывут катерки,
как по синему небу — ангелы.
Разгоняют дым ветерки.
Снизу — лирика, сверху — алгебра.

Снизу видно траву, цветы,
красоту, что вовек не отрину я.
А с моей «голубятни» — мосты
да машин беготню муравьиную.

Я гляжу на изгибы крыш,
как глядят на село с пригорка.
Слева — сбился в кружок Париж,
справа — башни, как у Нью-Йорка.

Спор тенденций, веков, идей —
предо мною, как на макете.
Лишь нельзя разглядеть людей,
что малы, как пыль на паркете.

Горизонт застилает смог,
даль сливается и мельчает.
Как же нас замечает Бог?
Да при том ещё — различает?..

КОРАБЛИК

Москва-река, кораблик белый
утёнком шустреньким плывёт.
Знать, за штурвалом кто-то смелый
мимо буйков его ведёт.

Вдоль берегов авто несутся,
дома вздымают этажи.

Вдоль берегов кипит искусство
жить не по лжи в эпоху лжи.

Не замечая чёрной хмури,
наперекор мирской беде,
как по коричневой глазури,
плывёт он по речной воде.

Куда? То ведомо лишь Богу
да капитану катерка.
Плывёт кораблик сквозь эпоху.
Через Москву течёт река.

Клубятся в воздухе угрозы.
Вокруг — то взрывы, то стрельба.
Стихов не слышно. Время — прозы.
(И та — пугающе груба.)

Ни под баян никто не пляшет,
ни струн гитар не теребит.
Даже платочком вслед не машет,
как будто мир вокруг — убит.

Как будто мир, что был влюблённый,
давно мертвее мёртвых вод,
и лишь кораблик несмышлёный
сквозь вечность хмурую плывёт.

Над ним — ни капельки лазури,
ни света из небесных дыр.
А он плывёт сквозь наши бури,
и от него — светлеет мир!

ПРИХОД ТЕПЛА

Уже апрель шагнул за середину...
Давно следы томительной зимы
свело на нет и унесло, как льдину,
куда-то в область холода и тьмы.

Мы сняли шапки, расстегнули ворот,
идём, ловя целебные лучи.
Весна без боя покорила город,
он сам на блюде вынес ей ключи!

И солнца дни счастливой вереницей
спешат вступить в хозяйские права,
чтобы везде — в столицах и станицах —
как детвора, попёрла в мир листва.

Они в дома заходят, входят в избы,
как вещмешки, неся в руках тепло.
И голубеет взор моей Отчизны,
и на душе становится светло.

Кипит вокруг любовная работа,
гремит парад желаний, чувств, идей.
И так охота совершить хоть что-то
не для себя — а для других людей.

ДЕРЕВЬЯ

Деревья дошли до шестого уже этажа,
но тянутся дальше, взмывая всё выше и выше,
туда, где — точь-в-точь меж землёю и небом межа —
протянута хрупкою кромкою линия крыши.

Деревья колышут ветвями и тихо поют
балладу о лете, что так скоротечно промчится,
и хмурая осень с собой принесёт неуют —
груба и неряшлива, точно в сельпо продавщица.

Но даже её скоро выгонит холод взашей,
и души деревьев уснут до грядущего лета,
лишь струями света, что льются с шести этажей,
в своих летаргических снах виртуально согреты.

Всему в этом мире вселенским законом дано
прийти, прошуметь, процвести мимолётное время.
О, как это больно — смотреть, просыпаясь, в окно,
где с каждым рассветом всё больше стареют деревья!

О, как это сладко — смотреть, как у окон твоих,
ликуя от счастья, деревья тихонько качают
зелёною шапкою листьев на ветках тугих
и так любят лето, что просто — души в нём не чают...

К МОСКВЕ

Отражается небо в державной реке,
пахнет первой сиренью округа.
Мы с тобой говорим на одном языке,
потому — понимаем друг друга.

Возле Белого Дома поют соловьи —
ах, как жарят, злодеи, искусно!
Будто шпарят свирельные трели свои
не в Москве, а в лесу возле Курска...

Точно самый кутила лихой из кутил,
я пьянею тобой — и не каюсь!
Я, слоняясь, до Сходни тебя исходил,
я в Измайлове падал, измаясь.

О, столица моя! Ты — столика стократ.
Ты — столстая книга столетий.
Вот Арбат — злоязычен и мудр, как Сократ,
и пристрастен, как ствол пистолетный.

У Кремля на виду — на Охотном ряду —
охламоном кручусь у Госдумы.
Я ведь знаю — и мне суждено на роду
очень скоро войти в толстосумы.

Только смысл моей жизни, наверно, не в том,
не за тем ты меня приютила,
чтобы я барахлом забивал себе дом,
и чтоб душу мне жадность затмила.

Ты и так не хранишь от меня на замке,
что скопила за долгие годы.
Мы с тобой говорим на одном языке —
тебе Пушкин слагал на нём оды!

На тебе и на мне — вековая печать
слишком преданной веры в кумиров.
Но и мне, и тебе предстоит отвечать
перед Богом, а не перед миром.

Ничего мне не надо. Мне хватит вполне,
когда сон отступает ночами,
понимать, что отныне, как памятник мне,
будут внуки мои — *москвичами*.

Ты прими их, родная, в объятья свои,
словно мать, одевая и грея.
И пускай, как и мне, им поют соловьи,
от весны и от счастья дуря...

КОГДА БЫ Я...

Когда бы я тебя не полюбил —
я б в этом мире зачернил все краски,
тем самым я б в душе своей убил
стихи и песни, музыку и сказки.

Когда бы я тебе ответил «нет» —
то словно ткнул бы в ядерную кнопку,

взорвав дышащий нежностью рассвет,
что лишь забрезжил над низиной топкой.

Когда бы я не разглядел любви
и повернулся грубо к ней спиной —
я б этим будто раненых в крови
покинул гибнуть в центре поля боя.

Когда бы я попятился, как рак,
от зова счастья, обратив всё в шутку —
что говорить? — я б был большой дурак,
такой дурак, что и представить жутко...

ИЮЛЬСКИЙ СОНЕТ

Лето похоже собой на картину Ван Гога —
ту, где растёт виноградник, а солнечный шар
сыплет на страждущих испепеляющий жар,
невыносимый, как милость иль ненависть Бога.

Лето такое, каких было раньше не много —
яркое, рыжее, прямо тебе — Пьер Ришар!
Ветер гуляет по улицам, точно клошар,
но замирает почтительно возле порога.

А за порогом — прохлада и свежесть жилья,
где обитаю с любимой женщиной я,
и не стесняюсь при этом считаться поэтом.

В солнце, как в славе, купаю себя день-деньской,
ну, а наступит сентябрь с его жёсткой тоской,
память осветит мне душу — *июльским сонетом*.

Р. S. Нашему постоянному автору, члену редколлегии журнала «Аргамак» Николаю Владимировичу Переяслову исполнилось 60. Это время творческой зрелости, это возраст ясности, призывающей жить не по лжи. Публикуемые стихи — и об этом тоже.

Без Николая Переяслова, без его доброго, бескорыстного участия наш журнал точно был бы неполным. Он с нами с 2009 года, с первых выпусков. Его мудрые советы не раз помогали мне, как главному редактору, правильно ориентироваться в той или иной ситуации. Его художественные переводы татарских поэтов Мухаммата Мирзы, Рената Хариса, Разиля Валеева, Зиннура Мансурова украшали номера журнала.

Не сомневаюсь, что наше сотрудничество продолжится. Здоровья тебе, дорогой друг и единомышленник, творческого долголетия, новых художественных озарений! Спасибо за всё!

Николай АЛЕШКОВ

ГАРИЙ НЕМЧЕНКО

КАЛМЫЧКА

*Николаю Переяслову
к его юбилею, братски*

1

Завтракали, и я опять спросил у жены:

— Ты не заметила?.. В лице у неё было что-то явно восточное. У этой альтистки...

— Нет, меня Анна отвлекала.

Я пытался припомнить:

— Что-то скорее всего калмыцкое... Бурятское, может. Или казахское? Но недаром же я кинулся потом: вы — калмычка?

— Ты о другом думай! — укорила жена. — Что скажешь Переяслову?.. Вчера ему не позвонил, сегодня просто нельзя не позвонить.

И впрямь: я чуть не застонал...

Чуть не взвыл!..

Надо ему было лезть на крышу, снег сталкивать!.. Переяслову. Или год идёт неудачный? Не только для него... Сорвался с крыши, головой ударился, в ближайшей больничке даже шов наложили. А она болит!.. Голова. Пошли все эти дела с томографией, или как там?.. И уже в Боткинской в голове обнаружили давнюю кисту, которая от удара налилась кровью. Все эти прелести пошли: трепанация, реанимационная палата... Какая-то там повторная печальная процедура. Вгорячах, как теперь понимаю, он даже очень бодро и раз, и другой поговорил со мной по мобильнику, а потом началось: частично пропала память, нужные слова надо припоминать. Складно говорить учиться заново.

И как-то так оно вышло — ну, почти автоматически, как говорится: пообещал написать о нём. К юбилею. В середине мая ему шестьдесят.

Почему, вообще-то, не написать?.. Уж о ком, о ком — а о Коле! О великом добряке и великом труженике. Посмотришь на старинную причёску с бородкой разночинца, увидишь дружелюбный взгляд — ну, вылитый Гриша Добросклонов. Народный заступник из Николая Алексеевича Некрасова... Как не почтить? Долг товарищества, во-первых. Когда же, как не в горькую минуту, и поддержать?!

Но что-то у меня сразу не заладилось. Несколько лет назад писал о его блестящем переводе на русский язык стихотворной драмы «Царская любовь» кабардинки Любы Балаговой. С этого и решил теперь начать: как они вместе воспели трагическую, посреди боярской Руси, верную любовь совсем тогда ещё юной горянки к Ивану Гроз-

ному, как вернули благородный облик кем только не оболганному, только ленивым не оплётанному великому русскому Царю... Написал теперь снова несколько страниц... нет!

Дважды уже пришлось пожаловаться и Колиной Марине, и самому Переяслову — это в его-то положении, а?! Пожаловаться на то, что в марте у меня почти всегда неважное самочувствие, что и в апреле вот никак в форму не войду... Поддержал друга, называется!

Да ещё как получилось-то: в больнице сразу не успел его навестить, тем более что у меня было как бы вполне понятное оправдание. Мол, то и дело вижусь с тобой в бесконечных размышлениях о будущем тексте... был бы текст!

Но его нет, как нет.

Не способствовало творческому настроению в этом смысле и то, что Коля родом из Донбасса: этакий русско-украинский замес. Добытый из недр Матери-Земли и обработанный на горно-обогательном комбинате самородок. В нашем случае: на горне — обогательном. И когда ещё работал на шахте, и когда учился в Литературном институте в Москве, и был при старинном храме под Тверью псаломщиком... Скиф, как многие из нас, по натуре, не мог, он, конечно же, миновать Сибирь: это она потом, зелёная и вольная, отозвалась в недавно вышедшем его раздольном романе «Ветер с Востока».

Но не то, что угаданный — предсказанный штормовой ветер оказался верховым: пронёсся над Москвой и огненным смерчем опустился на «майdan» посреди «матери городов русских». В Киеве.

Двинулся было обратно на восток, но тут его встретил суровый встречный пал: тоже ветер с Востока. На этот раз — с русско-украинского. Из городка с щемящим до сердечной боли именем: Славянск.

Как не ошибиться, как обо всём этом по горячим следам, что называется, рассказать?

А ещё ведь и свои каждый день необходимые хлопоты...

Тут мне, как сперва показалось, подвезло. Верней: подвезли... В прямом смысле: от Кобякова до станции. До Звенигорода. В Москву собиралась Анна, соседка-ровесница, и муж её, старый друг, по-братски деликатно позвонил: не составите, мол, Ане компанию?.. Подброшу к электричке. Как знал. С утра потом такой дождик зарядил...

А мне в тот день тоже надо было к врачу.

В электричке жена с Анной тут же начали рассаде, о грядках, о сорняках... Анна попробовала со мной заговорить, но я, как щитом, тут же отгородился томиком Пушкина: перечитывал как раз «Евгения Онегина», взял в дорогу.

— В огород! — железной рукой направил Анну. — В огород.

— В парник! — поддержала меня жена.

Берегла мой дух от очередного возможного посягательства Анны.

А я радовался: проезжали как раз мимо пушкинского Захарова.

Удивительная это, скажу вам, штука — перечитывать «Евгения Онегина»!..

Твёрдо знаешь, что делал это уже не однажды, но читаешь всякий раз будто впервые.

Или Пушкин тут ни при чём, и это некая лично моя грустная особенность? Почти тут же забывать текст.

Или это всё-таки магия Пушкина?

У таких, как я, стирать в памяти свои строфы...

Ещё, поди, потешается там, в своих горних высях: пусть-ка этот простачок, думает, ещё раз потом меня прочитает и ещё раз порадует!

И разве нечему?!

«Онегин полетел к театру, / где каждый, вольностью дыша, / готов охлопать антраша...»

Не о нас ли?

Ведь только тут и готовы гражданскую решительность проявить, только — тут.

А уж это-то, это: «Торгует Лондон щепетильный / и по Балтийским волнам / за лес и сало возит нам/всё, что в Париже вкус голодный, / полезный промысел избрав, / изобретает для забав, / для роскоши, для неги модной...»

Всё так!

Вот и в очередной раз они превратили нас в индейцев, которые не нарадуются подаренным бусам...

Сколько уже вновь с усладой и печалью в «Онегине» припомнилось! «Обычай деспот меж людей...», «В глуши звучнее голос лирный, / живет творческие сны».

Не оттого ли и живём в Кобяково, неподалёку от Захарова?

А это уж — и точно обо мне. Не в бровь, а в глаз: «Как будто нам уж невозможно/ писать поэмы о другом,/ как только о себе самом».

Тем и занимаемся. От раннего утра и до позднего вечера. О себе, родном, пишем...

Ну, все эти строки ещё в самом начале «Онегина». Я только снова перебрал те страницы, где вместо еле заметного, как встарь водилось, следка от ногтя, видны грубые мои почеркушки гелиевой ручкой... Одно оправданье: ради дела. Рабочий экземпляр, что называется. Очень удобный для дороги, непрезентабельный десятитомник, ещё в 1981 году миллионным тиражом выпущенный на пожелтевшей теперь «газетной» бумаге издательством «Правда»: бери с собой, какой надо.

Мне он дорог ещё и тем, что на обороте форзаца значится: «Собрание сочинений выходит под наблюдением М. П. Ерёмкина».

Вот как!

Может быть, стоило уточнить? Мол, под строгим наблюдением.

Ерёмин был членом правления в «Советском писателе» и в редакции «русской советской прозы», которой я тогда заведовал, считался одним из самых знающих, самых авторитетных рецензентов... и сейчас вижу его живые, чуть насмешливые глаза, вижу его седую бородку: мы явно симпатизировали друг другу.

Невольно задумаешься, и правда: сколько хорошего народу собрал вокруг себя Пушкин!

И всё продолжает собирать...

На днях из книжных завалов каким-то чудом выбрался, чтобы попасть на глаза, выпущенный ещё в 1978-м бежевый томик Владимира Николаевича Турбина: «Пушкин. Гоголь. Лермонтов».

Взял в руки и заныла душа: ужели — без дарственной надписи?.. Может, я сам его задним числом потом приобрёл?! Когда Турбина уже не стало.

Случилось так, что в конце его жизни мы никак не могли с ним увидеться, а он явно искал встречи, я ему зачем-то был нужен. У меня есть коротенькая, присланная по почте открыточка от него: что-то, мол, не получается, с нашим свиданием?

Скорее всего, что я как раз хлопнул дверью в издательстве и укатил сперва в Сибирь, потом — на Кубань.

С жадностью открыл теперь книжку и в торопливости сперва не нашёл автографа... Снова опечалился из-за острого чувства невольной вины. И вдруг — есть, вот он!

Всё как следует быть: мои фамилия, имя и даже отчество... И — трогательная надпись: «А славное было время — время «Московского Университета»!..»

Это в начале пятидесятых. По гуманитарным факультетам тогда объявили: нужны, мол, желающие помочь в работе литературного отдела нашей многотиражной газеты...

Тогда я пришёл в редакцию на Моховой и оказался не то что под дружеским — под отеческим, считай, оком у Турбина. И он аккуратно отвечал потом на письма из Сибири, и написал о первом моём романе, да как написал: поставил меня, литературного недоучку, впереди Виля Липатова, Анатолия Кузнецова, Василия Аксёнова... Только попросил убрать с глаз «строительные леса», которые слишком явственно у меня в романе, показалось ему, были видны.

«Пушкина. Гоголя. Лермонтова» я тут же теперь взялся читать и понял, к великому сожалению, что делаю это впервые: слишком надёжно удивительная книжка Владимира Николаевича от меня пряталась!

С какой горечью прочитал в ней в самом конце такие простые и такие высокие слова: «И академическая традиция требует, и сердце зовёт к благодарности тем, кто помог: брошенной в разговоре со мной неизбывною мыслью, словом, рукопожатием, улыбкой. Мой собеседник, Другой, великий Не-Я, рассредоточен во множестве лиц, дружелюбных жестов. Не-Я, без которого каждый из нас — некая индивидуалистическая пустота, никто и ничто. Кого же именно благодарить?»

Я стал вспоминать и понял, что должен написать ещё одну книгу, наподобие телефонного справочника, томах в четырёх: только перечень имён и фамилий. Может, это была бы лучшая книга всех времён и народов; но написать мне её не по силам.

АБУЛАДЗЕ Тенгиз Евгеньевич... АВЕРИНЦЕВ Сергей Сергеевич... АВРАМЕНКО Альберт Петрович... АЛЕКСАНДРОВ Сергей Михайлович... АЛЕКСЕЕВА Елена Александровна... АНДРЕЕВ Леонид Григорьевич... АНДРОНИКОВ Ираклий Луарсавович... АНДРОПОВА Ирина Юрьевна...

Кто-то рассказывал мне о том, что такое Грузия и каково её историческое призвание. Кто-то высказывал догадку, что Грушницкий — бумажная эпиграмма на Печорина. С кем-то, работая вместе над гоголевской шинелью, мы читали неведомо как добытые жития св. Акакия. Перечислишь ли всех, кто помогает тебе?

Всех, кто дарит тебе жизнь, мысли, целебные снадобья?

Но сказавший «А» должен сказать и «Б». Что ж...

БАЛИХИН Анатолий Евдокимович... БАХТИН Михаил Михайлович...

Мораль историко-литературной повести о Пушкине, Гоголе, Лермонтове и их современниках такова: всё, что мы делаем, мы делаем в содружестве, вместе».

Какая глубина и какое самоотвержение!

И вот выходит: как от Бога-Отца через Бога-Сына, а потом через тысячелетнюю череду апостолов, первосвященников и простых батюшек доходит до нас великая благодать, так и до меня, многогрешного, будь я благородней и обязательней, мог бы дойти через Владимира Николаевича Турбина святой Дух великой русской литературы...

Подумал так, и, как ясное солнышко на хмуром рассвете, в памяти возник удивительный образ, сочетавший в себе аскетическую чистоту и немногословную деликатность.

Как же мы с ним в конце его жизни разминулись?!

2

Они всё говорили о парнике и о грядках, я продолжал читать, но разве мне тоже не нужен был «мой собеседник, Другой»?.. Тем более — при таком обновляющем душу чтении?

Мы проехали Одинцово, подъезжали к Москве. Я снова заглянул в конец книги, где по дурной привычке уже успел записать на листке с «выходными данными» и но-

мера нужных страниц и слова, над сутью которых всё последнее время упорно размышлял: «идеал»; «уж не пародия ли он?»; «кумир»; «идол»; «автомедон»...

Но ведь не станешь с двумя огородницами говорить в дороге о кумирах да идолах!.. Хватит дома одной несостоявшейся агрономши.

И я сперва только молча вздохнул: как позабыть-то мог, что и это — из «Онегина»: «Москва... как много в этом звуке/для сердца русского слилось!»

Стыд!.. И право, стыд.

Но когда «бойкие автомедоны» домчали провинциальные возки Лариных — ну, чуть ли не до того места, где в Москве живём, куда теперь едем, не выдержал:

— Мать!.. Когда последний раз по Петровскому парку шла?.. Когда ещё с Кветой там гуляли?

— Квета — ваша собачка, что ли? — тут же встряла вторая огородница.

— Со-бач-ка! — отбилась я чуть ли не с презрением. — Водолаз. Ньюфаундленд!.. Их тогда по всей Москве было всего с десяток. Канадцы подарили Косыгину пса по кличке «Ред Стар»...

— Мальчика, — сочла необходимым уточнить дотошная Анна.

— Мальчика, да!.. А второго «мальчика» великий путешественник Ростропович возил за собой по всему белому свету, пока он от русской тоски под колеса автомобиля не бросился. Где-то в Лондоне. Звали его «Сэр Кузя»...

По тону моему жена поняла, что надо меня от разговора с Анной отвлечь немедленно. Собаку мы тогда завели не от хорошей жизни. Погиб семилетний сын, и нам навязали её почти силком, но Квета и в самом деле исполнила свою человеком предназначенную ей роль: «собака-спасатель».

— И что там — о Петровском парке? — как руку мне подала, спросила жена.

— А вот, вот... У Пушкина. О нынешней академии Гагарина: «Вот, окружён своей дубравой/Петровский замок. Мрачно он/недавнею гордится славой. Напрасно ждал Наполеон, последним счастьем упоённый,/Москвы коленопреклонённой/с ключами старого Кремля...»

— Значит, был там? — уточнила Анна. — Наполеон?

Ответила жена:

— Выходит, были. И тот, и другой.

И чуть ли не тут же мне снова понадобился «великий Не-Я»:

— Ма-ать!.. А вот ещё. Слу-ушай. Это они ещё едут по Москве, Ларины: «В сей утомительной прогулке/проходит час-другой, и вот/у Харитонья в переулке/возок пред домом у ворот/остановился». А?!.. Ты представляешь?

— Возле Рогановых? — радостно спросила жена.

По-моему, других мест в Москве она и не знает. Кроме своего Министерства чёрной металлургии на Солянке, где работала в хозяйственном управлении. Да этого самого «Харитонья», где и теперь в «цековском доме» живёт Люда Крылова, вдова Алика Роганова, старого друга. Однокашника ещё по философскому факультету, эх!..

Там дальше: «К старой тётке/четвёртый год больной в чахотке,/они приехали теперь./Им настезь открывает дверь,/в очках, в изорванном кафтане,/с чулком в руке, седой калмык...»

Пожалуй, и точно она — калмычка?..

Музыкантша эта. Альтистка... С которой разговорились в дороге.

«Альтистка Данилова».

Конечно, это мистика. Но что поделаешь: так!

И появилась она в вагоне рядом со мной как-то незаметно...

С другой-то стороны: а что?

Должна была известить об этом событии громким криком?

По привычке я сидел с краю, напротив дам своих, «огородниц». Кто-то в Одиночке вышел, кто-то рядом присел. Молодая женщина. Или всё же — средних лет?

Ближе к средним.

Сидела тихонько, как мышка, но я ощущал, что искоса заглядывает в «Онегина»... Жаль, что ли? Даже слегка приятно.

Может, тоже давно не перечитывала, мало ли!

Когда заговорил со своими дамами-огородницами о дворце в Петровском парке, она тихонько вздохнула, перемялась рядом и вроде откровенней, что ли, я это почувствовал, заглянула в книжку в моих руках.

Смотри, милая!.. Отчего и не посмотреть. Не все же читают белиберду, которая из всех щелей теперь в глаза не то что лезет, а — нагло прёт...

После упоминания «Харитонья» соседка моя дёрнулась, будто очень хотела что-то сказать, но в последний момент раздумала...

Потом мне опять, уж не помню почему, понадобился «великий Не-Я», а дамы мои оказались вдруг так увлечены своими весенними хлопотами на грядках, что начали меня переспрашивать: мол, что такое? Прослушали, извини, что ты сказал!

Соседка моя вдруг радостно пояснила им:

— Здесь как раз в «Онегине» — тот самый момент, когда на балу в Собрании Таня впервые увидела своего будущего мужа...

Как-то так: совсем по-родственному. Ишь — Таня ей, а не Татьяна!

Я невольно насторожился, а спутница наша чуть не взхлёб продолжила:

— Тётки ей говорят: «В той кучке, видишь? Впереди, / там, где ещё в мундирах двое... / Вот отошёл... вот боком стал... / Кто? толстый этот генерал?»

Я даже книжку невольно отдёрнул, но потом тут же не только вернул на место — как бы поднёс соседке поближе: вдруг она продолжит читать?!

Иначе как бы она только что роман декламировала?

Она поняла и рассмеялась:

— Спасибо, что вы!.. Я — наизусть.

Я даже, насколько можно, отодвинулся от неё, верней — отшатнулся:

— Наизусть?! Почти до конца?

Она будто потешалась надо мной:

— «Мой дядя самых честных правил, / когда не в шутку занемог...»

— Ну, это мы все...

— И так семь глав. От начала до конца.

— Наизусть?!

Она как будто заскромничала: — Дальше седьмой главы я, правда, не стала...

— А семь глав?

— От корки до корки.

Огородницы смотрели на неё во все глаза, а я в упор продолжал расспрашивать:

— Это как? В школе ещё?

Она всё улыбалась:

— Нет, уже после. Пришлось выучить...

— Пришлось? — с нажимом переспросил.

Поняла!

— Нет-нет, просто очень захотелось! Взяла и выучила.

Раньше это называлось у нас: идти как бульдозер. И я опять даже подальше отклонился. Чтобы с разгона двинуть:

— Простите моё любопытство: Вы чем занимаетесь?.. По жизни, как теперь принято говорить. Ваша профессия?

— Если это не коммерческая тайна, — с улыбкой подключилась жена, давно изучившая все эти мои нынешние шутки.

Наша спутница так открыто разулыбалась:

— Да что Вы, что Вы!.. Какая может быть «коммерческая тайна»? Простая музыкантша. Альтистка, если быть точной.

По-моему, я даже книжку положил на колени, чтобы руками потереть:

— Та-ак!.. И ваша фамилия — Данилова?

Она малость посерьёзнула:

— Данилов — это он. Мужчина. Альтист Данилов... Если вы о романе.

— О романе, конечно. Но, кажется, такой и впрямь был в Большом театре... родня, может?.. Сестра? Более того. Вдруг — жена?

А электричка уже остановилась на Беговой, где обычно выходит чуть не половина вагона.

Я ехал дальше, поближе к дому, до Савёловского вокзала, а огородницы мои уже поднялись: Анна должна была в поликлинику, Лариса — в какой-то «центр здоровья», или как он там, на Таганке. От Беговой удобней.

Альтистка тоже быстренько поднялась, мне пришлось пропускать её сидя, из-за толпы иначе нельзя было: только и того, что на улыбающемся лице приметил явно восточные черты.

— А вы, значит, помните роман? — сказала, пробираясь мимо меня. — Про альтиста Данилова?..

Мне только теперь и можно стало подняться.

— Мы с автором однокашники, — сказал уже ей вслед. — С Володей Орловым.

И руку, это уж точно помню, протянул, будто придерживая её возле себя:

— Как хоть звать-то вас?

Показалось, ответила: Ирина.

Показалось задним числом, вот в чём дело.

Возникший во мне и всё набирающий силу интерес совпал с этой внешней суетой, когда мало кто кого слышит и мало что можно понять и запомнить.

Запоздало крикнул ей вслед совершенно дурацкое:

— Простите, вы — не калмычка?

В полуобороте она вскинула ладонку и согнула пальцы: пока-пока!..

4

— А по-моему, она тебе не сказала, как звать, — засомневалась жена за завтраком.

— Выходит, это я придумал: Ирина?

— Какое-то время она шла потом впереди меня, я ещё хотела заговорить с ней. Узнать, в каком оркестре играет. Для тебя расспросить... Где можно её услышать. Но там всегда такая давка, на Беговой. Гляжу перед входом в метро — уже не видать...

— А может, её и не было, мать?

Она сказала привычное:

— Что ж это: у нас с тобой сразу у обоих крыша поехала?

— И придётся звать в свидетели Анну...

— Да она как раз меня и отвлекла. Я ещё подумала сразу: чего эта молодая женщина так в книжку к тебе заглядывает? Обычно бывает как?.. Глянула и тут же отвернулась. А эта снова поглядит и улыбнётся. И так и раз, и два, и три...

— Улыбалась?

— Теперь-то понятно, когда сказала, что альтистка. Она и смотрела так, искося... Ну, как они обычно в ноты смотрят в оркестре.

— А на моём месте? Не стану же я её сбоку разглядывать!

— Знаешь, мне кажется, она даже губами пошевеливала... Ты страничку перевернёшь, а она глянет и прикроет глаза. И всё улыбается...

— Наверно, ей было радостно, что нашёлся ещё один чудак...

— Думала, и ты учишь наизусть?

Запоздалый «разбор полётов», совершенно выбивших меня из наконец-то назеженной — с таким трудом! — юбилейной колеи Переяслова... Что мне делать-то, Господи?!

— Выкинь на время из головы, — советует моя «огородница». — Садись и заканчивай статью о Коле: не только тебе, уже и мне перед ними стыдно!

Когда спешили потом обратно, к электричке из Москвы, в кабинете на столе оставил мобильник. Возвращаться не стал, некогда. Попросил потом внука: несколько деньков побудь за секретаря, последи за звонками! Если что, называй номер бабушки, она всегда меня позовёт.

Позвонить Переясловым тоже пришлось по мобильнику жены, но дома их не оказалось, и Коля потом стал отзванивать: кто меня искал?.. Кто-кто?!.. Ну, обычная эта путаница с незнакомым номером.

Меня рядом не было, объясняться пришлось жене. Оттого-то и была теперь непреклонна: выбрось из головы «альтистку». Что скажешь своему Коле? Они там наверняка ждут статью. Зачем тогда обещать?.. Что у тебя за манера, отец: не только никому отказать не можешь — сам себя добровольно нагружаешь. Недаром же говоришь: в долгах, как в шелку...

Это так, да.

И давно, давно!

В долгах, как в шелку.

Как собака, говорили в станице, в репяхах.

В моральных долгах. В нравственных. Вроде этого.

Но, может, их вообще уже никогда не отдать?

Как наверняка не отдал считавшему меня за своего ученика Турбину... помнится почему-то в гимнастёрке, хоть никогда его в ней не видел.

Потому что — войну прошёл?.. Или вообще — боец?!

... Она опять сказала:

— Иди и садись. И не вставай, пока не закончишь. Грядку я вскопаю сама...

А я вдруг думаю: ну, как это, как?!

Запомнить семь глав и не выучить восьмую, по сути дела — последнюю главу?

И что её все-таки подтолкнуло учить «Онегина»?

Калмычку.

Альтистка — это ладно... мало ли на свете альтисток.

Но калмыков, дружок, пожалуй, всё-таки больше...

Может, потому-то она и учила? Вроде как отдавала некий долг... национальный? Народный? Племенной?

Главное: добровольно. И с каким достоинством. С каким благорасположением. Разве оно в ней не увиделось? Даже мельком.

Вернее будет: слышалось.

Хоть она музыкантша, наверняка с тонким слухом, а мне медведь на ухо наступил. Но это-то я хорошо разобрал: прямо-таки ласку в голосе... но что это за ласка? Откуда?!

Уж это не будем вспоминать. Про калмыка, «друга степей». Из «Памятника». Известно каждому. А вот что касается калмыцкого угощения из «Путешествия в Арзрум»... Как там: «В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она предложила мне свой ковшик. Я не мог отказаться и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла бы произвести что-нибудь гаже. Я попросил чем-нибудь это заесть. Мне дали кусочек сушёной кобылятины; я был и тому рад. Калмыцкое кокетство испугало меня; я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной Цирцеи».

Этот, на самом деле божественный, напиток черкесы тоже называют «калмык-чай», но чуть не поголовно, не сомневаюсь, уверены, что тут имеет место достаточно чувствительная для их гордости историческая ошибка: он должен называться, конечно же, «черкес-чай» либо — «адыгский чай». Вроде этого.

Не могло ли случиться, что как раз по этой причине он восемнадцатилетней калмычке не удался?

Но откуда во мне почерпнутое неизвестно где упрямое знание, что в «кибитке» имело место не только «калмыцкое кокетство», но и крепко поддержанное Африкой русское желание всё своими руками потрогать?

Так, нет ли... Но не там ли, в «кибитке», начиналась эта прошедшая через все выпавшие на её долю тяжкие испытания любовь к поэту — светлая и великая... Завидуй бессмертной славе, Переяслов!

Или он как раз не завистник, Николай?

Он — Работник. И тут я не ошибся: действительно, — с большой буквы. Труженик, каких нынче мало.

... В Кабарде праздник Любы Балаговой, только что выпустившей тогда, как невинную голубку из белых рук, сокровенную для русских и для горцев «Царскую любовь», совпал с чествованием её мужа Мухадина Кандура, личности не то что незаурядной — незауряднейшей...

(Давно уже пытался собирать отдельный цикл: «Сны». Но всё до сих пор так и разбросано по записным книжкам, по разным файлам в разных компьютерах...

А тут — опять. Да такой яркий сон!

Поднимался на крутую и высокую гору... Из любимого присловья — «И крута гора, а миновать нельзя?»

Шёл с трудом: как бы ощущались дневные заботы, в том числе и то, что уже поздно вечером пришлось носить в парник работавшей там Ларисе перегнившую землю из запасника в самом конце участка...

И вот не так-то легко иду по обочине дороги, а по ней в гору поднимаются две легковые машины. Красная удачно вылетает наверх, а вторая, ярко-жёлтая, останавливается и начинает скатываться...

Отчётливо понимаю: какой с меня помощник?.. Если такая крутая гора и такая тяжёленькая эта машина?

Но она опять начинает разгоняться, я всё-таки бросаюсь помогать, толкаю один, и она выскакивает на ровное место на вершине очень высокой сопки...

... и вдруг я переползаю через ледяной хребет и еле удерживаюсь на его тоненькой вершине... А красота вокруг!.. Белизна и синь. Снежные, с пиками, горы и высокое небо. Красота потрясающая, но из боязни свалиться на другую сторону я не могу ею любоваться: мне страшно. Как на холку лошади опускаю голову на руки и закрываю глаза... А так хочется посмотреть на эти удивительные снежные горы вокруг! Снова гляжу и опять быстренько опускаю голову на руки — страшно от этой высоты, на которую забрался, от этих беспредельных голубых далей внизу и через долину потемней рядом...

Потом комната, я гляжу на эту красоту уже из окна. Мне, наконец, не боязно, но и вид отсюда уже иной — нет остроты чувства, нет первозданности...

Так как пришлось в это время встать, сон не заспал: уж больно был красив и масштабен пейзаж вокруг.

Что бы всё это значило? — подумал утром.

Ужели всё то же: «Кавказ подо мною...»

Но Александр Сергеевич в нашем воображении стоит гордо. А я корячился как на готовой меня сбросить норовистой лошади... может, оттого, что накануне вечером пришёл сюжет с заголовком: «КОСТИ БОЕВОГО КОНЯ»?

О казачьих атаках в ледяном декабре 1941-го года...)

... так вот, муж Любы Мухадин Кандур, потомок покинувших когда-то родину мухаджиров, — прозаик, написавший несколько романов о Кавказе и поставивший по ним в Голливуде несколько фильмов. Бакалавр философии, издавший книгу, чуть не учебник, по мюридизму. Композитор и дирижёр, у которого собственный оркестр в Лондоне, где они живут — кроме Иоардании.

На встречу с этой семьёй слетелись тогда в Нальчик черкесы чуть ли не всей мировой диаспоры: в шикарном автобусе нас было только «двое русских»: я да Тенгиз Адыгов, с которым по-русски разговаривали...

В умилении от этого горского съезда планетарного масштаба в голову мне пришло четверостишие о Мухадине: «Покинув дом, ты приобрёл весь мир!/Пусть это нынче станет поговоркой:/как превратил Великий Мухаджир/Нью-Йорк — в город кабардинских урков!»

Когда прочитал стих на торжественном ужине, первым закричал и заплодировал пригласивший к себе эту мировую черкесскую элиту президент Кабардино-Балкарии Арсен Каноканов...

А мне вдруг подумалось: я-то всего лишь написал о «Царской любви». Ну, может, не так плохо. И — не так мало.

Но Коля, Коля-то Переяслов, вдохнувший в кабардинскую драму русскую душу — он-то где?.. Его-то почему на этом празднике не видать?!

В Нальчик я приехал тогда из Майкопа и спросил теперь у «москвича» Тенгиза, рядом с которым сидели за столом: где Переяслов-то?.. Что там ни говори, — один из главных виновников такого искреннего, такого высокого торжества. Которое, по большому счёту, должно бы вообще-то состояться в Кремле: что у нас, так много объединяющих Россию державников?

— Потому-то его тут и нет, что он — державник! — сказал Тенгиз и захохотал. Особенным своим, как будто тоже переведённым на русский, хохотом, это — его особенность. — Перед отъездом я был в Союзе писателей. Думал, может, полетим вместе. Но Колю не застал. Сказали, улетел в Якутию: кого-то там срочно переводит...

Я вспомнил шутку, придуманную нами с Юнусом Чуяко во время поездки по Якутии. Его роман «Сказание о Железном Волке» только что вышел тогда в моём пере-

воде в «Роман-газете» у Ганичева. А пошучивали мы о просторах России: от «А» до «Я». От маленькой Адыгеи до почти бескрайней Якутии.

Кабардинский друг мой снова захохотал, а потом посерьёзней и чуть ли не отчего-то грустно сказал:

— А Ивану Васильевичу это пришлось бы по душе.

До меня не сразу дошло, переспросил: мол, какому Ивану Васильевичу?

— Грозному, — ответил Тенгиз. — Ему бы понравилось, что Коля полетел не на праздник... Тут он, что мог, считай, уже сделал. А полетел в Сибирь. На работу...

У меня почему-то вырвалось растроганное:

— Спасибо тебе!

Он, кажется, готов был взорваться:

— Ну, при чём тут?... Ты знаешь, что кабардинцы служили ещё в войске его отца, Василия Ивановича?

Ясное дело: потом мы плавно перейдём к князю Константину Хагундокову, губернатору Амурской области и наказному атаману Амурского казачьего войска... Который перед самой революцией уже приехал в Петроград за новым назначением: комендантом самого в то время беспокойного города. Уж он бы, боевой кабардинский генерал...

Но как медленно и тогда всё в России решалось!

5

— Забудь свою калмычку и пиши о Переяслове! — чуть ли не приказала жена.

Но, может, как раз он-то бы это и понял, Коля!

Этот бунт подсознания, которое, что ты не намечай, возвращает тебя и возвращает к одному и тому же...

Как хорошо и как просто сказано у Турбина: «Всё, что мы делаем, мы делаем в содружестве, вместе».

По отдельности мы уже «наработали», хватит.

И эти бесконечные наши нравственные друг дружке долги — тоже своего рода Благодать?!

КАФЕ

повесть

Я — САМАТ

Он назидательно поднял указательный палец вверх:

— Работа в кафе требует повышенной ответственности! Кафе... это, братишка, не какая-нибудь там столовая. Если ты думаешь, что люди сюда приходят только для того, чтобы покушать да поплясать, то сильно ошибаешься. Здесь они рождаются и умирают. Жуя. Потому что главная их задача — желудок ублажить. Что ни говори, человек живёт для того, чтобы есть, — он заулыбался. — А тем, кто говорит, что ест для того, чтобы жить, я и на огуречный пестик не верю. Нет!..

— Я ем для того, чтобы жить, — возразил я, почувствовав себя неловко из-за того, что пришлось перебить.

Он надменно улыбнулся:

— Не ври! Молод ты ещё... — вспыхнувшие было злые искорки в его глазах быстро рассеялись, и во взгляде воцарилось блаженное умиротворение. — Хотя и правда-то нынче хрен кому нужна, так ведь? — директор кафе протянул руку. — Давай бумаги!..

Почему-то именно сегодня вспомнился мне тот разговор. Вечером на работу идти в кафе. Наверное, поэтому. Нет, нет, скорее всего, из-за того, что завтра собираюсь вести в наше кафе Джамилу. В наши «Чистые чувства». Несмотря на то, что кафе открылось совсем недавно, его уже успела облюбовать окрестная молодёжь. Если сегодня отработаю смену, то завтрашний вечер у меня свободен. Думаю, Джамиля с радостью согласится. Джамиля! Спит ещё, наверное, сладкие сны досматривает. А может, и проснулась уже, нежится под одеялом, мечтательно глядя в потолок. От этих фантазий по телу пробежала приятная волна, и я, спешно обстукивая карманы, нашупал и достал телефон. Пробежавшись по радостно поблёскивающим кнопкам, я с удовлетворением нажал на «Отправить». По синему небу экрана пролетел, кувыр-каясь, жёлтенький конверт, значит, моё письмо уже у Джамили!

SMS-ку она сейчас читает, наверное, часто моргая ресницами в попытках сфокусировать сонный взгляд, поёживаясь от утренней прохлады и беззлобно поругивая меня. А прочтя, она сладко потянется и снова шмыгнёт под тёплое одеяло.

Эх, вот бы и мне там оказаться! Да-да, такие бесстыжие мысли приходят иногда и в мою голову, от них лицо становится красным, как огнетушитель.

— Девушек обижать нельзя. Ничего нет чище в этом мире, чем невинная девушка. Нужно научиться уважать их, — кажется, после этих бабушкиных слов я на девушек

и впрямь смотрю сквозь её очки. Вот и в Джамиле мне больше всего нравится её чистый, ничем не запятанный взгляд. Эх, нам бы избавить весь мир от скверны и жить только в чистоте и порядочности, а?

Холод октябрьского утра, проникнув под лёгкую куртку, вьелся, казалось, в каждую клеточку тела, заставляя прибавить шаг. Волосы на непокрытой голове дыбились непокорной копной. Улицы Казани ещё свободны от хаоса суетящихся машин и людей. Откуда-то из невидимых глубин жилых коробок доносятся громкие окрики дворников; тяжело вздыхая, проезжают троллейбусы; втянув головы в поднятые воротники и сосредоточенно глядя под ноги, спешат на утреннюю смену редкие прохожие. Светофоры в большинстве своём ещё не включены, полусонно помигивают жёлтыми глазами: машины, в рули которых впились пальцы боящихся уснуть водителей, и не собираются уступать дорогу. Такова, видать, участь всех пешеходов: негодовать вслед обнаглевшим автомобилям. В такие минуты я чувствую себя ущербным человеком. Почти с первых дней учёбы я подрабатывал в нескольких местах одновременно, — уже до четвёртого курса дошёл, а на машину так и не накопил. Чтобы не сидеть на шее у родителей, я два года охраняю больницу. А многие парни из группы уже вовсю катаются по Казани. Их родители дарили машины аккуратно на восемнадцатилетие любимых чад. За три года большая часть «наездников» уже успела сменить загнанных коней. Руслан несколько раз бил свою «ласточку», Айрат на пешехода наехал... Тьфу, тьфу, тьфу, чур меня, чур...

Порой куда только не заносит фантазия. Вот, например, я сажаю Джамилю в машину и качу с ветерком по ночной Казани. Многоэтажки, рестораны и кафе подмигивают нам огнями окон, вывесок и витрин. Мы подъезжаем к крутому берегу Казанки. Поверхность воды переливается зелёными, жёлтыми, красными огнями близлежащих домов. Красота! Благодать! Я обнимаю Джамилю. Мы подставляем лица под ласковые струи прохладного летнего ветерка и наслаждаемся ощущениями...

Почему-то я всегда мечтаю о нас с Джамилей только на фоне лета. Это непременно должен быть тёплый и солнечный летний день. Небо обязательно ясное, а ночью усыпано золотыми звёздами...

А ещё я представляю, как мы вместе приезжаем в деревню. Вот я неспешно выхожу из университета. Уверенными шагами подхожу к идеально чистой машине, степенно сажусь в неё. Какого она у меня цвета-то? Ну, пусть будет чёрного. Нет, Джамиля и чёрный цвет — не катит. Пусть тогда она будет... пусть будет зелёная. Да, зелёная — цвета глаз Джамили. Из колонок звучит татарская песня. Я беру курс к университету, где учится Джамиля. Вот я вижу, как она вприпрыжку спускается по ступенькам. Выбегаю ей навстречу. В руках — цветы! Какие это будут цветы? Розы! Белые розы! Три белых розы!

— Кстати, а я ведь ей ни разу не дарил цветов! Вот так джигит, вот так ухажёр!

... Потом я протягиваю букет Джамиле. Её глаза светятся счастьем. И я тоже улыбаюсь. Мы покупаем гостинцы для бабушки Джамили. Потом — для моей. Всю дорогу оживлённо беседуем. Какая благодать! Машина мчится быстрее ветра.

Вот мы останавливаемся возле дома бабушки Гульджихан. Я ловко торможу в считанных миллиметрах от ворот. Прежде неизменно кидавшийся на всех прохожих белый петух с куцом, ошипанным в драках хвостом, набычив гребень, исчезает в щели под воротами. За ним увязываются куры. Нет, не так. Сначала мы подъезжаем к нашему дому. Папа, мама и братишка Марат выходят встречать. Джамиля здоровается с ними, протягивая для рукопожатия обе руки. Мама по-родственному похлопывает Джамилю по спине. Мы заходим в дом и пьём чай. И только после этого едем к бабушке Гульджихан...

И-и-их, как всё красиво в мечтах! А наяву меня каждую субботу останавливают тётушки-вахтёры на проходной университета.

— Открывай сумку, проверять будем, — с грозным видом говорят они.

Как же это бесит! Я ведь специально, чтобы успеть после занятий на автобус, прихожу в университет с большой сумкой через плечо, в которую складываю всё необходимое. А от прикосновений их беззастенчивых пальцев пустые банки предательски звякают.

— Эх, аул-село. Дирифня, она и в Африке дирифня, — на ломаном русском насмеяется одна из вахтёрш. — Ну, ступай, сынок, ступай. Учись прилежно, не ленись.

... Родители удивляются тому, что я не прошу у них денег.

— На что ты там живёшь? Не свернул ли, случаем, на кривую дорожку? — мама постоянно переживает за меня, боится, что могу испортиться. — Не увязался ли ты за городскими бандитами? Не грабишь ли людей?

— Девки, что ли, тебя кормят да одевают? — папе только бы посмеяться надо мной.

— За хорошую учёбу стипендию, наверное, им платят, — говорит он.

А деньги, они ведь с огромными мучениями достаются. Поняв, что на доходы от работы в карауле не прожить, я устроился на полставки в недавно открывшееся кафе. Оно работает до одиннадцати вечера — до этого же часа и я сижу на работе со своими бухгалтерскими выкладками.

Джамиле нравится, что я не ленюсь и стараюсь подрабатывать, но дежурство в больнице она не одобряет.

— Хватило бы и работы в кафе. Полуголодный, мучаешься, изводишь себя, всю ночь глаз не смыкая. Ради чего? Ещё заразу какую-нибудь подцепишь там. Бросай ты это дело! — всякий раз при встрече Джамиля не упускает возможности «погрызть» мои уши.

— Что, здорового мужа подыскиваешь себе? — это я так шутить пытаюсь.

Джамиля молчит. Отворачивается, прячет покрасневшее личико. Мои родители уже сейчас видят в ней будущую невестку. Да и я тоже подумываю, что через несколько лет сыграем свадьбу. Но Джамиле на эту тему пока — ни-ни.

— Девушек баловать нельзя. У них носы быстро начинают в небо смотреть, — совет отца я запомнил на всю жизнь.

Что поделать, работа охранника мне и самому не нравится. Но куда ещё податься бедному студенту, где нас ждут с распростёртыми объятьями и хорошей зарплатой? И высокопоставленного родственника у меня в Казани нет — неизвестно, найдётся ли хорошая работа после получения диплома... Даже для летней практики невозможно подыскать подходящее предприятие, где с благосклонностью отнесутся ко всем твоим проблемам. Приходится, как любит повторять мой отец, подниматься с самых низов. Однажды на уроке татарской литературы я узнал, что это фраза из произведения татарского классика Галимджана Ибрагимова, удивился и даже расстроился. Теперь уж не скажешь: как любит повторять мой отец...

Про работу охранником родителям ни в коем случае нельзя говорить. Они и так-то живут в постоянной тревоге за меня. А если ещё узнают, что я ночь напролёт несу ответственность за безопасность огромной больницы...

Нашей работой и в самом деле не похвастаешься. Сидишь всю ночь, запертый в четырёх стенах. А в выходные дни приходится и целые сутки дежурить. Это действительно тяжёлое испытание, особенно для непоседливой молодёжи. С одной стороны, вроде бы и делать-то ничего не нужно — ни кирпичи таскать, ни раствор месить, ни мешки поднимать. Но при этом устаёшь больше, чем те, кто занят физи-

ческой работой. Здесь отнимают силы тяжёлые думы. Вот за окном идёт, взявшись за руки, смеющаяся парочка. Девушка, озорно тряхнув головой, вырывается и убегает, но парень, картинно замешкавшись и приотстав, вскоре догоняет её и, крепко обхватив за талию, заключает в объятия. А ты сидишь взаперти один на один с ворохом невесёлых мыслей. Берёшь книгу, чтобы отвлечься, начинаешь читать, но, оказывается, что в каждой строчке повторяются твои раздумья. Думаешь, что эту страницу ты, наверное, успел прочесть раньше, переворачиваешь на другую — и вместо букв видишь белоснежную жемчужную улыбку Джамили. Мечтательно улыбнувшись видению, открываешь следующую. Так и листаешь до самого утра. Закрыв на рассвете книгу, силясь вспомнить, о чём же она, и понимаешь, что не читал, а лишь скользил взглядом по строчкам...

Больницу мы охраняем втроем. По очереди. Два студента и один пенсионер — Ильдус-абый.

— Эта работа как специально придумана для студентов и пенсионеров. Вы здесь забираете «должок» за весь общежитский недосып, а я хотя бы пару дней в неделю не слышу ворчание своей старухи, — шутиливо говорит он. Мы встречаемся друг с другом лишь по выходным. В такие дни один из нас уходит с дежурства, а другой заступает на сутки бескомпромиссной борьбы со своими мыслями. Правда, и Ильдус-абый, и второй напарник, студент, говорят, что с удовольствием спят здесь. Получается, только я лежу, вылупив глаза в потолок.

Два года мы жили-работали, что называется, душа в душу. Делились тайнами и секретами, подменяли друг друга, когда это было необходимо. Охранять больницу — дело нехитрое: утром и вечером нужно позвонить нашему начальнику, бывшему капитану милиции, доложить, что всё нормально, никаких происшествий во время дежурства не случилось, вот и вся премудрость. А наш командир, если всё нормально, мелочиться и придираться не станет. Но когда месяц тому назад на место начальника службы безопасности назначили молодого парня по имени Илдар, ночной покой нарушился. В первое же дежурство не повезло Ильдусу-абый...

— Просыпаюсь я от того, что кто-то неотрывно жмёт на кнопку звонка, — рассказывает Ильдус-абый. — Вскрываю и бегу к двери. В глазок вижу, что с той стороны стоит незнакомый человек. Понял, кто пришёл, только после того, как услышал имя и фамилию гостя.

— Давай-ка, дед, проверим, всё ли у тебя в порядке, — едва переступив порог, произносит Илдар. А от самого за версту несёт спиртным.

Сделав обход по больнице, ночной гость заявляет:

— Мне ваша комната понравилась. Буду сюда приходить с друзьями по ночам. А вы будете меня встречать хлебом-солью... и не только.

— Это — больница, серьёзное заведение. Давайте не будем устраивать здесь балаган, — аккуратно попытался возразить Ильдус-абый. Ничего не ответив, Илдар прошёл в нашу сторожку.

Чтобы немного покемарить, Ильдус-абый из нескольких сдвинутых стульев соорудил лежак. Но в спешке убрать подушку и одеяло не успел.

— Понятно. Где документы, в порядке ли?

Ильдус-абый протянул папку.

— Ну, и что же входит в обязанности охранника? Итак, во-первых?... — загибая пальцы, Илдар устроил в три часа ночи экзамен пожилому дежурному.

— Сынок, я десять лет охраняю это здание. До сих пор эти казённые фразы не пригождались...

— Вы должны знать их наизусть! Нашей конторе такой охранник не нужен! Во-первых — старый, во-вторых — несерьёзно относитесь к своей работе, в-третьих — не знаете требований. С завтрашнего дня Вы уволены.

С одной стороны, Ильдар прав. Ильдус-абый и не отрицает этого. Но когда на его место приняли неделями не просыхающего парня, мы поняли, что добром это не кончится.

— Мы с ним вместе в Чечне служили, — сказал начальник. — Он в одиночку против целого полка отстреливался.

Понятно, что бравый вояка быстро заткнул за пояс двух безусых студентов. В первый же месяц пришлось по две-три лишних смены за него отработать. А за те несколько ночей, которые он всё-таки соизволил отдежурить, больница чуть не превратилась в руины. Уборщица, открыв в полшестого утра двери и увидев храпящих на полу пьяных парней в обнимку с голыми девицами, рухнула без чувств. Только благодаря вмешательству Ильдара, его разговору с самим директором заведения, удалось замять происшествие.

С этими безобразиями мы с грехом пополам вроде бы смирились, но Ильдаровские набеги в три часа ночи прилично поднадоели. Он ведь не один приходит — приводит наглых, как и он сам, дружков-приятелей. Открывают какой-нибудь кабинет и всю ночь там куражатся.

— Ильдар, нехорошо это. Если не остановишься, то врачи обязательно обо всём догадаются, — попытался я однажды вежливо его образумить.

— Мне до лампочки. Я в Чечне воевал. Мне теперь всё можно.

В ту ночь он не на шутку меня разозлил. Вот и сегодня я возвращаюсь с дежурства, а во мне всё кипит от гнева и возмущения. Может, мне уволиться отсюда, а?

Не успел я заступить на смену и, закрыв входные двери, зайти к себе в сторожку, как захрипел звонок.

Треск не прекращался ни на секунду, и я ещё на пути к двери понял, что так может давить на кнопку только Ильдар — будет жать, пока не откроешь.

— Почему долго не открывал? — он опять не один. Рядом стоит мужик в чёрной кожанке.

— На втором этаже был, — оправдываться я не собирался, сказал так, чтобы не злить лишний раз «командира».

— На моём участке порядок?

— Порядок.

— А ты чего это держишь начальство на пороге? Не хочешь впускать, что ли? — он краем глаза посмотрел на приятеля.

— Входите, раз уж пришли...

— Повезло тебе, сегодня не зайдём. Парень, слушай меня внимательно: объясняю суть проблемы. В машине лежит женщина. В хлам пьяная, ничего не соображает. Будет здесь всю ночь. Утром я заеду за ней. Сейчас мы перенесём её в твою комнату и уложим отдыхать. Смотри у меня, и пальцем не трогай гостью! Мы торопимся, давай пошевеливайся.

— Вот старая дура, а, в дупель нажралась ведь! Терпеть не могу таких, — возмущался приятель Ильдара.

Возле дверей больницы стояли чёрные «Жигули» двенадцатой модели с антрацитной чёрной тонировкой. Оказалось, что в машине кроме шофёра и пьяной тётки сидела ещё и рыжеволосая деваха в короткой красной куртке. Она тут же вышла, хлопнув дверью, и закурила. Не успел Ильдар открыть другую дверь авто, как пьяная баба мешком кувыркнулась на землю.

— Эй, поаккуратней... — прикрикнула рыжеволосая. Затем, пытаясь поднять рухнувшую подругу, она начала бестолково кружиться вокруг бесчувственного тела.

— Отвали, Рыжовка, пока я тебя кулаком не прибил, — выругался Ильдар.

— Исчезни, — цыкнул на неё и приятель в кожанке. — Тебе ещё за бухую подругу отрабатывать сегодня!

Два подвыпивших парня внесли женщину в сторожку и кинули на лежанку, после чего быстро погрузились в машину и растворились в ночном мраке.

Я вернулся в комнату. Взгляд упал на лежавший на полу паспорт. Я поднял документ и, не открывая синих корочек, положил на стол. Но любопытство победило, и вскоре я опять взял паспорт в руки. У-у-у, ей уже сорок лет, оказывается! Николаева Дина Сергеевна. Три раза в браке была, сыну двадцать лет.

Винный «выхлоп» заполнил всю сторожку. Я скрестил руки на столе и положил на них голову.

В такой позе я проспал до пяти утра.

— Эй... ты... как тебя? — от полусонного бормотания женщины я проснулся. Фу-у! Перегар был настолько густой, что от него хотелось отмахнуться, как от дыма.

— Э-э-эй!

Женщина не унималась.

— Что надо?

Я брезгливо скосил взгляд в её сторону: волосы растрёпаны, кофта наполовину расстегнулась и сбилась набок, вчерашняя красота размазалась по всему лицу.

— Ты кто?

— Охранник!

— Врёшь! Ты Ильдаровский дружок?

— Сказал же, охранник. Время пять утра. Давай вали отсюда.

— Чего?! Сопляк! Всю ночь верхом на мне проскакал, а теперь, значит, — «вали отсюда»! Милиция! Насилуют! — тётка взревела во весь голос. Взять бы её за шкуру да вышвырнуть — но мараться не хочется.

— Где мои деньги? Где паспорт? Это ты их украл! А ну, быстро верни! — обшарившая пустые карманы женщина нашла новый повод для истерики.

— Твой паспорт — на столе, — я швырнул ей документ. — Деньги твои мне не нужны! У Ильдара спросишь!

— Он меня обманул. «Люблю, — говорит, — женюсь!» А сам бросил одну возле какого-то молокососа, — вдруг женщина протяжно потянула носом и зарыдала. Тут уж я натурально остолбенел от неожиданности.

— Ты меня унизил, изнасиловал...

Терпение моё убывало, как вода в простреленном ведре. Женщина перестала плакать так же неожиданно, как и начала.

— Иди ко мне, красавчик. Я хочу тебя...

— Тьфу! — взглянув на протянутые в мою сторону руки, я еле совладал с приступом тошноты.

— Подойди, парнишечка. Не заставляй даму ждать...

В груди моей будто огонь занялся. Терпение окончательно лопнуло.

— Или ты сейчас же уходишь, или я звоню в милицию!

Женщина рассмеялась.

— Ха-ха-ха! Ну звони давай. Ха-ха-ха! Дитя ты неразумное, а не охранник...

Просмеявшись, она принялась стращать меня.

— Я пожалуюсь Ильдару, он тебя в три счёта выгонит с работы, мозги твои крахмальные. Мне ведь только свиснуть мальчишкам, они семь шкур с тебя сдерут и не спросят, как звали...

От худшего меня спасло только возвращение Ильдара. Я успел даже проветрить комнату до прихода уборщицы.

За ворота больницы я выскочил, будто зек на свободу. В другие дни я досиживал до половины восьмого, а сегодня, едва завидев уборщицу, ушёл в шесть. Я и без того всю жизнь недолюбливаю больницы. Почему-то здесь во мне просыпается чёрный критик, стремлюсь увидеть в людях только плохое. У этого нос кривой, у того глаза косые, третий хромает, четвёртый — горбат...

Перед глазами опять встала Джамиля. Она ведь совсем не знает этих тёмных сторон жизни, настолько она чиста душой и мыслями. На глаза навернулись слёзы. В такие минуты Джамиля была самым родным и дорогим для меня человеком. Захотелось обнять её, погладить по волосам и признаться:

— Ты у меня — единственная!

Джамиля!

Когда же, наконец, наступят выходные, и я смогу увидеть тебя? Да, ты постоянно приглашаешь меня в гости, говоришь, давай и в Казани будем встречаться. Нет, я пока ещё не готов. Этот город ещё не мой. Здесь я не могу ощущать себя полноценно счастливым. И я не верю, что «с милым рай и в шалаше». Пока парень не ощущает себя хозяином судьбы, он не должен предпринимать решительных шагов. Здесь, в Казани, я не готов к такому повороту.

Ничего, вскоре всё у меня будет, успокаиваю я себя. Если сумею осуществить задуманное, то... Молодёжи нравится «зависать» в нашей кафешке. И название подходящее: «Чистые чувства». Хочу пригласить туда Джамилю. Правда, я и к этому шагу пока не готов.

В деревне я ощущаю себя равным Джамиле, достойным её. Там каждая улочка, каждый перекрёсток, каждый дом узнают меня и признают за своего. Я там совсем другой, настоящий Самат. Там я дышу своим воздухом, шагаю походкой хозяина по своей земле. Я бы только там и жил. Но жизнь в деревне остановилась. Работы нет, и вся молодёжь в город потянулась. Куда ни глянешь, повсюду вязкая тревожная тишина, безнадёга и разруха. И на душе такая тоска... Летом-то деревня немного оживает: к коротающим в одиночестве старость бабушкам и дедушкам внуки приезжают. А с приходом осени бурливший всё лето аул снова затихает. К началу зимы жизнь в деревушке и вовсе угасает.

— Моя бабушка говорит: «Жених и невеста даже лицом друг на друга похожи», — после этих слов Джамили мы решили сравнить и наши лица.

У неё глаза похожи на озёра в августе — желтовато-зелёные, а у меня — будто свежевскопанный чернозём. У неё волосы русые и тонкие, а у меня — кудрявые и чёрные. У неё губы полные, а у меня — тонкие...

— Тонкогубые люди — злые! — грозит мне пальчиком Джамиля. — У тебя нос большой, а у меня — маленький. Говорю же, мы с тобой ни капельки не похожи! — она надувает губы и отворачивается.

— А я вижу себя в тебе!

— Как это? — её глаза снова разгорелись.

— Да вон же, в твоих глазах — моё отражение...

— И я вижу себя! Повисла в пугающей черноте твоих глаз!

Мы обнимаемся. Её сердце стучит так громко, что мне кажется, будто оно бьётся в моей груди...

Я поднял взгляд — ого, уже к общежитию подошёл, оказывается. Мечты и явь — небо и земля. Вот бы их соединить! Да, именно так! Может, прямо сегодня пригласить Джамилю в кафе? Директор, говорят, в командировке. Значит, у меня будет возможность спокойно пообщаться, заодно она и работу мою увидит. Решайся, Самат! Сейчас самое время!

Я — ДЖАМИЛЯ

«Доброе утро, Джамилюшка! Удачного тебе дня!»

«Бызз-зз!» Если бы не этот противный звук, я бы спала ещё и спала.

Помню, как будто вчера это было: мама повела меня маленькую к зубному врачу. Не успели мы зайти в кабинет, как она произнесла долгожданные слова:

— Если не будешь плакать, куплю тебе куклу сразу же, как выйдем от врача...

— «Барби!» — радостно крикнула я.

— «Барби» так «Барби». Не будешь плакать?

Врач оказался высоким мужчиной с усами и в очках.

— Иди ко мне, умничка, — подозвал он меня и усадил в кресло. — Хи-и, дырочка-то совсем маленькая у тебя. Конфет, наверное, много ела. Сейчас мы быстро её вылечим — ты даже почувствовать ничего не успеешь...

«Бызз-зз!» От неожиданной боли я вскрикнула и заплакала. Перед глазами сначала резко потемнело, а потом будто огнём всё вокруг занялось. И звук такой пугающий. Я дёрнулась от него, словно от комариного зуда, тело бросало то в жар, то в холод, меня начало колотить. Я проплакала весь приём. От боли я рыдала или от того, что осталась без куклы, — сейчас уже не помню. Но мама сразу повела меня в магазин после лечения...

— Мне кукла не нужна-а-а, — всхлипывала я.

— Давай купим вон ту, доченька, — мама показала именно на ту куклу, о которой я мечтала.

— Пойдём отсюда, мамочка. Я ведь пла-а-а-кала...

Мама обняла меня, тыльной стороной ладони смахнула катившиеся по моим щекам крупные слёзы.

— Доченька, какая же ты у меня... чистая и светлая. Разве можно такой примерной девочке куклу не купить?

«Бызз-зз».

Лёжа на спине, я стала шарить по кровати в попытке найти телефон. Вчера полночи я перекидывалась sms-ками с подружками — мобильник должен быть где-то рядом, недалеко от подушки.

Вспыхнувший в утреннем полумраке экран сорвал последнюю пелену сна с ресниц. Это же Самат желает мне доброго утра. Самат! Сегодня что-то очень рано он: в шесть утра! Чего ему так не терпится? Ладно бы ещё какие-нибудь необычные слова писал. Его sms-ки всегда сухие, краткие, деловые. Понимаю: пишет, оторвавшись от работы. Сейчас он, наверное, по полусонным улицам Казани возвращается после ночного дежурства в больнице. Интересно: о чём он в это время думает, или о ком? Может, обо мне? Ну уж нет, наверное, всё-таки об учёбе думает, переживает, волнуется. Он ведь, как и я, о красном дипломе мечтает. Учиться на экономическом факультете и подрабатывать в нескольких местах, наверное, непросто.

Прижав телефон к груди, пытаюсь представить: вот он сейчас входит, разгорячённый быстрой ходьбой, в общежитие. Его соседи по комнате — Азат и Наиль —

с блаженными улыбками на лицах досматривают последние сладкие сны. Самат, стараясь не разбудить их, ходит по комнате на цыпочках. Вот он садится за стол, чтобы перекусить после голодного дежурства... а на столе ничего нет, пусто. Открывает холодильник — та же картина... Бедняжка! А ему ведь после уроков ещё на одну подработку бежать. Недавно он начал работать в кафе бухгалтером. «Буду опыта здесь набираться», — объяснил он и устроился на полставки.

— Зачем ты так изводишь себя? Молодость один раз только бывает, — говорю я ему. — Успеешь ещё поработаться. Жизнь-то вся впереди...

А он только смеётся, ненормальный.

— Может статься, жена моя будет так же избалована и капризна, как и ты. А у меня ни квартиры, ни машины. Вот ради будущей супруги и стараюсь, тороплюсь жизнь устроить.

Ох уж этот Самат! С самого утра заставляет думать о нём! Деревенский наивняк, что тут ещё скажешь. Считает, раз он с утра на ногах, то я должна быть

такой же ранней пташкой. Правда, он не обижается, когда дразню его тургаем-жаворонком.

«Спасибо! И тебе удачного дня и только приятных событий, Самат Тургаевич! Из университета полный карман пятёрков принести, а из кафе — тысчонок!»

Телефон снова «вспыхнул». Через пару секунд мои слова высветятся на экране у Самата. Наперёд знаю, как он отреагирует: «Эх, до чего ж непутёвая ты у меня!» Затем закинет телефон в карман, и до вечера от Самата не будет никаких вестей. Такой уж он человек: время по пустякам не разбазаривает.

Эх! Скорее бы выходные. Соскучилась по деревне, по бабушке. Каждую пятницу родители твердят одно и то же:

— Доченька, может, на эти выходные в Казани останешься? Побудь и с нами тоже...

Нет, не понимают они меня. Я ведь только ради этих выходных и живу!

— Поеду! — говорю я без тени сомнения. — По бабушке соскучилась.

— Да всё мы прекрасно знаем, — папа, перестав шуршать бумагами, стягивает очки на кончик носа и, хитро подмигнув, многозначительно пускает по бровям «волну». До чего же я люблю, когда он так придуривается.

— Ты хоть успеваешь поздороваться-то с бабушкой за два дня? — это уже мама решила подключиться к папиному спектаклю. Но почему-то её шутки всегда звучат серьёзно.

У них самих нет возможности ездить каждую неделю в деревню. Папа — заместитель директора в одной большой фирме, которая торгует машинами и тракторами,

занимается ремонтом техники. Поэтому каждую субботу его вызывают на работу. Можно подумать, без него там всё встанет. Сколько лет подряд не видел он нормального отдыха. Папа частенько сокрушается, что его мама одна в деревне.

— Не хочет ведь к нам, не хочет. Сколько звали её! Дома у нас просторно, тепло, сытно, — эту еженедельную мамину тираду я выучила наизусть.

Родители хоть и переживают из-за того, что я в одиночку пускаюсь в непростую дорогу, но в душе радуются моему искреннему желанию навестить бабушку. Мне в попутчики они старшую сестру пытаются «сосватать». Но та сразу нос воротит:

— Нет, не поеду. Я не люблю деревню. Трястись в тесном автобусе... Если бы кто-нибудь отвёз на машине, ещё куда ни шло...

Это она на Самата намекает. Но мне плевать на её колкости. Я спокойно одеваюсь. Затем, стоя на пороге, обречённо вздыхаю:

— Что ж, ничего не поделаешь. Придётся мне поцеловать бабушку и от твоего имени!

Я всегда с нетерпением еду в деревню! Автобус, как правило, набит битком. Порой приходится всю дорогу простоять на одной ноге, и не всегда на своей. К концу пути ни рук, ни ног не чувствуешь, так всё затекает.

— Внученька приехала, ягодка моя, радость последняя! — бабушкин белоснежный платок я вижу издалека, едва лишь покажется деревенская окраина. Бабушка каждую неделю встречает меня этими словами.

— Не устала, доченька, душа моя? Сумка-то тяжёлая, наверное, давай-ка я её понесу...

Я ласково глажу протянутую к сумке руку и улыбаюсь:

— Бабушка, я сама донесу гостинцы, мне не тяжело.

— Душечка ты моя, яблочко наливное... — а у самой глаза на мокром месте. — Ох, как я жду твоего приезда. С середины недели часы считаю.

На столе поёт самовар. Не какой-нибудь ширпотреб — старинный медный, реликвия и украшение этого дома. Бабушка, зная моё пристрастие, каждую неделю кипятит на сосновых шишках воду, а заварку сдобривает душицей и мятой.

— Хорошо ещё, ты приезжаешь ко мне. Я ведь, когда одна остаюсь, чайник на газу кипячу да так упиваюсь этим жмыхом из пакетиков, что к концу недели язык перестаёт вкусы различать.

Бабушка, проходя мимо меня, обязательно погладит по спине. Она с девичьей резвостью накрывает на стол.

— Бабушка, оставь, я сама...

— Нет-нет, ты наслаждайся чаем, внученька.

Затем она откидывает полотенце с возвышающегося посреди стола холма. Треугольники! Расстегай с гусятиной! Ур-ра!

— Кушай, дорогая! Специально для тебя пекла.

За угощениями да за разговорами с бабушкой и не замечаешь, как вечер наступает. В городе я томлюсь в его ожидании. А в деревне темнота накрывает неожиданно-негаданно.

Бабушка прежде всего спрашивает о родителях, о сестре. Папу она всегда жалеет:

— И раньше-то вся работа ему доставалась. И сейчас то же самое. Всю жизнь только и делает, что работает, тем и счастлив. И дедушка твой такой же был. Папа весь в него...

Разговор сам по себе переходит на дедушку. Бабушка с большой любовью и благодарностью вспоминает его.

— Кто только ко мне не сватался. И родителей моих пытались уговаривать. Но в те времена уже не выдавали замуж подневольно — вот я ни за кого и не шла. Деда твоего после войны направили в нашу деревню на работу — я как его увидела, так покой и потеряла.

— Бабушка, а каково это — полюбить с первого взгляда?

— А вот так, увидела и сон потеряла. Наутро — подушка мокрыющая. Хотя вроде бы и не плакала. А может, и плакала... от счастья.

— А дедушка тоже не спал?

— Да кто ж его знает-то? Мужчины разве признаются?!

Я подумала о Самате. И он ведь ничего такого мне...

— Эти слова один раз только говорят, — обрывает Самат.

— Ну так скажи...

— Ещё не время.

К вечеру моё сердце невольно забилось чаще.

— На танцы-то пойдёшь, внучка? — бабушка, увидев, как я прихорашиваюсь перед зеркалом, подошла и встала рядом.

— Бабушка, я красивая? Только не обманывай!

Бабушка с улыбкой смотрит на мои кривляния перед зеркалом:

— Мечтая о твоей красоте, парни всей деревни не смогут заснуть.

Я обнимаю бабушку. От её платья тонко пахнет нафталином. В эту секунду доносится скрип калитки.

— Самат!

— Ну, что я говорила? Первый жених уже под окнами...

Самат тихонько стучится в дверь. Я открываю. Первым делом он подходит к бабушке и протягивает обе руки для приветствия.

— Как поживаешь, бабушка Гульджихан? Не болеешь ли? Может, помощь какая нужна?

— Спасибо, сынок, спасибо за тёплые слова. Ничего такого грандиозного я не планирую. Руки-ноги, понятное дело, ноют. Как и у всех стариков...

— Бабушка!

— Правда, внучка вот приехала, и мне сразу полегче стало...

Мы все трое смеёмся.

Бабушка очень любит Самата.

— Основательный парень. Умный, умелый. И родители — порядочные люди. Весь род их такой, — не устаёт она нахваливать.

И мне нравится, как Самат общается с бабушкой. Только вот... Мне иногда хочется, чтобы он приглашал меня пойти с ним на танцы громким озорным свистом. Или чтобы обнаруживал своё появление стуком маленького камушка в окно.

И пока бабушка испуганно причитала бы: «Господи, что происходит-то? Спаси и сохрани!» — я выбежала бы на улицу. Выбежала бы и кинулась в объятья. А он подхватил бы меня на руки и стал кружить! И чтоб луна светила с неба. И звёзды. Я кружусь на руках у Самата. Как же прекрасно, как незабываемо...

— Осторожно гуляйте, дети, головы не теряйте, — бабушка еле слышно читает молитву.

— Дождись меня, бабушка!

— До свидания, бабушка Гульджихан...

Постой-ка, а когда же мы познакомились с Саматом? В Казани? Нет. А-а, вспомнила. Я на первый курс в тот год поступила — летом это было. Спросив разрешения

у папы, я впервые пошла в клуб на танцы. Мы проходили весь вечер под ручку с соседской девочкой Алией.

Молодёжи в тот день было много. Алия все медленные танцы прокружилась с Анасом. А меня почему-то никто не пригласил. Ох, переживала: «Неужели я такая некрасивая?»

Как только стихла музыка, мы под ручку поспешили домой. За нами увязался Анас. Мы уже почти дошли до ворот, когда от удивления у меня глаза чуть на лоб не полезли: прислонившись к раздвоенной рябине, что росла возле бабушкиного дома, стояли два парня.

— Ого, Самат, Ильнур, что это вы в наших краях потеряли?

На вопрос Алии ответил Анас:

— Не видишь разве, они к нашей гостье пожаловали. Уйдём-ка, айда.

Я вздрогнула. Где-то на уровне груди вдруг сладко заныло. Новое ощущение не усиливалось и не уменьшалось.

— Пойду я. Пока, Алия! — я не заметила, как влетела в дом. Внезапно включился свет. Навстречу мне вышла мама.

— Пришла, полуночица? Глаза горят, как у кошки, прокравшейся в подпол, — мама по своему обыкновению беззлобно ворчала.

— Вы-клю-чи... свет... — папино сонное бормотание спасло меня. Я чмокнула маму в щёчку и скрылась в бабушкиной комнате.

— Спокойной ночи, мама с папой, смотрите, не слетите на пол!

— Эх, дитятко несмышлёное. А ещё парней за собой привела...

На следующий вечер эти два парня, словно тень, снова брели за нами. Возле самой калитки я хотела быстренько прошмыгнуть во двор, но один из юношей перегородил дорогу.

— Не спеши, красавица. Давай познакомимся: меня зовут Ильнур.

— Очень хорошо.

— А вон тот — Самат, — это Алия пришла на помощь молча стоявшему поодаль пареньку. Черноволосый, кудрявый, с гордо вскинутой головой и прямым открытым взглядом. Вдруг мне абсолютно без причины стало обидно. «И чего ходит провожать? А сам всё время молчит. Гордец!»

— Ну, мы пойдём, — Анас нежно погладил Алию по плечу.

— Не оставляй меня одну! — прошептала я на ухо Алие. Всё моё тело была мелкая дрожь. Странное состояние: и страшно, и приятно одновременно.

— Айда, присядем, — Ильнур потянулся к моей руке. Меня будто током ударило: я резко отдернула руку и прижала к груди.

— Эй, поосторожней на поворотах, землячок! — наконец-то и мне посчастливилось услышать густой грудной голос Самата.

Ильнур бросил в его сторону сердитый взгляд. Самат пристроился под рябиновой кроной. А на самой верхушке дерева сияла полная луна. Ну как не посмотреть на такую красоту?

— Пойдём мы, — Анас подхватил Алию под руку и повёл в сторону.

— Нет-нет! Я пойду домой... Алия, — я вдруг ощутила себя заблудившейся в дремучем лесу девочкой.

— Посидим уж, поболтаем, ну, пажа-а-алуста, — кривляние Ильнура ещё больше разозлило меня.

— Уходите отсюда! Я пошла домой! — крикнула я.

— Если хочешь домой — иди. А если останешься — тогда мы можем посидеть-поговорить, — произнесённые спокойным тоном слова Самата не на шутку распалили меня.

— Я сама знаю, что мне делать. У вас-то уж точно спрашивать не стану! — я увидела в тёмном окне силуэт мамы и поспешила затворить калитку...

Самое интересное произошло через неделю. В этот раз я приехала в деревню одна. Занятия в университете уже начались.

После танцев к нам присоединились те же два парня. Но теперь я воспринимала их как давних знакомых.

— Ты их не бойся. Они хорошие ребята. Там, где Самат, всегда порядок, — слова Алии добавили мне уверенности. Она почему-то всегда нахваливала Самата. А может, это я сама о нём расспрашивала.

Когда Алия и Анас традиционно удалились, я уже не боялась остаться одна с двумя парнями. Однако не успели мы дойти до нашей раздвоенной рябины, как поряточных парней словно подменили.

— Ну чё, крошка, давай, дуй домой. Мама заждалась тебя, наверное, — после этих слов Ильнура лицо Самата посуровело. Губы поджались, густые брови угрожающе срослись на переносице.

— Детское время закончилось, и для тебя, дружбан, и рот твой, я гляжу, устал от зевоты... Да третьей рябины для тебя не выросло...

Самат и Ильнур, словно два молодых петушка, упёрлись друг в друга злыми взглядами. Самат оказался выше Ильнура и шире в плечах. Я стояла и смотрела на происходящее, не зная, смеяться мне или плакать.

— Никого из вас не хочу видеть! Исчезните оба с глаз моих!

— Нет уж, или он, или я.

Что говорит этот нахал Ильнур?

— Я ухожу!

И тут случилось нечто совершенно для меня неожиданное. Самат крепко схватил меня за руку и потянул в сторону.

— Что ты делаешь, сумасшедший?!

— Сейчас же отпусти её! — вступился за меня Ильнур. Но Самат не спешил отпускать мою руку.

— Не бойся, пожалуйста. Пойми: так нужно, — прошептал Самат с интонацией вершащего доброе дело человека.

От страха я не могла ни кричать, ни сопротивляться — будто клочок бумаги на ветру, тащилась вслед за Саматом. Он завёл меня в бабушкин дровяной сарай и запер дверь на наружный засов.

— Выпусти меня сейчас же! Негодяй! Я буду кричать! Я бабушке про тебя расскажу и папе нажалуюсь! — я стала колотить в дверь. Но кричать в полный голос не решилась.

— Хорошо, хорошо. Потерпи немного! — слышались удаляющиеся шаги Самата.

— Пойдём, землячок, поговорим! — в дверную щёлку я увидела, как Самат хлопнул Ильнура по плечу, а потом они оба исчезли в темноте. Я тихонько заплакала.

Вдруг... От скрежета открываемой двери я вздрогнула. Передо мной стоял Самат. — Выходи, Джамиля... — он протянул мне руку. Я безропотно приняла помощь и протянула руку навстречу.

Мы вернулись к сдвоенной рябине.

— Где Ильнур?

- Ему спать пора. Домой он вернулся.
- Не ври! Ты избил его! Он жив?!
- Жив! — Самат громко засмеялся. — Переживаешь за него, что ли?
- Ни за кого я не переживаю!

Самат снова засмеялся.

- Чего ты всё смеёшься-то? Избил человека и...

— Над твоими словами смеюсь. С чего бы это нам, парням из одной деревни, драться? Да ещё из-за девчонки...

- Что-о-о?!

— Ты не замёрзла, Джамиля? — раздражённый начавшейся перепалкой мозг не смог по достоинству оценить заботу Самата.

— И что ты предпримешь, если я замёрзну? С чего это ты вдруг беспокоишься о пустяках, недостойных даже разбитого носа Ильнура?

Самат от души рассмеялся:

— Странная ты. Сначала переживала из-за драки. А теперь вдруг упрекаешь за то, что не расквасил Ильнуру нос.

- Делайте, что хотите. Мне всё равно.

- А мне нет!

Я онемела от неожиданности. Чувствовала только, как лицо медленно, но верно заливалось краской. Спелый помидор рядом со мной смотрелся бы, наверное, бледной поганкой.

Внезапно я почувствовала, что сильно замёрзла. Зубы залязгали в темноте, словно гусеницы трактора.

— Простынешь ведь, Джамиля. Иди домой, пожалуйста, на сегодня хватит впечатлений. А на следующей неделе опять приезжай, ладно? После танцев погуляем вдвоём.

Ничего не ответив, я ушла домой. И вообще, откуда взялся этот Самат? Кто он такой, чтобы приказывать мне? Не буду больше разговаривать с ним — а то слишком гордый стал, как я погляжу. Вот дура-то! Слушала его напыщенные речи. Надо было врезать ему пощёчину с правой и домой уходить...

Я чувствовала себя оскорблённой. Злость на Самата была выше меня ростом.

— Не приеду я на следующей неделе. А если и приеду, то в клуб ни за что не пойду! — только повторив эти гневные слова много

раз, я начала приходить в себя. Однако... обещания своего не сдержала. Кое-как дождалась следующих выходных...

«Бызз-зз!»

Мои слова высветились на телефоне Самата — именно об этом возвещал очередной зуммер. Неприятный звук заставил вздрогнуть: мы же с Радиком, моим одногруппником, в кино собрались сегодня. Стало стыдно оттого, что согласилась пойти вдвоём с незнакомым парнем. Я невольно закрыла лицо руками. Мои чистые воспоминания о Самате покрылись слоем жирной мохнатой сажки. Я закрыла глаза — из крошечной темноты на меня испытующе смотрел Самат.

Сон улетучился. Уперев взгляд в белизну потолка, я погрузилась в раздумья. Перед глазами мелькают картинки. Деревня, Самат, университет, домашние. Порой я завидую тем, кто пускается во все тяжкие, не зная сна и отдыха. Самату, например. Он постоянно строит какие-то планы, о чём-то мечтает. Переживает, если что-то из задуманного не получается. А я?

— Думай только об учёбе, дочка. Об остальном после получения диплома будешь переживать, — я не знаю, что ответить на эти папины подколы, которые он щедро распыляет, заметив мою уныло-сосредоточенную немоту в минуты застолья, или когда мы всей семьёй собираемся возле телевизора. Мне стыдно за свой беззаботный образ жизни.

Я лениво потянулась. Обула мягкие тёплые тапочки с заячьими ушками. Дома тишина — все на работе. Опять я до ухода в университет — одна.

Я раздвинула шторы — спальня стремительно наполнилась светом. За окном солнечно. В октябре такие погожие деньки по-особому приятны. Просыпаешься с мыслью, что за окном пасмурно и дождливо, недовольно бурчишь под нос всякие пакости, а на улице-то, оказывается, такая благодать, даже солнышко смеётся над тобой, ворчуньей.

Я вышла в зал и включила музыкальный центр. Встав перед зеркалом, принялась за гимнастику. Раз-два-три. И-раз-два-три... По телу побежала приятная волна.

Примерно так у меня проходит почти каждое утро. Выпив чай, я сажусь за подготовку к предстоящим парам. Обед, как всегда, подходит незаметно. Спешно крашусь, одеваюсь и убегаю. В прошлом году мы учились с утра. Хоть рано вставать, конечно, тяжело, но когда в час дня заканчиваются все лекции, то в твоём распоряжении — почти целый день. Хочешь, домой возвращаясь, а не хочешь, можно в кино сходить. А тут... и утром учёба, и вечером учёба. Ни на что другое времени уже не остаётся.

Взяла в руки тетрадку с лекциями.

— У вас на юридическом слов слишком много, по-моему. Я там не смог бы учиться, наверное, — я улыбнулась, вспомнив слова Самата.

Сегодня семинар по гражданскому законодательству. Слов много, понятное дело, но их ведь ещё наизусть надо знать! Не успела я прочесть первую строчку, как зазвонил телефон. На экране — обезьянья физиономия Радика: оттянутые уши, вытупленные и сведённые у переносицы глаза, высунутый язык и дебильная улыбочка.

— Привет, девчонка! Проснулась, что ли?

— Привет! Давно уж. Я же не ты...

— В универ собираешься?

— Да.

— Айда вместе? Я за тобой заеду.

Предложение Радика я приняла с радостью.

— О-о! Супер!

— К 12-ти подъеду, нормально?

— Хорошо!

— Пока!

Голос у Радика хриплый и дребезжащий. Видимо, не проснулся ещё как следует. Лентяй!

Я положила тетрадь на колени. Закрыла глаза — в темноте сияла белозубая улыбка Радика, еле-еле поместившаяся между ушей. В нашей группе он штатный кривляка и заводила. Начнёт «спектакль» — часами можно слушать, не надоест! А как же мы с ним познакомились-то? На вступительных экзаменах? Нет, тогда мы ещё не были знакомы. А-а! Когда мы с группой отмечали поступление, он меня на танец пригласил.

И вообще, наша группа везучая оказалась. Куратор — Булат Билалович — молодой, ему ещё и тридцати нет, неженатый.

— Поступление в университет должно остаться в вашей памяти как яркое знаменательное событие. Может, соберёмся в общежитии и устроим праздник, вечер знакомства?

Мы совсем не ожидали услышать такое предложение из уст преподавателя, и в один голос закричали:

— Ур-ра!

В эту секунду с места вскочил Радик.

— У меня есть предложение. В нашей группе в основном местные, казанские. Чем собираться в общежитии, может, лучше в коттедже отпразднуем?

Многие захлопали в знак согласия. А я испугалась. Отец меня ни за что непустит.

— Согласятся ли ваши родители? И денег на аренду коттеджа потребуется немало, — Булат Билалович начал было «топить» идею, но Радик не дал ему договорить:

— Деньги не потребуются. У нас есть пустой дом на окраине города. Баня, бассейн, джакузи, бильярд — всё есть, что нужно для отдыха.

— Ур-ра! — одноклассники опять начали хлопать.

— Вау! Радик, ты — супермен! — долговязый, словно жердь, Эдик с осветлённой по последней моде макушкой и длинными чёрными прядями, рассыпанными на две стороны, сгрёб Радика в охапку и попытался поднять. К нему присоединились и другие парни.

В конце концов и Булат Билалович согласился. Меня очень удивила сговорчивость наших девушек. Не желая быть белой вороной, я сказала: «Пойду!»

Удивительно, но мама, которая никогда не ложилась спать, не дождавшись моего возвращения откуда бы то ни было, сопротивлялась недолго. Если уж она разрешила, считай, что и папино согласие автоматически у тебя в кармане. В дом Радика я отправилась вместе с несколькими одноклассниками. Машин ни у кого в ту пору не было — восемнадцать-то не исполнилось ещё. Желающих трястись на автобусе не нашлось — заказали такси.

Коттедж Радика «подпирал» границу Казани. Несмотря на близость к шумному, кишасшему транспортом мегаполису, посёлок располагался в тихом сосновом бору. Идеально ровный асфальт проложен до самых ворот. Через распахнутые окна в комнаты врывается аромат хвои.

Мы остановились возле большого двухэтажного дома. С первого взгляда на здание из красного и жёлтого кирпича ощущалось, что здесь приложил руку умелый архитектор: несколько стилей гармонично перемешаны в облике дома. С какой бы стороны ни смотрел, вид один и тот же: два треугольника крыши с любого ракурса напоминают букву «М». Огромные окна с полукруглым верхом. Автоматические ворота — Радик открыл их с помощью пульта, не выходя из машины.

— О-о! Супер-пупер! — восторженно зашебетали мои одноклассники.

Радику такая реакция была по душе, улыбка опять еле поместилась между ушей.

Привезённая из кафе еда уже была расставлена на огромном столе в гостиной. Нам, девушкам, и делать-то ничего не пришлось.

— В зале — дискотека. Танцевать будем до упаду! — Радик широко улыбнулся и кивнул в сторону тёмной комнаты, освещаемой огнями светомузыкальных устройств, подобных тем, что сопровождают городские дискотеки. Оттуда едва уловимо доносилась музыка.

— Ур-ра!

Всю университетскую серьёзность с Булата Билаловича как водой смыло. А вскоре он откупорил бутылку шампанского и сам стал угощать студентов.

Я на празднике была единственным трезвым человеком. Прежде мне никогда не предлагали, да и дома у нас никто не пьёт — видимо, поэтому я не переношу даже запах спиртного. В школе одноклассники называли меня последним из мамонтов. А что тут возразишь-то: ни мамонты, ни трезвенники в природе уже не встречаются. Одна я — как стёклышко.

Желающих покинуть гостеприимный дом не наблюдалось — я поняла, что и мне придётся здесь заночевать. Девушки уже давно облюбовали стол для танцев. Некоторые парни, и Булат Билалович в том числе, спали, сидя на мягких диванах. А те, кто не хотел спать, «отрывались» в зале. Не зная, куда податься, я присоединилась к ним.

Радик, словно только и ждал моего появления, поставил медленную музыку. Парочки вышли на круг. Я поспешила укрыться в тёмном углу — присела на диван. Но Радик увидел, оказывается, мой манёвр — извиваясь и покачиваясь, он подошёл ко мне и пригласил.

— Ты совсем не пила, что ли? — это было первое, о чём он спросил меня, когда начался танец.

— Нет.

— Нет? — он откинул голову и посмотрел мне в глаза. — Как это? Ты болеешь, что ли?

— Нет.

— Не понимаю, — он остановился. — Неужели на столе не нашлось достойных тебя шампанского, вина или коньяка? Айда, я тебе кое-что покажу. Тут есть одна комната, а в ней спиртного — всё, что пожелаешь, любых сортов, — он хотел потянуть меня за правую руку.

— Не нужно куда ходить. Я вообще не пью...

Радик молча смотрел на меня, будто видел впервые.

— Не пьёшь? Не верю! Хоть убей, не поверю.

— А что тут удивительного. Разве мало таких, как я?

— Лично я вижу впервые, — он запрокинул голову и рассмеялся. — Ха-ха-ха...

От него густо пахло спиртным, похоже, он уже прилично «набрался». Вдруг он упал передо мной на колени.

— Что ты делаешь, Радик? Вставай, не смехи народ...

— Я преклоняюсь перед чистотой. Я тебя очень уважаю, Джамиля. Знай это. Если кто-нибудь скажет тебе что-то плохое или обидное — обратись ко мне. Ладно? — взгляды Радика уже не были столь возбуждёнными.

— Ладно, — сказала я, улыбнувшись. — Хотя кому нужно...

— И, — перебил он меня, — уважаю родителей, подаривших миру тебя!

— Спасибо...

— Я хочу знать: кто они такие, где работают?

— Папа — заместитель директора на одном предприятии, мама там же бухгалтером работает.

— А что это за предприятие?

— Кажется, они торгуют тракторами, машинами и ремонтируют технику.

— А это, случайно, не «Исправный двигатель»?

— Откуда знаешь?

Радик хитро улыбнулся. Потом он долго морщил лоб, силясь что-то вспомнить, и наконец выпалил:

— Ты не Зигангира ли Гайнуллина дочка?

— Да! — мне стало интересно. — Ты и с папой моим знаком, что ли?

— Знаком — это мягко сказано!.. — Радик задумался, не решаясь, сказать или нет. Видимо, не удержался: — Хозяин фирмы — мой отец. А исполнительный директор — моя мать... А скоро это предприятие переписут на меня.

Не стану скрывать, это было для меня полной неожиданностью.

— А ты... ты сын Рината Ризвановича?

После моей гениальной догадки Радик залился громким смехом.

— Получается, что так.

Мы подружились. Да, да, всего лишь подружились! Хотя почти все девушки в нашей группе тайно влюблены в него. А некоторые даже и не таятся. Девушкам нравится, что он симпатичный, весёлый, любит пошутить, но больше всего, конечно, что он — из богатеньких. А для меня он, прежде всего, приятель. С ним интересно общаться. Когда бы ты к нему ни обратился, у него всегда хорошее настроение. Он беспрестанно травит анекдоты. Поначалу я пыталась затыкать уши и не слушать, а сейчас привыкла. Радик без сожаления расстаётся с отцовскими деньгами. С восемнадцати лет за рулём. Мало того: меняет «рули» каждые полгода.

Наставления пахана — так он называет своего отца — он терпеливо выслушивает, где надо, поддакивает: «Да, папа, ты правильно говоришь, и я тоже так считаю», — а через некоторое время, хоп, — и деньги на новую машину у него в кармане! Я ничего не выдумываю, он сам как-то насмешил меня, поделившись секретом добывания денег.

Ездить с Радиком страшновато. Если его кто-нибудь обгонит, то он просто звереет — пока не достанет обидчика и не подрежет его, ни за что не успокоится. Сколько раз я зажмурилась от страха и невольно вскрикивала, сидя в его авто. Он ведь почти каждый месяц попадает в аварию и разбивает машину. Другой бы на его месте раскаялся и зарёкся гонять, а ему хоть бы хны:

— Честно говоря, надоела мне эта трахома. Теперь хоть повод появился поменять её.

Но самое интересное вот что: каким бы богатым Радик ни был, в нашей группе он самый «крутой» должник.

— Вчера в ресторане нехило оттянулся. Двадцать тысяч оставил. Займи пятьсот рублей... заправиться не на что, — над его просьбой я от души посмеялась.

— Объясни мне: как это человек, который за пару часов спускает двадцатку, не может найти пятисот рублей?

— Пахан прижимает. Старееет, видать.

— Да если бы не он, ты бы, ей-богу, давным-давно с голоду помер.

А у Радика на всё есть готовый ответ:

— Если бы он не знал, на что меня содержать, то и «клепать» не стал бы. А коли уж захотели родить меня — будьте добры, заботьтесь.

Хоть Радик и единственный ребёнок в семье, где все заботы и проблемы в одиночку «тащит» его отец, мне всё равно нравится общаться с ним. Он даже к нам домой несколько раз приходил. И маме моей он тоже понравился:

— Какой у тебя замечательный отец! И ты тоже молодец! Надеюсь, по окончании учёбы получишь хороший пост. И фирму тоже на тебя перепишут. Вот какой ты завидный жених-то! — а мне не нравилось, что мама вьётся вокруг Радика. И папа в знак протеста демонстративно поскрёб горло. А когда Радик ушёл, сказал:

— Ты отца-то его больно не захваливай. Пока он не выкупил завод, знаешь, как мы процветали. Люди с улыбкой шли каждый день на работу. А когда он стал единственным хозяином, и зарплата уменьшилась, и отношения в коллективе испортились. В те дни, когда бываю у него в кабинете, после приёма обязательно валидолом отпаиваюсь. Да и у сыночка его одна забота — языком трепать...

— За других горой постоять тебе только дай. И с главным бухгалтером зря ты каждый раз споришь из-за зарплаты. Это же всё на мне потом отражается. А про Радика плохо говорить много ума не надо. Второго такого жениха ещё поискать! — мама, отчаянно жестикулируя, кружилась вокруг папы, словно коршун, поджидающий удобный момент для того, чтобы накинуться на выводок цыплят. — Открытый, человечный, дочку твою на машине возит в университет...

— Мама! — мне надоело слушать этот разговор.

Уткнувшись в компьютер сестра тоже была на маминой стороне:

— Джамиля у нас — несмышлёный ребёнок. Была бы умной, не променяла бы сына директора фирмы на сына зоотехника...

— Правильно, говоришь, дочка, очень правильно. Фирма-то на его жену записана. А сам он в министерстве работает, — мама, обрадовавшись обретению единомышленника, воспрянула духом.

— Неважно, кто твой отец, важно, кто ты сам, — вступает в разговор папа. — Каждый должен самостоятельно добиваться успехов. И прошу вас, женщины, отстаньте от моей дочки, — я быстренько укрываюсь в папиных объятьях. Он меня очень любит. Никому не позволяет ругать меня.

— Раз такое дело, сама ходи с чудо-Радиком. А то ночи напролёт богатого принца в Интернете ищешь, высохла уже вся и пожелтела, — из амбразуры папиных рук я кидаю ядовитую гранату в старшую сестру.

... Иногда я совсем её не понимаю. Почему-то она всех людей сортирует по толщине кошелька и оттопыренности карманов. У него, видите ли, и машина не иностранная, и квартира маленькая да однокомнатная, и работает в простенькой фирме... Когда-то к сестре каждый день приходил парень по имени Ринат. Я ждала его прихода с нетерпением. Мне нравилось всё, что он делал и говорил.

Вот осторожно тенькнул звонок на двери.

— Дочка, Ринат пришёл, открой ему сама, — папа на цыпочках удаляется от двери.

Сестра ещё не успела закончить макияж, приплясывает возле зеркала: в спешном порядке расчёсывает волосы, визгливо ойкая на запутанных участках.

— Открой, пожалуйста, Джамиля. И папа наш — тот ещё фрукт: дойти до двери и не открыть её... — сестра бросает злой взгляд в зал, где папа обычно читает газету.

Я, повинаясь сестре, иду открывать дверь. Ринат-абый очень терпеливый и сдержанный. Сколько уже томится под дверями, но на звонок повторно не давит.

— Джамиля, доченька, пусть сестра сама впустит гостя, — от папиных слов я замираю на полушаге. — Поторапливайся, дочка!

— Индира! Не заставляй парня ждать! — из кухни слышен голос мамы. Сестра очень вспыльчива.

— Уф, достали уже! Делай то, делай сё!.. — от зеркала доносится стук пузырьков с косметикой, звук падающей расчёски. Демонстративно впечатывая шаги в пол, сестра идёт к двери.

— Дочка, гостя нельзя встречать с мрачным лицом, улыбайся...

— Не учи, сама знаю, что делать! — сестра не даёт папе договорить.

Я, желая поскорее утешить расстроившегося отца, забираюсь к нему на колени.

— Хорошо ещё, Джамиля доченька есть, — папа тихонько гладит меня по волосам. — И сама — ягодка, и слова — чистый мёд...

Как-то я спросила:

— Папа, а почему ты ко мне обращаешься «Джамиля доченька», а к сестре — «Дочка», а? — папа в ответ рассмеялся: — Потому что ты и есть доченька Джамиля!

— А почему тогда ты сестре не говоришь: «Индира доченька»? Объясни, пап, почему? — я сжала его щетинистые щёки ладонками и старалась смотреть прямо в глаза.

— Сестра же большая уже. А ты ещё малышка, вот поэтому... — папин ответ меня не удовлетворил. Я обиженно отвернулась.

— Обманываешь ты...

— Ну-ка, ну-ка, перестань хлюпать носом... Подойди-ка сюда... у-у-у, кое у кого уже и глаза на мокром месте...

А у меня и в самом деле две слезинки созрели. Папа вытер их большим пальцем.

— Ну всё, успокоилась, моя плакса?... Может, улыбнёшься уже?

— Папа, ну скажи же, скажи?

Чтобы я, наконец, отстала, папа открыл мне эту страшную тайну.

— Я для твоей сестры подобрал было имя — Зайнаб. Но маме оно не понравилось. Слишком древнее, говорит, таким даже в деревне давно уже не называют девочек...

— Папа, а кто меня называл Джамилёй?

— В этот раз я не стал доверять маме и назвал красавицу-дочку самым красивым именем на свете.

— Молодец, папуля! Мне моё имя очень нравится! — я положила голову на его широкое плечо, а он меня обнял.

... Вот, наконец-то, входит Ринат-абый. Бабочки-снежинки, присевшие на его идеально причёсанные волосы, тают на глазах, придавая праздничный блеск иссиня-чёрной шевелюре. В тепле комнаты очки прямоугольной формы, что так идут ему, покрываются испариной. Щёки и подбородок покраснелись на морозе. Он часто шмыгает разомлевшим носом, стараясь делать это как можно тише и незаметнее. Бородка и усы аккуратно, волосок к волоску, подстрижены, щёки гладко выбриты. Нерешительно переминаясь в коридоре, Ринат-абый мило улыбается, обнажая два крупных сливочно-белых резца.

— Здравствуйте, Зигангир-абый, Ильхамия-апа. Привет, Джамиля!

Как же мне нравится это его «Привет, Джамиля!» Папа, не выпуская из рук газету, направляется к гостю.

— А-а, Ринат, как дела?

— Слава богу, Зигангир-абый. А у Вас?

— Всё хорошо. Давай, проходи.

— Спасибо, спасибо.

Ринат-абый, изрядно смутившись, протягивает маме коробку конфет.

— Сколько раз я тебе говорила, не носи ничего, просто так приходи, а ты не слушаешься. Каждый раз с подарками-то не находишься... — мама, причитая, берёт ко-

робку и уходит на кухню. В это время Ринат-абый достаёт какую-то вещицу из кармана и, глядя на меня, хитро улыбается.

Я сама не замечаю, вскрикиваю:

— Киндер-сюрприз! — но через секунду я, тринадцатилетняя девица, готова сквозь землю провалиться от стыда, лицо моё непрезентабельно краснеет.

Сестре двадцать два года. Она старше меня на девять лет. Поэтому я всегда остаюсь для неё ребёнком.

— Ну-ка, доченька моя Джамиля, посмотрим, что в этот раз спрятано в яичке? — папа берёт меня за руку и уводит в зал. Но сам не забывает держать ухо востро: разговор сестры и Рината-абый очень ему интересен.

— Чего ты копошишься-то, давай живее. Снимай пальто, ботинки ставь сюда, ближе к батарее. Ты опять пешком? Имея свою машину... — сестра в своём репертуаре: раздаёт приказы направо и налево.

Ринат-абый молча выслушивает все замечания сестры, не обращая внимания на её поторапливания, неспешно снимает пальто. Повертев туда-сюда, внимательно его осматривает. Отряхивает капли воды от растаявших снежинок и аккуратно вешает на плечики.

— Пошли в мою комнату! — терпение сестры на пределе. Ринат-абый достаёт из кармана носовой платок, аккуратно сложенный ровным прямоугольником. Подув на стёкла очков, тщательно их протирает. Только после этого он следует за сестрой. По пути не забывает взглянуть в зеркало. Оттопырившуюся прядь волос приглаживает пальцем.

— Что вышло, Джамиля? — несмотря на то, что в комнате его ждёт сестра, он сначала заходит в зал.

Я смущённо опускаю голову.

— Робот. Самое нужное для нашей дочки, — краем глаза вижу, как папа, игриво вскинув брови, улыбается Ринату-абый.

— Ладно, в другой раз попрошу у продавщицы, чтобы дала мне киндер-сюрприз с куклой.

Хорошо, что папа меняет тему разговора, а то лицо моё пылает со стыда похлеще солнца на закате.

— Дела идут, Ринат? Народ на тот свет не торопится?

— Тьфу-тьфу, в этом месяце летальных случаев как будто даже меньше обычного. Больных своевременно доставляют к нам.

Ринат-абый — врач-травматолог. Пострадавших в авариях, получивших переломы, вывихи и ушибы везут прежде всего к нему.

— Дай Бог, чтобы и дальше так было. Для человека самое важное — это здоровье.

— Да. А как у вас торговля идёт, объёмы не уменьшились?

— У нас всё стабильно. Как говорится, ни вперёд, ни назад. Новую технику потихоньку реализуем. Сломанную — ремонтируем. В частных фирмах всё зависит от настроения хозяина...

— Чай готов! Идёмте! — мама уже в зал успела прийти.

— Пойдём, Ринат, а то чай остынет. Джамиля, доченька, давай не будем дожидаться повторного приглашения.

Мы все дружно рассаживаемся. Подаренную коробку конфет мама поставила в центр стола. Вкусные, м-мм! С орехами! Ринат-абый всегда такие приносит. Будто знает, какие мне нравятся.

Пока я наслаждаюсь гостинцами, сестра берёт гостя за руку и уводит к себе в комнату.

— Спасибо, мамуля, чай был очень вкусный, — папа тоже выходит в зал. Я остаюсь мыть посуду.

Крутящаяся возле плиты мама очень часто бросает быстрый взгляд на дверь комнаты Индиры.

— О чём они там говорят, интересно?

— О свадьбе, наверное...

— Откуда знаешь?

— Так ты сама всё время говоришь сестре: «Твое время пришло!»

Кастрюля и крышка в маминых руках стучат друг о друга.

— Мала ты ещё, чтоб рассуждать на эти темы, дочка!

— Но я же только повторяю твои слова, мама!

— Если с этих лет ты уже начала рассуждать о замужестве, боюсь, что даже школу не станешь заканчивать!

Мне нравится дразнить маму.

— Ты же сама говоришь, если до двадцати двух лет не вышла, то потом уже вряд ли...

— Джамиля! — мама зло смотрит в мою сторону. Вдруг неожиданно для меня, да и для себя, наверное, тоже, заливисто хохочет и ласково хлопает меня по спине.

— Птенчик ты мой маленький...

Не поймёшь эту маму! В основном она строгая. И даже суровая. Постоянно кого-то ругает. А мне больше нравится, когда она такая, как сейчас.

В это время открывается дверь сестриной комнаты.

— Спасибо, Зигангир-абый, спасибо, Ильхамия-апа, — Ринат-абый снимает с вешалки пальто.

— Ну что уж ты. Это тебе спасибо, посидел бы ещё, — мама тоже вышла провожать Рината-абый.

Мы вчетвером смотрим, как Ринат-абый неторопливо накидывает пальто, аккуратно застёгивает пуговицы, долго зашнуровывает ботинки.

— До свидания, — Ринат-абый берётся за дверную ручку. — Затем поворачивается ко мне: — Пока, Джамиля!

— Пока, Ринат-абый. Приходи ещё.

Все разом хохочут.

— Молодец, дочка, — папа кладёт тяжёлые руки мне на плечи и прижимает к себе.

— Приду, раз Джамиля позвала. Теперь не прийти невозможно.

— Дочка, ты провожать Рината не идёшь, что ли? — папа удивлённо смотрит на сестру.

— Не надо, Зигангир-абый. В коридоре сильно сквозит. Простынет ещё.

Закрыв дверь, сестра поворачивает барашек замка и быстрыми шагами уходит к себе. Мама увязывается за ней. Поближе к двери Индириной комнаты тихонечко пристраиваюсь и я.

— Поругались, что ли, дочка? — голос мамы встревожен.

— Нет, что ты!

— А что хоть говорит-то?

— Да утомил рассказами о больнице. Можно подумать, других тем для разговора не существует...

— Что поделять, дочка, вся жизнь у врачей в больнице проходит, — после недолгой паузы мама продолжает: — Но врачи, в общем-то, живут неплохо. Падарки-мадарки там разные... канфеты-манфеты, каньяки-шманьяки...

— Наверное, но только его это не касается. «Взятки ненавижу. С ними бороться нужно», — постоянно твердит он. «Ни от кого ничего никогда не возьму. Я, — говорит, — слово себе дал».

— Вот оно что, — голос мамы в этот раз огорчённо-озадаченный.

Но мне их разговор не интересен, потому что после каждого визита Рината-абый они судачат об одном и том же.

— О чём они там болтают, спрятавшись от нас, а? — папа проявляет любопытство.

— Косточки промывают Ринату-абый. Типа, неправильно живёт он, подарков не берёт...

— Ну да, женщины, как всегда, о своём, о разбитом корыте. Замечательный парень! Чего им ещё надо?..

Однажды сестра вернулась домой зарёванная... Не раздеваясь, прошла к себе в комнату. Из-за двери послышался придавленный подушкой плач.

— Что случилось, Господи?! — мама побледнела. Она в который раз пытается уговорить сестру открыть дверь:

— Индира! Доченька, открой, умоляю! Кто тебя обидел?..

В комнате сестры тишина. Через некоторое время до нас доносятся сдавленные рыдания.

— Зигангир, может, тебя она послушается? Ты же отец, — мама пытается растормошить папу.

Папа, стянув на кончик носа очки и отложив газету, пытается успокоить маму, глядя на неё снизу вверх.

— Займись делом, Ильхамия. У девочек судьба такая — плакать.

— Эх, что с тобой говорю, что со стеной, — мама, возбуждённо жестикулируя, уходит.

Я ещё сильнее лгну к папе. Прижимаюсь ухом к его груди. Мама не права: папа переживает. Сердце его громко бухает.

— Папа!

— Что, доченька?

— Мне кажется, Индира и Ринат-абый поссорились.

— Откуда узнала?

— Подслушала, как они по телефону вчера разговаривали.

— Взрослым девочкам нельзя так вести себя, Джамия, — я выскользнула из папиных объятий. Встала и собралась было уйти, но папа взял меня за руку и усадил к себе на колени.

— Ну ладно, на этот раз прощаю. Но больше ты так не будешь поступать, договорились?

Словно только и ждала папиных слов, на глаза навернулась слёзная пелена. Увидев это, папа от души рассмеялся:

— Ну вот, опять двадцать пять! А я ведь даже слова не успел сказать! — он вытер подушечками пальцев мои слезинки. — Раз уж начала говорить, продолжай. О чём они говорили?

Мне уже расхотелось делиться с папой секретом, но я всё равно рассказала.

— Ринат-абый позвонил и сказал, что не сможет прийти, ему нужно ознакомиться с новой научной работой. А Индира принялась ругать его: «От учёбы твоей никакого проку, только горб себе наживёшь, да зрение посадишь».

— И когда она успела этой «мудрости» нахвататься? — папа расстроено покачал головой.

— Видимо, Ринат-абый ей что-то ответил, и Индира опять завелась: «Кому нужны твои знания, если от них в карманах пусто? А ещё жениться собрался! Я с бедняком жить не буду, так и знай!»

Папа удивлённо посмотрел на меня, будто видел впервые. Потом крепко обнял и тихонько прошептал:

— Почему так сильно изменилась твоя сестра? Раньше ведь она была совсем другой.

Папа задумался. Я не решилась встревать в его мысли. Мне показалось, в считанные мгновения морщины на его лице стали ещё глубже. И седых волос будто бы добавилось.

— Деревню она не любит. Дедушка, пока жив был, частенько поругивал её, даже этого не смогла перенести. Жаловалась, что работы много. А бабушку не любит за то, что она, видите ли, много говорит. Ребёнок, не познавший воспитания бабушки и дедушки, совершенно другим вырастает. Такие живут только сегодняшним днём и только ради себя.

Дверь комнаты Индиры не спешит отворяться. Мама нет-нет, да прислушается, что там и как, но рот раскрывать не решается.

— Папочка...

— Да, Джамиля, — он вздрогнул и поднял голову.

— Дорасскажу уж, а...

— А, давай, давай...

— Потом Ринат-абый выключил трубку. Мне кажется, что он больше никогда не позвонит сестре, и провожать тоже не будет.

— Почему, доченька?

— Ему нужна другая девушка. Которая будет понимать его.

Папа удивлённо посмотрел на меня.

— Вот как. А Индира наша, значит, плохая?

— Ей же нужен двухметровый красавец с коттеджем и иномаркой. А над Ринатом-абый она издевается даже за то, что он очки носит...

В эту секунду открылась дверь. Сестра с опухшими, красными от слёз глазами как ни в чём не бывало прошла в ванную. Мы втроём, уставившись на дверь ванной, ждали, пока она выйдет.

— Кушать хочу, я голодна, — сестре не было никакого дела до наших вопросительных взглядов. В тягостном молчании мы набивали желудки, погрузившись каждый в свои мысли. С того дня разговоры о Ринате-абый в нашем доме не велись. Ой, нет, ошибаюсь: однажды я слышала, как родители перешёптывались между собой.

— Похоже, Ринат оказался не таким уж славным парнем, за нос нас всех водил, — сказала мама.

Стальные нотки несогласия в голосе папы заставили её замолчать.

— Я так не считаю. Индире самой нужно быть посдержанней в желаниях и эмоциях. Ринат замечательный молодой человек. Воспитанный, образованный, основательный...

— Ай... Вот вечно ты так: образованный да воспитанный! — возразила мама. — Сейчас другие времена, иные качества в цене. Теперь важнее, чтобы парень был хваткий да изворотливый, а не слюнтяй-очкарик.

— Что Вы такое говорите, мамаша? — папа, чтобы не распалиться, сделал паузу. — Образованные люди всегда востребованы. Даже если предположить, что его образованность и порядочность не нужны в работе, то для семейной жизни — это первейшее условие. Ладно, проехали. Было и прошло. Не маленькие, сами знают, что им надо...

— Вот именно, что не знает, — мама обиженно шмыгнула носом, — вон, посмотри, ходит квёлая какая-то вся, без настроения. С работы вернётся и в Интернет ныряет. Боюсь, познакомится с каким-нибудь проходимцем. Там же кого только нет...

— Хватит! Чепуху молоть, что грязь разводить! — папа ставит точку в споре.

Сестра почти каждый день «торчит» в сети. Мама переживает. Из кухни доносится её негромкое ворчание:

— За мной трое парней ухлёстывало. Лица в кровь разбивали друг другу из-за меня.

Мне нравится дразнить маму. Из окопа папиных объятий мечу в неё очередную колкость:

— Ну и за кого же из них ты вышла замуж?

— Ни за кого, к сожалению. За папу твоего!

Папа мне подмигивает. Мол, пусть продолжает.

— Вот видишь! Ты тоже долго выбирала. Ухажёров-то много, а муж — один.

— Пять лет в общежитии промаялись. Это в последние несколько лет только у нас жизнь наладилась... А у Радика уже сейчас всё продумано и предусмотрено. Вот повезёт кому-то с мужем.

Мы с папой стараемся не принимать всерьёз мамино бурчание, прикрыв ладонями рты, тихонько посмеиваемся.

— Вот и я сделаю также, выйду за того, кто за мной не ухаживал...

— Молода ты ещё, ребёнок несмышлёный, — из кухни доносится ожесточённый грохот посуды. — Вот и я по глупости смолоду-то...

Папа вскакивает как ошпаренный и быстрыми шагами уходит из комнаты.

Вот так вот Радик нарушил спокойное течение жизни нашей семьи.

Я — РАДИК

Что-то сегодня настроение на нуле. Из-за того, что домой вернулся только на рассвете, что ли? Вроде бы вчера ничем непосильным не занимался. С друзьями в бильярд играли да кальян в кафешке курили. В ночных гонках не удалось победить, видимо, из-за этого мрачновато мне. Это пахан во всём виноват, куркуль. У моих приятелей давным-давно «порши», «мерсы», «аудиохи» по три да по четыре миллиона каждая. Моя «Тойота» и половины не стоит.

— Всё равно ты за полгода убьёшь машину. Мне жалко терять четыре миллиона на твою прихоть, — говорит мне старый жмот.

А-а, я же вчера ещё с Динарой поругался. Когда Эдик первым приехал на гонках, та сразу на шею ему кинулась. По правде говоря, мне до неё никакого дела нет.

— Ах, белый «Мерседес»! Ах, это же моя мечта!.. — восторгается она, а сама на меня косится. Думает, что я ревновать начну. Как бы не так, держи карман шире! Целый день проездила со мной, а теперь, значит, белого «мерина» ей подавай — надо было сразу выпихнуть её из машины...

— Шлюха! — горько выругался я в сердцах. — Век бы не видеть её приторной морды.

Да только она почти каждый день приходит к нам. Они с моей мамой закадычные подруги. «Вот, переписали на Радика коттедж в пригороде Казани. В будущем и завод на него перепишем. В министерстве ждут, когда он получит диплом, чтобы взять его на работу. А отец на окончание учёбы обещал какую-нибудь фирму подарить», — и как только мама не устаёт повторять одно и то же?

Отец Динары и мой пахан — приятели.

— Они очень богатые, — всегда напоминает мама, когда речь заходит о Динаре. — У них даже вилла есть в Каталонии, на берегу Средиземного моря.

— Знаю. Динара после окончания универа туда собирается переехать. Хочет продолжить учёбу в Мадриде. Ты хочешь, чтоб твой единственный сын уехал за границу?

— А ты насовсем-то не уезжай. Будешь навещать к ней иногда. А может, и она вернётся.

Я только рукой машу.

— Я сумасшедший, что ли, жениться? Возьму вот и совсем не женюсь!

Мама воспринимает мои слова всерьёз, вздрагивает:

— Динару нельзя упускать. Не теряй времени, другие-то наверняка не дремлют, крючки забрасывают.

— Если она так нужна вам, пусть отец возьмёт её себе второй женой.

— Эх, молод ты ещё — ничего не понимаешь в жизни. Гусь свинье не товарищ.

— А чем тебе свинья-то не понравилась? — прикидываюсь я дурачком. — Татары теперь очень даже дружны со свиньями. Твоя Динара, между прочим, готова у каждого парня на шее повиснуть.

— А ты не зевай! Подставляй свою!

— Она пьёт без меры...

— Образумится со временем...

— Да с ней же ни о чём серьёзно не поговоришь...

— А зачем тебе разговаривать с ней на серьёзные темы?

Я хочу подразнить мать.

— Если будете меня доставать, возьму и женюсь на Джамиле!

— Джамиле? А кто она?

— Дочка твоего заместителя.

Глаза у матери неестественно округляются.

— Перестань нести чепуху. Я этим ишаком и на работе по горло сыта. А ты ещё хочешь сюда дочку его привести!

... В этом году мы с Динарой целый месяц жили на их вилле в Льорет-де-Маре.

Городок небольшой, но жизнь в нём кипит. На улицах полно молодёжи. Поют, танцуют. От дома Динары до моря каких-нибудь десять минут неспешной ходьбы. Из окон второго этажа можно любоваться морскими пейзажами.

В первые дни было просто превосходно! Мы беззаботно валялись на песчаном пляже, загорали, купались. Динара умеет показать товар лицом — её стройную, приобретшую под солнцем Испании дивный шоколадный оттенок фигурку окрестные парни просто пожирают глазами. А мне жутко гордо от того, что я под ручку веду эту красавицу к морю.

О-о, эта средиземноморская, солёная и прозрачная, будто родниковая, вода! Рассекая невысокие волны, мы с Динарой входим в море. Солёная вода попадает в рот, разъедает глаза, но нам хорошо: пока волна идёт к берегу и возвращается обратно, мы, укрытые водяным валом, успеваем всласть нацеловаться. Губы наши растрескались, но страсть всё не унимается... По ночам бурунчики этой страсти превращаются в настоящее цунами...

Но через несколько дней нам уже расхотелось ходить к морю. В городке не осталось ни одного магазина, кафе и ресторана, который бы мы не посетили.

— Поехали в Барселону! — предложил я Динаре.

— Я хочу посмотреть корриду! — глаза Динары заблестели. — Завтра же!

— Завтра же! — повторил я.

Настроение — на подъёме, душа опять запросилась в полёт, крыльями зашуршала. Мы решили отметить предстоящую поездку в ресторане. Коньяк! — как классно, что существует такой напиток. Только он может приподнять настроение. Я, как бывалый дегустатор, один за другим заказал самые дорогие сорта. Белозубая улыбка смуглого официанта вскоре перепорхнула и на моё лицо. Мне казалось, что все вокруг улыбаются, все посетители необычайно красивы и доброжелательны. Непонятно откуда, словно из тумана вышли, за нашим столом появились два парня. С трудом шевеля растянутыми до ушей губами, пытаюсь выяснить, кто они: оказалось — местные. Тот, который навалился плечом на Динару, представился: «Антонио!» Динара сияла, как свежесмытое летним дождём солнце, и беспрестанно о чём-то щебетала. Мне показалось, что проворные руки Антонио чем-то заняты под столом. Вдруг кровь прихлынула мне в голову. Я, сжав кулаки, начал подниматься. В это мгновение парень протянул мне фужер.

«Дзиинь!»

— Ты в Барселону поедешь? — спросила у меня Динара.

Будто не услышал её вопроса, я прикрыл глаза. Голова раскалывалась: хотелось волком взвыть.

— Э-эй, красавчик!

Голос приблизился.

— Барчук!

Я открыл глаза: передо мной в костюме Евы стояла Динара. Красивая, чертовка. Ни помятое от бессонной ночи лицо, ни покрасневшие глаза не испортили её дивную статью. Бритый треугольник, покрытый лёгкой, едва заметной щетиной, перетянул мой взгляд на себя.

— Ха-ха-ха! — охрипшим голосом рассмеялась Динара и, вытянув и скрестив над головой руки, нырнула в бассейн. Вода радостно всколыхнулась.

Сжав ладонями раскалывающуюся голову, я силенка вспомнить подробности вчерашнего вечера. Из ресторана мы, кажется, вернулись втроём. Или мне это только кажется? Нет, каталонец, а может быть, баск, увязался с нами. Антонио, по-моему?

— Антоша! — обращалась к нему Динара.

Мозг отказывался сообщать. Я потянулся за чашкой с водой.

— Прыгай сюда! — извиваясь прекрасным телом, Динара наслаждалась в голубой воде бассейна.

Я закрыл глаза.

— Эй, красавчик! — не успел я опомниться, как Динара, разметав мокрые длинные русалочки пряди, навалилась на меня...

В один из дней, когда мы с Динарой мирно возлежали на испанской кровати, у нас завязался разговор.

— Ты моей маме очень нравишься. Она видит в тебе будущую невестку, — начал я.

— А я не против. Поженимся и будем здесь жить. Прикольно же?

— Мне тут не нравится.

— Ну тогда поедem в Барселону или в Мадрид. Купишь дом, и...

— При чём тут дом?.. Просто мне нравятся чистые девушки...

— Чего? — в глазах Динары отразилось крайнее удивление. — Не поняла?

— Я хочу, чтобы моя будущая жена была чистой...

— О-о-о, да у тебя просто кладёшь мудрости в голову. Давай, беги, женись. Если найдёшь такую... — она отвернулась.

— Такие девушки есть... — мне хотелось позлить её.

Динара молчала.

— А я у тебя какой по счёту?
Динара затряслась в беззвучном смехе.
— Второй!
— Почему-то я всегда вторым остаюсь, — сказал я, не скрывая гнева. Динара мне прилично опротивела. Чем ближе был срок нашего возвращения, тем чаще я вспоминал Джамилю.

Я — ДЖАМИЛЯ

В ожидании Радика я включила компьютер. Вошла в Интернет и открыла страницу сайта знакомств. Что за напасть такая: каждый день даю зарок не садиться за монитор — и каждый день не могу совладать с соблазном, нарушаю своё обещание, погружаюсь в виртуальный мир. Могла бы ведь заняться чем-то полезным, так нет: убиваю время, перебрасываясь с друзьями всякими пустяжными фразами, оценивая их фото, размещая свои снимки. Я-то ещё ничего. А вот сестра намного чаще «трепыхается» в сети. С работы вернётся, чаю выпьет и утыкается в экран, ничего не слыша и никого не видя вокруг. Когда нам вдвоём стало трудно «уживаться» за одним компьютером, она купила себе ноутбук.

— Да что там у вас такого происходит-то интересного? — спрашивает иногда папа, устав смотреть на наши отсутствующие лица.

— Парни! — отвечаю я шутливо.

— Теперь женихов так ищут, что ли?

— Не только женихов, но и тёщ! — я прыскаю, радуясь своему остроумию.

— Ну, тогда и выходите замуж каждая за свой компьютер, — затем, посерьёзнев лицом, папа продолжает: — Всё меньше парней, крепко стоящих на земле, а не скрючившихся перед телевизором. Деревни вымирают. Если не станет деревень, то и настоящие парни переведутся. Что ни говори, но если юноша рос вдали от родных просторов, никогда не ходил босиком по тёплой земле, не обжигал росой стопы, не впитал вольного духа природы, то он вырастет другим человеком. Героюствуя перед экраном в компьютерных играх, далеко не уйдёшь, многого не достигнешь. Ищите земных парней, дочки, земных! Да только они перед вашими мониторами время-то не убивают...

— Пусть сидят! — вступает за нас мама. — Время сейчас такое. Молодёжь в компьютере знакомится, с его помощью общается...

Есть ещё одна причина, из-за которой меня тянет на сайт знакомств — с недавних пор я завязала переписку с одним интересным парнем. Странноватый он, конечно, но не лишён заманчивого своеобразия. Станный, но покоряет своими умными мыслями. И на фото вполне симпатично выглядит. А фоток так много у него. Каждый день меняет. Айзар его зовут. Коренной казанец. Мой ровесник. Учится на филологическом факультете. Причина его странности и его своеобразия одна — он поэт. Что только не пишет мне Айзар, чего только не обещает. А сам ни разу меня не видел.

Айзар, когда бы я ни зашла в Интернет, всегда — в онлайн. Что днём, что ночью.

— Ты совсем не ешь и не спишь, что ли? — пишу я ему.

— Я каждую секунду неотрывно жду твоего появления в бескрайнем и бездонном море Интернета. Твоё имя для меня — и вода, и еда, и сладкий сон... — от такого ответа я таю, конечно. Одно слово — поэт! Умеет найти самые трепетные слова.

Вот и за сегодняшнюю ночь прислал два письма. Одно в час ночи, другое в три утра. И откуда он берёт силы сидеть в такое позднее время у экрана?

«Ты, наверное, сладкие сны сейчас смотришь. А я вот тоскую по тебе. Глаза пожирают экран. Там твоё улыбающееся лицо. Знаешь, а я ведь ревную — к укутавшей тебя темноте, к обнимающему твой стройный стан одеялу, к разнежившейся под твоими светлыми прядями подушке. Я хочу быть на их месте...»

Вот ненормальный! О чём размечтался-то в час ночи. Оторвавшись от экрана, я поворачиваюсь к зеркалу: лицо краснющее. А глаза горят яркой насыщенной зеленью. Боже, что я делаю? Абсолютно бессовестным образом читаю бесстыжие признания незнакомого человека! Хорошо, что папа с мамой меня не видят!

Я снова поворачиваюсь к экрану. Ещё ведь одно письмо осталось. Не в силах бороться с соблазном, открываю и его.

«Я всё ещё жду тебя. В моих мечтах мы уже встретились. Мы летим с тобой вдвоём по просторам Вселенной. Внизу проплывают огни городов. Они удаляются от нас с каждым мгновением. Впереди — свет. Это зарево нашей планеты. Взявшись за руки, мы спешим туда, торопимся...»

Дурачок! Сатай-матай, как говорит моя бабушка! Постой-ка, а это что ещё за трёхстишие? Мамочки, да ведь оно же мне посвящено!

Джамиля, все звёзды мира

Брошу я к твоим ногам!

Ты — моя! Другому не отдам!

— Ха-ха-ха! — я рассмеялась каким-то незнакомым голосом. Но мне действительно было странно, очень странно.

Перед глазами встал Самат. Серьёзный. Деловой. Никогда просто так болтать не станет. Вот Радик. Хитро подмигнёт и выдаст какую-нибудь историю, от которой потом все будут смеяться до колик в животе. Похвастается машиной. Расскажет о том, как прошла дискотека, какой девушке, каким способом вскружил голову. А этот... Не знаю. Не понимаю даже, каким его себе представить. Почему-то кажется, что у него и ног-то нет вовсе. А вместо рук — крылья. И будто он на кнопки клавиатуры крыльями нажимает. Но в то же время присланные им строки хочется вновь и вновь перечитывать. Ведь от Самата я никогда не слышала таких слов.

Я — АЙЗАР

— Сынок! Сынок, проснись. Сегодня опять, что ли, занятий нет?

Голова тяжёлая, как гружёная фура. Голос бабушки доносится откуда-то издалека, с другой планеты.

— Встаю, бабушка, только не тереби меня...

— Не тереби... Обедать пора, а ты ещё не завтракал. Солнце-то уже, глянь, на закат покатилося...

— Моё солнце только всходит ещё. Уф-ф! — ладошками пытаюсь разгладить помятое сном лицо. Глаза не разлипаются, ресницы склеились — в пять утра лёг спать, ничего удивительного.

— Опять всю ночь просидел ведь, сынок. Сожжёшь глаза-то, одумайся!..

— Поэму писал, бабушка, — я и вправду сел вчера с этой целью за компьютер — но в итоге ни одной строчки не выдал.

— Паима... это опять стихи-михи, что ли?

— Да, бабушка. Да.

Сегодня, похоже, снова не смогу сходить в университет. Третий день уже не появляюсь там.

Я беру телефон. Четыре раза звонила староста. Есть и sms от неё.

«Привет, Айзар! Ты живой? Преподы интересуются: что мне отвечать-то? Когда появишься?»

— Тьфу, мелочная какая!

Нужно что-то ответить. А кто знает, может, действительно переживает. Я быстро пробегаюсь по кнопкам телефона.

«Привет, Гульнара! Я жив-здоров. Сейчас в Москве — на Международном форуме молодых писателей. Завтра вернусь».

Перечитываю sms — солидно отписался, вроде. Надо будет и учителям то же самое «впарить». Самые дотошные будут докапываться, конечно, но я что-нибудь придумаю, как отбить у них интерес, как заткнуть им рты.

Решив вопрос, я опять заваливаюсь на подушку.

— Сынок, я чай заварила. Ну-ка, ну-ка, хватит валяться, вставай, ты же не маленькое дитя...

Пришлось послушаться бабушку. Всё равно не даст поспать. Если я ещё немного поваляюсь, придёт и начнёт рассказывать о том, как она с двенадцати лет в колхозе надрывалась, как с рассвета до заката в поле хлеб жала. Лучше встать, от греха подальше.

— Опять за эту стекляшку засядешь, что ли? — не успел я включить компьютер, как бабушка подскочила ко мне.

Ну что не нравится этим взрослым, а? Вот и папа с мамой чего только не наговорят в мой адрес.

— Парень, бросай ты эту пустяковую возню. Тебе хозяином нужно становиться — сидя за экраном, на хлеб не заработаешь, — папа каждый день повторяет эту фразу.

— Ты посмотри на себя: глаза ввалились, худющий, горб режется, — пытается пугать меня мама.

— Похоже, конец света приближается. Говорят же, все люди разум начнут терять перед этим, — бабушка, стараясь сделать это незаметно, шепчет за моей спиной молитвы.

Это — мой мир. Я без Интернета не проживу. Что может быть хорошего в университетских лекциях? Зачем тратить время на выслушивание нудного бубнёжа престарелых преподавателей, то и дело подглядывающих в свои пожелтевшие тетради, пичкающих студентов теориями, занесёнными туда ещё в середине прошлого века. А в Интернете — новизна на каждом шагу! Хочу — читаю только вчера написанные стихи и поэмы. Хочу — кино смотрю. Но самое интересное — здесь я могу общаться со многими людьми. Здесь я ощущаю себя настоящим мачо. У меня более четырёх с половиной тысяч друзей. Три тысячи из них — девушки. Мне очень нравится писать им комплименты. Они меня любят!

И сегодня первым делом зашёл на свою страничку сайта знакомств. У-у! Всего за несколько часов ко мне в друзья napросилось тридцать пять человек! Двадцать писем пришло!

Я торопливо читаю новые письма. Самое последнее от Джамили. Джамиля!

«Доброе утро, ночная птишка. Извини, пока ты мечтал, сидя у монитора, я действительно спала. Мне очень понравилось всё, что ты написал, особенно стихи!»

У меня будто крылья выросли. Такие простые с виду слова, а я на седьмом небе от счастья. Захотелось всё новых и новых стихов. Кстати, о стихах. Сегодня на заседании секции поэзии Союза писателей должны разбирать мои стихи. К трём

часам мне нужно быть там. Значит, новые посвящения Джамиле напишу только вечером.

«Я и в свой статус написал, что влюблён в тебя. «У меня есть любимая девушка», — это про тебя», — представляю, как обрадуется Джамия, прочитав такое. Прежде чем выключить компьютер, я зову бабушку.

— Нравится тебе вот эта девушка? — спрашиваю её, увеличив во весь экран фото Джамии.

Некоторое время бабушка молча разглядывает снимок.

— Взгляд внушает доверие. А кто это?

— Джамия!

— Джамия? Красивое имя.

— Да и девушка ему соответствует!

Я — ДЖАМИЯ

Неожиданно мне стало стыдно. Зачем я общаюсь, вернее, переписываюсь с этим неизвестным человеком, с оторванным от земли поэтом? С чего бы это ему быть влюблённым в меня? И что скажет по этому поводу Самат, если вдруг узнает?

— Это всего лишь детские игры, — успокаиваю я себя.

Всё, с сегодняшнего вечера ничего больше не буду писать ему. А если всё-таки не сдержусь и напишу? Я ведь всего лишь слабая девушка. И я тоже достойна красивых и нежных слов в свой адрес. А Самат всё равно не станет заходить на эти пустяшные, как он считает, сайты.

Дверной звонок оторвал меня от раздумий. Это Радик подъехал.

— Ну чё, рванули? — предложил он с порога.

— А зачем ты поднялся-то? Надо было позвонить из машины, я бы вышла.

— Подумал, что чаем угостишь, — он, по обыкновению, призвал на помощь всё своё бесстыдство. — Неужели не предложишь?

— Зачем же, с удовольствием угощу тебя.

— Можешь не торопиться. Почему-то мне не хочется идти на первую пару. Давай, «засолим», а?

— Да у тебя, по-моему, никогда и не было желания учиться, не так ли?

— Знаешь, Джамия, мой пахан говорит: «Женщина должна ворчать, иначе мы, мужчины, начинаем чувствовать себя, как сорвавшиеся с цепи псы, не знаем, что нам делать с неожиданно свалившейся свободой».

— И чё?

— Через плечо! Может, думаю, мне больше не подыскивать никого, на тебе жениться? Из тебя хорошая жена получилась бы.

От шутейных слов Радика меня опять бросило в краску. Я даже живо представила, как ожог смущения опалает моё лицо до мочек ушей. Но виду подавать никак нельзя.

— О-о, ты делаешь мне предложение?

— Считай, что так.

— Я бы пошла, но у тебя же очень много кандидаток в жёны. Сколько ты сказал-то в прошлый раз?

— Кроме тебя восемнадцать.

— А что так мало-то?

— По маминым подсчётам, вообще трое. И только у одной из трёх есть реальный шанс.

— Я так поняла, что меня среди них нет?

— В этом списке дочери больших начальников. Если хотят, пусть сосватают любую «мажорку» моему пахану в младшие жёны. А у меня нет желания мучиться.

— А с чего это ты надумал на мне жениться? Если породнишься с каким-нибудь министром, то со временем, глядишь, тебя в кресло президента усадили бы.

— Я думал-думал и вот что надумал. Вчера семнадцать из восемнадцати моих невест, как сговорились, согласились выйти за меня. Но мне с ними не интересно. Даже поговорить не о чем. То одно не нравится, то другое... А с тобой хорошо, легко. Ты не ворчишь понапрасну. Однако если женюсь на тебе, с остальными отношений всё равно не разорву...

— Ах ты, кобель!

— Гав-гав! Похож? Эта идея вчера мне пришла. Когда кальян в кафе курил.

— Похоже на то. Дым расшевелил, видать, твои мозги. А потом ещё и марихуаной «догнался», не иначе. Смотри, доиграешься, парень!

— Вот видишь, какая ты сердобольная. А те, наоборот, стремятся меня «травкой» угостить, — он смотрел на меня, снисходительно улыбаясь. — Ну, что скажешь?

Я прекрасно знаю, кто такой Радик, поэтому, следуя его примеру, перевожу разговор в шутивное русло.

— Но предложение на бегу не делается.

— Ну хорошо, после уроков сходим в какое-нибудь кафе.

— Подожди, мы ведь договорились в кино пойти.

— В другой раз сходим.

— Значит, ты в кафе сделаешь предложение?

— Если до этого не передумаю...

— Хорошо, если я до вечера не передумаю, пойдём.

Я хорошо знаю Радика, к вечеру он своё обещание забудет. Мало того, не заходя в университет, потеряется со своими друзьями. Потом всю ночь будет шараться по городу и домой вернётся только утром.

Я — РАДИК

Сидеть на лекциях для меня — сплошное мучение. Всё равно ничего не пишу, не слушаю. По пути в университет обдумываю, куда бы податься. Джамиля говорит:

— Пошли, хватит болтаться без дела. Учись, старайся. Не надейся на отца.

Хорошо ей морали читать.

Территория вокруг университета плотно утыкана машинами. О парковке нечего и думать. Вон виден капот белого «Мерседеса» Эдика. Номера у него крутые.

— Отец по благу выкружил. Мимо постов ГАИ пролетаю, не снижая скорости, — хвастался он. — Менты еле успевают честь отдать.

Мои — так себе — 757. Фигня какая-то. Пахан зажмотился. Мог бы единственному сыночку и покруче номера подогнать. Я его просил — 010.

— Это уж ты сам как-нибудь организуешь. Нужно было хорошо учиться, чтобы просить у меня такие, — понтуетса он. Фу-у, нафталином прёт от пахановских речей! Один раз живём. И что, ему в угоду я должен теперь, наплевав на всех друзей, учебники грызть? Кстати, о птичках, что-то никто из приятелей до сих пор не позвонил мне, ммм? Неужели придётся пойти с Джамилей на лекции?

Телефонный звонок избавил меня от тягостных раздумий.

— Радик, братан, в универ не собираешься?

— Я здесь уже. Пытаюсь машину воткнуть.

— Я в бильярдной. Подваливай.

— Сейчас!

Это Эдик. Я вчера проиграл ему в ночных гонках, поэтому пришлось проставляться, поить всю братву. Сегодня нужно хоть на бильярде обыграть его...

— Опять решил «засолить»?

Джамиля строго посмотрела на меня. Мне нравится такой её взгляд.

— Чао, Джамиля! Поучись и за меня тоже, ладно? В семье достаточно и одной умной головы.

— Какая ещё семья?

— Ты забыла, что ли, про кафе?

— А-а.

Открыв дверь, я высадил её из машины. Меня Эдик ждёт.

Я — ДЖАМИЛЯ

И сегодня половина парней нашей группы отсутствуют на занятиях. Самат вон во скольких местах подрабатывает, а ни разу не пропустил лекции. А эти! Штаны протирают да родительские деньги транжирят. Сравниваю их с Саматом и прихожу в тихий ужас: небо и земля. Им бы всё хиханьки да хаханьки. Радик как-то рассказывал: его друг Эдик и ещё один крутой чувак из группы, вернее, сын богатого отца, Альберт, поспорили. Два молодых петушка не смогли определиться, чья машина круче. Решили в деле проверить, возле Национального культурного центра на набережной Казанки устроили состязания. Вся праздная молодёжь города собралась поглазеть. Мало того, быстренько образовались фанатские группы, которые горячо болели то за одного, то за другого. А «гонщикам»-то именно это и нужно! Что только не вытворяли эти переростки: вращались на месте так, что чёрными следами от колёс почти сплошь заштриховали пятючок асфальта. Во, как! — Радик величественно поднял вверх указательный палец.

— Вот дармоеды, истязатели машин! — меня взбесил произвол этих юнцов. — Кто-то всю жизнь на машину копит, мучается, но никак не может денег собрать...

— Я тебе ещё не рассказал самого интересного, — перебил мою гневную тираду Радик. — Там так прикольно всё закончилось: они автомобилями бодаться стали.

— Как это?

— Ну, выехали навстречу друг другу и столкнулись...

— Не поняла?

— Ну, ты же в деревню ездешь, видела, наверное, как бычки бодаются? — я утвердительно кивнула. — Вот точно так же и эти! Ну, классно было! Весь народ — человек сто — аплодирует, свистит. Машины режут так, что уши закладывает, прикинь! Поначалу Эдик был ближе к победе — ба-бах, и сдулся. Альберт на радостях колотит по рулю, потом утапливает педаль в пол и вдруг — шалт! — Радик ударяет ладонью о ладонь, — его машина пару раз фыркает, глохнет и больше не заводится.

Я попыталась представить описанную картину. Вот из машин выходят, словно два былинных богатыря, Эдик и Альберт. Лица, правильнее будет сказать — лики, их серьёзные. Ну да, великое дело свершили. Окружившие их парни и девушки не скупятся на похвалы. Батыры довольны. Озабоченно осматривают машины.

— Чем всё закончилось-то у этих лоботрясов?

— Позвонили отцам, те пригнали по эвакуатору и увезли автомобили.

— Отцы-то отругали хоть своих дураков? Раскаялись ли горе-наездники?

— Так после этого же Эдику купили белый «Мерс». Старая машина уже надоела ему. Дураков, говоришь... почему бы и не подурачиться-то разок-другой?! Знаешь, сколько адреналина выделяется в такие минуты!

— Что, загорелись глазки-то? Ты тоже, что ли, хочешь, как они?

— Да я и так уже разбил одну машину на гонках...

Вот и сегодня, когда я вошла в аудиторию, наши парни горячо спорили о чём-то «важном».

— Нет уж, дружбаны, жгучие брюнетки — круче всех! Хотя что говорите! А блондинок можете себе забрать! — зычный голос Альберта перекрывал реплики остальных ребят.

— Ты ничего не смыслишь, братан! Только представь на секунду: белые волосы, мини юбка, красные ногти...

И никаких разговоров о предстоящих планах, о благородных помыслах, о полезных делах... То ли дело — Самат! А у этих всё есть, за них родители наперёд продумали, чего им головы-то ломать?

Странная всё-таки штука — жизнь. Я общаюсь с тремя парнями. Все трое — разные. Нет, что ни говори, я — конкретная дура, зачем я ставлю в один ряд с ними Самата?

Я — САМАТ

Рухнули мои мечты провести сегодняшний вечер с Джамилёй. С утра уже наша администратор Галина Петровна досаждаёт звонками: «Работы очень много, бухгалтеру в одиночку не справиться, приходи пораньше». Поэтому, убежав с последней пары, я прямиком отправился в кафе. С Джамилёй сегодня встретиться не удалось. Все слова, что предназначались ей, опять остались в моём сердце.

В кафе полно народу. На скорую руку перекусив, удаляюсь к себе в кабинет. Я всегда спешу оказаться здесь. Причина спешки проста: из окна моего кабинета виден дом Джамили. Но я до сих пор не сказал ей, что работаю рядом с её домом.

Иногда я выхожу из комнаты и тайком подглядываю в кухню. Вот шеф-повар Самир-абый, лицо его серьёзно. Всем, кто дерзнул обратиться к нему с вопросом, он отвечает коротко и грубо. Две посудомойки-узбечки разговаривают о чём-то на своём языке, время от времени сбиваясь на негромкую ругань и шипение в адрес официантов, далековато от раковины поставивших подносы с грязной посудой. А официанты, не обращая никакого внимания на претензии, проворно снуют между кухней и залом.

Если скажу, что коллектив кафе встретил меня тепло и радушно, то обману. Когда стало известно, что я буду заниматься бухгалтерией, тут же между мной и остальными будто кто-то мостик шаткий навёл: никак не удавалось перейти на ту сторону. Вдобавок из-за того, что я почти не выходил из своего кабинета, что ли, меня совсем перестали замечать. Я был сильно удивлён такому обстоятельству. Разве так принимают человека, с которым хотят делать общее дело? Что я им сделал плохого?

Не знаю, сколько ещё я просуществовал бы в таком вакууме, но несколько дней тому назад коллектив решил сообща отпраздновать день рождения шеф-повара.

Во время очередного перекура одна из официанток — Сария — сама завела разговор.

— А ты чего такой грустный-то?

Не зная, что ответить, я, захлебнувшись несвязным потоком междометий, глуповато пожимал плечами. Но, чтобы всё-таки не оставлять вопрос без ответа, выдавил:

— Настроения нет.

— Да ладно, хватит врать-то. Не знаешь, как с нами подружиться? Это жизнь, парень, а она такая вот...

Я в упор взглянул на Сарию... и непроизвольно вздрогнул. На её пухлом лице каким-то колдовским огнём горели раскосые зелёные глаза. Она мне явилась абсолютно другой, незнакомой прежде. Вчера, оторвавшись от зарплатных ведомостей, я вышел в коридор размять затёкшие суставы и долго наблюдал за ней. Лняные пряди волос в красноватых лучах освещения кафе красиво переливались и таинственно поблёскивали. Одетый поверх блузки фартук ей очень идёт. Завязки передника стянуты до последнего предела. Пышные формы и тонкая талия невольно притягивают взгляд. Прекрасно понимаю посетителей-мужчин, замирающих с поднесённой ко рту вилкой, до вывиха глазных яблок провожающих взглядами официантку, которая, звонко цокая каблучками, ловко фланирует между столов. А Сария, по-моему, получает наслаждение от повышенного внимания мужчин. Озорно подмигивая, кокетливо играя бровями, она ещё больше провоцирует клиентов на обжигающие страстью взгляды.

В тот день я открыл для себя Сарию с абсолютно иной стороны. Вместо приветливо улыбающейся каждому посетителю красавицы напротив меня стоял совершенно другой человек. От лучезарной весёлости зелёных глаз не осталось и следа, они как-то враз погрустнели. От пронизывающего, испытующего взгляда, казалось, невозможно укрыться. Напоминающие складки измятой за ночь подушки морщины под глазами значительно выросли Сарию. Периодически растягивающийся в улыбке рот почему-то не красил, а обезображивал её лицо. Видимо, между официанткой Сариёй и Сариёй человеком — огромная разница. Я до этого считал, что она — студентка или недавно окончившая школу девушка. А сейчас засомневался — передо мной стояла матёрая, умудрённая опытом женщина, познавшая жизнь и с лицевой, и с изнаночной стороны.

— Ну, что онемел-то? — Сария заметила, как я «окатил» её с ног до головы пытливым взглядом. — Изучаешь, будто впервые увидел. Влюбился, что ли? — она, не особо церемонясь, громко рассмеялась.

Я не знал, что ответить, как поступить. Сария избавила от неопределённости:

— Пойдём на улицу. А-то здесь музыка по ушам бьёт, спокойно не поговоришь.

— Пошли, — соглашаюсь я.

— Всё самое интересное уже прошло. А заканчиваются гулянки у нас одинаково. Видишь, Настя пытается туфли скинуть? Значит, сейчас она полезет на стол и будет танцевать там до тех пор, пока не останется в костюме Евы.

Мы вышли на крыльцо. Словно обрадовавшись нашему появлению, октябрьский пронизывающий ветер, от которого тело бросает то в жар, то в холод, «приласкал» от души. Съёжившись, я втянул голову в воротник куртки.

— Будешь? — Сария протянула мне зажатую между холёных дамских пальцев тонкую сигарету.

— Нет, спасибо.

— Совсем не куришь или прикалываешься? — в её голосе послышались нотки подозрения.

— Совсем.

— Молодец! А я вот иногда попыхваю. Нервы... — она поднесла сигарету к пухлым губам. Сигареты были с каким-то ароматом. То ли с ягодным — я до конца так и не разобрал. Смешавшись с горечью табачного дыма, этот аромат щекотал ноздри.

— Ты, наверное, студент? — Сария выпустила несколько колечек дыма и смахнула их в сторону.

- Ну да. Кто ещё согласится работать по ночам?
- Не говори так. В кафе только мы с тобой студенты... А-а... Ещё Катя, кажется...
- Ба-а, ты тоже студентка?

То ли, неудачно глотнув дыма, то ли от моего неподдельного удивления Сария раскашлялась.

- Старо выгляжу... что ли?
- Ещё вчера ты мне казалась школьницей. А сегодня я полон сомнений.
- Я почувствовала это, хе-хе-хе, — Сария дружески потрепала меня по щеке. —

Мы, девушки, мгновенно ощущаем даже малую искорку интереса и внимания к себе.

Я тоже решил перевести разговор в шутку.

— Вроде бы, прятался я, когда подсматривал. Поджидал, когда спиной ко мне повернёшься...

— А у нас и на спине глаза, — Сария была в хорошем расположении духа. Вдруг она снова посерьёзнела: — Ты не ответил на мой вопрос...

— На какой?

— Удивлён, что с тобой не общаются?

— Да, но причина мне пока неизвестна. Может, думают, что пальцы у бухгалтеров во время начисления зарплаты только в свою сторону загнуты? — продолжал я держать шутиливую марку.

Сария рубанула воздух рукой.

— Точно не из-за этого! — потом она серьёзно посмотрела в мои глаза. — По правде говоря, я и сама не знаю причины. За этот год четвёртое кафе меняю. И везде меня принимали сурово. Испытывают, что ли? Может, и так, да только я теперь ничего не принимаю близко к сердцу, проще смотрю на всё. Сейчас и я также принимаю новичков, потому что поняла: никому не верю. Мало того, я всех начала ненавидеть. С одной стороны, чем больше народу придёт в кафе, тем больше прибыль. Соответственно, и зарплаты, и чаевые должны вырасти. Но меня уже тошнит от их беззаботных, весёлых лиц, от их верещащих подружек, наперебой хвастающих дорогими шубами, золотом, брильянтами... А потом меня осенило: сейчас никто никого не любит и не уважает. Люди устали и от самой жизни, и от неизбежного общения с себе подобными. И я в том числе. Прикончить бы в одночасье это обрыдлое прозябание и начать новую жизнь, чтобы и люди в ней совсем другие были. Чтобы вместо нынешних врунов, пьяниц, наркоманов и прочих бессовестных людишек родились новые, настоящие...

Я молчал. Сария, прикурив очередную сигарету, продолжала:

— Ты понимаешь хоть, что кафе — это гиблое место. Согласна, оно студента и поит, и кормит, но в то же самое время — портит...

Я выразил своё несогласие.

— Ну, всё не так уж и плохо...

— Именно так! — отрезала Сария. — Ты сюда для чего устроился — денег подзаработать?

— Понятно уж...

— Вот именно. Если тебе нужны деньги, почему же ты не пошёл на стройку? Например, в какой-нибудь дорстрой. Там ведь намного больше платят, согласен?

— Я же на дневном учусь.

— Это всего лишь отговорка. Решил, что здесь задарма можно покушать, так ведь? Что в кафе удобно с красивыми девушками знакомиться?

Когда сидели за столом, я видел, что Сария часто прикладывалась к бокалу с красным вином, а сидящий рядом с ней Рифкат подливал по мере осушения. Теперь выпитое вино не только лицо ей подкрасило, но и язык развязало.

— У меня была цель — не просить денег у родителей, жить самостоятельно. Если бы не смог устроиться сюда, согласился бы и на тяжёлую работу... тот же асфальт кидать...

Закончить фразу я не успел, Сария обняла меня как родного и коснулась холодными губами моего лица. Едкий табачный «выхлоп», смешанный с винным угаром, неприятно ожёг моё дыхание.

— Ладно, не оправдывайся, мне до лампочки, — сказала она. — Один раз живём. Меня абсолютно не интересует, кто, где и кем работает, что говорит. Мне давно на всё наплевать. Старшая сестра каждую неделю ездит домой в деревню. Полы моет, стирает. А я не хочу возвращаться. Почему я должна каждую неделю трястись в переполненных автобусах и электричках? Мне такая жизнь не нужна! Мне не нравятся люди, которые ставят перед собой далёкие цели, живут ради светлого будущего. Я не хочу думать о завтрашнем дне, понимаешь. Мне сегодня, вот в данную минуту, хорошо. Разговаривать с тобой, смотреть в твои глаза. Правда, ты так не думаешь, наверное. Трезвому выслушивать пьяные исповеди, что может быть тяжелее... так ведь?

Я кивнул головой.

— Ха-ха-ха! — она с наслаждением, запрокинув голову, разглядывала проплывающий где-то там, наверху, сизый дым. — Знаю, ты считаешь меня пропащей, жалеешь, наверное. Может, ты и прав.

— Ну, не до такой уж степени...

— Не нужно. Не успокаивай меня. Я такими речами сыта по горло. Ты догадываешься, о чём я мечтаю?

— Нет.

— Ничего не делая, загорать на вилле, построенной в пяти миллиметрах от моря. Я устала от бесконечных прополок в саду и на огороде, таскать грязные тарелки мне претит. Связывать с кем-либо свою судьбу, создавать семью я не собираюсь. На кой мне это надо? И вообще, я считаю, что порядочных мужиков не бывает в принципе. Они сплошь рабы бутылки, изменники! И в наше кафе многие приходят с любовницами. Я знаю, кто они, сказать тебе? — она в упор посмотрела на меня, её затуманенный взгляд был холоден, как лёд. Она недолго помолчала и продолжила монолог: — Да! Я не люблю людей! И детей тоже! Человек должен придумать другой способ размножения. Или вымереть!

Моё сознание не принимало слов Сарии.

— Ты... опьянела, кажется...

— Да я давно уже не помню себя трезвой! Мне хорошо пьяной!

Её охрипший крик долетел до самых дальних закутков улицы. В это время к нам присоединился ещё один официант кафе Рифкат. Неказистый мужик тридцати пяти лет. В народе про таких говорят: чурбан неотёсанный.

— Чего это вы тут тет-а-тет тайком, а? — он мимоходом обнял Сарию за талию, притянул к себе и надолго прижался губами к её губам. Она не сопротивлялась.

— Рифкатик! Шаляпин ты мой! — Сария погладила его щетинистые щёки. — Вот, учу нашего бухгалтера премудростям жизни.

Рифкат протянул мне руку.

— Премудростей у Сарии взять можно. Но не более того, — он громко рассмеялся. — Не прогадаешь!

В другие дни и трёх слов за день не выдававшему Рифкату сегодня будто шайтан на язык плюнул — не заморачиваясь проговариванием некоторых окончаний, он трещал да верещал, как беременная утка.

— Кафе, Самат — это настоящая жизнь. Здесь только самые крутые работают.

Сария по-свойски шлёпнула Рифката по плечу.

— Хорош врать, Шаляпин! Ты сам-то сюда пришёл лишь потому, что певца из тебя не вышло! Помнишь, как рассказывал? Плакал, что тебя не пускают на эстраду...

— Это всё временно, ягодка моя. Пройдёт самое большее год, и ты не будешь успевать носить букеты на концерты дядьки Рифката.

— Ты каждый раз так говоришь. А протрезвев, забываешь...

— Иди ко мне, обниму...

— Не смущай...

— Тебя, что ли? — Рифкат рассмеялся.

— Самата!

— Кого-кого, но смутить тебя... да такой человек не родился ещё, — продолжил «тему» Рифкат. Расставив руки, он приблизился к Сарие. — Может, к тебе поедем, душа моя?

— Чтобы опять жена твоя под ручку с двумя детьми припёрлась?..

— Она к матери своей свалила, похоже, два дня уже дома нет.

— Насовсем?

— Надеюсь...

Этот разговор лёг обоим на душу, и они слились в страстном поцелуе. Дверь кафе открылась и закрылась. На крыльце показалась повар Замира. Она самая воспитанная среди всех, по-моему.

— Профессор, гребни к нам! — Рифкат махнул ей рукой.

— Чего зовёшь-то, у вас там третий лишний, что ли? — она легко и беззлобно пошутила.

— Единственная пара тебе — это я. Молодым до нас дела нет, — Рифкат хотел было положить руку ей на талию, но Замира, неуловимо качнув телом, избежала объятий.

— По школе скучаешь, что ли, Замира-апа? — Сария заговорщицки подмигнула.

— Упаси Аллах! Даже не снится. Не могу нарадоваться своему благополучному избавлению. Пятнадцать лет я там ишачила. Кроме расшатанных нервов и преждевременной седины ничего не вынесла оттуда. Сейчас хоть спать стала спокойно. И родители учеников не достают телефонными звонками. И всякие бесполезные бумажки не нужно заполнять. И с малолетними хулиганами теперь не общаюсь, только поварёшкой в котле верчу да песенки под нос напеваю. И зарплата здесь побольше...

— Видал? — Рифкат с улыбкой посмотрел на меня. — С какими людьми ты рядом работаешь, студент! Одна — он махнул головой в сторону Сарии — модель в чистом виде, мисс мира; второй — он несколько раз гулко постучал себя в грудь — талант, способный затмить любую звезду эстрады; третья — он протянул руку в сторону Замиры-апа — педагог с высшим образованием, почти профессор...

Этот разговор не выходил у меня из ума. А коллеги больше так уже не открывались. Жизнь кафе меня не на шутку заинтересовала. В свободные минуты я стал внимательно присматриваться к посетителям.

Вот входит пузатый начальник в дорогом костюме и ведёт под ручку молодую девушку. Писаная красавица. Но есть в ней что-то отталкивающее. Во взгляде больших глаз — полное безразличие. Душевного человека по глазам можно опознать. А у этой — пустота. Но красива, конечно, чертовка! Длинные, бесконечно длинные ресницы впииваются в тебя, словно отравленные стрелы. На ней белоснежная кофта с глубоким вырезом на груди. Книзу кофта плотно прилегает, подчёркивая тонкую талию. От выреза невозможно отвести глаз. Длинные тонкие пальцы увенчаны шикарными красными ногтями. Короткая юбка не в состоянии скрыть округлые колени. Колебания подола во время ходьбы распалют кровь похлеще любого коньяка.

Кавалер заказывает только самые дорогие блюда. Стол — полная чаша. Телефон начальника «оживает» через две минуты на третью. По всему видно, жена названивает: важный господин отворачивается и прикрывает трубку во время разговора. Выпивка — самая дорогая. Официанты, чтобы не упустить даже малейшего движения бровей дорогого клиента, ни на секунду не отводят глаз от его столика. Мужчина часто отлучается в туалет. Верный признак мужского старения досаждаёт ему, портит настроение. Парочка пьёт, закусывает, ест. Свою любовницу — а я ни секунды в этом не сомневаюсь — после каждого выпитого бокала «пузатик» одаривает поцелуем. Наигранность чувств красоты видна даже юнцу, ни разу не сжимавшему в своих руках трепетной девичьей ладошки, и девушке, хрупкого стана которой ещё не касалась ладонь юноши: после каждого «контакта» с масляными губами престарелого кавалера девица спешит вытереть свои пухлые губы салфеткой, запивает большим количеством воды и окончательно сдабривает парой глотков дорогого коньяка. Место у них — замечательное, в центре зала, а от любопытных глаз отгорожено плотным занавесом. «Пузатик» встаёт и задёргивает его. Но маленькая щёлочка всё равно остаётся. Кафе — самое подходящее место для уединения и свершения тайных дел и делишек. Посмотрите, что творится за занавесом. Пожилой авторитетный мужчина, спрятавшись от старой, надоевшей жены — во всяком случае, я так думаю — наслаждается созерцанием юной красоты. Рассчитывает, видимо, провести последние годы пребывания в статусе мужчины, испробовав все возможные радости, которых был лишён, пребывая в статусе мужа. А у девицы, похоже, только одно желание: с наибольшей выгодой использовать красоту своего молодого тела.

Перевожу взгляд на другие столики. За одним из них — парень с девушкой. Эти, судя по всему, студенты. Карман у парня не шибко оттопырен, это чувствуется. Но всё равно он привёл девушку в кафе, чтобы хоть немного порадовать её. Видимо, несколько последних дней, «соля» лекции, нанимался разнорабочим и копал кабельные траншеи, разгружал вагоны, таскал кирпичи или месил раствор. А сейчас переживает, наверное, наблюдая, как потом и кровью заработанные деньги кончаются за два-три глотка дешёвого вина. Переживает, сто пудов, но виду перед девушкой старается не подавать. Лишь в паузах беззаботной беседы предательски грустнеют его глаза. На эти деньги можно было хорошо приодеться. На ботинки-то без слёз и не взглянешь ведь. Джинсы так безобразно изодрались и прохудились, что на модную нынче художественную рванину это уже не спишешь. По тому, с каким любопытством парень озирается и рассматривает окрестные столики, можно понять, что он нечастый гость в таких местах. Изучает, кто что заказывает, как себя ведёт за столом. Могу поспорить на что угодно, он такой же деревенский парень, как и я. Я его с первого взгляда раскусил и печать на лоб поставил. Вот сидит он сейчас и втихомолку переживает, что его девушка заказала двойную порцию дорогого мороженого с кусочками свежих фруктов. Но пройдёт несколько лет, и этот парень войдёт в кафе уверенной походкой знающего себе цену человека. Деревенские не пропадают, они быстро встают на ноги. Но сегодня он с внутренним содроганием ожидает смертельного приговора — расчёта. Эх, как не хочется ему осрамиться перед девушкой! Ведёт непринуждённую беседу, а сам потными пальцами ощупывает карман, пытаясь хотя бы приблизительно прикинуть, хватит или нет. Хоть считай, хоть пересчитывай, денег от этого больше не становится, их явно недостаточно для того, чтобы парень перестал волноваться из-за своего жалкого положения. Потому-то он и не может расслабиться в кафе и отдохнуть. Но его девушке здесь, судя по её довольному выражению, хорошо. Её глаза излучают радость. На своего кавалера она смотрит с нескрываемым восхищением.

Она тоже студентка. Завтра будет рассказывать своим подругам, как ходила в кафе, не обойдётся, конечно, без приукрашивания.

Кафе — самое подходящее место для встреч людей, не объединённых общим кровом. Здесь они ощущают себя единым целым, несколько часов общения за общим столом открывают перед ними ближние и дальние перспективы. Через несколько лет парень с девушкой поженятся, обзаведутся своим жильём. В кафе они будут ходить очень редко, в основном по большим праздникам. И деньги уже не муж, а жена будет жалеть... Кафе — воплощение праздника, здесь делятся только радостными новостями.

... А пока наша девушка цветёт. Игриво прикрыв рот ладошкой, хихикает. Ничуть не стесняясь своих эмоций, она с каждой новой улыбкой теснее прижимается к обнимающему её хрупкий стан парню. Сама тянется к его губам. Неожиданно радость в её глазах гаснет. Убрав руки с плеч растерявшегося от неожиданной смены её настроения парня, девушка отворачивается, надувает губы, сдвигает к переносице тонко выщипанные брови, «набирает» полный рот воды. Но с ролью обиженной она справляется всего лишь пару минут. Вскоре звонкий девичий смех заполняет пространство кафе, а объятия счастливого юноши вновь полны нежности и ласки...

Сегодня у меня очень много работы. На столе бумаги, бумаги, горы бумаг! Цифры скачут перед глазами в дикой пляске. Бумаг много ещё и оттого, что кафе открылось совсем недавно. Документы нужно отсортировать, грамотно заполнить, а после всего отчитаться перед директором. Похоже, сидеть мне сегодня до упора...

— Тук-тук! — дверь кабинета открылась и в проёме показалась Катя. Она тоже студентка. По вечерам подрабатывает официанткой.

— Самат, нужна твоя помощь.

— Что случилось?

— Кафе закрывать пора, а мы никак не можем выпроводить двух пьяных посетителей.

— А охранник Саша куда смотрит?

— Они татары. Один постарше, а второй молоденький. С охранником только татарски разговаривают. Он их не понимает.

— А полицию почему не вызываете?

— И Саша, и администратор Галина Петровна боятся, как бы боком не вышло. Тот, что постарше, по повадкам похож на крупного начальника. На нём блестящий дорогой костюм. Может, поговоришь с ними? Если кто и сможет уговорить их, то только ты. И директора нет ведь, как назло...

Я вышел вслед за ней в зал. Официантки, администратор, повара — все стояли, переодетые в гражданские одежды. Увидев меня, повара тётя Даша заплакала.

— Муж-то у меня жуткий ревнивец. Время — половина двенадцатого. Я давно уже дома должна быть... Выпроводи их, Самат, сыночек. Иначе эти опять кушать попросят... два наглеца.

— Двое полицейских заходили. Друзья мои пытались помочь — всё без толку. Вон тот — важная шишка, по-моему. Сидят вдвоём, пьют, и уходить, судя по всему, не думают, — дядя Саша встал рядом со мной.

В центре зала сидели двое. Один — круглолицый, огромный, в дорогом костюме, издалека бросался в глаза. Облокотившись спиной на спинку стула, запрокинув голову, «министр» что-то рассказывал молодому. Худой, с вытянутой, похожей на огурец, головой парень, наверное, мой ровесник, встав напротив рассказчика, внимательно слушал. Стол полон еды. Из-под стола пуливно вытягивала тонкие шеи стайка пустых бутылок.

Я – АЙЗАР

На заседание секции поэзии я опоздал.

— Похоже, мы имеем дело с настоящим поэтом. И вправду, зачем следить за бременным временем, когда творишь на века?! — меня встретил дружный хохот мэтров.

Народу собралось немного. Почти все мои стихи сочли за частушки-нескладушки.

— Для того, чтобы писать настоящие стихи, необходимы обширные и глубокие знания, — сказал один поэт преклонного возраста. — Айзару этого не достаёт.

— Выпускать написанное им отдельной книгой рановато. Ему ещё расти и расти в творческом плане, перо оттачивать.

Много советов мне надавали. Некоторые я даже в тетрадку записывал, пусть порадуются старички. Всё равно я не собираюсь к ним прислушиваться, и гору книг перечитывать тоже не хочу. Зрение и без того ни к чёрту от постоянного сидения в Интернете. Итоги заседания подвёл немолодой уже поэт с пепельно-серой шевелюрой:

— Давненько уже мы на секции не могли дать от ворот поворот пытающимся писать стихи. Если мне не изменяет память, лет двадцать тому назад мы каким-то образом сумели указать одному «молодому» автору в возрасте семидесяти лет, что было бы неплохо, если бы он переключился на что-нибудь другое. С тех пор наши ряды за вступительный взнос в три поллитровки стабильно пополняли только сочинители трёхкопеечных частушек. Считаю, что сегодняшнее событие мы можем вполне обоснованно причислить к историческим. Молодой парень по имени Айзар Валиахмет оказался самым мудрым из тех, кто за последние двадцать лет пытался пробиться в литературу...

— Это историческое событие надо бы отметить, как считаете, коллеги? — задавший вопрос человек, не дожидаясь ответа, разразился громким смехом.

— Гумар Чукали дело говорит! — поддержал кто-то из присутствующих.

— Неподальёку на углу есть кафе. Недавно открылось, — все только и ждали слов почтенного поэта и дружно поднялись с мест. Я тоже увязался за ними.

— Повезло тебе, — прошептал мне один из поэтов, — Гумар Чукали как раз на волне этого кафе и приплыл на заседание. Был бы трезвый, рта бы не раскрыл в твою поддержку. Мы только из-за Чукали и притащились сюда. Сегодня он будет хвалить тебя — такая уж натура у него. Ругает он только талантливых...

— Продолжим в кафе наш разговор о татарском народе, о будущем нации, — предложил кто-то.

Эти слова, похоже, по душе пришлись Гумару Чукали, он в голос рассмеялся:

— А-а, у тебя невестка-то русская, дома ты на эту тему говорить не можешь. Хорошо ещё, кафе существует, а то где бы мы обсуждали национальные проблемы, ах-ха-ха!

Кафе приветливо встретило нас огнями вывески.

— Чистые чувства! — мне нравится это название. — Возглавляющий нашу группу Гумар Чукали несколько раз повторил это название, прежде чем потянул ручку входной двери.

— Чистые чувства! Хорошо ведь, а? Какая пошлость...

Мы пришли сюда всемером. Слово за слово, тост за тостом, и за столиком остались двое: я и Гумар Чукали. К тому времени я уже принял на грудь солидную дозу, голова прилично кружилась. Блаженство! Играет музыка. Мы выходим на улицу и «приговариваем» по сигаретке. Беседуем о литературе.

— Пряма, как англичане ушли, не попрощавшись.

Глаза Чукали налились кровью. Можно подумать, будто отблески ярко-красного галстука пляшут в них. Я почувствовал, что погружаюсь в дрему. Но слушать старшего товарища мне тоже интересно.

— А может, оно и к лучшему, что эти ушли... Мы с тобой два самых великих поэта. Я — сегодняшняя опора литературы, ты — мой последователь, её будущее... ха-ха!

Эти слова ласкают моё самолюбие. Закрывающиеся веки время от времени царапаю ногтями.

Вдруг Гумар Чукали ударяет меня по плечу. От неожиданности я вздрагиваю и упираю взгляд в него.

— Ты осознаёшь хоть, что ты великий поэт? — я пытаюсь в узких щёлочках его глаз, излучающих в красноватой подсветке кафе лисье плутовство, разглядеть истинный смысл слов. То ли от души говорит он, то ли проверяет меня...

— Да где уж мне...

Суженные почти до полного закрытия глаза раскрылись, источая снопы гневных искр.

— Я не понял! Это ты о чём сейчас? Ты что, не веришь в собственное величие?

Не зная, что ответить, я по-рыбьи хватал воздух ртом. Если скажу «да», то получится, что я зазнался. А если скажу «нет», то могу получить от Чукали свинцовым кулаком по зубам.

— Так ведь молод я ещё...

— Тукай тоже молодой был! — кулак Гумара Чукали заставил подпрыгнуть круглый столик на все четыре ножки. — Литературе нужна молодёжь! Таланты! А то вокруг одни жуки навозные копошатся.

— Извините... — мы не заметили, как к нам подошла женщина. — Господа...

Одетая в чёрное платье с блёстками дама, источая ароматы дорогих духов, подошла к Гумару Чукали.

— Ты читал Германа Садулаева...

— Извините, что перебиваю... — женщина в нетерпении повысила голос.

Гумар Чукали, высоко задрав нос, поджав губы, краем глаза бросил недовольный косой взгляд на женщину.

— ... Я администратор этого кафе... Мы закончили работу... Наше кафе должно закрыться в одиннадцать часов. А сейчас уже пятнадцать минут двенадцатого...

Поэт ничего ей не ответил. Из маленького чайника разлил по пиалам чай. — Пей! — сам он сделал один глоток и, запрокинув голову, громко рассмеялся:

— Аха-ха-ха, аха-ха-ха!

Женщина в немом шоке уставилась на него. Меня тоже будто парализовало от удивления.

— А ты знаешь, — он снова ткнул в меня кулаком, — поэт должен быть личностью. Байрон, например, или Петёфи... У них — характер был. А из бесхарактерного человека получится ли поэт? Кастрат не может быть поэтом, сказал Назим.

— Извините...

Тембр голоса Гумара Чукали ещё больше усилился.

— Сейчас многие представляют поэта несчастным плюгавым замухрышкой, болезненным сутулым очкариком, — в его глазах опять вспыхнул яростный огонь. — Но это не так!

Женщина покрутилась вокруг нашего столика, и, в отчаянии хлопнув себя руками по бёдрам, направилась к стоявшим поодаль сослуживцам — официанткам, поварам, судомойкам, которые, переодевшись, в полном боевом снаряжении поджидали, когда же мы наконец покинем кафе, и можно будет разъезжаться по домам.

— Кто хоть они такие?

— Обнаглевшие начальники! С жиру бесятся!
— Давайте полицию вызовем! — было слышно, как женщины переговаривались друг с другом.

Похоже, что среди персонала не было татар — кажется, никто не понимал, что мы всего лишь мирно беседуем о литературе.

Вот снова к нам безнадёжной походкой приближается пожилой мужчина в униформе с шевроном «Security» на груди. В третий раз уже.

— Парни, мне позвонить в патрульную службу, или сами уйдёте?

Я чувствую, как сердце моё от страха стекает в левую пятку.

— Уйдём по-хорошему, Гумар-абый...

Галстук, переливающийся всевозможными оттенками крови: от ярко-алой — артериальной, до кирпичного цвета — запёкшейся, на фоне белоснежной рубашки и чёрного костюма создаёт ощущение, что обладатель этого наряда — высокопоставленный начальник.

— Президенты, министры — кто они для нации? Сегодня есть, завтра нет. Поэты — вот сыны нации. Настоящие из них никогда не предадут её. Президент... Одно название. Поставленный Москвой чиновник разве может быть президентом?..

Тело охранника, уловившего из потока татарской тирады только «президент» и «министр», заметно уменьшилось в размерах.

— Я звоню в полицию, — его голос, сорвавшись на подростковый фальцет, прозвучал до смешного тонко.

Он ещё немного потоптался для приличия, и, сокрушённо качая головой, удалился от нашего столика.

— Ну и дела... были бы это простые пьянчужки, давно бы вытолкал вшаей... А эти... Ну их, от греха подальше... — услышав его слова, женщины взволнованно загалдели.

— Девчата, вы же знаете, какой у меня ревнивый муж. Скандала не избежать. Отпустили бы вы меня, а?

— Галина Петровна, я на окраине города живу. Очень боюсь одна так поздно по посёлку идти, может, отпустите меня?

— Никого никуда не отпускаю. Пока эти не уйдут, будем все вместе тут торчать!

— А вот это и есть само воплощение литературы, — Гумар Чукали обвёл взглядом кафе и смачно глотнул чаю.

— Пойдём уж, Гумар-абый. Вдруг полиция нагрянет...

— Ну и пусть! Чего ты боишься-то?! То, что я тебе расскажу о поэзии, в университете никто не расскажет.

— Знаю. Давайте на улице договорим?

— Нет! — Он сказал, как отрезал. — Мне интересно: на сколько у них хватит терпения? Кто кого...

В этот момент в двери показались два полицейских. К поясам пристёгнуты резиновые дубинки и пистолетные кобуры. Я испугался.

Администратор встречала полицейских с таким волнением, с такой радостью на лице, будто поймала жар-птицу.

— Вон они! Два алкаша...

— Участковый полицейский старший лейтенант Сидоров! Ну, граждане, почему порядок нарушаем? — тот, что покрупнее, встал рядом с Гумар-абый.

Гумар Чукали, ничего не ответив, пробежался взглядом по его погонам.

— Ха-ха! И вправду — старший лейтенант. Никто ничего не нарушает, товарищ старший лейтенант...

— Кафе должно было закрыться двадцать пять минут тому назад, — к разговору подключился второй охранник правопорядка, который похлипче.

— Мы ещё чай не допили, — поэт неспешно налил чаю.

Полицейские удивлённо переглянулись.

— Документы у вас в порядке? Предъявите, пожалуйста...

Я торопливо стал нашаривать по всем карманам паспорт.

— Что ты делаешь? — Гумар-абый ударил меня по руке. Расправив грудь, он посмотрел на полицейского:

— Я сам — документ! А-ха-ха-ха, а-ха-ха-ха...

Полицейские оценивающе пробежались глазами по его круглому, полному лицу, по выпяченному, раздутому животу, который, казалось, вот-вот оторвёт все пуговицы рубашки, вывалится и упадёт на пол, по дороговому костюму, и особенно по ярко-красному галстуку. Тем временем Гумар Чукали начал всё-таки ощупывать карманы костюма. Неожиданно он выдернул руку из кармана, и на пол упала красная «корочка». Один из полицейских, который помоложе, нагнулся, поднял документ и протянул его старшему товарищу. Тот, нагнав серьёзной жути на лицо, раскрыл удостоверение. Прежде всего, он извлёк оттуда вложенную визитку. И... неожиданно вытянулся в струнку. Его движение непроизвольно повторил и младший напарник. Охранники правопорядка одновременно направили на Гумара Чукали обходительно-вежливые взгляды. Немного осмелев, я бесцеремонно обозрел застывших по стойке «смирно» патрульных: визитка в неверных руках старшего полицейского мелко подрагивала. Министр! Ну да, Гумар Чукали успел рассказать мне, что он по приглашению министра внутренних дел читал однажды стихи перед сотней сотрудников, собравшихся в актовом зале. Потом старший полицейский осторожно и уважительно отложил визитку в сторону и заглянул в документ. Даже мне было заметно, как он вздрогнул. На внутренней стороне красных «корочек» большими буквами было написано всего два слова: ГУМАР ЧУКАЛИ.

— Понятно, — едва слышно выдавил приглушённым голосом старший полицейский. — Но вам всё равно придётся проследовать с нами.

— Пойдёмте уж, — добавил второй.

Подчинившись приказу, я собрался было встать с места, но, перехватив злой взгляд Гумара Чукали, остался сидеть.

— «Проследуем». Но только после того, как допьём чай, — он сделал ещё один глоток.

— Только недолго, пожалуйста. Мы подождём вас на улице, — козырнув, полицейские направились к выходу.

Взволнованные неожиданным уходом полицейских женщины проводили их до двери.

— Не уйдут они!

— Отольются им наши слёзы!

От безысходности они действительно начали плакать.

— Такая забава мне по душе, — Гумар Чукали удовлетворённо осклабился.

— Пойдём, Гумар-абый...

— Чего ты дрожишь-то, ты же великий поэт? — он испытующе смотрел на меня. — Руки обвисли. Глаза полны страха. Так не пойдёт! Нельзя так! Ну-ка, подбородок вверх, грудь расправить! В мире нет такой силы, чтобы поэта одолеть. Я имею в виду настоящего поэта!

— А если нас за железную решётку упекут...

— А-ха-ха-ха, — испугавшись громогласного хохота Гумара Чукали, бетонные стены кафе задрожали, будто хрустальные. — Да что это за поэт, если он хотя бы часа не провёл за решёткой? Давай-ка, стих прочти! Если не хочешь сидя, стоя читай!

— Сейчас?

— Да!

— А может, я лучше на улице это сделаю?

— Нет! Здесь!

— Который стих-то?

— Самый последний!

— Но это же любовная лирика...

— Валяй!

Мой жиденький голос потёк по кафе:

Все звёзды мира брошу я к твоим ногам...

Я — ДЖАМИЛЯ

«Тойота» Радика поджидала меня возле университетского крыльца.

— Поехали? — я села в автомобиль, и мы тронулись.

— Куда направляемся-то? В ресторан?

— Нет, — Радик с серьёзным выражением смотрел на дорогу. — В кино поедем!

— О-о-о! Премьера?

— Да: «Чистые чувства»...

— А-а, я видела рекламу по телеку. Где будем смотреть?

— В «Корстоне». Заодно и кофе там похлебаем.

— Класс!

Давно я в кино не была, идея Радика мне очень понравилась. И название звучное — «Чистые чувства». Сразу понятно, что фильм про любовь!

Я — РАДИК

Позолоченные двери «Корстона» бесшумно открылись. Мы прошли сквозь бильярдный зал. На нескольких столах шла игра. С глухим стуком соударялись шары, парни с серьёзными лицами прицеливали кии. Эдик позвал меня скатать несколько партеек в «Ривьере» сегодня вечером. А днём я опять ему проиграл.

— Двадцатилетним «Курвуазье» тебя угощу! — пообещал я. — В какой ресторан заглянем?

— Даже не знаю.

— Итальянская кухня, японская, австрийская?

— Ммм... — Джамиля задумалась в нерешительности. — Мне всё равно. Давай, в итальянское кафе зайдём.

Полукруглые стулья, обитые чёрной кожей, неожиданно хорошо сочетались с оранжевыми овальными столами. Облачённый в белоснежную рубашку и поварской колпачок молодой официант показал нам, за какой столик присесть.

Обожаю средиземноморскую кухню. Я заказал рыбу.

— Мне только кофе. С миндальным печеньем, — сказала Джамиля.

... Фильм мне не очень понравился. Он о жизни студентов. Три парня из одной группы влюбляются в старосту. Мало того, все трое живут в одной комнате.

Девушка — из мегаполиса. Парни — все из одной провинции. Они прячут друг от друга свои чувства к девушке. И девушка тоже ни о чём не догадывается. Один из парней — художник — и на уроках, и все ночи напролёт рисует её портреты. Он на грани помешательства от любви, нервничает, истерит и, как итог, впадает в глубокую депрессию. А показать свои рисунки девушке у него не хватает смелости. Второй считает, что он не достоин этой девушки, умной и красивой. Он в душе всё время думает о ней, недостижимой, но на людях крутит любовь с другой студенткой из группы. Он считает, что любую женщину можно добиться, имея богатство и деньги. Он мечтает разбогатеть. Мол, вот станет он богатым и тогда уж сделает предложение руки и сердца. Эта цель толкает его на шальные заработки: он устраивается рекламным агентом в одну из фирм. А эта фирма принадлежала отцу одногруппницы, которая была влюблена в бедного студента. Парень пахал день и ночь, но лишь всё больше увязал в долгах перед хозяином. Из-за постоянной занятости он перестал посещать уроки. Потом его собрались отчислить из института. А та девушка — староста — вступает за него и спасает от отчисления. У девушки был непререкаемый авторитет, она считалась символом своего вуза, профессура, послушавшись её, оставляет парня.

Третий из друзей считает, что девушку можно покорить только чистотой помыслов, благородством. Он, так же как и девушка, с головой уходит в учёбу. И вскоре становится одним из лучших студентов. Только объясниться в любви не решается.

Вот подходит к концу обучение. Друзья должны покинуть общежитие. Художник не хочет возвращаться в провинцию. Неожиданно его рисунки попадают на глаза случайно оказавшемуся в общежитии художнику. Среди рисунков и портрет той девушки. Разглядев в юноше талант, художник организует из его рисунков выставку. Парень прославляется. К нему приковано внимание прессы, заказы сыплются один за другим, он становится знаменитым. Он надеется, что когда-нибудь его картины увидит и девушка-староста, увидит и поймёт, что он любит её, поймёт и сама придёт к нему.

Второй парень, чтобы остаться в мегаполисе, решает жениться на богатой девушке. У неё даже есть двухуровневая квартира в центре города. По замыслу, он должен открыть своё дело, когда станет хозяином той квартиры, потом, разбогатев, развестись с нелюбимой женщиной и сделать предложение любимой.

Третий парень планирует, как и девушка, остаться работать в университете.

Накануне получения дипломов группа собирается в ресторане. Все трое друзей мечтают станцевать со старостой. Но ни один из них не решается пригласить её на медленный танец. Вечер заканчивается. Художник, низко опустив голову, растворяется в темноте. Второй уезжает на машине богачки. Третий по лестницам общежития поднимается наверх. У всех троих в мыслях одна и та же девушка. Они разошлись, похоронив свои первые, самые чистые чувства. А организатор вечера, девушка-староста, осталась совершенно одна.

Выходит на улицу — полночь. От одиночества она плачет. Все девушки разошлись под ручку с кавалерами, а её никто даже на танец не пригласил. Все пять лет горевший тайной страстью к ней парень уходит под ручку с другой. Находившаяся до этого дня в центре внимания девушка не может перенести одиночества. Она чувствует себя абсолютно никому не нужной. Девушка идёт к реке. Стоя на высоком берегу, долго смотрит вниз. А в это время художник, опьянённый творчеством, рисует очередной её портрет. Второй — кувыркается в постели с богатой девушкой, а у самого перед глазами — староста. Третий... бросается вниз с высокой стены...

Вот такое кино. Вроде бы интересно, но мне поведение парней нисколько не понравилось. Трусы, растяпы, ротозеи какие-то! Смело бери за руку и веди, куда захочешь, разонравится — бросай и уходи. Нет, эти всё думают, решают, переживают — чего волноваться-то? Девушки перевелись, что ли? А на глазах Джамили почему-то блестели слёзы.

Я — ДЖАМИЛЯ

В зале плавно разгорался свет. По чёрному фону экрана снизу вверх поднимались фамилии причастных к съёмке фильма людей. Я находилась под сильным впечатлением от увиденного. И жалела ту девушку, и сопереживала ей, и ругала её. Как такое может быть?

— Плачешь, что ли? — Радик, увидев мои влажные глаза, засмеялся. — А я ведь не верю женским слезам.

— Ты... чёрствый.

— Послушай, что я вычитал в Интернете. Один учёный поставил эксперимент. Он показал душещипательный, слезоточивый фильм перед мужской аудиторией. Каждый мужчина смотрел кино в одиночку. От сопереживания героям мужчины плакали навзрыд и рвали на себе волосы. Этот же фильм он показал женщинам, которые тоже смотрели его в гордом одиночестве. Но почему-то никто из них не испытывал волнения — ни одна мышца у них не напряглась. Но самое интересное произошло потом: мужчины и женщины пересматривали этот фильм, сидя плечом к плечу. Женщины бились в истерику, а мужчины не издали ни звука.

— Бесчувственный ты! — выкрикнула я, глотая слёзы.

— Ха-ха-ха...

Всю дорогу у меня не было желания разговаривать с Радиком. Я всё ещё сопереживала героям фильма.

— Послушай, Джамиля!

— Да, — откликнулась я, вздрогнув от весёлого голоса Радика.

— Около вас, оказывается, новое кафе открыли.

— Ну и?

— А ты прочти название.

— «Чистые чувства». Прикольно!

— Пошли зайдём.

— Поздно уже, Радик, — мне не хотелось туда идти.

Он только рассмеялся.

— Да в том-то и весь интерес, как ты не понимаешь. Необходимо проверить, есть ли какая-нибудь связь между кафе и фильмом?

На экране телефона несколько раз появилось лицо моей мамы. Чтобы её успокоить, я отправила sms: «Я с Радиком в кафе. Скоро вернусь. Не переживайте!» Как ни странно, но ответ пришёл почти мгновенно: «Ведите себя благоразумно, дети!» Я живо увидела, как изменилась в лице мама, прочитав, что я с Радиком. Узнав, что мы вместе, она затанцевала, наверное, как птица, которая пробует взлететь, но не знает, крыльями ей махать или ногами разгоняться. Теперь она отцу, мирно смотрящему вечерние новости, покоя точно не даст. Прикованная к компьютеру сестра тоже, наверное, злобно зашипела на мать, мешающую ей своим птичьим танцем. Я удали-

ла мамину sms и выключила телефон. Вывеска кафе фонтанировала огнями, словно фейерверк. Буквы перемигивались с красного цвета на фиолетовый. Издалека очень напоминало игру бровями.

— Что-то музыки не слышно. Похоже, что в «Чистых чувствах» только слова любви нашёптывают, — открывая дверь кафе, Радик посмотрел на меня и улыбнулся.

Тусклый свет освещал только один угол зала. В этом углу сгрудились женщины. За столиком в центре сидел краснолицый крупный мужчина, на шее которого «горел» галстук в цвет лица. Напротив него парень, размахивая руками, театральным голосом что-то декламировал.

— Извините, мы закрываемся! — сказала нарочито громко спешно подошедшая к нам женщина в чёрном платье.

— Так у вас тут ещё не все клиенты разошлись, кажется? — Радик прошёл внутрь. — Они друг к другу чистые чувства питают, что ли?

Женщина пропустила мимо ушей его шутку.

— Пьяные они. Никак не можем выпроводить.

— *Все звёзды мира брошу я к твоим ногам...*

Чу! По-моему, я уже где-то слышала нечто подобное или читала? Но где и от кого?

— Айзар Валиахмет! — толстый похлопал в ладоши. — А те частушки — пустяковые!

Айзар! Это же тот парень, с которым переписываюсь в Интернете!

— Пошли, Джамилюшка! В другой день зайдём, — сказал Радик, кивнув в сторону двух объединившихся сердец на стене. — Здесь, вроде бы, неплохо, — он взял меня за руку.

— Пстой, Радик. Подожди. Мне вон тот парень вроде бы знаком.

Радик бегло осмотрел закончившего читать стих парня.

— С головой не дружит, по-моему!

— Поэт...

— У-у. Ну, тогда точно шурпы ослаблены. Пошли!

По-моему, читавший стих парень пребывал в состоянии эйфории. Вот он закрыл глаза. Запрокинув голову, вдохновенно молчал. Мне показалось, он собирался ещё один стих прочесть.

— Айзар!

От моего окрика присутствующий в кафе народ вздрогнул.

— А-а? — Парень раскрыл полные удивления глаза.

— Айзар! Я — Джамиля...

— Джамиля? — он, не веря своим ушам, покачал головой. — Джамиля? А-а, Джамилюшка!

— Вы его знаете, что ли? Уведите его, пожалуйста! — женщина в чёрном платье вцепилась в мою руку.

За другую тянул Радик.

— Зачем тебе этот придурок, Джамиля? Пошли отсюда!

Айзар, пошатываясь, подошёл к нам.

— Я узнал тебя, Джамилюшка! По зелёным глазам узнал! — Айзар был не на шутку взволнован.

— А ты кто? — Айзар встал напротив Радика. В нос ударил плотный запах спирта.

— Джамиля? — я обернулась на знакомый голос. И чуть не лишилась чувств — за моей спиной стоял Самат.

Я — САМАТ

Мне стало страшно. Что среди ночи делает здесь Джамиля? Что за парни вокруг неё? В сердце моём ворохнулись тревожные колики. То ли от злости, то ли от бессилия я растерялся. Развернувшись, я удалился в свой кабинет. В горле застрял зудящий ком — я, глухо простонав, зарыдал. Что же делать? Почему Джамиля так жестоко обошлась со мной?

Я — РАДИК

Как там ещё говорит-то мой отец? Весенний лёд надёжней женских обещаний, так, кажется? Я был не по-детски удивлён, когда увидел, что Джамиля оказалась в окружении трёх парней. Один тут же куда-то пропал. Сумасшедшего поэта увела полиция. А я не смог удержать Джамилю. Она вырвалась и убежала прочь из кафе. Мне было всё равно. Не хотелось возвращаться домой, поэтому позвонил Динаре.

— Алло, Динарочка, поехали в «Пирамиду»? Ты где?

Я — АЙЗАР

Когда я вышел из кафе, Гумар Чукали уже сидел в полицейской машине. Вроде бы он даже помахал мне рукой. Машина взревела и, сорвавшись с пробуксовкой, исчезла во мраке. Я немного постоял в нерешительности и направился к остановке. Джамилю будто ветром сдуло. В голове начал наклёвываться стих:

В нитку выщипаны брови...

Я — ДЖАМИЛЯ

Выбежав на улицу, я направилась домой. В окнах играет свет. Вот на восьмом этаже зажётся, а на пятом — погас. Огни напоминали мне то нарисованное солнце, то цветы. А сейчас цифры пошли. На тройку похоже. Три парня. Я резко развернулась. До сих пор перемигивающиеся с красного на фиолетовый буквы «Ч», «И», «С», «Т», «Ы», «Е», «Ч», «У», «В», «С», «Т», «В», «А» именно в этот миг погасли.

— Всё кончено!

Я не соображала, чего хочу, о чём думаю. Захотелось вдруг рассмеяться в голос. Ноги домой не идут, но потихоньку да помаленьку я шла себе и шла. В другое время и представить не могла, что буду спокойно бродить по полночным улицам, такое даже в кошмарном сне не снилось. А сегодня мне абсолютно безразлично. Перед глазами та одинокая девушка из фильма. Она ведь тоже поняла, что никому не нужна. Я пытаюсь поставить себя на место Самата. Он увидел, как я держала за руку другого парня. Никогда не простит он мне этого. Гордость ему не позволит. Айзар. Я ему нужна только в качестве музыки. Не удивлюсь, если прочту у него в статусе: «Я влюблён в небесную девушку с солнечными волосами». Радик сейчас, наверное, с Динарой или с какой-нибудь другой девушкой на дискотеке тусит. Кому я нужна? Кому? Настоящими ли были мои чувства? Кто их может понять? Я — ненормальная. Поверила в любовь, в то, что меня любят все трое. Маму надо было послушаться, прежде всего. Она же сказала, что вышла за папу без любви. Покладистый, говорит, таким можно

вертеть, как душе угодно. Сестра тоже со спокойным сердцем ищет в Интернете принца с белым «Мерседесом» и виллой на морском берегу. А я?

Внезапно мне стало страшно. От таких мыслей тело покрылось гусиной кожей. Казалось, по венам не горячая кровь течёт, а ледяная вода. Бырр-рр! Я зябко поёжилась.

Домой не хотелось. Всё равно не усну. Удивительно! Почему Радик повёл меня именно на этот фильм? Зачем мы пошли в кафе? Какие совпадения! Меня тоже ждёт судьба девушки-старосты? Я подошла к подъезду. Не решаясь потянуть ручку двери, переминаюсь с ноги на ногу. Вдруг послышался звук приближающихся шагов. В свете уличного фонаря различаю: уверенной, широкой поступью по улице идёт Самат. Постой-ка, кого же мне напоминает эта походка? Вспомнила: также уверенно печатает шаги мой папа! До меня только что начало доходить, какую я совершила глупость.

— Самат! — голос застрял где-то в горле.

— Са-мат... — прошептала я.

Внезапно мне сделалось хорошо. По телу снова побежало тепло. Я почувствовала, что я не такая несчастная, как девушка из фильма. Я ведь не одинока! Вдруг... спешно двигавшаяся в мою сторону тень Самата в слабом свете кривого столба начала истончаться, истончаться и совсем исчезла. По телу пробежала волна крупной дрожи.

— Самат, — снова крикнула я, но голос мой был еле слышен.

Вот проехала машина, из открытых окон которой доносилась заводная музыка. Я узнала — это автомобиль Радика. Фарами машина осветила кафе. Окна его были тёмными, но буквы «Ч», «И», «С», «Т», «Ы», «Е», «Ч», «У», «В», «С», «Т», «В», «А» над крыльцом снова подмигнули мне. Я закрыла лицо руками. В этот миг кто-то коснулся моего плеча.

— Джамиля!

Только теперь я поняла, как близок мне обладатель этого голоса. Сквозь пальцы брызнули солёные слёзы. И даже мокрые, отяжелевшие ресницы не смогли их удержать.

Кап-кап...

Капающие на асфальт слёзы радости оживили притихшую улицу.

— Са-ма-ат!

С татарского перевёл Наиль ИШМУХАМЕТОВ

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА

НЕБЕСНАЯ ИЗБА

* * *

Собирался казак на войну:
Взяв с собой лишь икону одну,
На иконе — Святой Николай:
«Святой Отче, победу подай!»

Собирался казак на войну,
Жаль покинуть младую жену:
«Евдокеюшка, лада моя,
Ты пред волей преграда моя!..»

Если что-то мой прадед-казак
Позамыслил, знать, быть тому так.
Воля вольная вдаль позовёт,
И казак вслед за волей пойдёт.

С той поры, помня деда, живу
Чтя казачий завет наяву:
Коль в миру заскучал, как в плену, —
Собирайся казак на войну!

* * *

Москве всегда к лицу весна,
Заздравные фанфары мая.
Москва-красавица! Она
Парад Победы принимает.

Лучисто каждое крыльцо.
Вокруг сиянье, будто солнце
Расцеловало всех в лицо
И в каждом светится оконце.

Здесь можно смело у Кремля
Считать столетья по брусчатке.
Здесь древняя моя земля
Хранит эпохи отпечатки.

Гвоздики вешние горят
Весёлым пламенем пунцовым.
И каждый, выстроившись в ряд,
Победным солнцем расцелован.

* * *

Сочельник. Ночь. Крещение.
За всё прошу прощения!

И, окунаясь в Иордань,
Верну Христу святую дань.
И ночь младенчески-чутка
В морозно-тихих облаках,
И водосвятий глубина
В соборный свет погружена,

Когда смиренный луч звезды
Крещает темноту воды...

* * *

Пахло сдобой и корицей...
Непокорнейшим, нам с тобой
Нужно всё ж перестать браниться,
Помириться и покориться
Перед Господом и судьбой.

Ведь на Пасху нельзя иначе:
Ради грешных воскрес Христос.
Почему ты украдкой плачешь?
Не стыдись богоданных слёз!

Но услышь с колокольни мерный
Золотой разливаемый звук...
С расстоянья звонарь, наверное,
Видит лучше, кому кто — друг.

Знает звонница — знает Боже,
Трудно вымолить грешных нас,
Но молитва пропасть не может,
Потому и взывает всё же
За острожных глупцов подчас.

И тогда (от ночной ли службы?)
Мы заварим в гостинной чай
И отведаем сдобу дружбы
От пасхального кулича.

* * *

Микрорайоны накипью сильны.
Затрёп-многоэтажек голытьба...
Когда ж сойдёт вся накипь со страны
Той, чья душа — надмирная изба?

Вселенная во взоре у Христа,
Во взгляде человека — Дух святой.
И горенка старинная чиста,
Омытая колодезной водой.

Столичного гуляку не проймёт:
И в глиняном кувшине с молоком
Он видит просто молоко, а мёд
Не разделяет с рыночным лотком...

Но солнце теплотой лучей-ресниц
С цветка перелетает на цветок
И прячет шмель в соцветьях медуниц
Пыльцою запылённый хоботок...

Душа Руси — небесная изба,
Не растеряй посконный свой уклад.
Не на авось надеемся — на лад,
От городской хандры нас всех избавь.
Охранная небесная изба...

О ТЕБЕ

1

От чуть слышного слова «милая»
Закружилась моя головушка.
Не тебя, а любовь любила я,
Непутёвый ты мой соловушка!

Мак зажёт в кумачный рассвет поля
И костёр над старыми вязами.
Пусть тебе рассказывает земля
То, что мною не может быть сказано.

Расписной платок и родной простор...
Я с тобой бываю порой резка.
Всё сплелось — витийный платок узор
С ароматом вьюнка да вереска.

Все цветы Руси на моих плечах.
Неужели одна бедовушка —
Терпеливо и кротко беречь очаг
Для тебя, непутёвый соловушка?..

2

Жизнь кружит надо мной
хищным коршуном,
Глаз повыклевать норовит.
Почему же, мой любимый, всё горше нам,
Хоть и счастливы мы на вид?

Когда снегом округа завьюжена,
Я в квартире, как в сельской избе,
Всё твержу молитву, мой суженый,
Обережную — о тебе.

Чтобы дни отгостились морозные,
Стороной обошли враги...
Матерь Божья, Пречистая, Грозная,
Друга милого обереги!

Все дороги однажды расходятся.
Вот опять поворот на весну...
Расставанье — беда, но как водится
Все потери влекут новизну.

Когда снегом округа завьюжена,
Я в квартире, как в сельской избе,
Всё твержу молитву, мой суженый,
О тебе, о тебе, о тебе.

* * *

В небо смотрит славянка спокойно и гордо.
В ясно-синих глазах небосвод отражён.
Возвратись-ка, славянка, с небес —

ВИДИШЬ, ОРДЫ

На Россию ползут снова с разных сторон.
У славянки глаза — васильковое поле.
Ей казацкая доля к лицу испокон.
Веет свежестью трав и цветов, веет волей
Православных небес со старинных икон.
И пускай же враги, что так яростно рвутся
Строить новый ковчег, мастерят себе гроб.
Пусть они своей кровью гнилой захлебнутся.
Нам, славянам, не страшен пожар и потоп.
Мы, славяне, от века горели и топили,
Но не падали духом, не сдавались беде.
Не для нас эти охи, и стоны, и вопли, —
Мы восстанем из пепла и пойдём по воде.

* * *

Зазвенело серебряно чудо-колечко,
Затаилось в глуши Золотое кольцо.
Серебрится-журчит говорливая речка,
У святых златоустых бесстрастно лицо...

Это солнышко-князь молчаливо восходит
С приснодавних времён

в византийских лучах.

Князь-креститель его называли в народе – Он принёс христианство на княжьих плечах.

Лишь охранного лада и мира хотел он,
Колокольной свободой надрывную высь
Возродить-воскресить-пробудить —

всё сумел он,

Чтобы слава и слово едино сплелись.

В современном безвременье,
 княже Владимир,
Изобилие аптек, похоронных контор...
И народ твой безмолвствует,
 частью повымер.

Обращённый в себя, замутнён его взор.

В антикварках красуется царский, двуглавый
Наш имперский орёл. Жизнь — в кредит,
лом — в «цветмет»...

Но я верю, ещё засияет кровавым
Самородным рубином всерусский рассвет.

СВЕТЛАНА ПОПОВА

ЛИНИЯ СЛИЯНЬЯ

* * *

Две половинки мироздания,
Два мира: небо и земля.
Но есть их линия слиянья —
Есть горизонт, где ты и я.

* * *

Весь город затерялся в снегопаде,
Во времени, в пространстве — навсегда!
Не надо торопиться никуда —
Столетия потеряны в прохладе.

В искрящуюся сказочную новь
Мы спрятались, в снежинках утопая.
В ладошках — невесомая, живая,
Согретая дыханием любовь.

* * *

С каждым вдохом всё ближе,
С каждым выдохом — легче.
По-весеннему дышит
Розовеющий вечер.

И как будто нежнее
Предзакатное небо.
Только губы, немея,
Что-то шепчут нелепо.

И в предчувствии счастья
Я тяну к тебе руки.

Бьются пульсом в запястьях
Сердца гулкие звуки.

Опускаясь на крыши,
Меркнет в сумерках вечер.
С каждым вдохом мы ближе,
С каждым выдохом — легче.

ДОЖДЛИВОЕ

Пелена серой дымчатой влаги
Застилала бескрайние дали.
Как слова из былин или саги,
На воде капли знаки писали.

Наклоняли кудрявые кроны
Почерневшие старые ивы.
Травы луга застыли в поклоне
Перед небом, плывущим лениво.

И, насупившись, в капельках сосны
Задевали макушками тучи.
А за речкой неярко, неброско
Отцветала душица на круче.

И какая-то скрытая сила
Растворялась с дождём над землёю,
Будто небо просторы поило
Серебристой живою водою.

* * *

Серых каналов рябь
Улицы искажает,
Ветер с водой играет.
Город совсем озяб.

Высится важно столп,
Адмиралтейства спица,
И Эрмитаж томится
От бесконечных толп.

Старый Иса (а) кий бдит,
На куполах вороны,
Кругом стоят колонны –
Память хранит гранит.

Накрепко сеть мостов
Сковывает течение
Гордой Невы и рвенье
К Балтике – из оков.

Но почему же в такт
Сердцу в груди поётся
С небом, в котором солнце
Спутано в проводах?..

* * *

Всё бегут паутиной вен
От тебя до меня пути –
Только верного не найти
В лабиринте холодных стен.

Всё бегут километры слов –
От меня до тебя стихи,
На листке из-под дней трухи
Прорастает соцветье строф.

Всё бегут миллионы фраз
Телефонных с тобой бесед...
Чай остывший, на кухне свет
Поздней ночью в бессонный час.

Всё бегут и бегут ко мне
От холодных твоих ветров
Стаи перистых облаков –
Это осень идёт к зиме.

* * *

Тонкой струйкою жизнь течёт
Из ладоней моих – в твои.
Сколько мимо лилось – не в счёт,
Всё поделено – на двоих.

Пей из рук.
Как усталый пёс,
Головою ко мне прижмись.
Ты так долго упрямо нёс
Флаг мечты, устремлённый ввысь.

Счастье – каплей живой воды.
Я её зажимаю – в горсть.
Для тебя берегла.
А ты
Пей её, чтобы всё сбылось.

Прошлой жизни осталась нить –
Помнит память о той судьбе.
Ты с ладоней давал мне пить,
За спасеньем – я – шла – к тебе.

* * *

Скажешь мне, будто ты ни на что
не заменишь свободу.
Я скажу, что никак не смогла бы прожить
жизнь с тобой.
И слова пропуская сквозь пальцы,
как талую воду,
Мы идём по другому пути
за далёкой звездой.

Мы с тобой в этой жизни, как две
параллельные рельсы.
Бесконечно – мы рядом, но нам
невозможно сойтись.

Полосатые судьбы — меняют

составы и рейсы.

И на поезд садясь, на безлюдный

перрон оглянись...

Вдруг увидишь мой взгляд вдалеке,

шаг замедлишь немного,

Но раздастся гудок — и продолжится

жизни маршрут.

Параллельно бегут наших судеб

стальные дороги.

Обещай же, что в следующей жизни

пути совпадут.

НЕ НОВО

Мне кажется, всё сказано давно.

И то, что я сейчас пишу — сказали.

Всё движется по замкнутой спирали.

А повторять чужое — не умно.

Зачем листок чернилами опять

Мараю, если все слова избиты,

Воспеты мысли, истины открыты —

Осталось только вспомнить и принять?

Понять, что у всего есть свой лимит,

Избавить мир от новых повторений.

Но нет! И через пару поколений

Вот этот стих поэт вдруг сочинит.

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

АЛЕКСАНДР ОЛЬШАНСКИЙ

РАШЕН БАБ

короткий роман

1

Вначале Вальке Сыромятниковой вся деревня завидовала — надо же, никуда не уезжая, умудрилась выйти замуж за иностранца! О заграничной своей судьбе она и не помышляла, хотя времечко было такое, что стать валютной проституткой или выскочить за иностранца считалось пределом мечтаний множества девиц на постсоветском пространстве. Поэтому Вальке завидовал весь район, однако события развернулись таким необычным и почти необъяснимым образом, что стала разводить руками область, за нею — вся Сибирь и, наконец, вся Расея. Да и мир поразился тому, что произошло с загадочной, недоступной европейскому пониманию русской молодой женщиной. Правда, бывшие братья по Советскому Союзу, злорадствуя, похихикивали удовлетворённо, мол, так вам, империалистам и оккупантам, и надо.

Всё началось с того, что в сибирской деревне появился иностранец Фриц Вольф, по-русски Фриц Волк. Он то ли альтернативную военную службу решил отслужить в Сибири, то ли оказался в суровом краю по решению суда за неприглядные делишки. Должностей в деревне в связи с реформами никаких не имелось, а для приبلудных немцев — подавно, поэтому его пристроили скотником на дышащей на ладан молочно-товарной ферме.

Времена были воровские и развальные, бесстыжие и несправедливые, одним словом, ельцинские, но Фриц Волк с немецким усердием и аккуратностью убирал навоз, отмывал в коровнике водой полы от многолетней заразы, раздавал животным корм. Не пил, не курил, не матерился, потому что ещё не научили мужики, и по этим основаниям деревенские бабы сильно его зауважали. Угощали домашними пирожками, сибирскими пельменями — особенно старались тётки, у которых дочери имелись на выданье. Невесты то и дело появлялись в коровнике — можно было подумать, что им захотелось помочь матерям управиться с бурёнками, на самом деле стремились попасть Фрицу Волку на глаза, заигрывали, пытались заговорить с ним, но немецкого языка не знали.

Валентина Сыромятникова училась в городском интернате, где «проходила» немецкий язык, знала его на тройку, и, когда в деревне появился немецкий парень, приналась за старые учебники и словари. Вообще-то она не жаловала иностранный язык, и он её — взаимно. Хотела поступить в пединститут, на что-то иное у неё фантазии не хватило, но как раз на иностранном и срезалась, получила тройку, а нужна была четвёрка, тогда бы поступила. Возвратилась в деревню крутить коровам хвосты. Мать к тому времени сильно сдала, вот и заменила Валентина родительницу на ферме, при-

няла её группу животных. Отца Валентина не имела, конечно, он когда-то был, но она его не помнила. Знала лишь по рассказам матери, что на него соперница навела порчу, и закончилось это тем, что родитель отдал Богу душу, поскольку у него внутри самогон запылал и изо рта якобы пошло синее пламя. «Бесы эвакуируются», — такой диагноз поставил деревенский мудрец дед Филолай, он же Ёшкин кот. Филолай доводился родственником Сыромятниковым, какая-то седьмая вода на киселе. Впрочем, в деревне все носили фамилию Сыромятниковых, за исключением тех, кого присылал райком на председательствование или агрономить, учить грамоте не быстрых раз-умом сыромятниковских отпрысков.

Почему его так прозвали, в деревне никто не помнил, но дед Филолай объяснял, что это у него самое мягкое ругательство, которое пришлось отсидеть по приговору трибунала как за антисоветскую агитацию путём оскорбления вождя всех народов товарища Сталина. В начале Великой Отечественной войны дед попал к немцам в плен, где и научился шпехать по-ихнему, и вот это стало основанием поселить молодого немца у него. А десятку получил, когда наши его освободили и тут же отправили в фильтрационный лагерь выяснять, как он вёл себя в плену. Любимым ругательством с малых лет у него был этот самый Ёшкин кот, которого он частенько вспоминал и в новом лагере. За него и дали десятку — зачем выяснять, как он себя вёл у немцев, если вождя на дню по двадцать раз оскорбляет? Знал бы Филолай, что фронтовики давно называли вождя Ёшкой, придержал бы язык.

Но выражение намертво прикипело к нему, вмещало в себя множество чувств, нередко противоположных по содержанию. Филолай прибегал к нему при восхищении миром и событиями, происходящими в нём, когда грудной жабой давила грусть, с его помощью словно увёртывался от несчастий и жестокостей мира. Вспомнит Ёшкиного кота — и не так тяжело, ругнётся им — и половина несправедливостей исчезнет...

Не будь деда Филолая и Валентины Сыромятниковой, немцу трудно было бы привыкнуть к русской, да ещё к сибирской жизни, общаться с людьми, быстро осваивать чужой язык. Правда, бабы строго-настрога предупредили Филолая, известного матерщинника, чтобы не приучал парня «выражаться».

Фриц на работе крутился возле Вальки, тем более что она с деревенской откровенностью сказала ему: «А ты ничего, хотя и немец». Конечно, он не понял, что в данном случае означает «ничего», но догадался о положительном значении совершенно неопределённого русского слова. А она после «ничего» не спешила домой. Дома её никто не ждал — мать вскоре после возвращения дочери умерла, а болтать с Фрицем было интересно. Когда в деревенский клуб изредка привозили кино, то Валентина сидела рядом и переводила немцу, попадая то и дело впросак: забывала слова, путала их, из-за чего возникали смешные ситуации. Они то и дело прыскали от смеха, на них шикали со всех сторон, особенно старались соперницы. Поэтому садились на заднюю скамейку, а соперницы всё время мстительно оглядывались, не позволяя им тискаться да обниматься.

— Имя у тебя оскорбительное, — заметила однажды Валентина. — Фрицами у нас называли и называют гитлеровцев. Тебе лучше как-нибудь по-другому называться...

— О, я понимаю, — закивал головой немец. — Ты — Валентина, а я буду Вальтер. Ты не против?

— Хозяин-барин, — она старалась научить его понимать русские пословицы и поговорки. — Хотя Вальтер — это, кажись, наган. Но сойдёт...

И они, неизвестно по какой причине, дружно засмеялись. После этого Валька всем рассказывала, что парень по документам Вальтер, но его, как и всех немцев, по привычке военных времён прозвали Фрицем.

Однажды Вальтер съездил в областной город, привёз Вальке кучу всевозможной косметики, которую в деревне только по телевизору и видели, но самое главное — маленький компьютер, так называемый ноутбук, антенну в виде тарелки, чтобы можно было подключаться через спутник к Интернету. Когда тарелка была водружена на столб рядом с избой деда, в деревне к немцу стали относиться с подозрением: а не шпион ли он, поскольку Валька рассказывала, что Вальтер запросто теперь по компьютеру говорит со своими родителями и друзьями в Германии. И письма по электронной почте мгновенно отправляет и получает. Филолай, когда его спрашивали насчёт возможного шпионства постояльца, нахлобучивал шапку на нос, поскольку принимался скрести заскорузлыми пальцами затылок.

— А что ему, Ёськин кот, у нас выведывают? — сомневался он. — Передают немцам, сколько тачек навоза коровы наклали?

— Э-э, дед, шпион всегда найдёт, что шпионить. Вон американцы вздумали нашу Сибирь-матушку, как Аляску, купить...

— Он же, Ёськин кот, не американец, а немец... А с немцами мы нынче вроде дружба-баны...

— Сейчас что американец, что немец — одна шайка-лейка. Так что бди, а то на старости лет получишь срок за содействие иностранному агенту... Пойдёшь как пособник врагу и как рецидивист...

Дело дошло до того, что однажды к Вальке пришёл участковый милиционер дядя Семён и повёл разговор о Вальтере. В избе было натоплено, настоящие сибирские морозы стояли, а дядя Семён, известный выпивоха, обливался потом и страдальчески посматривал на ведро с холодной колодезной водой. Валентина догадалась, что гость с сильнейшего бодуна, угостила власть баночкой джина с тоником — Вальтер когда-то подарил.

— Ой, дочка, уважила, ой, уважила, — приговаривал участковый, опустошая алюминиевую банку.

Его интересовало многое: и почему это вдруг Фриц стал Вальтером, ведь по документам он Фриц Вольф, и кто его родители, и как часто связывается немец по компьютеру с Германией, и вообще чем они занимаются у деда Филолая.

— Любовью, дядя Семён, — с вызовом ответила на последний вопрос Валька, вздыбив перед участковым мощную грудь. — А что — нельзя?

— Почему ж нельзя, — пробормотал сбитый с толку участковый. — Замуж зовёт?

— А может и зовёт, — отрезала она, давая понять власти, что это её личное дело и нечего в него милиции соваться. — Он меня по компьютеру немецкому языку учит, а я его — русскому. Вот чем мы занимаемся.

— Он что же, в России хочет остаться?

— Не знаю, чего он хочет. Но парень хороший, — подвела она итог разговору.

До любовных отношений у них к моменту разговора с участковым не дошло. В этих делах Вальтер оказался парнем совсем не инициативным и робким. На его месте какой-нибудь наш шалопай давно бы Вальке все титьки отвинтил, да ещё против резьбы, и под подолом бы всё обшарил — а немец за несколько месяцев на «ты» с нею не перешёл. Вальку, надо признаться, такое задевало. Как-никак она первая девица в деревне, может, и во всём районе — и фигуристкой статью вышла, все мужики смотрят ей вслед, и лицом настоящая сибирская красавица, с румянцем на все щеки, с глазницами синими и бездонными.

— Я тебе что, не нравлюсь? — спросила как-то в лоб.

Немец застеснялся, покраснел даже, но справился с собой и ответил, не поднимая глаз:

— Нравитесь... Очень нравитесь, — уточнил он.

— Так почему же ты до сих пор мне «вы» говоришь? Пора на «ты» переходить. Надо выпить на брудершафт!

Сама плеснула в рюмки шнапсу, показала немцу, как сплести им руки и, выпив, так обняла и взасос поцеловала его, что Вальтер едва не потерял сознание. Да и сама тоже. Страсть в ней обнаружилась такая, что задрожала вся от желания, и Валька разогрела немца, так возбудила в нём вожделение, что он предпринял решительную сексуальную атаку и, добившись успеха, остался ночевать у сибирячки.

2

Как всякий добропорядочный молодой бюргер Вальтер после безумной ночи предложил выйти за него замуж. Для вида Валька немного поломалась, как говорят, поковыряла пальцем штукатурку на печи, и согласилась. Деревенский глава администрации отказал им в регистрации брака — никогда не оформлял международные семейные союзы, примерно по такой же причине возникли сложности и в районном загсе, и тогда нетерпеливый жених предложил невесте съездить в фатерлянд и там оформить брачный союз.

— В германский загс на оформление? — задавался вопросом дед Филолай и несколько дней качал головой, сопровождая чувство собственного удивления и недоумения досадливым «Ну и ну!»

За границей Валька никогда не была, немного побаивалась фатерлянда, а вдруг не понравится родителям и родственникам Вальтера, и тогда что — поджав хвост опять возвращаться в деревню? Да ни за что, решила она, если не выйдет за него замуж, то уедет к Чёрному морю, с детства мечтала искупаться в нём, устроится там на работу, а в деревне пусть считают, что Валька Сыромятникова живёт в Германии.

Родители у Вальтера оказались приветливыми и добрыми людьми. Отец был инженером-строителем, мать вела домашнее хозяйство и воспитывала детей — их кроме Вальтера было ещё трое, и все девочки. Самая старшая из них, Рената, в первую же минуту знакомства так доверчиво и с таким чувством прижалась своей щекой к щеке гостя, что Валентина сразу почувствовала что-то сестринское к девушке. В отличие от брата, не очень-то многословного, Рената без умолку болтала о всякой немецкой всячине, помогала освоиться в чужой стране.

Семья жила в просторном трёхэтажном особняке в пригороде Берлина. Дом окружал идеально ухоженный сад и множество цветов — впервые Валентина поняла, что такое немецкая аккуратность и порядок. В их деревне только самые завзятые любительницы разводили какие-нибудь цветы возле изб, поскольку лето короткое, заморозки прекращаются в июне, а начинаются в августе. Поэтому вместо цветов накапливались годами возле изб консервные банки — внизу уже проржавевшие, превратившиеся в рыжую труху, а сверху — ещё поблёскивала свежей жёстью недавно использованная тара. И так почти у каждой избы... А тут идеально чистые дорожки, нигде ни соринки, ни сорняка, одна лишь красота и сплошное благоухание. Она не представляла, что Вальтер живёт по сравнению с её житьём-бытьём в настоящем раю, и не могла понять, почему он от такой жизни уехал в Сибирь, чуть ли не к Полярному кругу. Но зато теперь знала, как выглядели в его глазах её земляки. И прониклась благодарностью к нему за то, что он ни разу не решился осуждать их, показать своё европейское превосходство, а только лишь восхищался тем, что они живут в суровых сибирских условиях, добывают хлеб насущный, в основном охотой и рыбной ловлей, и даже рожают детей.

— Почему ты от родителей, от сестёр, от благоустроенной жизни поехал к нам, в сибирскую глухомань? Немецкого навоза тебе не хватило?

Вальтер ответил не сразу. Вопрос, чувствовалось, был ему неприятен, но он собрался с духом и признался:

— На мотоцикле нарушил правила движения и сбил пешехода. Он остался жив и здоров, полтора месяца пролежал в клинике, пока кости срослись, а меня приговорили к году тюремного заключения. Попросил заменить наказание на два волонёрских года в Сибири. И не жалею. Теперь знаю, что такое настоящие трудности в жизни. Как ты считаешь, я с честью выдержал испытание Сибирью?

— Ещё как выдержал! — похвалила его, а сама подумала: «Надо же, скрытный какой. Ни разу и словечком не обмолвился о том, что он немецкий, выходит, варнак». Без обиды и злости подумала: в её краях осуждённые были не редкость, напротив, тот, кто не сидел, зачастую считался неполноценным, более того — подозрительным. И доверия к нему прибавилось: выходило, что он по этому, далеко не второстепенному обстоятельству, тоже свой.

Свадьба у них была чинная и благородная, собрались в ресторанчике ближайшие родственники, выпили по несколько тридцатиграммовых порций шнапса и разошлись. И никакого разгула, никакого мордобоя, никто не орал пьяным голосом «Горько!» — грустно стало Вальке от такой свадьбы, потому что ничем не запомнилась и не могла запомниться.

Родители хотели отправить их в свадебное путешествие, но Вальтер, правда, теперь он вновь стал Фрицем, поскольку отца как раз и звали Вальтером, восстанавливался в университете, в котором учился до поездки в Сибирь, сдавал экзамены и должен бы получить диплом инженера. Свадебное путешествие откладывалось до лучших времён.

О возвращении в Сибирь Фриц теперь и не думал. Валька не могла быть тунеядкой и нахлебницей, попросила мужа устроить её на какую-нибудь работу — ведь их общих сбережений хватило лишь на дорогу сюда, сидеть на шее у его родителей она не собиралась. На семейном совете было решено устроить её официанткой в ресторан к дяде Зигфриду Оберхаку, в тот самый, где отмечали свадьбу. Дядя Зигфрид был настоящим родственником, не каким-нибудь немецким Филолаем, хотя на работе Вальке никаких поблажек не давал.

Она работала с утра до вечера, помогала на кухне, мыла посуду, убирала, подавала блюда посетителям, короче говоря, обязанности доярки казались теперь ей не такими уж обременительными. Вначале ей нравились знаменитые сосиски с немецкой горчицей, разрешалось за обедом выпить бокал пива, в диковинку для неё были хотдоги, гамбургеры и чизбургеры, но быстро приелись. И хотя она сильно уставала с непривычки, в один из своих выходных накупила всё для борща и приготовила из трёх сортов мяса сибирские пельмени — все обитатели особняка были без ума от её блюд, а Рената даже попросила научить готовить настоящий украинский борщ и настоящие сибирские пельмени. С украинским борщом Валентина никогда дела не имела, но не оказываться же в неумёхах: нашла рецепты в Интернете, наварила, напекла даже пампушек с чесноком, и, переживая, как бы первый борщ не стал её позором, предложила попробовать варево только одной Ренате. Та пришла в восхищение, несколько дней только и говорила о замечательных кулинарных способностях русской родственницы.

Дядя Зигфрид прослышал о способностях своей помощницы и предложил готовить русские блюда для посетителей, но Валька не поддержала замысел хозяина. В следующий выходной угостила своих новых родственников строганиной — купила

какую-то большую рыбу, похожую на нельму, заморозила и настрогола. Угощение показалось обитателям особняка слишком оригинальным, один Фриц был доволен, рассказывал домашним, как в Сибири под водочку ел строганину, приправляя её солью, укусом и потрясающе острой русской горчицей.

Неожиданно Валька почувствовала, что стала резко прибавлять в весе. Вначале подумала, что забеременела, но выяснилось, что нет. Ещё недавно у неё были стройные и точёные ножки, а тут растолстели, ни одна обувка не налезала. Бюстгалтеры тоже пришлось менять, хотя у Вальки была и раньше высокая и не маленькая грудь. Пришлось отказаться от положенного ей бокала пива, но гамбургеры и чизбургеры продолжала уплетать — ей постоянно хотелось есть, словно кто-то голодный поселился в ней внутри и постоянно требовал пищи.

— Тебе надо фитнесом заниматься, — подсказала Рената.

Узнав от неё, что это такое, Валька рассмеялась — да ей дядя Зигфрид такой фитнес с утра до вечера устраивает, что она еле живая приходит с работы. Обеспокоенный Фриц показал её какому-то медицинскому светилу. Валька сдала кучу анализов, побывала ещё у полдюжины докторов, но светило после всего этого лишь развело руками — причина такого заболевания медицине не известна. «Идеальные результаты анализов, идеальный организм, идеальное здоровье. Я впервые столкнулся с абсолютно здоровой молодой женщиной. Невероятно!» — таков был окончательный «диагноз» знаменитого профессора Курта Майера.

Валька настолько растолстела, прибавляя по несколько килограммов в день, что дядя Зигфрид вынужден был попросить её уйти с работы. Её раздувшаяся и оплывшая фигура, которая весила теперь более двухсот килограммов, была для заведения совершенно разорительной рекламой. Ведь все были помешаны на том, чтобы вкусно поесть и тут же похудеть, а наличие в ресторане гигантской русиш баб свидетельствовало об обратном.

— Отвези меня домой, — попросила она мужа и расплакалась. Слез было столько, что для них едва хватило махрового пляжного полотенца.

Проявить характер и уехать сама она не могла. В деревне пойдут разговоры да сплетни, бывшие соперницы зазлорадствуют — нет, дома она могла появиться не брошенкой, а непременно с мужем.

Супруг на удивление быстро пошёл навстречу. Морщил лоб всего лишь какие-нибудь полминуты, от умственного напряжения моргал густыми рыжими веками, и не успела она для поощрения провести ладонью по его ярким вихрам, за что в мгновенья нежности ласково называла Одуванчиком или Рыжиком, как Фриц без боя сдался:

— Отвезу, как улажу все дела с университетом и получу диплом. А пока отдохни, полечись.

— Какое тут полечись — мне каждый день надо уже два таза гамбургеров и чизбургеров! — разрыдалась она с новой силой. — Не могу на улице показаться — со всех сторон от мальчишек слышу: «Русиш швайн!» А ты хочешь, чтобы я по врачам ходила!

— Не надо тебе никуда ходить, они сами к тебе приедут. А на мальчишек не стоит обращать внимания.

На том разговор и закончился. С неприятным чувством тогда подумала, что муж к ней остыл, не относится так, как прежде. Возникло и подозрение насчёт изыщенькой белокурой немочки, которая дождалась его возвращения из Сибири — свою соперницу Валентина обнаружила на студенческих фотографиях мужа. Теперь жена представлял немцу обузу, грустно размышляла Валентина, и лишь воспитание не позволяет ему немедленно избавиться от неё. Взял для себя перерыв, чтобы решить, как выйти из необычной ситуации с наименьшими потерями. К тому времени Валька

была слышана о трудных судьбах соотечественниц, выскочивших замуж за иностранцев. В подтверждение безрадостным мыслям сексуальный интерес к ней со стороны мужа стремительно угасал. О том, чтобы спать вместе и речи не могло быть — Валька давно устраивалась на ночь на полу, поскольку и одна на двуспальной кровати не помещалась.

Между тем Валька знала своего мужа поверхностно, в его предпочтениях и привычках не сумела за короткое время замужества разобраться. С сексуальными делами он устроился превосходно — для таких потребностей вполне подходила его подружка Марта, которая претендовала лишь на короткие встречи в её квартирке два раза в неделю. По вторникам и пятницам, куда он приезжал как по расписанию.

Однако Валентина не знала самого главного. Цепким западным умом Фриц почувствовал, что огромные размеры супруги могут стать источником немалых доходов. Более того, жизнь с современной Пандорой интересна многим, следовательно, надо, не теряя времени, вести подробный дневник, чтобы со временем превратить его в бестселлер. Для дневника Фриц завёл тайный файл в ноутбуке и с немецкой тщательностью вносил туда буквально всё, что имело отношение к жене. Правда, дневник превращался в бухгалтерский гроссбух, испещрённый цифирью — сколько стоила закупка продуктов, сколько жена за день съела... Цифры для немецкого ума были главнее, о своих же чувствах и чувствах супруги Фриц ещё не научился писать.

Родители мужа, по мнению Валентины, как бы затаились. Они не осуждали её, поскольку понимали, что нет тут никакой вины невестки, но и не радовались тому, что она с каждым днём разбухала, словно на дрожжах. Одна лишь Рената не изменила своё отношение к ней, переживала, ухаживала, пыталась бороться с неведомой болезнью. Приводила в дом массажистов, привозила мудрёные электромассажёры, но они лишь возбуждали аппетит.

Пришлось Валентине прислушаться к советам Ренаты и заняться фитнесом. Не немецким, в компании дамочек, задумавших согнать вес после трёх утренних немецких сосисок, а самостоятельно. С утра в саду делала зарядку, боясь как бы не сломать какое-нибудь дерево, по два часа делала, не жалея себя, потом приноровилась ещё на рассвете, чтобы никто не видел, бегать на красивый зелёный холм, оттуда с разбегу бултыхаться в Шпрее, поднимая солидную волну. Месяца через два самоистязаний жир-то она сбросила, но начали расти мышцы и пошёл бурный рост всего тела — вскоре он достиг пяти метров. Всё увеличивалось пропорционально, даже волосы становились толще. При этом Валентина похорошела, к ней то и дело обращались модные журналы и телепередачи, но Фриц взял связи с прессой и с различными фирмами, которые хотели использовать его жену в рекламных целях, в свои руки. Русскую гигантшу заваливали нарядами, косметикой, едой, всё это сопровождалось бурной рекламой. Одна киностудия задумала даже снять фильм о русской фрау Геркулес, но Фриц был против её киношной карьеры — она и без кино зарабатывала на своих размерах неплохо. Ей даже предложили главную роль в фильме о цивилизации гигантов которая якобы располагалась в пределах легендарной Гипербореи. Но как актриса она оказалась совершенно бесталанной.

По росту стала выше семейного коттеджа, её размеры превратились в неиссякаемый источник проблем. Теперь она спала в арендованном на ночь спортзале, куда прорубили огромные двери, чтобы она могла хотя бы ползком попадать в него. Наступала осень, в халате, на который пошло материала, как на морской парусник, Валентина зябла, и поэтому Рената организовала вязание свитера. За неделю дюжина мастериц соорудила какую-то хламиду, причём на вырост. С таким же расчётом одна обувная фирма два раза в месяц бесплатно поставляла ей кроссовки, по своим разме-

рам всё больше напоминающие не обувь, а микролитражки. Зато на каждой кроссовке размещалась уйма рекламы.

— А не заказать ли тебе ондатровую шубу? Или песцовую, или из чернобурки? Интересно, сколько потребовалось бы шкур? — не без юмора поинтересовался Фриц.

Она шутку не оценила. Ему захотелось, чтобы защитники животных вообще ей житья не давали, с гневом спросила она, и Фриц задумался о притуплении у неё чувства юмора.

Валентину больше всего раздражало то, что она с утра до ночи находилась на виду у всех. Сад возле семейного коттеджа стал слишком маленьким для неё, поэтому Фриц вскоре арендовал целый стадион, построил навес, чтобы она могла прятаться под ним от дождя. Одна сантехническая фирма подарила туалетный набор — от раковины и зеркала над ней до биде, напоминающего средних размеров прогулочную яхту. Тут же находился и зимний спортзал. Стадион был удобен ещё и тем, что она по утрам делала тут физзарядку и даже бегала, если можно было назвать бегом трусцу пятиметровыми шагами по очень короткой для неё беговой дорожке.

Стадион надоумил спортивные средства массовой информации поднять шум о том, можно ли допустить фразу Геркулес, она же Гигантелла, она же Рашен Баб, она же — ещё десятки прозвищ, не всегда лестных, — до спортивных соревнований, в том числе олимпийских игр и чемпионатов мира. По всем видам бега, в том числе на лыжах, прыжкам, толканию ядра и метанию диска, копья, молота, плаванию ей не найдётся равных, она легко станет абсолютным рекордсменом по многим видам спорта. Состязаться с такой дамой было бессмысленно, стало быть, Рашен Баб нанесёт смертельный удар многим видам женского спорта. К тому же, она была российской гражданкой, следовательно, её достижения достанутся России, с чем европейская спортивная общественность никак согласиться не могла. Хотя бы потому, что выросла она до таких размеров на европейских хот-догах, гамбургерах и чизбургерах — если бы эта общественность знала, как в данном случае была права!

На всякий случай антидопинговый комитет хотел провести анализ её крови и мочи, но Фриц не пустил лаборантов на стадион, обвинив антидопингистов в нарушении прав своей супруги. К скандалу подключились спортивные врачи, которые окунулись в рассуждения о том, может ли Рашен Баб по состоянию своего здоровья участвовать в спортивных соревнованиях или же её гигантизм является патологией? Фриц нанял несколько адвокатов, которые сумели в судах доказать, что ряд средств массовой информации перешли в этих рассуждениях грани допустимого и поплатились за это солидными суммами.

Как ни странно, Фрица больше заботил немецкий приоритет её прозвища, и он настаивал, чтобы его удивительную жену называли Русиш Баб, а не по-английски — Рашен Баб. Но англоязычное прозвище в средствах массовой информации одержало победу.

Строительные фирмы предлагали построить специальный домик, который по мере роста Гигантеллы можно будет легко увеличивать новыми модулями. Фриц не решился принять предложение, на реализацию которого потребовалась бы куча денег. В конце концов, деньги можно было бы заработать, но основные его усилия, казалось бы, были направлены на поиски кардинального излечения супруги. Он обращался к самым авторитетным медицинским специалистам, в том числе к генетикам, иммунологам, эндокринологам, заказывал безумно дорогие исследования в лучших лабораториях мира, но никто не дал вразумительного ответа на вопрос, что же происходит с его женой. Все они, как сговорились, поражались идеальным здоровьем молодой сибирячки.

Фриц как-то получил предложение от одного господина в неопрятной бороде и с неприятным, явно английским акцентом поспособствовать их семейной паре в искусственном зачатии.

— Простите, кто Вы? — не очень вежливо спросил Фриц гостя.

— Гинеколог. Довольно известный в Великобритании. Бонд, Джеймс Бонд.

Имя и фамилия гинеколога показались Фрицу знакомыми, но в тот момент он не мог вспомнить, где их слышал.

— Почему Вы решили, что нам нужна Ваша помощь? — спросил он.

— Не сомневаюсь, что Вы думали о наследнике. Но оплодотворение при необычных размерах Вашей супруги объективно затруднено.

— Решили на нас заработать?

— А почему бы и нет?

— Вы давали клятву Гиппократу?

— Разумеется.

— Так почему же Вы пришли ко мне с предложением заставить рожать женщину, которая больна неизвестной болезнью? Чтобы эту болезнь унаследовал и ребёнок? И как же всё это можно совместить с важнейшим принципом Гиппократу — не навреди? Не трудитесь сформулировать ответ, Ваше время истекло.

Фриц прекрасно знал психологию таких посетителей — если их выставляли в дверь, то они норовили вернуться через окно и добиваться своего. Одно дело делать хороший бизнес на особенностях супруги, но другое дело — обрекать на гигантизм своё дитя. Если бы Валентина заглянула в его дневник, то прочла бы там, что её муж не так уж и заинтересован в определении её диагноза, а уж тем более — в лечении. Без своих размеров она превратилась бы в обычную женщину, каких миллионы, а Фриц уже привык к тому, что у него жена совершенно необычная, эксклюзивная всемирная знаменитость, приносящая огромные доходы. Простушка ему уже была не нужна.

3

— Ёшкин кот, и чего Вам от меня надо? — спросил в лоб дед Филолай участкового Семёна и неизвестного гражданина начальника, скользкого на вид похлеще налима, которые заявили к нему с самого утра. Поскольку в их вопросах фигурировал бывший постоялец Фриц, он же Вальтер, то дед, старый варнак, без труда вычислил место службы неизвестного.

По словам незваных гостей выходило, что Валентина Сыромятникова в Германии сильно растолстела, дед Филолай сам об этом слышал по радио «Свобода», которое он слушал не за правду, там она сепарировалась, как молоко на ферме, где отделялись сливки, а по причине отсутствия рекламы. Ведь отечественное радио зациклилось на женских прокладках и лекарствах, которые, оказывается, излечивают от всех болезней. Речь шла о фрау Вольф, но Филолай и не предполагал, что говорили о Валентине. Наше радио так самозабвенно увлеклось прокладками, что не раскумекало: фрау Вольф — русская женщина и сибирячка. Иначе подняло бы неопишущий тарарам.

Вопрос в лоб не смутил гражданина начальника. На его невыразительном и незапоминающемся лице, которое полагалось иметь всем его сослуживцам, вдруг появилась улыбка — почти добрая и слегка снисходительная.

— В сущности — ничего. Так, маленькие пустячки, — ответил он. — Квартирантом у вас был немецкий гражданин...

— Был. Валькой я его звал.

— А почему Валькой?

— Потому как сподручнее, чем Вальтером. Вальтером его прозвала Валентина. Да и чтобы отличать как-то от Валентины. А вообще имя ему Фриц.

— Так кто же он: Валька, Вальтер или Фриц? — спросил гражданин начальник и наградил участкового взглядом-выговором, мол, служба, ты даже не знаешь, кто у тебя живёт!

— А на какое уважение от наших может рассчитывать человек по имени Фриц? — дед проворно повернулся к печи, где в чугушке булькало какое-то варево, и ловко рогачом переместил его из чёрного зева на край пода. — Хороший парниша, да не охотник. Брал как-то на охоту, так мои лайки его не слушались. Они гонят на него сохатого, а он не понимает их собачьего языка. Собаки мучились-мучились и отвернулись от него. Немец он и есть немец. Ему бы всё по порядку, а где у нас порядок? Страдал он у нас от морозов, от бардака. Нашим человеком, сибиряком, проживи тут он хоть всю жизнь, так и не стал бы. Кишка тонковата. Это ж всё равно, что из крокодила сделать соболя...

— Дедушко, — опять подал голос гражданин начальник, — ты со своими сравнениями поаккуратней. Какой тебе немецкий гражданин крокодил? Ты тут нам межнациональную рознь не разводи. И не экстремистничай. Германия нынче нам дружественное государство, а не стая крокодилов.

— Но немец он и есть немец! — ввязался в словесную перепалку дед Филолай. — Как ты его ни крути! Это что же у вас в городах творится? И немцев, Ёськин кот, немцами запрещено ныне называть?! Как её, то ли рантность, то ли нет?

— Толерантность, — поправил старика гражданин начальник. — Не запрещено. Пока... Но ты на национальную рознь не нажимай, непотребными словами представителя другого народа не награждай. А за язык ты уже сидел...

— А по какой нужде Вы, гражданин начальник, напомнили об этом? Али забыли, что я реабилитирован, передо мной извинились и компенсацию заплатили? Ежели забыли, то документик могу предъявить...

— Не обижайся, дедушко, и извини. Без злого умысла вспомнилось. Ты лучше скажи, а вообще как немец вёл себя?

— Вроде того, вербовал он меня или нет? — вскипел дед Филолай. — Мил человек, ты меня на скользкое не вытолкнешь. Я варнак со стажем, знаю, как с гражданами начальниками вожжаться... Что вам ещё от меня надо?

— Не о том говорим, — вкрадчиво остановил поток вопросов хозяина гражданин начальник. — Мы знаем, что Вы незаконно были репрессированы, реабилитировали Вас и извинились...

— Спасибо, гражданин начальник. Вот спасибо, — дед Филолай при этом манерно поклонился неизвестному, едва не ударился лбом о столешницу — сидели они втроём за пустым столом, поскольку хозяин и чаю незванным гостям не предложил. И это при том, что чайник в зеве русской печи давно и призывно ныл.

— Дед, ты води себя соответственно, — сделал замечание участковый.

— А как это по-вашенски — соответственно? — повернулся, всё равно, что вскинулся, к нему хозяин. — Я вас не звал к себе.

— Хочешь, чтобы мы повесткой тебя вызвали? — пригрозил Семён.

— Вызывай! — согласился дед Филолай, и хотел было предложить им в связи с этим очистить избу.

— Только без этого, — приструнил участкового гражданин начальник. — Никаких повесток... Скажите, пожалуйста, Спиридон Кириллович, — неизвестный неожиданно назвал деда по имени и отчеству, чем удивил хозяина, который не слышал ни своего имени, ни отчества многие годы, поскольку все его звали Филолаем. Может, при со-

ветской власти в сельсоветских бумагах таились они, приходили оттуда с извещениями о налоговых обложениях Сыромятникова С. К., но в расшифрованном виде их давно не слышал, чудно прозвучало это «Спиридон Кириллович», вроде бы как и не своё, но искру уважения к неизвестному всё же высекло, — а Ваш постоялец никогда не говорил о Джеймсе Бонде?

— Говорил, — признался возрождённый Спиридон Кириллович. — Как же, было дело...

— При каких обстоятельствах? Вспомните, вспомните, Спиридон Кириллович, это очень важно...

— По виду он Валентине показывал фильмы про этого английского шпиона, ну и мне не запрещалось смотреть... Потом эти фильмы и по телику крутили... Ну я и сказал Вальке, что это всё брехня. Валька, он же немчура, спросил: «А что такое брехня?» Я и растолковал, что это за штуковина, вот и весь сказ.

— И больше ничего не говорил? — в вопросе гражданина начальника чувствовалось немалое разочарование.

— Ни полсловечка.

На том странная беседа с начальниками и закончилась.

4

Шумиха о фрау Валентине Вольф нашла отражение в аналитических материалах натовских спецслужб, которыми они вооружали политиков. Вначале образовалась пауза, своего рода собрание с силами, когда ни шпионы, ни их начальство не могли понять, что же творится в пригородах Берлина с русской женщиной. Из кабинета в кабинет переползало множество версий, которые как паутиной окутывали каждого чиновника, соприкасавшегося с феноменом. Потом европейско-натовская бюрократия как бы очнулась, и множество различных организаций на правах совершенно секретного задания было озабочено сбором любых сведений о русской Гигантелле. Особый интерес вызывало происхождение гигантизма — причуда это природы, своего рода привет от цивилизации гигантов или умысел русских, если умысел, то каковы его цели.

На анализ не без помощи Фрица были получены кровь, моча, образцы волос и даже ткани различных частей тела Валентины, их опять изучали параллельно несколько лабораторий. Самое поразительное состояло в том, что все эти лаборатории, работавшие независимо друг от друга, представили одинаковые результаты. Из них следовало, что фрау Валентина Вольф абсолютно нормальная женщина славянского типа, со здоровой генетикой и психикой. Учёные исследовали даже микрофлору, но и среди бактерий, сожительствующих с фрау Вольф, не обнаружили никаких признаков.

«Быть такого не может, чтобы всё было нормально», — не поверили политики учёным и обратились к разведывательным службам, которым и надлежало представить свои заключения по поводу множества версий, возникавших в объёмах неизвестностью и страхом мозгах европейского чиновничества. Высказывалось, к примеру, предположение, что Россия приступила к замене старого, измельчавшего и развращённого своего народа расой гигантов. И что фрау Вольф — пробный проект, благодаря ему русские решили изучить реакцию западного мира и внести коррективы в свои зловещие планы. Не менее популярной была версия, что фрау Вольф предназначена роль человеческой матки, подобно той, какая есть у пчёл, и что она вот-вот должна приступить к рождению огромного числа гигантов-солдат, которые окку-

пируют сначала Западную Европу, а потом и весь мир. Но никто не знал, когда же у гигантши наступит такая половая готовность.

Бытовала также версия о том, что все организмы соотносятся с местом своего обитания, поэтому в огромной России как бы закономерно могут появляться гигантские люди, особенно если они переходили на полноценную европейскую пищу. Некоторые учёные высказывали мысль о том, что в Валентине Вольф проснулись гены обитателей загадочной Атлантиды, но как её занесло в сибирскую глушь чуть ли не под Полярный Круг? А это как раз и доказывает существование на Севере древней страны праславян-ариев Гипербореи, утверждали её соотечественники. Кто-то считал появление такой женщины шуткой неизвестного гениального генетика, а кто-то — результатом генетической мутации, которую теперь денно и нощно искали учёные в штатском, исследуя весь геном Валентины.

Сотрудник английской разведки, у которого был столь оглушительный псевдоним, должен был докопаться до всех истин сразу. После неудачи с устройством на работу к Вольфам на должность искусственного осеменителя, мистер Джеймс Бонд приехал в качестве журналиста в родные края Валентины. Районный центр, если бы не было в нём двухэтажного белокаменного здания администрации, Дома культуры, построенного в советские времена, да ещё нескольких кирпичных зданий для разного начальства, своими улочками с чёрными от времени деревянными домишками напоминал Бонду киношные американские поселения времён золотой лихорадки. Больше всего агента 007 поразило то, что цемент и кирпич сюда завозили вертолётами, поскольку на грузовиках доставлять их по сибирскому бездорожью было ещё дороже — по размерам родной район фрау Вольф превосходил по площади две Великобритании. Поражали горбатые деревянные тротуары, обилие вездеходов и мотоциклов местной дорожной полиции, хотя другие автомобили, преодолевающие грязевые богатства здешних стрит, попадались исключительно редко и почему-то ездили, как в Европе, с включёнными фарами. Бонду объяснили, что такое мудрое предписание для сибирских просторов пришло из Москвы. Мол, за городом надо ездить с включёнными фарами, а зачем включённые днём фары за пределами цивилизации?

В аэропорту, состоявшем из шеста с полосатым мешком для указания направления ветра, служебной избы и грунтовой взлётно-посадочной полосы, на которую приземлился самолёт, по внешнему виду напоминавший стрекозу, английского гостя встречал сам глава местной администрации. Вместе с ним была учительница английского языка, которая оказалась лишней — мистер Бонд превосходно владел русским языком. Глава администрации наверняка мечтал попасть на страницы мировой прессы, поскольку мистер Бонд немедленно был доставлен в гостевой дом, где ему представили главу местного парламента, прокурора, начальника милиции в звании подполковника, редактора местной газеты, ещё нескольких начальников и бизнесменов, среди которых не мог не быть глава здешней ФСБ. Угощали водкой и настоящим виски «Old friend», красной и чёрной икрой, пельменями и грибами, балыками и шашлыками, и это продолжалось до позднего вечера. В магнитофоне пришлось менять несколько раз кассеты, чтобы записать болтовню хозяев. Время от времени мистер Бонд вспоминал о своём журналистском прикрытии и брался за фотокамеру. Хозяева явно были разочарованы тем, что гостя интересует какая-то нынешняя фрау Вольф, в девичестве Валентина Сыромятникова из деревни Чаговки, отстоящей от районного центра примерно в ста пятидесяти километрах, поэтому пытались соблазнить его рыбалкой или охотой на сохатого, хотя было лишь начало сентября, и охотничий сезон ещё не открылся. Причём охотой с вертушки, то есть с вертолёта — тут мистер

Бонд даже икнул от изумления, но, собрав свою железную волю в кулак, попросил доставить его на винтокрылой машине до Чаговки и пообещал после выполнения задания редакции поучаствовать в охоте и рыбалке.

Поутру Джеймс Бонд, памятуя о местной привычке начинать день с похмелки, честно выпил с остатками вчерашнего районного бомонда несколько рюмок водки, и напомнил собутыльникам о вертолёте. Оказалось, что винтокрылая машина уже дожидалась, но удивило знаменитого шпиона её величества другое — в вертолёте был накрыт стол, и поэтому процесс опохмеления был продолжен в воздухе. Гость наотрез отказался от угощения, приглядываясь к сопровождающим, определяя среди них работника ФСБ. Ему казалось, что он должен был не пить, но сопровождающие все глушили водку. Значит, все они из ФСБ, решил гость, поскольку без службы безопасности полёт в Чаговку не мог обойтись. И ещё он с тревогой поглядывал в сторону кабины лётчиков, пытаясь определить, пьют они там или не пьют.

Наконец внизу показались две цепочки старых, почерневших от времени изб, расположенных на левом, высоком берегу речки Чаговки. На вертолётной площадке их встречали глава деревенской администрации, участковый милиционер и ещё один человек, судя по одежде, явно городской, а потому и агент местной службы безопасности. От нового угощения мистер Джеймс Бонд вновь мужественно отказался и заявил, что ему нужно встретиться с мистером Филолаем.

— Вы хотели сказать с мистером Сыромятниковым? Спиридоном Кирилловичем? По кличке Филолай? — спросил явно городской и поинтересовался, откуда гостю стало известно деревенское прозвище деда.

— Из западной прессы. Фрау Вольф щедро раздаёт интервью.

Не успел дед осмыслить, как надлежит старому охотнику, утренний визит участкового и фээсбэшника, как к избе подкатили два уазика, из них высыпала чуть ли не дюжина красномордых, успевших уже поправить здоровье, начальников и направилась к его жилью. Филолайский пёс-лайка по кличке Стреляй, дурачина, радушно размахивал перед ними хвостом, наивно думая, что приехали охотники и хозяин отправится с ними в тайгу. Дед видел в окошко эту картину, сплюнул от досады, и пошёл открывать дверь.

— Вона вас сколько, — бормотал он, — у меня на всех и лавок не хватит.

— А мы, дед, постоим и послушаем умных людей, — успокоил местный глава. Вот знакомься, — тут он подвёл к деду гостя, — английский журналист Джеймс Бонд.

— Тот самый?! — удивился дед. — Надо же... — он помотал головой. — А в кино он другой...

— Так то в кино, — вмешался в разговор участковый Семён. — А тут — собственной персоной, всамделишный...

— Не верю, что такое, Ёськин кот, бывает, — упорствовал старый варнак, которому стало яснее ясного, что гость из заморской гебни, и что он такой же журналист, как дед Филолай генералиссимус Чан Кайши.

— Ну, проходите, гостями будете. Но без самовара — нежданные гости, а я бобылюю, не до гостеваний...

Как и обещал дед, всем лавок не хватило, половине приехавших пришлось подпирать спиной сруб. Англичанину, как почётному гостю, достался почти не шаткий стул, а хозяин уселся на табурет собственной работы. Гость выложил на стол блокнот, фотоаппарат и запустил диктофон.

— Так с чем ко мне пожаловали, сэр? — спросил Филолай, решивший продемонстрировать знание забугорного политеса.

— Не сэр, а мистер. У меня нет титула рыцаря, — поправил хозяина гость.

— Дык это дело наживное. У Вас такие заслуги, куда ж Лизка ваша глядит?! Шпагой шлёп по плечу — и готовенький рыцарь, — дед почему-то намеренно фамильярничал по отношению к королеве.

— Дед, ты того, не заговаривайся, — сделал замечание самый толстый и, должно быть, самый главный здесь начальник. — Ведь её величество с тобой хвосты коровам не крутила...

— А она сумеет? — озорничал и дальше старый варнак.

— Мистер Сыромятников, скажите, пожалуйста, в Вашем роду были гиганты? — спросил гость.

— В каком смысле?

— Такие, как Ваша родственница Валентина...

— Не помню, чтобы были такие. Да Вы в нашей деревне соседей поспрошайте — отродясь в нашем роду не было. Ну, дядя Филимон мог на спор полведра водки за один присест выпить. У деда Иннокентия, правда, прибор был страшного калибра, такое огромное рафаэлло — бабка в постели оренбургский пуховый платок заставляла подматывать. Ещё Антон был, тот кулаком разъярённого быка убил. Одним ударом — и насмерть. Раньше народ куда здоровее был, жил и не тужил, к докторам не ходил. А девки какие были — кровь с молоком! Отродясь ни помадами, ни кремами не натирались — разве что на морды малины лесной клали, ну и сливками настоящими кожу мягчили. Потому и рожали, самое меньшее, по десятку робят безо всякого национального проекта. Ну и Бога боялись, старших почитали...

— Насчёт того, что Вы называли рафаэлло, нельзя ли подробнее? — попросил гость.

— Дед, в рамках приличия! Рафаэлло — всё-таки кондитерское изделие, а не то, на что ты тут нам намекал, — сделал предупреждение самый толстый начальник.

— Вот и я говорю: приличное было рафаэлло. Очень приличное. В первую брачную ночь дед Кешка такое разрушение внутри молодой жены произвёл, что её отвезли аж в губернию к докторам. Там Кешкина слава и родилась. Ведь, как ноне бают, он и Марину, и перину... К нему дамочки, прослышав про такое чудо, не то что из района, даже из области приезжали. Отведать необыкновенного кондитерского изделия. Хотели даже деда Иннокентия для своего баловства в область перевести. Но он был строгих правил, лишь по просьбе деревенских трудящихся в бане полное ведро иногда своим изделием носил. Мужики как-то заспорили: у кого больше, у деда Кешки или у гнедого жеребца. И в спящем, и в боевом режиме измеряли — дед Кешка по всем показателям жеребца обставил.

Джеймсу Бонду стало очевидно, что Филолай — обыкновенный деревенский болтун, который жить не может без своих преувеличений. Ведь в таких деревнях, как сибирская Чаговка, скущища, вот здесь развлекают друга друга фантазиями собственного изготовления. По части наследственности у фрау Вольф следовало считать всё в порядке, надо было искать учёных мужей, превративших обыкновенную сибирскую девку в гигантскую Пандору. Хотя, конечно, рафаэлло деда Иннокентия могло последствия дать, но не такие же фантастические.

Слушая болтовню Филолая, Джеймс Бонд вспоминал напутствие руководителя английской разведки: выяснить, могли ли предки фрау Вольф быть гигантами с острова Пасхи, теми самыми, которые оставили загадочные огромные скульптуры. Домыслы прессы явно влияли на аналитические способности начальника знаменитой Ми-6. Какой остров Пасхи, какие гиганты — тут достаточно взглянуть на замухрышистого старичка...

Но всё же он спросил Филолая, почему Валентина, по его мнению, превратилась неожиданно в гигантскую женщину.

— Тут и к гадалке ходить не надо. Какой-то белены новомодной объелась. Вон по ящику какую только заразу, разные симуляторы-стимуляторы, не расхваливают. Вот её и понесло...

Вываться из Чаговки агенту 007 удалось лишь через неделю. После разговора со стариком он намеревался на вертолёте вернуться в район. Однако, как оказалось, какой-то допуск у вертолётчиков кончился — им запрещалось после семнадцати часов по местному времени подниматься в воздух. Поэтому они к семнадцати часам и лыка не вязали. Потом была баня, возлияния, ночёвка в каком-то домике для приезжих. А ночью выпал снег — тут уж хозяева не могли отпустить гостя, не пригласив его на охоту. Придели соответствующим образом, вручили ружьё и повезли в тайгу, где подстрелили несколько глухарей и завалили красавца-лося. Отмечали охотничью удачу так широко, что у Джеймса Бонда закончились таблетки, позволявшие ему при любой дозе алкоголя оставаться трезвым. Без них он быстро терял самоконтроль, соглашался со всеми предложениями, вообще вёл себя так, словно в Сибири прожил всю жизнь. На четвёртый или пятый день один из собутыльников, с трудом останавливая взор на госте, прорычал:

— Колись! Если не хочешь шить рукавицы вместе с Ходорковским. Думаешь, не знаем, кто ты?

— Я — Бонд. Джеймс Бонд. Полагаю, что этим всё сказано.

— Если ты настоящий Джеймс Бонд, то завербуй меня.

— ???

— Слабо, да? Никакой ты не Ходорковский, то есть не Джеймс Бонд. Завтра же отправим тебя отсюда, пока ваш форин офис не заявил о твоём исчезновении. Гуд лаки, мистер самозванец!

5

А Рената занялась поиском ответа среди экстрасенсов, народных целителей и даже магов. Однажды пришла она с какой-то расфуфыренной фрау Гретой — молва приписывала ей, что она справляется с любой болезнью. Валентина, восседая на своём стульчике, сооружённом из двадцатисантиметрового сибирского бруса, посреди стадиона, долго ей рассказывала о своей беде на всё ещё неуверенном немецком языке, а фрау Грета сидела в средних рядах для зрителей под огромной чёрной шляпой, пристально шурила свои острые глаза и курила длинные тонкие сигареты. И молчала. Когда Рената отлучилась по своим делам, фрау вдруг на чистейшем русском языке сказала:

— Вот что, девка. Что русскому хорошо, то немцу смерть. И наоборот. Уезжай домой и никогда не ешь так называемый фастфуд — он напичкан всевозможной гадостью. В том числе для возбуждения аппетита... Так что только Россия может тебя вылечить.

И умолкла, поскольку Рената возвращалась к ним. Ей фрау Грета сказала, что больной надо поменять климат, лучше всего уехать в родные места. А Валька даже Ренате не призналась, что целительница никакая не фрау Грета, а русская знахарка. Но от всякого фастфуда, то есть пищи на скорую руку, решительно отказалась. Заодно от всяких твиксов и райских наслаждений. Теперь ей готовили в гигантских котлах каши — пшённую, гречневую, овсяную и даже перловую, заправляли шкварками из сала с луком. Вместо фанты и пепси-колы варили цистерну компота и даже пытались приготовить какой-то кондёр под видом борща или шей.

Однако решительное изменение меню не помогло — ко времени получения Фрицем университетского диплома её рост приближался к двадцати метрам, а вес превысил пятнадцать тонн. Теперь возникла проблема с возвращением в Россию. В самолёт

Валька не могла втиснуться, даже в гигантский «Руслан», железная дорога также исключалась — для такой пассажирки надо было сооружать открытую платформу, но её размеры представляли угрозу для существующих в Европе мостовых ферм и железнодорожных тоннелей. Пришлось Фрицу покупать несколько мощных грузовиков «Магирус», машины этого типа хорошо показали себя в Сибири, сооружать автопоезд из нескольких трейлеров, возводить на них что-то вроде ангара, в котором Валька могла путешествовать хотя бы лёжа.

Возвращение на родину гигантской русской женщины стало на многие недели главной мировой новостью. Круглые сутки не сходили с экранов телевизора тягачи «Магирус» и сцепка из четырёх трейлеров. О прибытии знаменитости теперь знали жители всех населённых пунктов, там устраивали торжественные встречи, снабжали всевозможной снедью, в основном овощами, фруктами и опять же фастфудом, поскольку никто не знал о том, что она давно от него отказалась, дарили ящики с питьевой водой, пиво и вино бочками.

Как-то ночью приспичило Вальке по-большому, дала знать мужу, тот остановился вроде бы в подходящем месте, возле ухоженного леска. Гигантша вылезла из своего пенала и — в кусты. Не знала она, что вездесущие папарацци весь естественный процесс засняли с помощью приборов ночного видения, а потом ещё и снимали в разных ракурсах оставленную кучу, по сравнению с которой даже слоновьи поделки выглядели мелким птичьим помётом. Проблема стала общеевропейской, её мусолили защитники природы, друзья и недруги России, фирмы по производству ватерклозетов предлагали по пути следования построить для гигантши специальные туалеты, но «Магирусы» ехали быстрее, чем продвигались бумаги в бюрократических кабинетах. Сантехническая фирма, которая построила на стадионе биде в виде прогулочной яхты средних размеров, неотложную проблему для Рашен Баб решила мгновенно: торжественно вручила во время встречи с населением очередного города целый комплекс на трейлерной платформе с цистерной воды для смыва и подмыва. И получила огромную рекламу, в которой утверждалось, что фирма даже Рашен Баб обеспечивает самое комфортное и надёжное облегчение в пути.

Кроме сцепки из четырёх трейлеров и необычным дамским туалетом за знаменитой путешественницей следовало ещё несколько грузовиков — походные кухни для приготовления пищи, швейная фабрика по изготовлению для неё одежды всё возрастающих размеров, несколько фургонов с подарками, пивзавод на колёсах, даже салон красоты. За ними следовали несколько передвижных телестудий, множество пишущей и снимающей братии на автомобилях преимущественно повышенной проходимости. Не удивительно, что изнывающие от скуки европейцы и американцы с руками отрывали гамбургеры, которыми якобы питалась Рашен Баб, покупали её пиво, а дамы осаждали салоны красоты, требовали для себя средства, которыми она пользовалась. Несмотря на свои гигантские размеры, Валентина оставалась очень красивой молодой женщиной, поэтому Фриц с трудом справлялся с её почтой, в которой было множество признаний в любви к его супруге, а некоторые воздыхатели предлагали руку и сердце. Наиболее интересные письма он зачитывал жене, особенно в моменты, когда её одолевала хандра, и Валька от души хохотала над предложениями незадачливых женихов, оглашая смехом окрестности и вызывая суету среди пишущей братии.

6

Осень брала своё, по мере приближения к России ночи становились холоднее. Организация каждой ночёвки для Фрица и его помощников представляла огромную

проблему. Стало ясно, что в ближайшие недели не удастся добраться до России — их караван продвигался очень медленно, поскольку и четыре трейлера со спальным ангаром стали слишком тесными для гигантши и теперь ей приходилось в основном передвигаться пешком. Все реки она давно преодолевала вброд, вода была всё холодней и сопровождающие боялись, что она простудится, а как и чем её лечить, никто не знал. И как передвигаться, если все дороги и населённые пункты опутаны электрическими проводами, переполнены различными препятствиями, обусловлены многочисленными запретами местных властей? Не везде она была желанной гостьей, напротив, во многих населённых пунктах возражали против появления в их пределах русского чудовища.

Поэтому было решено кратчайшим путём добраться до Чёрного моря, погрузить её на корабль и доставить в один из российских портов с тем, чтобы перезимовать на юге России. Фриц всё больше расставался с идеей доставить жену на её родину, в Сибирь. Валентине новый план понравился — она давно мечтала жить на берегу моря.

В порту её ожидал огромный танкер, который Фрицу удалось зафрахтовать. На палубе соорудили настил из специального деревянного бруса, причём настил возвышался над палубой с тем, чтобы дама не повредила случайно всевозможное оборудование. На настиле разместили дамский ватерклозет и передвижную кухню — остальному обозу было велено добираться до России по суше. Танкер предназначался для транспортировки пятидесяти тысяч тонн нефтепродуктов, а пассажирка к тому времени хотя и весила пока гораздо меньше, однако капитан судна решил подстраховаться и заполнил танки наполовину морской водой. Всё-таки дама, существо эмоционально возбудимое, и как бы посреди моря не устроила им оверкиль, то есть не опрокинула судно вверх дном. Во время путешествия Валентина нагуляла вес почти до ста тонн, а её рост перевалил за семьдесят метров.

Вообще у капитана проблемы начались сразу после того, как владельцы дали ему указание организовать перевозку гигантши в Россию. Женщина на корабле для северных моряков была всегда верной плохой приметой, а тут следовало перевезти морем огромную Русиш Баб! И несколько мореманов тут же покинули танкер, а найти им замену оказалось не так просто.

Капитану, седоусому морскому волку, казалась глупостью перевозка танкером русского чудовища. Понятно, судовладельцев соблазнила бешеная реклама, и мужа оригинальной дамы не остановил недешёвый фрахт танкера, но куда проще было соединить в один плот обычные воинские понтоны и тащить его буксиром. Эта мысль пришла во время ожидания пассажирки в порту. На мостике рядом с капитаном стоял Фриц Вольф, вот и высказал ему своё соображение морской волчара. Когда шли переговоры, подобные предложения стоили бы ему работы, а теперь, чтобы занять тревожное ожидание, оно было почти кстати.

Муж Русиш Баб, озабоченный предстоящей погрузкой супруги на палубу танкера, вначале, что называется, не врубился в вопрос. Он тоже боялся, как бы его фрау Валентина не потопила судно. Во избежание этого они подогнали танкер максимально близко к берегу, едва не посадили его на киль. До дна оставалось каких-нибудь полтора метра, но это было и хорошо — когда мадам возложит свою изящную ручку на настил и обопрётся, чтобы взобраться на судно, то танкер погрузится всего на эти полтора метра и останется в обычном положении.

Капитан вновь изложил партнёру своё соображение.

— Военные понтоны, говорите? — усмехнулся Фриц. — Не нашлось фирмы в Европе, которая бы располагала таким количеством понтонов. Кроме военных. Представители НАТО готовы были бесплатно, под видом учений осуществить

транспортировку, но для этого требовалось политическое решение со стороны русских. Они тоже были готовы потренироваться, но НАТО почему-то не разрешило заход в воды Североатлантического союза русских понтонёров. Выходом из сложившейся ситуации могло стать проведение совместных морских учений понтонных частей НАТО и России, но для этого потребовалась бы куча переговоров, множество согласований и уточнений, взаимное рассекречивание технологий, на что ушло бы в лучшем случае года два. Прикажете нам ждать у моря подходящей политической погоды? Фрау Валентина готова была пешком по берегу Чёрного моря добраться до России — мне еле удалось отговорить её от такого шага. Не представляю, как бы в этом случае удалось получить разрешение властей, обеспечить ей хотя бы минимальные бытовые удобства. А как лечить её, если простудится, поскольку какую-то часть пути придётся преодолевать вброд или вплавь, а вода всё прохладней?

Капитан от удивления даже присвистнул. Поднёс бинокль к глазам, посмотрел на редколесье портовых кранов и тут же перекрестился. Над кранами показалась гигантская голова мадам — под такт шагов её голова то опускалась, то возвышалась. По нынешней моде волосы у неё были распущены, на роскошных локонах бронзой отсвечивали лучи склонившегося к закату солнца. На губах, слегка подкрашенных («Интересно, сколько же помады ей потребовалось?» — подумалось капитану), играла как бы виноватая улыбка, мол, извините, что я такая несусальная. Больше всего капитана поразили её глаза — огромные и прекрасные, синие, как ласковое и тёплое море, но слегка встревоженные тем, как бы нечаянно не наступить туда, куда не следовало бы.

Вся команда танкера высыпала на палубу. Русскую гигантшу заметили и на других кораблях, стоящих в порту и на рейде, приветствовали гудками. Кто-то стал пулять в небо сигнальные ракеты, его примеру последовали другие команды. Мадам в ответ улыбнулась, подняла руку, помахала ею и то ли произнесла, то ли крикнула во всю мощь лёгких:

— Здравствуйте! Спасибо за тёплую встречу! Семь футов вам под килем всегда и везде! Спасибо!

— Радист! — крикнул капитан. — Перевести приветствие мадам на английский и передать в эфир!

Слова необычной женщины вызвали в порту новый прилив всеобщего восхищения. В небе стало ещё больше сверкать разноцветных ракет, а когда мадам вышла на берег, сняла с себя халатик и предстала перед всеми в бюстгальтере и трусиках, стройная и красивая, то моряки попросту обезумели от увиденного. «Вот это женщина!» — слышалось со всех палуб на многих языках. Действительно, Валентина прибавляла в красоте и привлекательности, но была слишком уж огромной.

Держа в одной руке халатик, она вошла в воду, поднимая по крайней мере пятибалльную волну. Шла смело и уверенно, улыбалась и время от времени поднимала в приветствии свободную руку, а Фрицу казалось, что она вела себя слишком рискованно — ведь он её предупреждал, что на дне в порту могут быть затонувшие корабли, поэтому она должна была делать осмысленно и осторожно каждый шаг. Вместо этого она нашла где-то глубину и окунулась вся, что вызвало всеобщий восторг в порту, но бухта для неё была мелковата.

Когда она приблизилась к танкеру, вода не достигала ей и колен. Опустила на настил халатик и под крики Фрица: «Валуша, медленно, не спеши, не спеши!» взялась за края настила с двух бортов, надавила на танкер, пока тот не упёрся корпусом в дно и поставила коленку на палубу, затем другую и, наконец, оказалась на четверень-

ках на судне. Порт приветствовал её достижение новыми гудками, аплодисментами и ракетами. В ответ Валентина поднялась во весь рост и стала приветственно махать обеими руками.

— Что она делает?! Что она делает?! — кричал капитан супругу. — Пусть мадам прекратит любезничать, иначе мы опрокинемся. Такая мачта не предусмотрена проектом корабля!

— Валюша, успокойся. Ложись на настил, мы сейчас отплываем. Девушки, вытереть хозяйку, а когда выйдем в море — заменить бельё! — давал по мегафону указания команде обслуживания Фриц.

7

В море не давали покоя любопытствующие, облетающие танкер на самолётах и вертолётах на низкой высоте — им хотелось поглазеть, как путешествует на палубе самая знаменитая женщина планеты. В небе постоянно висели вертолёты телестудий, с которыми Фриц заключил контракты на освещение путешествия. Но над ними кружились неизвестные самолёты, и все боялись, как бы они не столкнулись. Поэтому капитан дал команду радисту постоянно передавать в эфир предупреждение о возможности столкновения в небе.

Смена мокрого бюстгальтера и трусиков из-за вертолётов телевизионщиков также превратилась в проблему. Они как раз ждали этого момента, чтобы заснять Рашен Баб абсолютно голой, но на танкере решили дожидаться темноты. Когда настала пора расставаться с мокрым бельём, капитан дал команду всем без исключения покинуть палубу и выключить всё освещение, кроме ходовых огней. Вертолёты телевизионщиков тут же включили прожектора, осветили Валентину. Возмутившись, она тут же встала во весь рост и хлестнула мокрым бюстгальтером по небу, намереваясь сбить какой-нибудь вертолёт нахалов. Те бросились врассыпную, но всё же через полчаса многие телекомпании передавали репортаж о ночном инциденте. Бюстгальтер как средство противовоздушной обороны превратился в мировую новость номер один.

При подходе к российским берегам море неожиданно потемнело, заштормило, причём с ливнями, от которых Валентине никакого спасения не было. Брезентовая накидка, которой она укрывалась ночью, промокла насквозь, одно лишь её прикосновение, холодной и жёсткой, вызывало у несчастной гигантши приступ брезгливости и озноба. Огромное тело путешественницы дрожало от холода, морякам казалось, что всему кораблю передавалась неуёмная дрожь. Чтобы как-то помочь супруге, Фриц уговорил её согреться спиртом. Моряки выкатили бочку на палубу, вырубил зубилами дно, мадам взяла её как обычную стопку и опрокинула в рот. На какое-то время ей стало лучше, но тут шторм раскачал танкер и ко всем несчастьям путешественницы добавилась морская болезнь. Накренив танкер на левую сторону, Валентина, корчась от позывов рвоты, которые выворачивали её внутренности, разрыдалась.

— Может, у Вас есть какое-то средство, чтобы помочь моей супруге? — бросился Фриц за помощью к капитану.

— Извините, но в данном случае ничем помочь не могу.

— Возможно, у Вас есть какие-нибудь мятные леденцы или аэрончик, его дают стюардессы при взлёте самолёта?

— Какие леденцы, какой аэрончик, если дама спирт бочками принимает? — выдержка в этот момент явно изменила морскому волку.

— Но Вы же как-то помогаете тем, кто подвержен морской болезни?

— Помогаем. Мы таких оставляем на берегу.

А Валентине было плохо. Танкер раскачалось, он то клевал носом, то вздымал над бушующим морем корму. Как потом она писала в своих мемуарах, вышедших не в России, а на Западе, тогда ей хотелось покинуть корабль. И желание было таким сильным, что она стала бояться себя. Оказаться в ревущем от шторма море было равносильно самоубийству — ведь спасти её не удалось бы никому. Лишь потом она поняла, что это было желание самоуничтожения, и оно совпадало с общим устремлением родной страны, которая начала распадаться и разлагаться географически, политически и морально. Её часто называли миссис Россия, мол, она такая же огромная, несурзкая и непонятная, дикая и жестокая, короче говоря, варварская. Множество недостатков ей, как и стране, приписывали, но поводов для таких обвинений она не давала.

Ей было невмоготу, а тут почти в прямом смысле перед её носом появилась яхта с репортёрами. С ними Фриц заключил контракт, и вели они себя нагло, по-хозяйски. Минувшей ночью не давали ей спать: если она ложилась на правый бок, то яхта заходила с левого борта и врубала прожектор, не иначе как позаимствованный у войск противовоздушной обороны. Мощный луч ослеплял её, закрытые веки не помогали — перед глазами словно полыхал кроваво-красный огонь. Она переворачивалась на другой бок, яхта заходила с правого борта, и всё начиналось сначала. Как же они не понимают, что я всё же женщина, с досадой думала она, а подглядывать за женщиной вообще некрасиво, а во время сна — тем более?! В конце концов, ей удалось натянуть на голову край брезента, и эта картина не представляла интерес для телезрителей.

— Как Вы себя чувствуете? — спрашивали в мегафон с прыгающей на волнах яхте.

— А вы что — не видите? — возмущилась она.

— Скажите, почему Вы и Ваш муж держите в тайне место Вашего постоянного жительства в России? Неужели Вы будете стремиться вернуться в Сибирь? Пока Вы в Европе, средствам массовой информации нетрудно освещать вашу жизнь, а это ис-

точник Вашего дохода, за счёт этого приобретается пища и одежда. В Сибири Вы пропадёте с голода!

— Что вы знаете о Сибири? — опять она ответила на все вопросы своим вопросом.

— Миллионы мужчин и женщин в мире интересуются: какую технику секса Вы предпочитаете с вашим супругом? У Вас нет детей, какие Вы используете контрацептивы?

— А это не ваше собачье дело! Отваливайте подальше, пока я добрая.

Однако репортёры не послушались совета и продолжали донимать её вопросами. Вся её жизнь давно была жёвана-пережёвана ими, любая мелочь немедленно становилась достоянием всего мира. Как она проснулась, сходила в туалет, почистила зубы, сделала зарядку, завтракала — всё это в мельчайших деталях было известно в любом уголке планеты буквально через несколько минут.

— Как же вы мне надоели! — воскликнула она в сердцах. — Вы ничего не оставляете мне. Разве что сны...

— А что Вам обычно снится? Что Вам снилось сегодня? Вам снятся мужчины? — тут же посыпались уточняющие вопросы.

— Меня тошнит, неужели это непонятно? Отвалите подальше, иначе... — больше она ничего не могла сказать, и гримаса страдания обезобразила её лицо.

А вопросы продолжали сыпаться. Тогда Валентина схватила левой рукой за нос яхту, подтащила её к себе и обрушила на палубу несколько сот килограммов недавнего завтрака. Брызги долетели и на оптику телекамер. Выходка Рашен Баб мгновенно стала известна во всём мире, посыпались комментарии, в которых её называли хулиганкой и совершенно варварской особью.

Тут же примчался Фриц, кричал ей, что так с прессой нельзя поступать, что с нею надо дружить, поскольку она — источник их дохода.

— Милый, неужели и ты не понимаешь, что мне очень плохо? Я просила их отстать от меня, а они, наглецы, продолжали донимать... Скажи спасибо, что я не отправила их на дно... Прекрати воспитывать меня, иначе я и тебя вышвырну за борт! — закричала она в ярости, и Фриц понял, что супруга вполне может швырнуть его по крайней мере на полмили в беснующееся море.

8

Шторм ослабел, когда они приблизились к российским берегам. Но судно продолжало клевать носом, внутри него урчали полупустые танки, а Валентине казалось, что это бунтуют её внутренности. Обессиленная и измученная, бледная, она лежала на настиле, но когда Фриц радостно сообщил, что показался российский берег, у неё не хватило сил приподнять голову и взглянуть на этот долгожданный берег.

— Нашлась ещё одна бочка апельсинового сока, — сказал он. — Выкатывать?

— Всего одна? — недоверчиво уточнила Валентина. Она заметила, что с некоторых пор муж стал с нею хитрить.

Ей нравился апельсиновый сок, и двухсотлитровые бочки были удобны — Фриц отвинчивал пробку, вставлял полиэтиленовую трубу, которая служила в данном случае как бы соломинкой, и Валентина в течение нескольких минут опустошала её. Когда же на судно набросился шторм, она могла пить только этот сок. Ещё в порту она просила мужа закупить побольше сока, с таким расчётом, чтобы привезти его и в Россию — ведь неизвестно, есть ли он там в такой дозировке.

— А ты знаешь, сколько придётся нам заплатить за этот сок на российской таможне? — спросил практичный супруг.

— Выкатывай, — сказала она и хотела добавить «Чтоб не платить таможене». Смолчала — без её ироничного замечания разговоров о таможене хватало.

— Валюша, у меня большая просьба. Пожалуйста, выпей сок в присутствии таможенников — они должны своими глазами увидеть, сколько для тебя требуется продуктов. Мы же должны переправить на берег их остатки, а это несколько десятков тонн. Иначе придётся тебе поголодать, пока я не организую твоё питание.

— У меня и без таможенников в желудке сосёт.

— Потерпи, дорогая. Капитан связался с береговыми службами, они скоро должны прибыть.

Действительно, к танкеру подвалил катер, с которого на борт поднялись пограничники, таможенники, санитарные надзиратели и ещё какие-то люди в белых халатах и без халатов, называвшие себя представителями местной администрации, а также прессой.

Пограничники скрупулёзно изучили немецкий паспорт Фрица, въездную российскую визу. От паспорта Валентины они отмахнулись — паспорт был российский, даже ради любопытства не сравнили фотографию и нынешнее лицо его владелицы. Паспорт Фрица понадобился потому, что ему предлагали отправиться на берег и решить многие вопросы пребывания его супруги в портовом городе. Капитан безуспешно пытался получить ответ на свой вопрос, почему танкеру приказали бросить якорь на внешнем рейде — пограничники кивали на санитарные службы, а те на представителей властей.

Белые халаты просили Валентину показать язык, потом требовали сказать «А-а», заглядывали в гортань. Какой-то врачик, как жучок, ползал по ней, прикладывал ухо к грудной клетке, слушал тоны сердца, которые были слышны на расстоянии нескольких метров — в звуках жизнедеятельности огромного организма отдалённо напоминала работу небольшого кузнечного цеха, где шумели огромные меха и глухо раздавались удары гигантского сердца. У Валентины взяли на анализы кровь, требовали представить образцы мочи и кала. Эти образцы возмутили супругов — где это видано, чтобы при пересечении границы надо было сдавать мочу и экскременты на предмет наличия в них яиц глистов?

— Пока мы не убедимся, что Ваша супруга не является носителем опасных болезней, мы не позволим сойти ей на берег, — заявила Фрицу санитарно-эпидемиологическая начальница госпожа Степанова.

— О каких болезнях Вы говорите? Мы проехали пол-Европы, и никто нам не предъявлял подобных претензий! Валентину осматривали самые знаменитые врачи, исследовали несколько лучших лабораторий мира! Я могу предъявить Вам их медицинские заключения. Или Вы полагаете, что в её кале есть яйца нильских крокодилов? — убеждал санитарную даму Фриц, а та лишь плотнее сжимала тонкие губы, отчего её лицо, невыразительное, бесцветное, как резиновая маска, как бы утверждалось в своей неприсущности и принципиальности.

— Мы свои сделаем заключения, — заявила она, и Фриц уловил в ответе и второй, угрожающий смысл слова «заключение». — Ставлю Вас в известность, что судно и пассажиры будут подвергнуты карантину сроком на двадцать один день.

Ошарашенный новостью Фриц на несколько мгновений онемел. Ему казалось, что палуба танкера то опрокидывается на него, то теряет очертания, впрочем, как и лицо госпожи Степановой, которая заметила, что с собеседником неладно и даже проявила к нему участие, спросила, что с ним. Но Фриц справился со спазмом в сосудах, в полусознании подумал о том, что если он брякнется в обморок, то госпожа Степанова возьмёт и у него кровь из вены, а также образцы кала и мочи.

— У вас нет оснований применять карантин, — сказал он.

— А это не основание? — показала госпожа Степанова на Валентину, которая с интересом следила за их разговором.

— Карантин нанесёт нам колоссальные убытки. Чего будет стоить один фрахт танкера! А как обеспечить питание моей супруги?

— Вот для переговоров по этим вопросам Вас и приглашают в мэрию.

— Мэрия мэрией, а мне нужен суд, чтобы опротестовать Ваше решение. Прошу представить его в письменной форме.

— Не припомню случая, чтобы суд отменил хоть одно наше решение.

— Есть ещё суд в Страсбурге.

— Да на здоровье!

В этот момент огромная кисть руки взяла начальницу и подняла в воздух. Валентина, сидя на палубе, поднесла госпожу Степанову к своему лицу и спросила:

— Ты, санитарная утка, что надумала? Взятку хочешь? Я тебе такую дам, что на всю жизнь запомнишь. Если ты не отменишь свой дурацкий карантин, то я совершенно случайно наступлю на тебя здесь, на палубе, и раздавлю как вошицу. И мне ничего не будет — ни в одной стране не найдётся для меня тюрьмы! Даже в России.

— Не угрожайте мне, официальному лицу, и опустите на палубу, — потребовала начальница, не потерявшая присутствия духа.

— Я тебе, официальная задница, не угрожаю, но предупреждаю.

Жаль, что моряки, наблюдавшие за этой сценой, не понимали русского языка, но дружно наградили свою пассажирку аплодисментами, как только санитарная начальница вознеслась так высоко.

— Валюша, разве так можно поступать с представителями властей? — встревожился внизу муж.

— Не можно, а нужно, — раздалось сверху. — Ты присмотрись к ней получше — на ней же полкило золота и брильянтов! На зарплату купила или любовники надали?

Начальница не могла не слышать этих слов. Разъярённая, с лицом, по которому блуждали красные пятна, она пообещала Фрицу подать на его жену в суд за физическое насилие, угрозы, оскорбления и клевету. Со словами, что она так всё это не оставит, спустилась на катер и закрылась в каюте.

— Ха-ха-ха! — оглушила окрестности смехом Валентина и вновь заслужила аплодисменты команды танкера.

— Ты сошла с ума? — закричал ей Фриц.

— Радуюсь, что встретилась с соотечественниками! Ха-ха-ха...

По пути на берег он пытался объяснить с начальницей, мол, в последнее время супруга стала раздражительной, им столько пришлось перенести невзгод и преодолеть трудностей, чтобы добраться до России... У начальницы лицо вновь как бы заледенело, от злости серые глаза превратились в тёмно-серые, в ответ она лишь процедила, почти не размыкая резиновых губ:

— Обратитесь к психиатру...

Весь день ходил Фриц по кабинетам разных начальников, которые почему-то не решали ничего. Он понимал, что это основное занятие русских начальников, но привыкнуть к такому их статусу никак не мог. Получить у госпожи Степановой постановление в письменном виде о карантине он также не смог, и это наводило на мысль, что тут не всё чисто. Простейшее дело — доставить его на танкер также превратилось в неразрешимую проблему, владельцы катеров или небольших яхт требовали такие деньги, на которые он мог бы совершить кругосветное путешествие на самолёте, причём в первом классе.

Он брёл по порту и с ужасом думал о том, в каком положении он мог оказаться, если бы танкер не был набит продуктами, и Валентина голодала бы. Неожиданно среди вагонов, портовых кранов, контейнеров его нашёл старый знакомый Джеймс Бонд.

— У Вас дела не о'кей? — спросил не без сочувствия пройдоха.

Весь день у Фрица было ощущение, что Джеймс Бонд где-то рядом, незримо присутствует и влияет на его дела. Он давно вспомнил, что Джеймс Бонд был знаменитым литературно-киношным английским шпионом, с необъяснимым его пониманию правом на убийство. Кем был этот проходимец, представлявшийся Джеймсом Бондом, он понятия не имел.

— Могу уладить проблемы с госпожой Степановой, — неожиданно заявил он, и Фриц едва не воскликнул после этого, что теперь он знает, чьих рук это дело. — При одном условии. Вы назначаете меня личным врачом фрау Валентины. С должностным окладом в размере одного евро в год.

— Чего Вы добиваетесь?

— У меня есть определённые научные интересы.

— Это значит, что моя супруга будет Вашей... подопытной? — Фриц не нашёл более подходящего сравнения.

— Все моменты моей работы можно оговорить в контракте. Кстати, проект подготовлен, — сказал Бонд и протянул собеседнику тёмно-синюю папку с выразительным красным крестом.

Фриц медлил, понимая, что, возьми он папку, проходимец это расценит как предварительное согласие с его условиями.

— Такие вопросы я не могу решать без согласия жены. Кроме того, надо посоветоваться с юристом, получить разрешение на Вашу трудовую деятельность у российских властей... — перечислял возникшие проблемы Фриц.

Джеймс Бонд решительно перебил его:

— В папке собраны все необходимые документы. От моего резюме, отзывов коллег о моей квалификации до вида на жительство и разрешения на врачебную деятельность на территории Российской Федерации. Вы берёте папку, стало быть, рассматриваете предложение, и как только принимаете положительное решение, то в течение часа для Вас и Вашей жены исчезнут все препятствия для схода на российский берег.

«Он арендовал участок российской границы?!» — подумал Фриц, но иного выхода из идиотской ситуации он не видел и взял папку.

— Не сомневался в Вашем благоразумии, — похвалил его Бонд. — Кстати, если Вы пройдёте метров пятьдесят вперёд, то увидите, что Вас поджидает яхта с журналистами, которые и доставят Вас на танкер.

9

Всесилие и вездесущность Джеймса Бонда в русских делах удивляла и пугала Фрица. Он читал ещё в Германии, что в России иностранцы, особенно американцы, пользуются гораздо большими правами, чем коренные жители. Но чтобы они так хозяйничали в суверенной стране, никак не ожидал. В конце концов, Фриц тоже был иностранец, но, видимо, Джеймс Бонд по сравнению с ним был более иностранным, и добился такого положения с помощью взятки, на которые падки местные чиновники. С пустыми руками бессмысленно появляться в их кабинетах, надо заходить с кейсом, набитым валютой, — такой вывод сделал Фриц, подводя в дневнике итоги нелёгкого дня.

Но ему ещё предстояла встреча с прессой. Более неудобного момента для неё трудно было представить, поскольку откровенный рассказ о ситуации с российскими властями мог лишь повредить ему и Валентине. Пришлось выкручиваться, избегать оценок бездействий береговых служб, переводить разговор на заезженные темы и даже нахваливать особенно щедрые фирмы и их продукцию. Почти час, в течение которого яхта тихим ходом двигалась к цели и пресса истязала его, показались ему бесконечными, и он с огромным облегчением избежал по трапу на танкер.

— Ну? — встретила нетерпеливым вопросом жена.

— Валюша, всё расскажу, но дай возможность съесть хотя бы бутерброд и выпить чашечку кофе, — взмолился он. — С утра ничего не ел...

На яхте слышали этот не интересный для них короткий диалог и отвалили от танкера. Даваясь бутербродом и обжигаясь горячим кофе, Фриц знакомился с содержимым тёмно-синей папки. Безукоризненность характеристик Джеймса Бонда, профессионализм и основательность подобранных документов настораживали, но делать было нечего, надо соглашаться с условиями, а потом постараться послать ко всем чертям. Главное — чтобы была в контракте лазейка для отказа, тут юрист должен над документом как следует поработать.

Валентина, подложив ладонь под голову, лежала на боку, а Фриц стоял перед её лицом, которое и без ладони было почти вдвое шире его роста. В таком положении супруги могли разговаривать почти без риска быть подслушанными. Впрочем, им только казалось, что их не подслушивают — над танкером висел вертолёт с журналистами, вооружёнными направленными чувствительными микрофонами.

— Так и не дали бумагу о карантине? — переспросила супруга. — Значит, никакого карантина нет. В России главное — бумажка. Без бумажки — ты букашка, — она прикрыла рот ладонью и прошептала: — Завтра утром перебираемся на берег. Готовься... Можно было бы и сегодня, но поздно, да и вечер холодный.

— С ума сошла?! — ужаснулся законопослушный немец. — Мало у нас неприятностей?! Надо всего лишь согласиться с предложением Бонда...

— Без бондов обойдёмся! Всё утрясётся, я лучше тебя знаю привычки наших начальников. Готовься! — в этом случае «готовься» прозвучало как угроза.

Попытки отговорить Валентину от задуманного шага ни к чему не привели. Расстроенный Фриц дал команду службе подготовиться к переезду на берег, чему она обрадовалась, а сам сел за дневник.

«Теперь я, кажется, начинаю понимать, почему в России так мало порядка, но так много великих писателей, — неожиданно для себя откладал на ноутбуке не свойственную ему фразу. — Все великие русские писатели — идеалисты, их представления о нормальной жизни пользуются успехом у населения, которому надоели непорядки...

Прошедший день считаю крайне неудачным, а Валентину неудачи вдохновили на сумасбродные поступки...»

С самого утра над танкером висел вертолёт с прессой, в полной готовности качалась на крутой волне журналистская яхта. Рыцари пера и экрана, пользуясь современными подслушивающими устройствами и сверхчувствительными микрофонами, прознали, что сегодня будет немало поводов для сенсаций.

Валентина проснулась, как это происходило всегда, в семь утра. С помощью системы пожаротушения умылась — воду подавали пожарным шлангом в её гигантские пригоршни. Обслуга подала завтрак, состоящий из множества бутербродов с маслом и ветчиной — для этого выпекали хлеб огромными буханками, но и эти бутерброды ей приходилось есть специальной ложкой, похожей на ковш экскаватора. Запивала она их кофе, который ей привезли в керамической чашке объёмом

триста литров — одна фирма, пожелавшая получить суперрекламу для своей продукции, подарила Валентине целый сервиз, состоящий из супницы на две тонны, мисок ёмкостью по полтонны каждая, тарелок, напоминающих вертолётные посадочные площадки, и шести чашек, словно Рашен Баб ждала в гости таких же, как сама, подружек.

Фриц Вольф нервно пытался отговорить жену от задуманного, она его, как шахматную фигуру, снимала с палубы и подносила к уху — так они пытались избежать подслушивания. Муж что-то нашёптывал ей, но она упрямо мотала головой и опускала его на палубу. Он снова требовал дать ему возможность сообщить что-то новенькое — так продолжалось до тех пор, пока к танкеру не подошёл пограничный сторожевой корабль и катер с таможенниками, работниками санитарно-эпидемиологической службы, милицией и ещё каким-то начальством. Они тоже знали о намерениях Валентины и поэтому старались окружить танкер, чтобы не дать ей возможность сойти с судна.

Обилие публики лишь раззадорило гигантшу. Она оставила завтрак, поднялась во весь рост, сняла свой халатик, осталась лишь в купальном одеянии. Матросы с прибывших плавсредств тут же дружно зааплодировали — она была великолепна, поражала своей красотой. На аплодисменты ответила улыбкой, и вдруг с возгласом «Эй, ухнем!» оттолкнулась от палубы танкера и прыгнула в море солдатином. Две ближайšie посудины подпрыгнули на неожиданной волне и опрокинулись, а гигантша, и это хорошо просматривалось с вертолёта, не всплывая, вырвалась из окружения, потом её голова показалась над водой. Валентина, что называется, сделала ручкой гостям и размашистым кролем стремительно поплыла к берегу. Какой-то катер храбро пытался преградить ей путь — Рашен Баб осторожно взяла его за нос и корму, окунула полностью в воду, вынула и щелчком указательного пальца, словно дело имела не с судном, а с каким-то водяным жучком, придала ему некое ускорение. После этого никто не решался преградить ей путь.

Население портового города, которое видело по спутниковому телевидению репортаж о событиях на танкере, высыпало на берег. Некоторые развернули заранее написанные приветственные плакаты — по мнению властей, на берегу образовывалось несанкционированное массовое мероприятие, заявку на проведение которого организаторы должны были подать минимум за семь суток. Как позже узнала Валентина, по местным законам за семь дней надо было подавать заявки и на разрешение похоронных процессий...

Однако милиция не получила команду пускать в ход резиновые демократизаторы, чтобы разогнать сбежавшиеся толпы потенциальных экстремистов. Гигантская пловчиха стремительно приближалась к берегу, и начальство благоразумно воздержалось от разгона демонстрантов, поскольку не исключалось вмешательство в конфликт гости, которая могла все ОМОНЫ и спецназы зашвырнуть далеко в море.

Откуда-то появился духовой оркестр и, блестя на утреннем солнышке надраенной бронзой, грянул встречный марш. Властям не оставалось ничего иного, как мгновенно доставить трибуну для мэра, вооружить его громкоговорителем, и хозяин города обратился с приветственным словом к выходившей из воды Валентине. Как обычно, при встречах с большими массами людей, на лице у неё была добрая улыбка, и все были поражены ладностью её фигуры и женской красотой при таких колоссальных размерах тела. Она возвышалась над толпой на десятки метров, её голова находилась на уровне примерно двадцатого этажа, но таких домов в портовом городе ещё не возводили.

— Здравствуйте, дорогие соотечественники! — крикнула она, перекрывая и оркестр, и речь мэра, и шум толпы. — Спасибо за тёплую встречу! Нам пришлось перенести немало невзгод, чтобы добраться до России. Теперь я в родном Отечестве, теперь у меня многие неприятности, в этом я уверена, позади. До Сибири в нынешнем году нам не добраться, поэтому, если вы не возражаете, я перезимуую в ваших местах. Не возражаете?

— Не возражаем! Добро пожаловать, Валюха! Будь как дома! Мы тебе дачу отгрохаем! — неслось из толпы.

Какой-то начальник в костюме и галстуке приблизился к её ступне и стал шлёпать ладонью по большому пальцу Валентины, показывая ей, что ему надо поговорить с нею. Гигантша заметила его, наклонилась, подставила ему пригоршню — неизвестный храбро шагнул в неё и тут же был вознесён наверх.

— Иван Петрович Большаков! — представился он, когда оказался перед огромным лицом гостьи. — Глава администрации соседнего Росщупкинского района. Предлагаю поселиться у нас. У нас спокойнее, чем здесь, море, есть и горы. Как-нибудь прокорим. Короче говоря, милости просим.

Валентина думала всего несколько секунд.

— Спасибо, Иван Петрович! Показывайте дорогу. Люди добрые, дайте нам пройти, — обратилась она к встречающим. — Только показывайте дорогу без трамвайных или троллейбусных проводов...

— А мы не через город, а пойдём вдоль берега, — откликнулся весело Большаков. — Тут недалеко, километров пятнадцать. Надеюсь, для Вас это не расстояние...

— Боюсь, как бы Вас случайно не уронить. Вы не будете против, если я Вас помешу за бюстгальтер, в ложбинку? Оттуда Вы не выпадете...

— Да я разве могу отказаться от такой чести и от такого доверия?

Когда гигантша главу соседнего района засунула за бюстгальтер, берег взорвался бурей восторга. Мгновенно глава безвестного приморского района стал всемирной знаменитостью, его путешествие в бюстгальтере Рашен Баб стало на целую неделю новостью многих мировых средств массовой информации. Его городок наводнили толпы журналистов, посыпались предложения множества фирм со всех континентов обеспечить знаменитую гостью всем необходимым — в сущности, хитромудрый Большаков и добивался этого, но он не представлял, что пребывание в его районе гигантши обернётся для него и его земляков гигантскими проблемами.

10

Большаков в срочнейшем порядке созвал совещание, которое можно было бы назвать партийно-хозяйственным активом. Ведь единороссы шли по стопам КПСС. В зале заседаний думы к двум десяткам местных депутатов присоединялись всевозможные районные начальники и нынешние хозяева местной экономики, то есть предприниматели. Иван Петрович сидел за столом президиума, нервно вертел в руке карандаш, крутил чёрные упрямые усы, которые не желали закручиваться вверх. Он начал их крутить ещё в ложбинке у гигантши, и это выглядело достаточно комично для тех, кто взирали на него снизу. Вообще вислые усы, сам лик его, пребывающий в вечном южном загаре и подчёркивавший как бы своенравное лукавство хозяина, у всех, кто видел его впервые, рождали одну и ту же мысль: «Казарлюга! Ну и казарлюга!»

После пребывания в ложбинке костюм Большакова распространял в помещении мощные феромоны молодого и здорового женского тела, которые у мужской части

уважаемого собрания будоражили основной инстинкт. Глава районной думы, известный местный ходок, прямо-таки лип к Большакову, который от него отмахивался, как от настырной осенней мухи. Представительницы прекрасного пола тревожно оглядывались по сторонам, как бы попытавшись инстинктивно найти опасную соперницу, которая заполонила своими соблазнительными запахами всё пространство.

Казарлюга дождался, пока в зале не будет минимум зияющих пустотой кресел, и, крутанув ус, мощно крикнул и поднялся.

— От всей души поздравляю всех росшупкинцев с мировой славой. Отныне наш город, вчерашнее поселение городского типа Росшупки всемирно известны!

— Новые Васюки! — бросил реплику кто-то из оппозиции.

— Благодаря кому? Нашей величайшей в мире гостье — Валентине Сыромятниковой, она же на немецкий манер — фрау Вольф! И собрали мы здесь вас, чтобы посоветоваться, как нам соответствовать и обеспечить пребывание знаменитой гостьи наилучшим образом. Не сомневаюсь, что она даст мощный толчок развитию Росшупков...

— Эта как толканёт, так толканёт! — опять встряла оппозиция и вызвала смех.

— Попрошу без реплик, всё очень серьёзно! — прикрикнул Казарлюга и сверкающими от возмущения глазами обвёл присутствующих. — У нас сейчас столько журналистов, бесплатная реклама на весь мир, так надо же воспользоваться этим. Надо срочно поднять туризм на небывалую высоту!

— Вэри велл! Это замечательно и очень правильно, — раздалось вдруг в глубине зала, откуда поднялся энергичный мужчина импортного вида. Он шёл к президиуму, продолжая говорить с явным акцентом.

— Позвольте, кто Вы? И что Вам здесь надо? — спросил Казарлюга.

— Я хозяин британской фирмы «Рашен Баб тур лимитед», — отрекомендовался англичанин и уточнил: — Бонд... Джеймс Бонд...

— Чего лимитед?.. — желал уточнить кто-то из неугомонной оппозиции, но тут же его заглушил звонкий женский голос: — Тот самый?!

— К сожалению, не тот самый, но полный тёзка. Я готов организовать специальные туристические маршруты в Ваш замечательный таун и платить десять процентов своего дохода в Ваш бюджет.

— А у нас не десять процентов налога, а все девяносто пять! Да ещё и откаты чиновникам безразмерные! — опять оппозиция зашумела.

Тут уж не мог смолчать Фриц Вольф, которого Большаков пригласил на совещание.

— Позвольте мне сказать! — обратился он к председательствующему и, получив утвердительный кивок, решил поставить на место конкурента, который обещал многое, но ничего пока не сделал. — Мистер Бонд вводит уважаемое собрание в заблуждение. Исключительные права на использование всего, что связано с фрау Вольф, принадлежат ей и мне, её супругу. Мистер Бонд не имеет права организовать туристические маршруты к месту пребывания моей супруги! По всем вопросам следует обращаться ко мне, Фрицу Вольфу!

— Незаконный монополизм! — воскликнул Джеймс Бонд.

— Вот что, господа иностранцы, — весомо сказал Казарлюга. — Вы, пожалуйста, объяснитесь где-нибудь в другом месте и не мешайте нам работать. У нашего депутатского корпуса есть предложение. Давай, представительная власть.

Известный ходок по дамской части, заведённый всепобеждающими феромонами гигантши, с предельным пафосом предложил присвоить необычной гостье звание почётной гражданки поселения городского типа Росшупки. Руководящее собрание медленно, как корова, пережёвывало эту пищу для размышления. Он ждал бурных аплодисментов, а зал молчал, не желал высказываться и определяться.

— Тут всё надо рассматривать в перспективе, — пришёл на помощь Казарлюга. — Всемирная известность даст нам убедительные козыри превратиться из населённого пункта городского типа Росщупки в город Валентиновск или просто — Валентин. Мы должны стать мировым центром валентиновского движения, то есть празднования дня святого Валентина, печатать и продавать миллионы и миллионы открыток-валентинок с изображением нашей Валентины.

— Приставить ногу! — раздалось требование известного в городе оппозиционера из бывших военных по прозвищу то ли капитан Копейкин, то ли капитан Тушин. Он не имел привычки пребывать в трезвости, пользоваться расчёской для приведения в порядок лохматой головы и употреблять обычные словосочетания. «Приставить ногу!» — это была команда из его командирского прошлого, когда требовалось остановить марширующих солдат, а в гражданской жизни это выражение применялось им для привлечения внимания к себе и своим словам. — Аспект технический! — тут он вертикально поднял руку с торчащим указательным пальцем. — Почётным гражданам положена лента через плечо! А для этой бабищи нужна лента шириной метров пять и длиной метров сто. Таких текстильная промышленность не выпускает, а ежели такую заказать, хватит ли нашего бюджета на одну лишь ленту — ась?

Руководящие дамы и господа оживились. Капитан всегда вносил оживление в их ряды, и Казарлюга, зная, что тот способен любое обсуждение скovyрнуть с намеченного пути, тут же картинно развёл руки в стороны, показывая тем самым, что вопрос о ленте сейчас совершенно неуместен.

— Да разве на ленту нам сейчас время тратить? Нашей гостье надо где-то голову преклонить, отдохнуть с дороги. У нас остался ангар от стратегических бомбардировщиков — немедленно надо освободить его, склады там, понимаете, какие-то устроили... Вымыть, проветрить, соломки постелить. Не лента нужна, а простыни для нашей гостьи. И подушку надо соорудить, одеяло и пододеяльник хотя бы один. В ангар она сможет залезать, но надо в спешном порядке построить для неё что-то вроде однокомнатного дачного домика соответствующей высоты. Впереди зима, надо торопиться. Где деньги взять? Спонсоры обязаны раскошелиться и по традиции — всему населению надо каждый месяц отчислять в фонд Валентины деньги в размере однодневной заработной платы. И... — тут Казарлюга хотел обратиться к мужу Валентины, чтобы он продолжал обеспечивать свою необыкновенную жену питанием и одеждой, рассчитывал на помощь росщупкинского населения и помогал своими советами, однако в зал заседаний буквально вбежал начальник жилищно-коммунального хозяйства и ринулся за трибуну.

— О-о, — он горестно помотал головой, вытер взмокший лоб просто ладонью. — Я только оттуда...

— Откуда? — загремел Казарлюга.

— С Дунькиного пупа, — тут зал грохнул самозабвенным смехом.

— С какого такого пупа? — продолжал допытываться Казарлюга.

— Холм, бугор так называется, который напротив улицы Инессы Арманд. Везде бугры называются Дунькиными пупами.

— Это по-нашему: пуп Дунькин, а улица — Инессы! — опять отличилась оппозиция.

— Бугор понравился нашей гостье, вид на море... А потом ей захотелось в кустики, по маленькому. Кустиков нет, присела наша Валя и — на улице Инессы Арманд наводнение. Жители с претензиями ко мне, а собаки и кошки Валькину влагу лакают. Она у неё с валерьянкой, что ли... Только скандал утих, ей захотелось по-большому. Я попросил потерпеть, а сам вызвал бульдозер и приказал за бугром вырыть что-то

вроде силосной траншеи. Мы отвернулись, мадам облегчилась, не без канонады, но несколькими тоннами. Бульдозерист сумел прикрыть слоем грунта этот подарок. Это же ка-та-стро-фа!

— Слушай, Домовой, — у Казарлюги на каждого своего подчинённого было отраслевое прозвище, — это же живой человек, тем более — дама, у неё всё происходит, как у всех нас. Никакой катастрофы, просто непривычные объёмы...

— Гигантские! Это Гулливер в юбке! — едва не плача воскликнул начальник ЖКХ.

— Хватит, хватит, — успокаивал его Казарлюга, — у нас есть дела и поважнее. Прошу всех присутствующих дать немедленно необходимые указания, а предложения, подумав хорошенько, сдать моему помощнику завтра к девяти часам утра. На этом, если нет вопросов, заканчиваем.

— А как же с присвоением звания почётной гражданки? — спросил глава представительной власти, и высокое собрание, из воображения которого ещё не выветрились впечатляющие сцены после только что услышанного рассказа, опять отозвалось хохотом, причём с дамскими взвизгиваниями.

11

Встречу с родной страной Валентина представляла как праздник и долгожданную радость, как начало другой, понятной и привычной жизни. Она так ждала её, что собственные габариты считала досадным недоразумением. Вообще ей, сибирячке, впрочем, как и всем её землякам, люди, живущие за Уральским хребтом, казались излишне недружелюбными, самолюбивыми и жестокими. Дед Филолай как-то жаловался односельчанам, что у него неизвестные приبلуды, явно не сибиряки, ограбили два зимовья. Забрали все запасы продуктов и боеприпасов, оставили на столе пустые банки из-под тушёнки и сгущённого молока, сожгли все дрова, а топоры украли. Раньше такое было невозможным. Неписанный таёжный закон обязывал думать о человеке, который в зимовье мог рассчитывать на уют и спасение, если он болен, ранен зверем. Ему надо только открыть дверцу печурки, а там уже приготовлены дрова, стоит лишь поднести спичку — и огонь вспыхнет, пойдёт тепло, оживёт чайник...

Вот и Валентина представляла встречу вроде нарастания тепла между нею и соотечественниками, поскольку надоело быть экспонатом, чуть ли не живой тиной, на которую все бегают смотреть, о которой любят читать-смотреть-слушать, распространять всевозможные глупости, вроде той, что она — коварный план русских варваров, пожелавших вновь завоевать мир. Немало было и таких, у кого после накачивания подозрений по поводу планов русских возникало желание нагадить ей любым способом. Служба безопасности у Фрица не зря получала заработную плату — однажды они даже задержали арбалетчика, который ненавидел Россию и намеревался пустить стрелы в глаза Валентины. Удалось скрыть от прессы факт подготовки покушения, иначе у русофоба нашлись бы последователи.

Её перевели на бывший военный аэродром, рядом с ангаром стали возводить нечто вроде гигантской табуретки высотой двадцать метров. К этому времени рост Валентины превышал семьдесят метров, так что табуретка для неё на стадии изготовления была маленькой скамеечкой. Сооружение тут же остроословы окрестили Пьедесталом Бабы. Вначале бульдозер насыпал холм, потом за дело взялся экскаватор. Холм окружили срубом из толстенных брусьев. К срубам привинчивали болтами двутавровые балки, сваривали их электросваркой.

Валентина подходила к пьедесталу, строители попросили её утрамбовать землю внутри сруба. Она поставила туда свою ножку, надавила и сооружение затрещало, но развалиться не успело, поскольку заорал матом какой-то мужик, судя по всему, прораб.

— Это временный стул, тебе сделаем из железобетона и с мягким верхом, чтобы не застудилась! — кричал прораб, как бы извиняясь за грубость.

— Спасибо, буду ждать, — улыбнулась Валентина и пошла к ангару.

И услышала вдогонку:

— Ребята, да вы взгляните на её попку! Не выдержит такую Пьедестал!

— Попка что надо, аппетитная. Только большеватенькая, размером с районный дом культуры, — под смех товарищей высказал своё мнение кто-то.

Валентина обернулась и пригрозила охальникам пальцем, что вновь вызвало взрыв хохота.

Солнце стремилось скрыться за грядой гор, видневшихся на горизонте и окутанных дымкой, и сразу похолодало. Здешняя красота, ласковое море и степной простор перестали радовать Валентину. Пока ещё нагретый над горами и степью воздух нёс к морю остатки тепла, но впереди была сентябрьская ночь, где-то за горами угрожающе погромыживала, быть может, последняя в году гроза.

Валентина была в том, в чём сошла с танкера в море — всеильная санитарная начальница Татьяна Степанова поместила в карантин продукты и весь её скарб. При этом она не разрешила разгрузить танкер, который всё ещё стоял на рейде и грозил обойтись семейству Вольфов в кругленькую сумму. Ещё днём, когда Валентина проголодалась, Фриц сумел привезти молоковоз с парным молоком и купил тысячу нарезных батонов. Поскольку специальная посуда осталась на танкере, рабочие вырубili верх металлической бочки из-под апельсинового сока, и Валентине наливали в неё молоко. Она пригоршнями отправляла батоны в рот и запивала молоком из бочки, которая была для неё чуть ли не напёрстком.

Во время трапезы ей почудился знакомый голос. «Внученька! Внученька!» — назойливо звучало в ушах. Опустила взгляд вниз, осмотрелась: Бог ты мой, дед Филолай кричит и рукой машет! Подставила ему ладонь, раскрыла, дед, не задумываясь, забрался туда, и Валентина, остро испытывая к гостю давно забытые родственные чувства, поднесла его к своему лицу. Филолай был в брезентовом охотничьем плаще, в солдатских кирзовых сапогах, резиновые бродни засунул голенищами под подпояску, на плече висело ружьё, за спиной — рюкзак, а в руке — самодельный фанерный чемодан, который он не рискнул оставить внизу. На голове у гостя соответственно сезону коровьей лепёхой красовалась нейлоновая шляпа в мелкую дырочку — такую Валентина видела лишь по телевизору, когда показывали хронику про Хрущева...

Филолай, задрав бородёнку вверх, широко и радостно улыбался, распахнув щербатый рот.

— Ты куда так вырядился? На охоту, что ли? — спросила Валентина, давась от душившего смеха.

— На охоту! — с вызовом подтвердил он. — На твоих обидчиков! Как услышал по радио, что тебя в Россию не пускают, так сразу же винтарь на плечо — и сюда. Кто им дал право измываться над тобой? Я ещё без всякого оптического прицела белочке в глаз попадаю — так что твои обидчики у меня не забалуют.

— Ой, дедушко Филолай, а хорошо, что ты приехал! — воскликнула Валентина и с расстояния в несколько метров как бы чмокнула его в кудлатую щёку, изобразила воздушный поцелуй, оглушив гостя. — Домой хочется, а куда мне такой, зимовать здесь придётся...

— Мы же сибиряки, а разве здесь зима такая студёная, как у нас? Перезимуем и — в путь.

— Так-то оно так, но меня дома целый район не прокормит. Ты не представляешь, сколько мне продуктов приходится переводить! Перед твоим приходом целую цистерну молока выпила и тыщу нарезных батончиков слопала. И осталась голодная... А портовая санврачиха определила на карантин мои продукты, которые мы привезли на танкере. Хотела и меня закарантинить, да я не далась, вплавь до берега добралась... За 21 день карантина многие продукты испортятся, а стоят они кучу денег. Фриц говорит, что всё это козни Джеймса Бонда, крутится вокруг меня такой из Англии проходимец, врачом представляется.

Тут Филолай прищурился, сжал в кулаке бородёнку, и Валентина вспомнила, что это означало у него начало усиленной мыслительной работы. Он так всегда делал ещё в родной деревне, когда надо было что-то основательно обмозговать, и, увидев это, Валентина едва не пустила слезу.

— Постой-ка, милая, — он выпустил из кулака бородёнку, — а ко мне приезжал тоже какой-то Джеймс Бонд, назывался журналистом, всё о тебе да о нашей родне пытал меня. А от него за три версты гебнёй разит, только не нашей, должно быть, её величества. И чего ему от тебя понадобилось?

— Личным моим врачом задумал устроиться.

Филолай схватил тут снова свою бородёнку в кулак, задумался.

— Если ты его берёшь на работу, то продукты снимут с карантина? — спросил Филолай.

— Да, — от удивления Валентина ответила впротыжку. — А ты откуда знаешь?

— По повадкам зверя вычислил, — ответил Филолай и оставил, наконец, свою волюсыную растительность в покое. — О! — неожиданно воздел он указательный палец вверх, давая понять собеседнице, что его посетила особо ценная мысль. Чтобы поделиться с нею, он дал знать Валентине, что хочет что-то сказать ей на ушко.

Валентина приблизила Филолая к своему гигантскому уху и услышала громкий шёпот родственника:

— Привадить зверя надо, привадить... Прикормить...

— Пусть будет по-твоему, — почему-то сдавленно ответила Валентина. — А сейчас свои уши, будь добр, закрой.

— Не понял...

— Да что ж тут понимать! — воскликнула она. — Молоко-то некипячёное пила, пучит меня, спасу никакого нет. Оглушить могу...

— А-а-а! — догадался Филолай, зажал ладонями уши и где-то внизу раздавалась то ли серия взрывов, то ли грохот, напомнивший старому фронтовику артподготовку.

У Валентины с лица исчезло выражение озабоченности, после облегчения она даже на секунду прикрыла глаза.

— Вот это ка-но-на-да, — с расстановкой произнёс Филолай.

Поскольку солнце уже скрылось за горами, внизу включили прожекторы, и в лучах света, направленных на Валентину, хорошо было видно, что снизу вверх поднимаются столбы потревоженной пыли.

12

Фриц Вольф обрадовался приезду Филолая — среди огромного количества русских, с которыми ему приходилось теперь встречаться, старый варнак был понятнее всех. Сибирские жители отличались от русских, проживающих на юге страны. В своём дневнике, который он открыл в конце дня, Фриц задался непростым вопросом: почему в этих безвестных Росщупках люди говорят одно, думают другое, а делают третье? Каждая встреча с каким-нибудь росщупкинцем превращалась для него в ребус, сбивала с толку, не приводила к реальному результату, поскольку было очень трудно определиться с двумя неизвестными: что на самом деле думает его партнёр и что в итоге он намерен сделать. Борясь с усталостью и наваливающимся сном, Фриц записал в дневнике, что если вся Россия нынче Росщупки, то теперь понятно, чего опасаются инвесторы, которым власти сулят самые выгодные условия вложения денег, но они не прельщаются ими. Попробуй-ка определить, что у этих новых русских на уме!

Впрочем, одна разгадка лежала на поверхности. Им очень хотелось получить как можно больше денег, то есть, как уточняла Валентина, бабла. Причём не заработать, честный труд, казалось, теперь здесь стоял на последнем месте, а путём каких-то хитроумных уловок, финансовых схем и даже откровенного мошенничества. За примером ходить далеко не надо: молоко в молоковозе, как показал анализ, оказалось разбавленным водой, что и стало причиной того, что Валентина всю ночь задыхалась от собственных газов в гигантском ангаре для стратегических бомбардировщиков и сотрясала окрестности неприличными звуками.

Фриц пришёл к умозаключению, что он попал в страну, больную бабломанией. В страну баблоинов. Неужели только в Сибири ещё осталось знаменитое русское бескорыстие и сострадательность? Всем хочется заработать, чтобы лучше жить, размышлял он в дневнике, но зачем жить ради того, чтобы заиметь бабла как можно больше? И потом швыряться им на Западе, покупая дорогие виллы и яхты, бесстыдно демонстрируя своё богатство? Ради самоутверждения? Преодоления комплекса неполноценности? Родители Фрица родились в Восточной Германии, но они, как и его знакомые, не заболели бабломанией, когда им после воссоединения страны открылись возможности для занятия бизнесом и обогащения.

— О, grosфатер! Дедушко! — Фриц бросился к Филолаю с объятьями, когда тот появился в дверях его кабинета в административном модуле на стройплощадке. — С приездом, с приездом, дорогой grosфатер! Как мне тебя здесь не хватает, как не хватает! Присаживайся, дорогой, чувствуй себя, как дома! Устал с дороги, устал?

— Так ведь не ногами шёл, колёсами ехал. И я, Ёськин кот, чертовски рад видеть тебя и Валентину здоровыми!

— Кофе будешь? — Фриц взял со стола огромный блестящий термос. — Чай я не пью, а без кофе никак не могу — на меня столько проблем навалилось! Кофе спасает...

— Не спасат, а вздрючиват, — с неудовольствием пробормотал дед и запустил руку за пазуху. — Вот что спасат, наше белое винцо!

И, вытащив на свет белый фляжку из нержавеющей стали, потряс ею перед носом Фрица.

— Помнишь, ты её мне подарил? А в неё почему-то пол-литра не входит. И что вы, немцы, за народ, всё бы русскому наперекор! Четыреста граммов входит, а сто граммов сразу приходится выпивать. Не пропадать же добру... А там, где сто, там и остальные четыреста. Собирался сюда и захватил с собой твой шкалик.

— Девяносто шесть градусов? — спросил опасливо немец.

— Они, родимые, — кивнул гость. — А у тебя кабинет оборудован или как? Из горла девяносто шесть даже мы не пьём, дух перешибат.

У Фрица кабинет оказался оборудованным, нашлись рюмки и пепси-кола для заправки, и после первого тоста за приезд хозяин стал изливать свою немецкую душу старому сибиряку-кержаку.

Филолай не мог помочь найти ответы на все его вопросы-проблемы, он сам терпеть не мог новую власть и навязанные ею препюханные порядки. То, что он вызвался приглядывать за Джеймсом Бондом, Фриц безоговорочно одобрил.

— Сейчас изготювим тебе бейдж, сфоткаем... — Фриц уставился на Филолая, словно впервые его видел. — Слушай, а как ты одет! Что за мезозойная шляпа? Какие к черту кирзачи? Я тебе целый чемодан джинсовой и разной модной одежды накупил, у нас же с тобой одинаковые размеры...

— Размеры одинаковые, да начинка разная, — уточнил гость.

— Минуту, — Фриц подхватился, исчез за дверью в стене, видимо, в жилой отсек, и действительно через минуту выволок оттуда внушительный баул. — Вот мои подарки тебе. Пожалуйста, сними брезентовый плащ, мне надо тебя сфотографировать.

— Зачем? А нельзя ли завтра сфотографировать?

— Нет, не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня.

— Что, и пить не будем?

— Пить нельзя откладывать на завтра.

— Во, хоть что-нибудь по-нашему...

Фриц помог старику найти джинсовую безрукавку, причесать чуть ли не сбившиеся в колтуны волосы на голове, облагообразил, как мог, бородёнку, щёлкнул фотоаппаратом. Потом включил компьютер и приступил к изготовлению бейджа.

— Вот, — комментировал он свои действия. — «Филолай Сыромятников. Специальный агент по особым поручениям». Идёт? — уловив сомнения в начинающих хмелье глазах старика поправился: — «По особо важным поручениям». Или «по особо важным делам»? Идёт? — ответа вновь не последовало. — Не возражай, «по особо важным делам» лучше. И добавим: «Имеет право».

— А эт зачем? Какое-такое право? Меня же вопросами все затрахают.

— У нас в ГДР ксивы с такой припиской были особо уважаемыми.

— Нет давно никакой ГДР, ты в России, понимаешь ты или не понимаешь, здесь народ прицепливый и въедливый, ему вынь да положь, растолкуй всё и разложи по полочкам... Давай ишо по одной... А вообще-то я не Филолай по документам, а Спиридон Кириллович.

— Вот как! — поразился Фриц.

— Так мы станем ишо по одной или как? — старик начинал терять терпение.

— Сейчас, сейчас, — Фриц отпечатал документ, заламинировал, приделал ему синий шёлковый шнурок и повесил на шею Филолая. — Вот теперь давай ишо по одной, обмоем твою новую должность...

Потом он долго распространялся о том, что тут без создания серьёзной службы безопасности никак не обойтись — в России теперь такими службами обзаводятся

даже мелкие предприниматели, поскольку развелось столько жуликов и воров, что им следовало противопоставить вооружённую силу. Филолай так растолковал ему ситуацию: никто в стране не работает, поскольку одна половина мужиков охраняет, другая — воруют, потом они ночью меняются местами...

Старый сибиряк помог, как мог, поскольку белое вино давно закончилось и пришлось прибегнуть к помощи литровой бутылки виски, уяснить первоочередную задачу: немедленно обзавестись друзьями из местного бомонда, хотя бы из числа не очень скомпрометировавших себя деятелей. Они помогут ориентироваться в здешних баблджунглях — в момент возникновения этой оптимистической задумки и упала, сморённая сибирскими дозами спиртного, голова Фрица на стол с бумагами.

13

А утром, ко всем необходимым заботам по обустройству нового места, на него свалилась совершенно необычная проблема.

— Рыжик, — обратилась к нему Валентина, которая таким именем называла его в моменты особо расположения и близости. — У меня лифчик мокрый.

Он вначале не понял, поскольку никогда не слышал слова «лифчик», потом подумал, что в ангаре жене было душно спать, а из её сосков заструилось молоко. «Доннер веттер, — мысленно выругался он, глядя, как из огромного соска не капает, а струится молоко, наполняя собой бочку, которую Валентина подставила под него. — Неужели в молоковоз вместе с водой они залили ещё и какой-то стимулятор? Или его закупили где-то на Западе или в Китае и дают его коровам в таких огромных количествах, что и у Валентины началась лактация?»

Решили больше не пить молоко. Но у Валентины появился чудовищный аппетит, начался прямо-таки жор — её челюсти непрерывно что-то жевали. К ужасу Фрица запасы продуктов, привезённые на танкере, уменьшались с катастрофической скоростью, а лактация у неё и не думала прекращаться. «Организм Рашен Баб начал вырабатывать молочные сливки!» — такая суперновость попала в мировые СМИ, хотя Фриц и Валентина пытались скрыть молочную историю от всех. Но он дал бутылку молока в местную лабораторию, подведомственную, как оказалось, санэпидемслужбе Татьяны Степановой, а уж та расстаралась довести результаты анализа до журналистской братии. Молоко Валентины побilo все рекорды — ни одно живое существо на суше и в воде не вырабатывало молоко двадцатипроцентной жирности!

В мире развернулась дискуссия о том, как можно использовать молоко русской Гигантеллы. Появилось невероятное количество абсолютно достоверных сведений о том, что у младенцев всего после трёхкратного приёма этого молока из обычной детской бутылочки сразу же начинают расти зубы. У кормящих матерей проблемы с грудным молоком сразу же исчезали. Молоко Рашен Баб чудодейственным образом излечивало маститы и прочие болячки дамских бюстов. Суперсенсацией стало то, что молоко русской Гигантеллы на 182 целых и 78 сотых процента действеннее виагры — у всех, даже дряхлых стариков, у которых десятилетиями прибор показывал на полшестого вечера, а не на два часа утра, мужская сила вдруг с невероятной мощью взбурлила. Жёны, обиженные сексуальным равнодушием супругов, за любые деньги были готовы купить хотя бы одну бутылочку пастеризованного молока Гигантеллы. И оно появилось в продаже в супермаркетах всех обитаемых континентов.

Читая всю эту галиматью, Фриц не только удивлялся способности пишущей братии поднимать сенсационную шумиху на весь мир, но и понимал, что с настоящим молоком делать что-то надо. Сотни прохиндеев, называющих себя бизнесменами, не давали ему покоя письменно и устно, охотились за ним, пытались заинтересовать своими предложениями. Так продолжалось, пока ему не позвонил Казарлюга, он же глава местной администрации Большаков. И сообщил, что он едет к нему с интересными людьми.

Стояла ещё сухая погода, и Валентина с высоты видела, как на дороге, идущей от города, запылила кавалькада чёрных внедорожников. Местная власть обещала заасфальтировать грунтовку, поскольку по ней бесконечно сновали туристические автобусы с желающими взглянуть на русскую Гигантеллу и купить за бешеные деньги бутылочку её настоящего молока. Бывало и так, что пыль поднималась к Валентине, и ей нечем было дышать. Однажды расчихалась — и десятки видеосюжетов поползли по миру, в журналы и газеты напечатали снимки, как она чихает.

— Позвони Казарлюге и потребуй положить на дорогу асфальт! Иначе... — она не продолжила от сильного возмущения мысль, но крикнула мужу так, что её слова были услышаны всеми жителями Росщупков.

Туристы, толпившиеся за забором, взорвались аплодисментами. Забор окружал стоянку Гигантеллы так, что к ней туристы не могли приблизиться меньше, чем на двести метров, и это было сделано не только по санитарным соображениям, но и чтобы её не заразили какой-нибудь инфекцией и не надоедали глупыми вопросами.

Вообще-то главный санитарный врач Татьяна Степанова и тут поработала на славу. По её мнению, если Валентина заболит гриппом, то и вирус она станет распространять гигантский, от которого нормальным людям спасу никакого не будет. Поэтому она предписала оградить стоянку высоким и крепким забором, а на въезде организовать настоящий карантинный пост с будкой для дежурных санитаров, со шлагбаумом, канавой с хлорной известью. Санитары дезинфицировали колеса автомашин, заставляли приезжающих ходить по хлорке, но и близко не подходить к Гигантелле. Мировая печать вначале осуждала санитарные власти за превращение стоянки Рашен Баб в лагерь строгого режима, заикнулась насчёт прав человека, но потом вдруг принялась расхваливать за создание абсолютно безопасных условий и для уникама, и для окружающих.

— Ох, и зловредная ты женщина, уважаемая Татьяна Исидоровна, — выговаривал ей дед Филолай, он же специальный агент по особо важным делам. — Наша порода крепкая, кержацкая, нас грипп не берёт, а ты так нас обиходила, словно мы, Ёськин кот, болеем ящуром али язвой сибирской...

— Не твоё дело, дед! Помалкивай, пока я прививки от всех существующих тропических болезней не прописала...

— А тропики здесь с какого боку, ась?

— Да к вам же едут со всех континентов, как бы заразу какую-то не привезли... Вам бы всем ходить в медицинских повязках.

— В намордниках, что ль? Ты что удумала, что удумала? Заставляй надевать намордники туристов, а не нас! Для них — это полчаса, а для нас — вся жизнь! Ежели так будешь зверствовать, то мы переедем в другой район! У нас вона сколько предложений, на Росщупках клин светом не сошёл! Ёськин кот...

И Филолай, подобно тому, как победивший в схватке зверь с презрением уходит от побеждённого противника, показывая ему, что нисколько его не боится, удалился. С сожалением, что при этом не может поднять заднюю ногу, как это делал его пёс по кличке Стреляй.

14

Филолай пошёл на пост встречать местное начальство. Фриц назначил его на должность с высокими правами, но обязанностями не обеспечил. Поэтому Филолай чувствовал себя примерно так, как чувствует, должно быть, пятое колесо в телеге. И особо важные дела пришлось придумывать самому, иначе говоря, стремиться быть затычкой для каждой дырки. От его внимания, внимания охотника и варнака, ничего не ускользало, и он ходил по стоянке, охотился за недостатками, как за зверем, давал указания навести порядок, которые, кстати, никогда не отменялись ни Валентиной, ни Фрицем.

Вот и на этот раз он нашёл для себя занятие. Подошёл к посту санобработки и придирчиво наблюдал за тем, как санитары не пропускали машины приехавших, в том числе и главы администрации, который хотел было опротестовать действия постовых. Он, видите ли, претендовал на особое льготное обслуживание. Привык к такому, Ёськин кот...

— Товарищ Большаков! Не пытайтесь нарушить санитарный режим. Никому не положено! — прикрикнул Филолай на него, и тот, увидев фигуру старика в камуфляже, с решительно торчащим вперёд клинышком белой бороды, перестал, как говорится, качать права.

Из машин, как тараканы, сыпанули гости — все в тёмных костюмах, при галстуках и с кожаными папками в руках. «Вона вас, Ёськин котище, скоко!» — удивился Филолай и решил воспрепятствовать прохождению максимального числа этих «тараканов». Но особенно удивился он, когда увидел, что из самого большого вездехода вылез Джеймс Бонд. В отличие от чиновной рати он был в светлой ветровке и без галстука. И совсем был поражён старый кержак, когда Казарлюга с подобострастной улыбкой пригласил жестом агента британского империализма пройти вперёд. И мимо канавы с хлоркой...

— Товарищ Большаков! — с укоризной обратился дед к Казарлюге. — Не нарушайте порядок, обеззараживайте обувь в извести! И вообще, зачем столько народу к нам приехало? На экскурсию, что ль? Проходите, пожалуйста, сами, товарищ Большаков, и ещё два самых нужных Вам человека. Остальные пусть посидят в машинах.

— Я бы и товарища Большакова не пустила! — раздался сверху голос Валентины. — Сколько раз обещал заасфальтировать дорогу? Ещё одно обещание привёз?

— Нет, дорогая Валюша! — закричал вверх Казарлюга. — На этот раз дорогу привёз и очень интересное предложение!

— Посмотрим, посмотрим, — угрожающе произнесла Валентина. — Спиридон Кириллович! — обратилась она официально к Филолаю. — Пропустите, как Вы и решили, не больше трёх человек, а то у нас на всех белых халатов не хватит.

Последнее указание предназначалось не столько уважаемому Спиридону Кирилловичу, сколько Татьяне Степановой, которая все эти правила придумала и которая не покидала стоянку, озабоченная тем, к чему бы ещё придаться. Поэтому и Филолай, и Валентина, не сговариваясь, старались продемонстрировать главе местной администрации предписания главного санврача в полном объёме.

— А Бонд зачем? Этот кандидат в доктора? — недоумевал дед, когда Казарлюга отобрал в качестве самых нужных гостей его и ещё одного лысого пузана с толстой папкой. — Без агента её величества нонче никак нельзя?

— Он наш главный инвестор! — с гордостью заявил Казарлюга. — А знаешь, дед, какое на самом верху к зарубежным инвесторам отношение? То-то же...

— Какое же это — то-то же... Наши денюжки америкашкам даются за один процент, но с откатом, а займы у них берём самое меньшее под восемь процентов.

— Не процент, а процént! — поправил Казарлюга.

— А нам всё равно: что в лоб, что по лбу! Рашен бизнес, твою Ёськин кот?! Но сколько верёвочке не виться, всё равно кончик будет!

— Старик, ты что в экстремистские речи ударяешься? Смотри у нас...

— А я нагляделся, гражданин начальник. Не пужай нас, мы уже пужатые! Ты лучше застёгивай халат на все пуговицы, у нас не какая-то больничка занюханная, а объект особого санитарного режима! Правильно я говорю, Татьяна Исидоровна? — спросил Филолай подошедшую встречать начальство Степанову. — И бахилы надевайте аккуратно, чтобы они не потерялись на территории.

— Зачем бахилы надевать после того, как в хлорной извести обувь сжёт? — недоумевал Казарлюга.

— А с этим обращайтесь к Татьяне Исидоровне. Она так велела...

Реплика Филолая попала в точку — начальство уже вскипало от порядков, заведённых санэпидемслужбой, и Казарлюга, зло сверкнув тёмным глазом, прошептал угрожающе Степановой:

— А Вы почему без халата и бахил? Сегодня в пять вечера жду Вас у себя с докладом...

— Х-х-хорошо, — еле выговорила межрайонная санитарная гроза, глядя вслед начальству с гостями, которых повёл зловерный Филолай.

Он остался на переговорах Фрица с Казарлюгой и агентами британского империализма, поскольку пузан оказался сотрудником Джеймса Бонда. Сел вместе со всеми в конце стола, присматривался и прислушивался. Джеймс Бонд представил своё предложение: срочно поставить завод для переработки молока Рашен Баб, организовать её оптимальное питание, а также переработку естественных отходов, естественно, для дальнейшей реализации на рынке. Для Рашен Баб будет поставлена гигантская доильная установка, поскольку у неё трудности с отцеживанием молока ручным способом... Фриц, который недолюбливал Джеймса Бонда за его вмешательство в их дела, казалось, потерял дар речи от наглости англичанина, решившего взять в свои руки буквально всё.

— Как у нас говорят, всё говно кроме мочи. Но нам их не жалко, — вмешался в переговоры Филолай. — А вы Валентину спросили? Тут ей уже доилку приготовили, а она ни сном, ни духом? А ещё любите калякать про права человека...

— Старикан, да уймись ты, наконец! При чём тут права человека?! — прикрикнул на него Казарлюга.

— Золотые слова баишь: действительно, при чём тут права человека, если прибылью пахнет? И откатом, ась?

— Спиридон Кириллович прав, — Фриц встал на защиту своего порученца по особо важным делам. — Без мнения Валентины Ивановны все наши разговоры не более чем прожекты. Она, и только она может превратить их в проекты. Поэтому предлагаю сделать перерыв на полчаса. Люся! — нажал он кнопку, вызывая секретаршу. — Займитесь угощением гостей... А мы со Спиридоном Кирилловичем поднимемся наверх...

«Поднимемся наверх» означало подняться к Валентине для конфиденциальных разговоров.

— Бонд что-то замыслил, — сказал Филолай Фрицу, как только они вышли из административного модуля.

— Замыслил, и давно, — сходу согласился Фриц. — Но что? Взять всё в свои руки, получить жирный навар? Отстранить нас, превратить Валюшу в дойную корову?

— Тепло, но не горячо. Тут что-то ещё. Коммерция — маскировка. А Бонд — государственный человек. Тут есть государственный интерес. Британский интерес, к гдалке ходить не надо, Ёськин кот!

— Спиридон Кириллович, неужели вы всё ещё считаете нашего плешивого гостя агентом 007? Настоящий агент — это литературный или киношный герой, его придумал английский писатель Ян Флеминг. А у нашего Джеймса Бонда просто совпадение имени и фамилии с героем Флеминга.

— Что ты мне этого Флеминга в нос тычешь? Не читал я его книг, кина много не смотрел — у нас же в деревне, сам знаешь, телевидение только из тазика. Да и то, когда дизель свет даёт... А этот пройдоха ещё себя покажет... Чувство у меня сразу появилось, как я его увидел. Душу не обманешь...

— Ну и наслаждайтесь своим чувством. Разве я против? Эй, Валюша, поднимай! — закричал он гигантше.

Сверху на них стремительно опустилась раскрытая ладонь Валентины — каждый раз, когда она опускалась с многометровой высоты, Филолаю слышался свист рас-секаемого воздуха. Не робкого десятка он считал себя, на медведя не раз ходил, но от созерцания падающей ладони непроизвольно сгибал колени, уменьшался в росте. Ведь ошибись племянница на полметра — от них мокрого места не останется. И в раскрытой ладони, когда она возносилась к лицу племянницы, Филолая сковывал животный страх, который преодолеть было непросто.

Когда Валентина в ладони поднесла их к своему лицу, Филолай подумал о том, что оно после предыдущего «вознесения на небеси» стало ещё больше. Он не мог, не отводя взгляда, смотреть в огромные, двухметровые в диаметре, глаза племянницы. Из-за своего чудовищного размера они как бы теряли своё выражение, и, если бы не веки, которые не потеряли способности периодически моргать, можно было бы принять глаза за мёртвые. Пока Фриц рассказывал жене о предложении британца, Филолай вспоминал предупреждение одного биолога о том, что у Валентины есть угроза самоуничтожения от собственного веса — не выдержит кожа, которая не успевает становиться прочнее, начнут ломаться кости от непомерной нагрузки, рваться сосуды...

Валентина тяжело вздохнула — это Филолай понял, оказавшись в центре мощной воздушной струи, вырвавшейся из её носа.

— Валюша, а что нам остаётся делать? — вопрошал Фриц, беспомощно разводя руки. — Доходы у нас падают, как говорят в России, финансы поют романсы...

— Я по ночам мёрзну. Мне холодно, а меня собираются доить, — сдавленно произнесла Валентина, и Филолай увидел, как из уголков её глаз не скатились, а побежали ручьями слёзы.

— Не плачь, не плачь, родная наша, — начал утешать её Филолай. — Сегодня привезут чуни типа «прощай, молодость!» На каждый чунь тонны войлока уходят! Да и никто не умеет варганить обувь такого многотысячного размера. Стёганные чуни получаются, иначе не слепить. А прошивают, как ты понимаешь, не нитками, а швартовочными канатами. Не шитьё это, а сплошное перетягивание каната! Еле БелАЗ нашли, чтобы перевезти обувь-то. Так что, родная ты наша, ночью твои ноженьки будут в тепле!

— У меня зуб разболелся, — неожиданно сообщила она. — Наверное, застудила...

— Зуб??? — изумился Фриц. — Это... это... катастрофа! Если журналисты узнают, что у Рашен Баб большие зубы, то о каком молоке можно говорить?

«Во немчура всполошилась! — мрачно подумал Филолай. — Ему финансы важнее всего! Деньги, конечно, нужны: не достроено зимнее помещение для Валентины. Ок-

тябрь уже, а она в деревянных сандалиях и сидит, и ходит. Бабадас какой-то обещал кроссовки изготовить 5045 размера, да что-то ни слуху, ни духу».

И пообещал недовольно:

— Привезу, привезу вечером стоматолога. Чтоб шито-крыто было, — и, повернувшись к Фрицу, добавил: — Готовь деньги...

— Вот опять: деньги, деньги, деньги... А впереди зима, туристов не будет, бум в СМИ стихнет, доходы иссякнут... Но тонны пищи каждый день надо купить на что-то...

— Да согласна я стать дойной, — сказала Валентина. — Но чтоб без всяких стимуляторов, ГМО и прочих штук! Пища, а не пицца, должна быть наша, русская. Её качество контролирует наша лаборатория — это мои условия. А теперь — вниз...

И они, спустя миг, оказались на земле.

15

«День был исключительно трудным, — писал поздно ночью Фриц в дневнике, который, по его мнению, непременно должен стать со временем мировым бестселлером. — Только что в ангаре, чтобы утаить от прессы, закончилось лечение зуба у Валентины. Старый сибирский охотник привёз целую бригаду, включив в неё не только дантиста, но и двух бурильщиков со станком и со взрывчаткой — на тот случай, если придётся удалять костную ткань из дупла размером с салон легкового автомобиля. Была ещё медсестра с новенькой электрической бетономешалкой — готовила материал для пломбы. На пломбу пошли все запасы стоматологических цемента целого края. Из-за трудностей по его сбору лечение началось на сутки позже. Дантист, известный в краевом центре хирург-зубодёр, затребовал кучу денег за услугу, поскольку в Росцупках были стоматологами исключительно женщины, которые побоялись лечить знаменитую пациентку. Причём Филолаю пришлось отдельно договариваться с дантистом, с бурильщиками, с медсестричкой. Я обеспечивал строжайшую тайну, поэтому включил в контракты с ними пункт о неразглашении.

По моей просьбе Валентина легла на бок с таким расчётом, чтобы дантист, кстати, рыжий, как истинный баварец, смог войти в рот и приступить к лечению. А войти в рот он мог только в специальном прорезиненном костюме, несколько штук таких пришлось доставать в войсках противохимической обороны, и по стерильной салфетке толщиной в полметра.

Мощный прожектор освещал рот Валентины, и дантист, увидев размеры дупла, непроизвольно схватился за голову и воскликнул на родном языке нечто похожее на «Ой, вей мир!» Обрабатывать дупло без обезболивающего препарата он наотрез отказался: «Представляете, если я задену нерв, а она непроизвольно щёлкнет зубами, что от меня и господ бурильщиков останется?!» А поскольку обработать десну обезболивающими уколами не предоставлялось возможным — слизистая даже во рту была сантиметров тридцать, толще самой длинной медицинской иглы. Поэтому он попросил больную лечь так, чтобы кратер в зубе принял вертикальное положение, и вылил в него почти полное ведро новокаина.

Поджидая, пока заморозка подействует, дантист, не покидая рта больной, сообщил мне, что придётся заложить в дупло мышьяк, убить им нерв, поставить временную пломбу, а дня через три удалить нерв толщиной в руку и поставить постоянную пломбу.

— Я вообще не представляю, как буду вытаскивать такой нерв! — почти кричал он с досады. — У меня нет таких инструментов! А мышьяку сколько потребуется? Кто это подскажет?

— Вы что запаниковали, мы мало Вам платим? — прервал я истерическое словоизвержение дантиста.

— Спасибо, мне достаточно пообещали. Не в деньгах дело, — включил он задний ход. — Лечение уж слишком уникально!

— Для этого Вас и пригласили.

— Зуб вообще-то лучше всего вырвать. Бульдозером, — предложил один из бурильщиков. — Или взорвать. Мы так точно и аккуратно взрывчатку заложим — вылетит изо рта как миленький! У нас по направленным взрывам богатейший опыт...

— Кто там посмел вместо меня решать, что мне с зубом делать? — из открытой пещеры рта извергся недовольный голос гигантши. — Спиридон Кириллович, ты кого привёз? Или пусть лечат, или — убираются к чёртовой матери.

— Валюша, ты не волнуйся, — успокаивал внучатую племянницу гроссфатер. — Потерпи маленечко, сейчас начнут лечить.

— Хорошо сказано: сейчас начнут лечить! — опять разволновался дантист. — Сейчас господа бурильщики начнут очищать фрезами стенки дупла. Но как из него извлекать опилки и всякое костное гнильё? У вас есть какой-нибудь мощный пылесос или откачивающая помпа, к примеру, пожарная, с помощью которой можно будет откачивать всю грязь?

К счастью, пожарная помпа, ещё новенькая и не бывшая в деле, у нас нашлась. Я понял, что, пока присутствую при экзекуции, дантист не оставит меня и не займётся делом. Поэтому я пошёл в административный модуль и оттуда с помощью видеокамеры наблюдал за лечением. Всё это напоминало кадры фантастического фильма или кошмарный сон, но происходило наяву, и Валентина, как и надлежит истинной сибирячке, за всё время экзекуции не проронила ни единого стона. Наконец, дантист и бурильщики совковыми лопатами забросали дупло смесью для временной пломбы, подождали, пока она схватится, заставили Валентину закрыть рот, проверили, не мешает ли пломба, счищали фрезами лишнее и удалились, пообещав приехать через три дня.

— Если сильно разболится зуб, немедленно звоните, — велел Филолаю на прощанье дантист и вручил визитную карточку.

После их отъезда я поинтересовался у Валентины, как она себя чувствует. Она сказала, что ей лучше. Впрочем, мог и не спрашивать — в любом случае ответила бы так. Кержачкая порода! И я вернулся к своему дневнику.

Джеймс Бонд, или как его там, сегодня утром (точнее — уже вчера) крепко прижал нас. Вместе с местной властью. Пользуясь тем, что нам еле-еле удаётся, как здесь говорят, сводить концы с концами. Надо срочно заканчивать строительство зимнего помещения, Валентина называет его «моя светёлка», а это жилище с потолком на высоте ста метров! И в периметре двести на двести метров... Металлический каркас во многие тысячи тонн, иначе «светёлка» развалится, стены из трёх рядов деревянных брусьев толщиной в двадцать сантиметров и длиной в шесть метров, скреплённые тысячами и тысячами болтов, пятьдесят тонн одной пакли для прокладки между брусьями... Два «окошка» размером двадцать на тридцать метров... Пол — целое инженерное сооружение, рассчитанное на двухсоттонную нагрузку, — на тот случай, если Валюша и дальше будет расти. Хорошо, что фирма, которая сооружает крытые стадионы, взялась бесплатно, с целью рекламы, построить над «светёлкой» крышу.

Джеймс Бонд, безусловно, разнюхал, что, несмотря на щедрую спонсорскую помощь, нам пришлось взять кредит в пятнадцать миллионов евро, иначе он не вёл бы себя так нагло. Он даже посмел пригрозить мне:

— Не вздумайте поступить так, как Вы поступили со мной, когда я предлагал услуги лечащего врача. Кстати, синенькая папочка с моими документами у вас сохранилась?

— Сохранилась, — ответил я и подошёл к сейфу, чтобы взять её там.

— Оставьте себе. Пусть она напоминает Вам, что я непременно добиваюсь своего.

Надо ли уточнять, как тяжело проходили дальнейшие переговоры? Но всё-таки нам удалось включить в договор несколько условий. Прежде всего, о неприменении в пище гигантши каких-либо стимуляторов, о предварительном контроле блюд независимой лабораторией и об использовании продуктов преимущественно российского происхождения.

Ещё труднее шли переговоры по финансовым вопросам. Здесь весьма активно вёл себя герр Большаков. Из этого нетрудно было сделать вывод о его личной заинтересованности в проекте. Мы настаивали, что доходы, за вычетом расходов на содержание Валентины, будем делить так: сорок процентов фирме Бонда, шестьдесят — нам. Они настаивали на схеме фифти-фифти. Мы могли бы согласиться, но при условии включения в себестоимость продукции расходов на строительство «светёлки».

— А при чём здесь «светёлка»? — возмутился герр Казарлюга.

— Даже в самых плохих колхозах коровам строят сараи, а Вы хотите, чтобы Валентина жила на улице и при этом доилась? Себестоимость «светёлки» составляет более тридцати миллионов евро, половину суммы собрали спонсоры, а остальные пятнадцать миллионов евро мы взяли в банке. Надеюсь, для мистера Бонда эти цифры не составляют тайну, — разошёлся в свою очередь и я.

Мне, иностранцу, было противно наблюдать, как герр Казарлюга, явно подкупленный англичанином, как бы сказал гроссфатер Филолай, рвёт свой геморрой в угоду ему, защищает интересы не своей соотечественницы, а приبلудного и крайне сомнительного зарубежного предпринимателя. «Неужели в России вся власть такая мерзопакостная, готовая доить несчастный народ любыми методами, только бы нахапать как можно больше бабла?!» — закипал внутри я, чувствуя, что переговоры надо прерывать, поручать финансистам всесторонне проработать условия договора.

И тут на помощь мне пришёл гроссфатер. Вот уж действительно у кого развита интуиция!

— Гражданин большой начальник Большаков! — обратился старик к мэру. — Разрешите полюбопытствовать: у вас паспорт имеется?

— В каком смысле? — раздражённо, словно отмахнулся от назойливой мухи, отозвался Большаков.

— В гражданском, извините, смысле.

— Есть, конечно.

— А паспорт у Вас с российским двуглави́ком или уже с британским лёвою?

— При чём здесь паспорт?

— Вот именно! Если бабло светит, то при чём здесь паспорт? — раздумчиво произнёс гроссфатер и демонстративно отвернулся от стола переговоров.

Переговоры решили продолжить завтра».

Продолжение в следующем номере

ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ

НИКОЛАЙ ПЕРОВСКИЙ

ЖАЖДА РОДСТВА

Впервые наш журнал опубликовал стихи Николая Перовского (его мы считаем одним из немногих подлинных поэтов современности) в первом номере (2009 год). Затем мы были первыми, кто напечатал его поэму «Комната смеха». И вот — третья публикация, стихи для которой представили вдова поэта Лидия Ивановна и дочь Маргарита Николаевна — она же написала послесловие к подборке.

В нынешнем году Николаю Михайловичу Перовскому исполнилось бы 80 лет. Он ушёл в сентябре 2007 года.

ПЕГАС

Никогда не участвовал в рубке лозы
и на скачках не брал дорогие призы.
Если даже на прикуп ложились тузы,
их легко побивали шестёркой,
в поездах и бараках от стужи дрожа,
неприкаянный в царстве блатного ножа,
не юлил, не темнил, не терял куража,
пробавляясь последнею коркой.

Обокраден судьбой среди белого дня,
я не мог бы полцарства отдать за коня...
Но не ведаю — кто надоумил меня,
что ничем не приманишь Пегаса —
ни серебряной сбруей, ни мерой овса,
что нездешних препятствий лежит полоса —
не взойти, не взлететь, не воздвигнуть леса
в бирюзовые кущи Парнаса.

БЛАЖЬ

Я думал, Хозяин творит на глазок
свои чудеса и мистерию,
используя каждый подручный кусок
земной и небесной материи.

Но вот я примерил чужую судьбу —
торчит, выпирает, топорщится,
примерил другую —
ни пяди во лбу,
творение, чуждое творчеству.

Тогда я отбросил внезапную блажь,
и в шкуру мою затрапезную
вернулись сомнения, срывы, кураж,
полёт и паренье над бездною...

В ОДИН ПРИСЕСТ

Сугробы мыслей намело,
открылся мир окрест,
не отточить ли мне стило
хоть на один присест?

И пусть ещё или уже
рассудок — коренной,
но и душе не по душе
болтаться пристяжной...

Себя к столу приговорить
и жаждою родства

усыновить, удочерить
безродные слова...

* * *

Восток откочивал, а музу дальних странствий
сумела приручить оседлая страна,
но всё-таки в душе, на всём её пространстве,
предгорий и степей восходят семена...

И эти семена, зарытые до срока,
удобрены судьбой, готовы прорасти...
Прости мне, Гур-Эмир, имам Востока,
и ты, Шахи-Зинда, изменника прости.

А ты, страна отцов, великая равнина,
простишь ли нам отступничество ты, —
за то, что в нас навек, ревниво и ранимо,
укоренились снежные хребты?..

* * *

В кои веки за городом спят зелена,
где гуляют открытые ветры,
и, как будто дразня, повторяет лыжня
прихотливые заячьи петли...

Вот и город в снегу, вот и Орлик* в снегу,
невозможно поверить, что летом
васильки да ромашки на том берегу,
лопухи да крапива на этом...

Звон синиц, зимородков, сорók говорок...
До последней рябиновой кисти
птичья мелочь с зимы собирает оброк,
а природа не знает корысти...

ВЕСНА

Давай, зима, на посошок
пригубим мартовской капли,
по свету носится слушок,
что на подлёте птичья трели.

Весна с грачами на слуху.
Однажды ночью лопнут почки,
проснётся верба, вся в пуху,
и лес в зелёной оторочке.

* Орлик — река в Орловской области

А этот зябкий березняк
и этот паводок весенний —
вселенский праведный сквозняк
в канун Христова воскресенья.

Две тыщи лет — из года в год —
дух торжествует над каноном
и каждый праздничный восход
кропит пасхальным перезвоном.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Сошёл, растаял первый снег
там, между школою и садом,
для всех растаял без помех,
лишь мы, заснеженные, рядом.

Метёт, заносит колею,
швыряет щедрую охапку
на шубку чёрную твою
и на мальчишескую шапку.

Сквозь эти хлопья белизны
ты всё белее, ты всё дальше,
приди ко мне из той страны,
где нет ни горечи, ни фальши.

Где я с потерянном лицом,
как уличённый в страсти инок,
всё не могу понять, о чём
по снегу пишет твой ботинок.

Приди без тех позднейших слёз —
переиначивать не будем, —
так безоглядно, так всерьёз,
как только смерть приходит к людям!..

ПРОХОДНЫЕ ДВОРЫ

Проходные дворы беспризорного детства,
безнадёжной орлянки, бесславной буры...
Если негде приткнуться и некуда деться, —
проходные дворы, проходные дворы.

Дровяные сараи, углы, закоулки,
голубятни, подвалы, верёвки с бельём,
ржавый жмых, самогон, кукурузные булки
и разборки, и дружбы с домашним жульём.

... С коммунальными схватками
из-за обмылка,
в чадном запахе примуса,
в приторном духе греха,
где обритая наголо послетифозная Милка
увела у родимой мамы её жениха.

Там свистели литые ремённые бляхи,
морячки под полундру со шпаной
толковали «за жисть»,
а военный патруль в суматохе
и чуть ли не в страхе
то грозил трибуналом, то просто
просил разойтись.

В проходных процветали бандитские хазы,
банковала малина до самой зари,
и по крышам — куда там тебе верхолазы! —
уходили в отрыв от ментов скокари.

Там скрипели, насытившись ваксой,
блатные сапожки,
правил бал марафет и подначивал хмель,
отшвырнув костыли, отрешась
от плаксивой гармошки,
инвалиды войны заползали
на вдовью постель.

Всё, что было там, — шито и крыто, и брито...
Провалилось в безвременье, в тартарары,
только в старом кино отбивает
свой ритм «Риорита»,
да в развалку плывут в никуда
проходные дворы.

ЗОЛА

Невесомое бремя молодого
бродяжьего духа —
жизнь берёшь «на ура» и послушно
идёт к Магомету гора.
Тополя, провожая меня, шелестели: —
Ни пуха...
Перелётные стаи курлыкали мне: —
Ни пера!

Я всходил на перроны, пропахшие
углем и шлаком,
я летел, никому не давая отчёта,
зачем и куда.
Понапрасну пугала Полярная
мстительным зраком,
семафоры чеканили честь, пропуская
мои поезда.

Я, быть может, родился в рубашке
в пресветлом чертоге,
я, быть может, родился без кожи
на пыльной рогоже,
и не зря васильки да ромашки
стелились под ноги,
не случайно репы да колючки
хлестали по роже!

Сердце стало посуше —
из него испарилась отвага.
Уголь выгорел в топке —
зола сопричастна седидам.
Угнетает стерильностью
электровозная тяга.
Округлилась судьба, и куда ни ступи —
середина.

* * *

Легли крест-накрест две дороги,
какую хочешь выбирай,
куда ведут они в итоге,
какие кущи и чертоги
нам обещает вечный рай?

Но за ближайшим поворотом
опять крест-накрест два столба,
трещит в колоде Банкомёта
твоя краплёная судьба...

ВОЙНА

За войсками идут фуражиры —
всех и всяческих войн старожилы.
Без кондёра солдату хана,
а какая война без вина?!

За войсками идут проститутки,
по прохладцу плетутся штабы,

наслаждаясь дымком самокрутки,
ремонтёры сбивают гробы.

За войсками идут мародёры,
пожинают мертвецкий барыш
и бомжи, и могильные воры,
и хозяева банков и бирж.

За войсками идут, за войсками —
инженеры, поэты, врачи,
летописцы в обнимку с веками...
Все мы жертвы и все палачи.

НАШ ДОМ

Краюха с таким,
вёрсты с гаком.
Ночлег под сереньким стожком.
Но оттого горюч и лаком
дорожный посох с посошком.

Мы в этом мире вроде пугал:
из века в век,
из рода в род
всё ищем тридесятый угол,
а вечность переходим вброд.

С какой торжественностью отчей,
под звон каких колоколов
подвёл под звёздный купол Зодчий
наш дом — пространство без углов?!

ПОЛЫНЯ

Закрыв глаза — и время вспять:
колючий снег и стылый ветер,
а мне опять, а мне опять
искать пристанища на свете.

По хрусткой наледи бредёшь,
куда «авось» тебя направит,
а полынья, как финский нож,
в крещенской матовой оправе...

Змеится, манит — спасу нет...
Бежать, бежать, пока не поздно,
на белый свет, на санный след,
на конский храп и визг полозный!

... Судьбе не скажешь: — Отвяжись!
Тут не отрежешь пуповину,
и полынья длиною в жизнь
неотвратно дышит в спину.

МОЦАРТ

Похороненный в общей могиле,
он лежит меж былинок и трав,
сколько раз эти травы всходили,
суету и забвенье поправ!

Одинокому всюду пустыня,
если верить народной молве.
Небеса благоволят к святыням,
чей престол и обитель в траве.

Человечество занято делом,
цель ясна и задача проста —
дай вкусить ему Божьего тела,
непорочного мяса Христа!

... Он устами ромашек смеётся,
сеет дух из открытой горсти!
Светлый Моцарт, божественный Моцарт!
Ты прости нам, блаженным, прости...

СУДЬБА

*Сотри случайные черты
и ты увидишь — мир прекрасен!
Александр Блок*

Какой судьбы — какие кисти
тебя сметали по сусекам?
Так собирает осень листья
по лесосекам, по лесосекам.

Пока несёшь, в листве по пояс,
молвою сдавленные плечи,
летит, летит твой скорый поезд,
ещё не вечер, ещё не вечер.

Пока лопух цветёт в канаве,
пока звезда, мерцающая, манит,
тропа к бесславию и к славе
не одурманит, не одурманит.

Ты разметёшь молву-кликушу,
ты разорвёшь паучью пряжу,

свою не выставишь ты душу
на распродажу, на распродажу.

Листва раскинется периной,
лопух подушкой обернётся,
шатёр небес согреет спину,
и жизнь вернётся, и жизнь вернётся...

ВСТАНЬ И ИДИ!

Странные есть на земле совпадения:
зная, что ждёт малыша впереди,

мать говорит ему после падения:
— Встань и иди!

Разве не с этой наивною фразою,
фразою естественной, как ни суди,
Бог обратился к умершему Лазарю:
— Встань и иди?!

Даже погрязшему в непогрешимости —
для покаянья нет места в груди —
Бог милосердный поможет в решимости:
— Встань и иди!

МАРГАРИТА ПЕРОВСКАЯ

ПОЭЗИЯ КАК КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

*Жизнь сама по себе и всегда — кораблекрушение...
Терпеть кораблекрушение не значит тонуть.
Х. Ортега-и-Гассет*

Ортеговская интуиция адресована поэтическому мировосприятию, «которое само по себе и всегда» мироколебание. Попробуйте твёрдо стоять на земле и трезво смотреть на вещи — и неоткуда взяться стихам. Тут — либо-либо! «Упал в траву и обнял землю» или «... Смирись и глаза отведи!» — дикая Гея и приручённая Деметра не прекращают межевого дела, но поэт так и норовит перемахнуть заветную канавку, пасть жертвой основателя Рима и возродиться авгуром.

*Постигнуть целое и часть,
зайти за грань и не упасть,
связать с безумством осторожность.
И ты приемлешь эту власть
от птичьей жизни заполошной
и от канавы придорожной.*

Для Николая Перовского в этом жертвенном падении и взлёте — суть поэзии, поэзии как ауспиции, гадания по полёту птиц.

*На весенние рощи и чащи
прямо с крыльев летучих зарниц
опрокинулся вещей и вящий*

звон и гомон разбуженных птиц.

Ловить «лучезарный, светозарный посвист крыл», «по хворостинке, словно грач, свивать гнездо своих удач», томиться «перелётной страдой», бормотать «сюда летите, гуси-лебеди, летите, белые, сюда» и, в конце концов, стать сиротой и птичьим сородичем — в этом участь поэта.

*Цвели цветы, и пели птицы,
своею жившие судьбой,
лишь он не знал уже границы
между природой и собой.
Да и в самом его обличье,
в смешной бесплотности его
вдруг завелись повадки птичьи
и травяное естество.*

Над чем парит и куда падёт душа поэта, где пределы её ойкумены? Когда-то во времена высокого ренессансного напряжения итальянец Марсилио Фичино назвал человека «скрепой мира», посредником между высшим и низшим — это, вдвойне, о поэте. Стихосложение — поиск в высоту и в глубину, полет турмана, сиротский поиск родового гнезда.

*Душа гнездится в небесах
и презирает хлеб насущный...
... У поэта дома нет,
нету, мальчик, мамы...*

Значит, поэзия безродна? Человек поэтического духа и аналитического ума Карл Юнг отыскивал истоки вдохновения в глубинах родовой памяти: коллективное бессознательное беременно сумасшествием и снами, бессонницей и стихами. Там размыты границы времени и пространства, там правит со-причастность. Опустишься — соединишься с праотцом Адамом, которому Бог дал право именовать вещи, наделая мир смыслами.

*Неотвратимо, выше, глубже, шире
рассудок проникает в бытиё.
Найти ещё не найденное в мире,
найти и дать название своё!
Но взгляд из глубины чреват кессоновой болезнью...
Причуды, страсти, праздность гения,
всемирной славы торжество, —
кто знает цену вдохновения,
надрыв и жертвенность его.*

Поэт всегда на грани, «на переломе и на стыке», а значит — во власти стихии, кораблекрушения — последний корабль на последней волне — «... полёт и паренье над бездною».

Из первородных глубин вынырнешь на буриданово стояние между эпикой и лирикой: вопросы — эпические, ответ — лирический.

*Какой судьбы, какие кисти
тебя сметали по сусекам?
Так собирает осень листья
по лесосекам, по лесосекам.
/.../*

*Листва раскинется периной,
лопух подушкой обернётся,
шатёр небес согреет спину,
и жизнь вернётся, и жизнь вернётся...*

Ритмика природы задаёт пульс стиха: длительности, паузы, всплески сердечной синкопы. «Ходики пульсируют на стенке, / за окном пульсирует звезда», — ночью виднее и слышнее...

Лирика Николая Перовского бессонна: время суток, времена года, «очертания гор и морей» складываются в хронотоп черновика.

*Сближать мгновения с веками,
весенних мыслей ручейками
вливаться в океан листа!
Душа чиста черновиками
и манит жизни полнота
опять от каждого куста.*

Сквозная семантика бессонницы коренится в фактах биографии и архетипических актах судьбы.

*Этот город, войною не тронутый,
вековечный, глубинный, лепной,
застоялся в душе, точно в омуте,
с минаретом, с арыком, с луной.
С ишаками, надрывно ревущими,
с кизяками в метровой пыли,
с мавзолеями, в небе несущими
азиатские шпильки свои.*

Попробуйте вдохнуть это азиатское любование! Не переживёшь — не надышишься. Когда в пространстве сна и бессонницы личное переживание впадает в родовое русло, рождается эпическое дыхание.

*Время шутя проникает в любую лачугу и крепость —
вечный свидетель зачатий, смертей и стирки белья,
лепит из наших ничтожных страстей героический эпос
и надзирает за нами в тюремном кругу бытия.*

В лиро-эпических колебаниях прорастает раздвоенность части и целого, драма межевания земли и тверди. Лирическая бездомность сквозит поиском «небесной столицы»: там, на горизонте, в глубинах поэтической кухни поднимается волна-стена — и узость мирской клетки преодолевается в стихе.

*Воздвигнув стены и стропила,
Ты щель оставил в потолке,
дабы соблазном ослепила
меня свеча в Твоей руке.
Я пёс, бездомный и поджарый,
закрытый в будке на засов,
скулю и вою на Стожары
и на созвездье Гончих Псов.*

Николай Перовский прожил жизнь «послушником природы» и поэтом:

*рождённый в марте,
Давай, зима, на посошок
пригубим мартовской капели!
По свету носится слушок,*

*что на подлёте птичьи трели.
умер в сентябре,
Сентябрь не месяц — время года!
И по нему плывут, шуриша,
моя осенняя природа,
моя осенняя душа...
погребён на узкой полоске земли, бывшей свалке...
А Зодиак диктует ходикам,
что нам, спелёнутым холстом,
смирить свой пыл под серым холмиком,
под покосившимся крестом.
на изгибе мраморного листа: «Ибо не гибель, а возвращение в лоно» («Терпеть
кораблекрушение не значит тонуть!»).*

Поэзия непотопляема: в ней «всякое дыхание славит Господа», физика оборачивается метафизикой, ауспиция — длящейся мистерией Голгофы...

*А этот зябкий березняк,
и этот паводок весенний —
вселенский праведный сквозняк
в канун Христова воскресенья.
Две тыщи лет — из года в год —
дух торжествует над каноном
и каждый праздничный восход
кропит пасхальным перезвоном.*

ВАЛЕРИЙ КЛЯЧИН

1 августа известному ивановскому писателю Валерию Клячину исполнилось бы шестьдесят. Он, член редакционной коллегии литературного журнала «Аргамак», не дожид до юбилея семи с половиной месяцев, как мы уже сообщали читателям.

Незавершённым остался роман в стихах «Славный Николай, или Прозревший Звездопад» — из пятнадцати больших глав написаны были лишь четыре. Они дают возможность угадать, каким грандиозным был замысел. С ними можно познакомиться на страницах сайта russkiykrest.com. Литературный портал «Русский крест», объединивший многие региональные литературные журналы России, стал последним успешным интернет-проектом Валерия Клячина.

Читатели «Аргамака» уже знакомы с его рассказом «Родина» и повестью «От сумы и до тюрьмы». В последнем номере журнала за прошлый год опубликована его большая поэма дороги «Двуглавый ангел». А ещё Валерий Алексеевич был настоящим лириком. И в этом вы можете убедиться, познакомившись с подборкой его стихотворений.

ЖИЗНЬ ОТШУМЕЛА...

* * *

В молитве трудной, долгой и печальной
Тянулись дни Великого Поста,
И песнопенья гласов погребальных
В слезах являли светлый Лик Христа.
А тленная природа повторяла
Его шаги по страждущей земле,
И было благодатным их начало
В одетом чистым снегом феврале.

Он шёл, и след Его то замечали
Ночные вьюги, то ковал мороз,
То уводили в ледяные дали
Огни далёких и холодных звёзд.
Но чем уверенней Он приближался

К пещере с телом Лазаря, тем снег
Всё более темнел, и обнажался
Сокрытый под его покровом грех.

Снег оседал и таял, и журчали
Ручьи, и пели птицы, а в полях
Пушились вербы, но в плену печали
Томилаьс беспризорная земля.
Страстям Христовым кланялась Россия,
Но, Тайну Воскресенья возлюбя,
Не понимала, что уже бессильна
Из гроба воскресить сама себя,
Что и Господь уже давно не верит
Её лукавым призрачным слезам...

Как тяжело шаги к Голгофе мерить
По нашим русским тающим снегам!

К РОССИИ

Я знаю, что это не самое главное в жизни –
тебя беззаветно любить. На тернистом пути
к однажды оставленной нами Небесной Отчизне
ты – просто мираж, порождаемый жаждой в груди.

Всего лишь мираж на пути по дремучей пустыне
от места рожденья до берега смерти, но в нём,
как в ветхом ковчеге с завещанной Богом святыней,
покоится вечность, дыша благодатным огнём.

Безсчётным стадам, волочащим незрячие души
по скользким камням заблудившейся в звёздах Земли,
ты можешь внушать только дикий мистический ужас,
какого они за столетья изжить не смогли.

Но тот, кто рождался в твоей материнской утробе,
кто веру отцов с молоком твоим жадно впитал,
кто вместе с тобой по призыву восстанет из гроба, –
тот видит в тебе свой надёжный духовный причал.

Того не смутит нищета твоих древних селений,
не ввергнет в унынье страдающий в узах народ,
за слёзы которого Богом воздастся отмщенье
всем тем, кто веками его на закланье ведёт.

Средь мертвенных звёзд, озаряющих хляби вселенной,
где грешные души дрожат в ожиданье Суда,
одна только ты пребываешь вовеки нетленной,
как в Царстве Небесном возжжённая Богом звезда.

К ГАЛИНЕ

Мы выходили в море каждый вечер,
а возвращались на рассвете дня,
когда сдувал неугомонный ветер
крутые брызги света и огня
с волны, спешащей берегу навстречу
быстрей меня.

Баркас наш весь искрился чешуёю
изловленных и усыплённых рыб,
и долго расстился над водою
солёный запах пота и икры,
которая была такой живою
в лучах зари.

Растянутый вдоль борта донный невод
устало напрягался и вздыхал
под крики чаек, продолжавших в небе
законченный на палубе аврал,
и мы везли их вместе с рыбной снедью
на наш причал.

Ты не спала, когда я возвращался,
ты думала, как встретишься со мной,
когда устанет ветер путать галсы,
и море улыбнётся за спиной
моей, поняв, что я не расставался
 всю ночь с тобой.

И это так: ты в темени бескрайней
среди волн, гудящих в чуткой тишине,
среди рыбьих стай, хранящих нашу тайну
в мерцающей, как космос, глубине,
среди вспышек на локаторном экране —
являлась мне.

Когда же ночь была светла, и лунный
дрожащий след стелился по волнам,
когда от звёзд протягивались струны
немых лучей к туманным берегам, —
весь этот мир улыбкою фортуны
казался нам.

И знали мы, что если наша встреча
случится в глубине земных дорог,
что если даже море сможет вечно
смыть с нас пыль сомнений и тревог —

соединит нас лишь за далью Млечной
Всесветлый Бог.

* * *

На Байкале был я — на Байкале!
Что за чудо — озеро Байкал!
В нём луна — как бриллиант в бокале...
Жаль, не смог я выпить тот бокал.

Слишком студена была водица
(словно из Катуня набрана),
в ней любой сумел бы утопиться,
даже без вины и без вина.

Утопиться, и гремучим камнем
отражаться в зеркале небес,
удивляясь поднебесным тайнам,
что приносит с гор сосновый лес.

А когда волну поднимет шалый,
как лихой бродяга, баргузин —
гулким эхом заглушать усталый
ропот вечно стонущих осин...

На Байкале был я — на Байкале!
Есть такое место на Руси,
Где штормит сильнее, чем в Бискае.
Господи, помилуй и спаси!

И меня, конечно, укачало
так, что искры сыпались из глаз,
и концом казалось мне начало,
а началом — мой последний час.

Если бы не спящие вершины
в облака укутанных Саян —
всю мою нелепую судьбину
поглотил бы огненный туман.

Вовремя увидел я Саяны,
а с Саян и сразу весь Байкал,
от какого стал настолько пьяным,
что себя в Саянах потерял.

На Байкале был я — на Байкале!
В самом сердце матушки-земли!
Там меня почти полвека ждали
и дожждаться всё-таки смогли.

Всё-таки любили и мечтали
на погост к Вампилову свозить,
а потом — в задумчивом Байкале,
как луну в бокале, утопить.

РОМАНС

Ещё не всё пропели в роще птицы,
И рано нам ту рощу покидать.
Искрится утро на твоих ресницах,
И на душе всё та же благодать.

Всё та же благодать, и те же птицы,
Как в юности поющие для нас,
И молодость минувшая не снится,
А светит из твоих бездонных глаз.

И этот свет, и эти в роще звуки,
И эту жизнь, которой нет конца,
Как Божий дар, принимают наши руки
И вечности открытые сердца.

Пусть время не жалеет нашу рощу,
Пусть птицы улетают в небеса —
Нам с каждым днём становится всё проще
Внимать их незабвенным голосам.

* * *

Нам не нужно помнить о минувших,
друг без друга прожитых годах.
Нет им места в наших чистых душах,
утекли они, как та вода,
что в минуты Божьего Крещенья
повернулась в Иордане вспять,
унесли испуганным теченьем,
«в ту страну, где тишь и благодать»*,
разлетелись, словно птичьи стаи
по своим залётанным югам,
даже пуха в гнёздах не оставив,
даже не махнув прощально нам
тощими, облезлыми крылами...

А твои морщинки под глазами
и моя густая седина —
как сухие травы под ногами,
без каких немыслима весна.

* Из стихотворения С. Есенина «Мы теперь уходим понемногу...»

* * *

Жизнь отшумела. Всё шло довольно пристойно и мило.
Несуетливо прощались. Кто-то в хрустящем плаще
прошелестел некрологом. А у изножья могилы
тощая женщина в чёрном вспомнила Бога вотще.

А у изножья могилы рдели опавшие листья,
тени деревьев шептались между подгнивших крестов,
в них отражения тучи не уставали молиться,
щупая холод оградный влажной щепотью перстов.

Вот, наконец, еле слышно по крышке земля прошуршала,
и разошлись виновато, шляп не решаясь надеть.
Кладбище стало подобно уснувшему в полночь вокзалу,
с которого поезд умчался в безлюдную жуткую степь.

А вечером в сумрачном доме с завешенными зеркалами
шептались какие-то люди о жизни минувшей моей.
Шёпот их шорохом мыши под сброшенными куполами
казался душе моей, напрочь забывшей врагов и друзей.

Они говорили о жёнах, жестоко обманутых мною,
о детях, обиженных мною и нищими брошенных в свет,
о том, что вином не гнушался и умер во время запоя,
что бесконечно тщеславен, а, в общем, неважный поэт.

А тощая женщина в чёрном сказала: «Не верил он в Бога
и грех принимал за удачу, как точную рифму в стихах.
Мечтал, что когда-нибудь дети сойдутся вот здесь, у порога,
а он им расскажет... как эхо вулканы тревожит в горах!»

Смеялись, порочно и мрачно. Вино возмущалось с стаканах.
И жизнь им казалась наградой за веру, честность и за
послушность судьбе... А из кухни бесшумно ползли тараканы,
и пламя свечи потухало в их кротких и страшных глазах.

НА ПЛОТИНЕ

Люблю гулять по парковой плотине
и, стоя над летящею водой,
смотреть, как брызг неугомонный ливень
становится спокойною рекой.

Скрываясь вдалеке за поворотом,
она течёт всё так же, как текла
там сотни лет, любимая народом
и знающая все его дела.

Леса, поля, деревни, огороды –
весь мир, что вместе с небом отражён
в доверчивых, как русская природа,
её глазах, был ею же рождён.

А раны, наносимые плотиной,
она умеет скоро исцелять –
не зря же новый выводок утиный
поплыл по ней и – развернулся вспять.

Зима скуёт безжалостным морозом
искусственный, покорный водоём,
но речка не умрёт, она, как слёзы
России, будет течь и подо льдом.

Течь, и, слетая с высоты плотины
весенним ливнем, продолжать реку.
Но грянет день, когда сумеют льдины
сломать хребет железному врагу.

Останутся лишь жалкие обломки
на месте том, где я любил гулять,
скорбя о том, что глупые потомки
врагам Россию предадут опять.

* * *

Последний раз напившись в дрыбадан
в том, ставшем вдруг чужим и прошлым, веке,
я нынче стал почти мертвецки пьян,
не от вина – от яблока на ветке,

которое, как тот блаженный плод,
висящий меж цветов осиротело
(кто нынче Лермонтова с полки достаёт!),
зарделось и... до Пасхи провисело.

А ведь прошла весна, за нею лето,
и осень оголила весь мой сад...
Кому сказать... Но я молчу про это,
боясь, что я же выйду виноват

в том, что не снял то яблоко зимою,
когда мели снега и жёг мороз.
Но я зимою занят был собою,
решая главный жизненный вопрос.

Мне сад зимою был «по барабану»,
и если б весь он в яблоках стоял –

я в этом не заметил бы изъяна,
поняв, что Бог устроил карнавал.

Но вот пришла весна, жизнь продолжалась
совсем не так, как было нужно мне,
я вышел в сад, испытывая жалость
к себе и каясь не в своей вине.

И тут — оно! Как будто кто повесил
его, чтобы свести меня с ума.
Однако я вдруг стал и мудр, и весел,
поняв, что ни тюрьма и ни сума

меня не оторвут от высшей цели,
какой себя я в жертву приношу,
и на моём суку я, в самом деле,
как яблоко, до Пасхи провишу.

МОЯ ДОРОГА

(автобиографический очерк)

Родители мои нашли друг друга и поженились в смутное лето 1953 года, когда у многих ещё не высохли слёзы и не стёрлась в душе скорбь по поводу смерти И. В. Сталина. Их семей не коснулись репрессии, ибо были они во всём русскими, жили тихо и честно: мама — в героически трудовом Иванове, одному из ткацких цехов которого посвятила всю жизнь, а отец — в далёком нижегородском селе Салганы, всего в трёх десятках километров от знаменитого Большого Болдина. Не берусь утверждать с уверенностью, что дух великого Пушкина какой-то струйкой коснулся души моего родителя, однако что-то всё же повлияло на его раннее увлечение книгами, поэзией. Нет, поэт из него не вышло, хотя и сохранились тетради со стихами о военном детстве, кукурузе и улыбке Гагарина. Отец с раннего детства возрастал в атмосфере набожности и, если так можно сказать, катакомбности: церковь в селе сломали, и дом моего прадеда стал для селян на долгие годы молитвенным домом. Грамоте отец учился по книгам Священного Писания, да и сам я, приезжая каждое лето к бабушке в Салганы, нередко принимал участие в долгих ночных молениях, при свете лампадок и свечей, в обществе людей столь верующих и столь печальных, что до сих пор не могу вспоминать об их молитвах и обращениях к Богу без слёз благодарности и сострадания.

Но в целом раннее детство видится мне почему-то серым и унылым. В рабочие дни маленького меня увозили из дома в захолустную ивановскую деревеньку (зима, грязный снег, сани и дымящие трубы низеньких избёнок), или в какой-то провожавший сажей и помойками рабочий посёлок, или просто к бесчисленным родственникам мамы. Впрочем, в пятилетнем возрасте я нашёл в себе силы взбунтоваться и отвоевать право на одиночество от зари до зари в закрытом на замок доме, среди

разбросанных во множестве книг, пластинок с песнями Утёсова и хора Пятницкого и фотографий, как я тогда думал, «всех людей земли».

Школа внесла в мою жизнь знания о мечте, первую любовь и жажду романтики, а во время летних каникул салганские безлесые холмы с жаворонками и сусликами, лошади в ночном, полуночные гармонии, ягодные овраги, молитвенный плач старушек и... первые папироски служили хорошим практическим дополнением к книгам. Как и поездки в телеге к родственникам в Болдино, усадебные пруды и древний дуб «у лукоморья», а под занавес — забываемые полёты на оглушительном АН-2 в столичный град Горький. Совсем родным небо стало в старших классах, которые я заканчивал одновременно с Ивановской Школой юных авиаторов «Высота», давшей мне забываемое чувство полёта в немногих парашютных прыжках. К сожалению (или к счастью?), в Сасовское лётное училище я не поступил и встал, по определению классной руководительницы, «на путь отца», изрядно выпивавшего и до смерти избитого в вытрезвителе города Коврова по дороге к матери, когда я заканчивал десятый класс.

Два послешкольных года я работал. Гулял, танцевал, тёрся по подъездам, задыхаясь их пылью под аккомпанемент магнитофонного Высоцкого, по ночам сочинял что-то, составлял рукописные сборники и дарил их любимым девушкам. А потом махнул в Клайпеду и поступил в мореходное училище. Красивая форма, солнечная голубизна моря, долгие вечера в учебном классе, астрономия, навигация, яхтклуб, круиз на «Крузенштерне» вокруг Европы, рыболовный полугодовой рейс на Ньюфаундлендскую банку с заходом в Сент-Джонс и — стихи, стихи, стихи.

К счастью, для чтения попадались хорошие книги, давшие толчок философским раздумьям наедине с начатым в ту пору и уже никогда не кончавшимся дневником. А после женитьбы, в долгих плаваниях по Атлантике за рыбой и деньгами, пошла проза: первые рассказы, большой роман об отце и первые отказы в публикациях. Но смертельного опия писательства я уже вкусил. И понял — это на всю жизнь. А поняв, начал изучать литературу столь серьёзно, что море уже мешало, и никакие капитанские перспективы не сковывали душу. Списался на берег, захватил жену с её «разбитым корытом» и вернулся в Иваново, начав подготовку в Литературный институт. Само собой, не миновал я и литобъединения, и рецензий на свои рукописи, и даже газетных опытов, работая на заводах и в шарашках, но везде понемногу и без особого энтузиазма и сообразительности. Всё свободное время было заполнено литературой и самокопанием. Два раза проходил творческий конкурс в Литинститут, но на экзаменах не добирал баллы и возвращался в Иваново побитым, но и ещё более уверенным в себе. В третий раз поступил-таки и уехал в общежитие на Добролюбова. Одна из комнат его стала мне и домом, и монашеской кельей, ибо к тому времени я начал становиться православным верующим, регулярно посещая церковь «Нечаянной Радости», что в Марьиной Роще, и вотчину архиепископа Питирима — село Спас Волоколамского района. Мне повезло: три года жил в комнате один (привилегия за мой дворницкий труд) и имел возможность много писать.

Семинаром руководил весьма известный (а ныне уже покойный) А. И. Приставкин... О сложных отношениях с ним когда-нибудь, возможно, напишется отдельный рассказ, здесь же важно заметить, что именно эта сложность оказала влияние на всю мою дальнейшую судьбу. А истинным моим наставником стал с первого же курса литературовед и писатель Владимир Павлович Смирнов, на лекции которого в те ранне-перестроечные времена сходилась едва ли ни вся московская интеллектуальная элита. Именно он, читавший курс литературы начала века, открыл мне мир Бунина и Блока, Набокова и запрещённых в ту пору зарубежных и отечественных писателей

и философов, и он же всеми силами поощрял мою религиозную веру и моё творчество.

Нельзя не упомянуть и о моей дружбе с рано ушедшим из жизни Евгением Николаевичем Лебедевым, пророчески вещавшим о повторении для России истории восемнадцатого века в постсоветской эпохе. Памятуя об его особой любви к Тютчеву и Гоголю, не трудно догадаться о смысле этих пророчеств. Грехом было бы не отметить и светлой памяти Михаила Павловича Ерёмина, Юрия Ивановича Селезнева и Виктора Антоновича Богданова — отшедших в вечность литературных учителей моих; грех не поклониться античному образу Азы Алибековны Тахо-Годи, связавшей в моём сознании миф с «философией имени» катакомбного исповедника Алексея Лосева.

Конечно, были тогда в моей личной жизни дни светлые и тёмные, был развод с женой, была практика в издательстве «Современник», принятая книга и множество отказов, но над всем этим светила яркая звезда, имя которой я узнал позднее, а первые отчётливо увидел в дни каникул после второго курса.

В то лето я предпринял поход «по Руси». Пешком. Из Иванова до Белого моря. Тоже особый рассказ, однако, необходимо заметить, что поход этот открыл мне совсем иной взгляд на жизнь и творчество. Полуторамесячная дорога не баловала меня уютом и гостеприимством милых моих россиян. Ночевал я все ночи у костра, питался, чем Бог пошлёт, и шёл, шёл, шёл с чувством удаления от остававшегося за моей спиной мира, и однажды чуть было и вовсе не распрощался с ним. Спускаясь на плоту по сплавной реке Онеге, я угодил на запруженные лесом пороги, и, хотя спас каким-то чудом своё брненное тело, оставшись без плота, без одежды, без документов, с одним лишь вымокшим дневником в руках, — вдруг понял, что навсегда погиб и для прежней жизни, и для прежних идеалов. Да-да, там, сидя на огромном валуне над бурлящей рекой, кусаемый комарами и гигантскими слепнями, без какой-либо надежды на помощь от братьев по разуму, я узрел Бога и первый раз в жизни со-знал себя целиком преданным в волю Его. «Для чего Тебе нужно было оставлять мне жизнь?» — настойчиво спрашивал я и слышал в глубине своего сердца настойчивый же ответ: «Чтобы, проводя её в лишениях и страданиях, любить Меня...»

После окончания института меня уже мало заботило, «что мне есть, что пить, во что одеться». Я вернулся в Иваново, выкопал у мамы на огороде землянку — дабы не мешать старушке своими ночными бдениями и стуком пишущей машинки, и не вылезал оттуда два года, пока не закончил роман «Так начался закат». Он был принят (с благословения С. А. Сурганова) издательством «Советский писатель», но... начало смутного времени смешало все карты.

Годы унижения моей многострадальной Родины и «обогащения» её, как в эпоху Просвещения (покойный Женя Лебедев не ошибся), «ценностями западной цивилизации» были отданы мною священническому служению сначала в захолустных приходах Ивановской епархии РПЦ, а с 1992 года — в алтарях восстанавливавшихся епископом Валентином (РПАЦ) суздальских храмов. Пытался и я восстановить одну из церквей в моём родном Иванове, однако Господь моё предприятие не благословил, попустив бесам волю помучить меня нищетой, лишениями, поруганиями, необходимость добывать хлеб свой не писательством или церковным служением, но буквально «в поте лица» (кладкой печей в районах области, неудачным устроением фермерского хозяйства, наконец, учительством в сельской школе), а главное — тяжкой духовной слепотой, на исцеление от коей ушло немало лет и сил.

Несмотря ни на что, я много писал (за что и был принят в 1991 году в Союз Писателей СССР), но однажды почти всё написанное мною сгорело при пожаре моего деревенского дома, а совсем недавно — уничтожено (порвано, истерзано, растоптано, заплёвано) вместе с собираемой в течение всей жизни библиотекой и рукописью того — «подземельного» — романа «благодарными» учениками и селянами. Слава Богу, удалось спасти главные труды мои — десять толстых тетрадей Дневника, рукописи начатой мною ещё в начале девяностых трилогии «Падение Третьего Рима» и писанной, что называется, «кровью» поэмы в рассказах «Белые дороги», с которыми мы со смиренной спутницей жизни моей вынуждены были покинуть нашу «малую родину» и искать «где приклонить главу» в столице. В Москве я включился в активную работу в Союзе Русского Народа, возглавленного (после убийства В. М. Клыкова) М. В. Назаровым и А. С. Туриком, занялся приведением в порядок своих сочинений и открыл свой сайт в Интернете. Средства к существованию обильно доставлял печной промысел на дачах Подмоскovie, и в 2007 году мы смогли купить домик в отчем селе Салганы, где доживают свой век три мои тётушки, а на кладбище покоится прах многих поколений Клячиных. Однако намерению обжить его и исполниться в нём духом святорусской церковности не суждено было осуществиться: вернувшись в Москву, я был сражён инсультом и... вынужден вновь вернуться в Иваново, уединившись от всех в тридцати верстах от него — в старинном и славном городишке Шуе, где мы прожили почти три года, и где я вновь учился ходить, писать и открывать для себя мир, ставший для меня, как в раннем детстве, неизведанным, пугающим, агрессивным. Вновь сознав себя беззащитным пред ним, увидев, как поспешили «вычеркнуть» меня из него почти все прежние мои друзья и близкие, но и неожиданно обретя много новых друзей, каковых дружба основана на духовных корнях, проросших в надёжной каменной почве русского Православия, — я стал обретать и свой новый взгляд и на прожитые годы жизни, и на людей, и на предложенные ими сомнительные «ценности» мировой культуры.

А в сентябре 2010 года умерла моя мама. Тихо и спокойно отошла к Богу её душа в те минуты, когда я сидел у её постели и с безнадежной болью видел, что не в силах удержать эту самую родную мне душу в уже измученном долгой жизнью теле. Последнюю перед погребением ночь мама провела в храме, где постоянно молилась, не пропуская ни одной службы, более пятнадцати лет, храня огонь лампы и свечей возле древней иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радосте». По её предсмертным молитвам Господь послал мне неожиданную помощь (как посылал во все годы моей болезни от многих родных по духу людей), значительно облегчившую наше существование, так что у нас вновь появилось и своё жильё, и возможность спокойно продолжать своё писательское дело. Окончательное возвращение в родимый город происходило под чтение Псалтыри по усопшей маме, и, видимо поэтому, углубился конфликт души моей с внешним миром, где идёт становящаяся всё более явной война между Богом и дьяволом, добром и злом, людьми Божьими и слугами Сатаны.

Переломным в моей писательской судьбе стал 2012 год, когда я написал рассказ «Родина» и повесть «От сумы и от тюрьмы», опубликованные в журнале «Аргамак. Татарстан», в редколлегия которого я был включён по инициативе его главного редактора, известного поэта Николая Алешкова. Начались мои регулярные поездки в Казань, где живёт мой давний (ещё со времён учёбы в Литературном институте) друг — прозаик и драматург, ответственный секретарь Казанского отделения Союза российских писателей Александр Воронин. Ворота его большого гостеприимного дома на берегу Волги не только распахнулись для меня, но и открыли необозримые горизонты России в её географическом и духовном измерениях, что сообщило мне

уверенности в своих силах. Обратная дорога из Казани в Иваново с тех пор непременно пролегает через село Салган, пушкинское Болдино и освящённое духом Преподобного Серафима Саровского Дивеево. Малая моя родина, Русская литература и Бог реально стали для меня надёжной опорой на моём жизненном пути. В том же году я начал писать пьесы и обратил свою душу к поэзии.

А в мае 2013 года, после участия в совещании редакторов региональных литературных журналов, состоявшемся в Казани, я взялся за осуществление своей давней мечты и создал в Интернете сайт «Русский Крест», который стал стремительно наполняться произведениями лучших современных русских писателей, живущих на просторах России, но «не замечаемых» Москвой. Ради личного знакомства с ними летом я отправился на своей машине (материализованное наследство, оставленное мне мамой и давшее инвалиду возможность жить не только за письменным столом) через всю страну на Байкал. Это было моим вторым «хождением по Руси», впечатления о котором я творчески осмыслил в рождённой во время этого путешествия поэме «Двуглавый Ангел». Но Сибирь подвигла меня и к написанию большого романа в стихах «Славный Николай или прозревший звездопад», который я начал накануне моей поездки и надеюсь закончить весной 2014 года, и в котором будет явлена моя Россия в её духовной борьбе со всеми силами ада, ополчившимися на русский народ и пока ещё хранимую Им Церковь Христову.

Между тем ждут своего воплощения и новые замыслы в прозе (в том числе и подорожковой) и драматургии. Их осуществление продолжается непрестанно, ибо это и является для меня тем послушанием, какое назначил мне Бог в моей земной жизни, и о каком я не имею права забывать ни на минуту.

ноябрь 2013

СВЕТЛАНА ХАЙРУЛЛИНА

НИ КРАЯ, НИ ДНА...

* * *

В краю, где солнце и листва
Внимают речи человеческой,
Я не хочу играть в слова
И строить башни из наречий.

И не хочу, в конце концов,
Прожить, полезной притворяясь.
И видеть, как, закрыв лицо,
Уходит вечность, растворяясь.

ДЕТСТВО

Всё, что оно дарило мне,
Я помню столько лет,
И крылышками на спине
Ношу его обет.

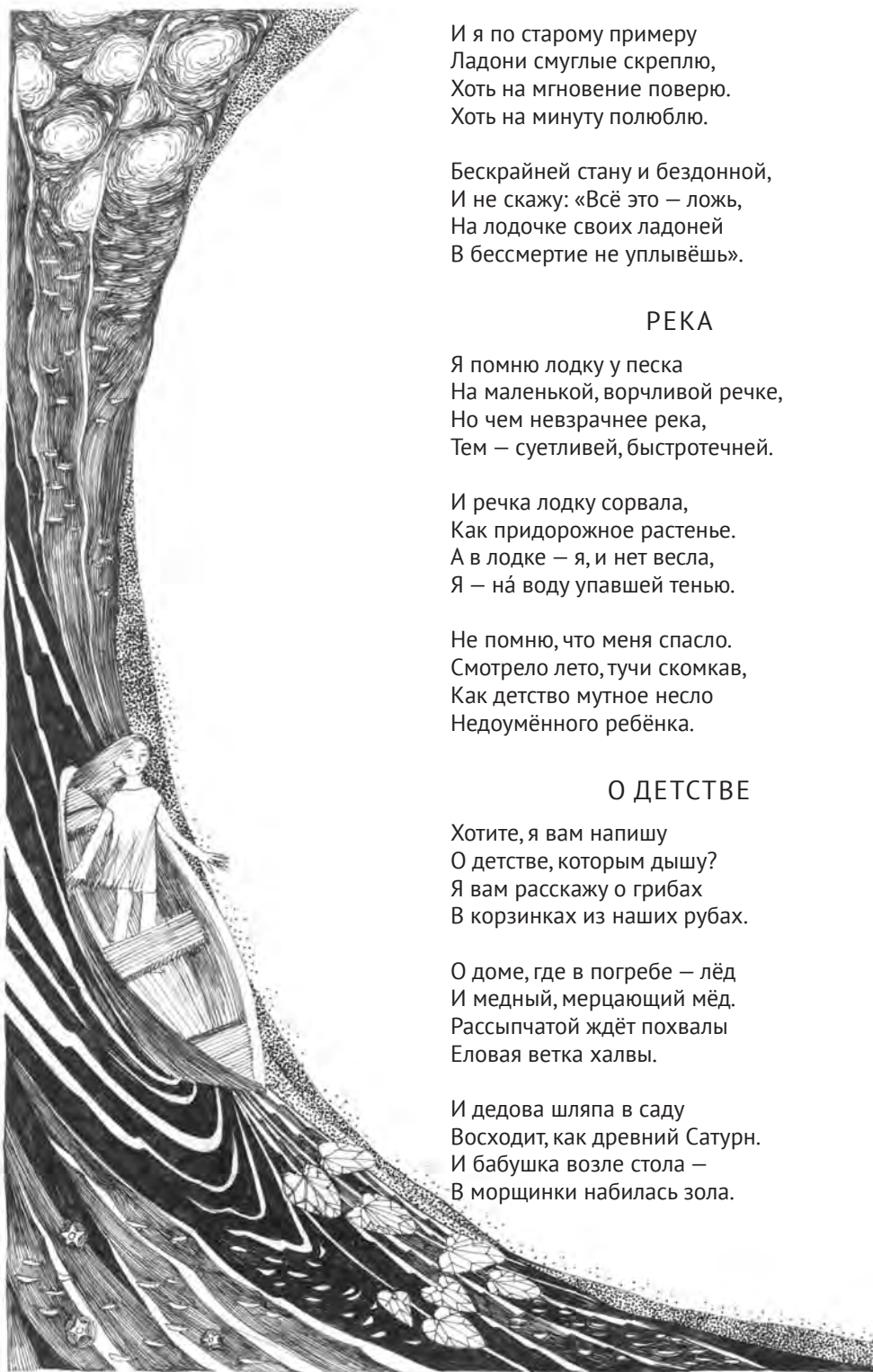
И верю в тысячу примет,
И не таю надежд.
И проверяю словом «нет»
Родительный падеж.

МОЛИТВА

Молилась бабушка, покорно
Сведя ладони у лица.
Перебирала чётки зёрна,
Которым не было конца.

Так мусульмане в древней Мекке
Молились на руки свои, —
И где-то, окровавив реки,
Стихали душные бои.

И я по старому примеру
Ладони смуглые скреплю,
Хоть на мгновение поверю.
Хоть на минуту полюблю.

Бескрайней стану и бездонной,
И не скажу: «Всё это — ложь,
На лодочке своих ладоней
В бессмертие не уплывёшь».

РЕКА

Я помню лодку у песка
На маленькой, ворчливой речке,
Но чем невзрачнее река,
Тем — суетливей, быстротечней.

И речка лодку сорвала,
Как придорожное растение.
А в лодке — я, и нет весла,
Я — на воду упавшей тенью.

Не помню, что меня спасло.
Смотрело лето, тучи скомкав,
Как детство мутное несло
Недоумённого ребёнка.

О ДЕТСТВЕ

Хотите, я вам напишу
О детстве, которым дышу?
Я вам расскажу о грибах
В корзинках из наших рубаш.

О доме, где в погребе — лёд
И медный, мерцающий мёд.
Рассыпчатой ждёт похвалы
Еловая ветка халвы.

И дедова шляпа в саду
Восходит, как древний Сатурн.
И бабушка возле стола —
В морщинки набилась зола.

Запарились стёкла в окне,
Как будто на улице — снег.
А в печке под вздох пирогов
Спокойная музыка дров.

ТАТАРСКАЯ ПЕСНЯ

Где моя юность — зелёное поле,
Синий цветок?
Жизнь моя сломлена, словно от ветра
Сухой стебелёк.
В сад выхожу, нет желанья работать,
Осень идёт.
Что меня ждёт после этого света,
Что меня ждёт?
Может, приснились мне: молодость, силы,
Волнений поток,
Чёрные длинные волосы, поле зелёное,
Синий цветок?

НОВЫЙ ГОД В АПАСТОВО

Отцепляли кобелей,
Запрягали лошадей.
В недрах бездорожий
Сани медленно неслись,
Чтоб деревья не слились,
Но хлестали вожжи.

Чтоб собакам не отстать,
И хозяев не застать
Неприлично рано.
Чтоб войти в еловый зал,
И волшебно замерцал
Лёд телезкрана.

Здесь впервые на земле
Мне сказали: «Будь смелей —
Братья вы и сестры...»
Были маски и шары.
Вечно длится с той поры
Сладостный и пёстрый

Новый год в себе Апаст.
Мне туда нельзя попасть,
Где душой и кожей, —
Братья с чёлкой «полубокс»
И сестрёнка в голубом, —
Были мы похожи.

РУССКОЕ ИМЯ

*Сколько тёмной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.
Марина Цветаева*

И всё-таки у моего народа
Прекраснее и проще имена.
В них расцветают лилия и роза,
И рассыпает золото луна.

И грозным всадником несётся имя
Мальчишки, увлечённого мячом.
Я так хотела стать цветком и ливнем,
Но снова оказалась ни при чём.

И названа я именем приветным,
На жизнь и смерть дарующим ответ.
В моей темноволосой голове
Мучителен восход крутого света.

МЕЧТА

Если б я была всесильной,
я б каждому народу
Подарила бы по морю, подарила по горé...
Грაციозные, цветные зеркала
ввела бы в моду,
Чтобы каждая клетушка
походила на дворец.

Я б с тобой не расставалась,
мы бы жили в кущах сада.
Я бы гениев убитых
всех сумела воскресить.
Только... чтобы стать всесильной
и могущественной, надо —
Всех забыть, всего лишиться,
не жалеть и не любить.

ЗЕБРА

Чёрная полоса — белая полоса,
Только на эту жизнь,
только на полчаса.

Это — волшебный зверь,
или полезный скот,
Тихо обжив загон,
бродит, храня живот?

Чёлки душистый куст,
 тонких копыт слюда.
 Как на чудесный пир,
 дети бегут сюда.
 И предлагают вдруг
 странному существу
 С маленьких тёплых рук
 горькую взять листву.

СТАРЫЙ ДОМ

На улице хлупает жирная слякоть.
 А в доме цветёт на обоях сирень,
 А в доме легко и не стыдно заплакать
 И, глядя в огонь, просидеть целый день.

 И крылышко ставня стучит осторожно,
 И, как паутина, дрожат провода...
 Он — самый уютный и самый надёжный,
 Но мне не вернуться в него никогда.

ДВА КРАЯ

Был первый край: калина вместо хлеба,
 А за Свягой рыжиков не счесть.
 Крюк полумесяца закинув в небо,
 Висела обветшала луна.

Крапивы пыльной липкая ладонь
 Со мной прощалась, словно бы играя,
 Её зелёный бешеный огонь
 Я увезла с собой другому краю.

Где снег ноябрьский, утоляя голод,
 Как яблоко, раскусывает город,
 И, пьяный от свободы, в Новый год
 Симфонией Сайдашева плывёт.

Мне не вернуться в почерневший дом
 И в каменный, задуманный навеки.
 Мои следы задушены дождём,
 Моё гнездо разобрано на ветки.

АРАБСКАЯ ПЕСНЯ

Настанет день, о да, настанет день —
 Песок пустыни разольётся мёдом.
 Под каждым камнем вы найдёте воду,
 Под каждой крышей — радостную сень.

Моё ружьё не выстрелит во мглу,
 Не станет яда у змеи гремучей,
 И жала у пчелы, грозы у тучи...
 В тот день, когда тебя я разлюблю.

Настанет день, о да, настанет день,
 Когда перо вороньё побелеет,
 И море, наше море обмелеет,
 Умолкнет ветер в нишах красных стен.

Прольётся с неба лунная струя,
 Я ложе застелю себе золою,
 И зацветёт дурманное алоэ
 В ту ночь, когда тебя забуду я.

Настанет день, о да, настанет день —
 Я в зеркале лицо твоё узнаю,
 И по твоим следам дойду до края
 Земли, чтоб упереться только в тень.

Искать твой голос, звонкий, без тепла
 Я смело опущусь на дно колодца.
 Но подо мною бездна развернётся,
 Когда пойму, что потерял тебя.

ИССЫК-КУЛЬ

Здесь, на границе владений орлов и богов,
 Лишь об одном говорить,
 об одном сокрушаться:
 Что не достигнуть далёких, крутых берегов,
 Не повстречать заповедного белого барса.

Тают мгновенно с шипеньем босые следы,
 Пышно сомкнулись за нами ветвистые двери.
 Призрачным пламенем горной,
 священной воды
 Мы причастились к душе азиатских поверий.

У Иссык-Куля не видно ни края, ни дна,
 Спит пароход, подражая вершинному снегу.
 На обелисках под солнцем горят имена,
 Так, невзначай раздражая туманную негу.

КРЫМСКИЕ БОЖЕСТВА

Горы

С потусторонней, безумной гримасой
 Плоские лица глядят на меня.

Что они прячут за дикою маской,
Треснутой маскою бога огня?

Греческий профиль?

Татарские скулы?

Губы турецкие?

А на камнях

Прыгает мальчик с улыбкой акулы,
Той, что не водится

в этих краях.

Коктебель

Небрежен аромат лохматой южной розы,
И зеркало небес расколото вдали.
И волосы стригут блестящие стрекозы —
Нежнейшие цирюльники земли.

Мы принимаем всё, необъяснимо рады
Трескучей суете меж хвойною листвою.
Бессонницей волны, волнением цикады
Разбужено родства слепое торжество.

А после до снегов, снегов, летящих в мае,
С крыла календаря, с открытки голубой
Прекрасное зовёт...

Крылами овевая,

Чужие божества витают над судьбой.

Куриный бог

Луна проходит сквозь

прозрачный кипарис,

и, не роняя слёз,

созвездья смотрят вниз.

Хохочут валуны.

А мы с тобой грустим

На краешке волны,
исчезнувшей почти.

Я говорю: «Волна,

ты знаешь, срок истёк...»

Бросает мне она

магический значок.

Чтоб в комнате зимой,

оставлена тобой,

Я в камешек сквозной

увидела прибор,

Луну и кипарис,
и очертанья гор,
И очи божества,

глядящие в упор.

КИПАРИС

В нём целый день таинственно шуршат
То косоножка, то цикада.
А кипариса тёмная душа
О многом рассказать бы рада.

Не столько о старинных чудесах
Хазара или караима...
О страшной ночи, что за два часа
Опустошила сердце Крыма.

Как люди, не терпевшие затей,
Крушили винограда кущи,
Как материли женщин и детей
И загружали скот оружий.

Как раздражённо старым и больным
Кричали следовать за ними...
И только кипарисы молча им
Грозили пиками своими.

МАГОМЕД

Теперь я знаю Магомеда —

Жреца народа моего.

Мой Магомед похож на деда,

А может, дед мой — на него.

Чтоб он сумел меня заметить
Из тысяч преданных ему,
Я золочёный полумесяц,
Надев на шею, не сниму.

Готовилась взойти на плаху,
Но предстоит блюсти закон,
И удивлённому Аллаху
Молиться русским языком.

ЧЕЛОВЕК И СОБАКА

Человек и собака — надёжное жизни звено.
Растяжима, крепка поводка первобытная жила.
Есть простое искусство — быть верным до самой могилы
Человеку и другу, как издавна заведено.

Две неравные тени на снежную плоскость легли.
Он скользил не спеша, не мешая счастливой собаке
Вспомнить радость охотничью, вынюхать тонкие знаки
На тягучей лыжне, на ветру вековой колеи.

А потом они шли вдоль знакомых домов и столбов.
Человек и собака — всегда совершенная пара.
Не оскалятся зубы за долю, что им перепала,
Ошейником давит на верное горло любовь.

Есть простое искусство — чужой доверяться руке,
И удары, и ласки сносить с бесконечным терпением.
Я хочу быть собакой у истины на поводке,
Чтоб не мучить себя изнурительным к ней подозреньем.

РАМИЛЬ САРЧИН

ПРЕКРАСНОЕ ЗОВЁТ...

о лирике Светланы Хайруллиной

Светлане Хайруллиной, словно бы в восполнение краткости земной её судьбы, была дарована способность заглядывать за грань бытуемого, чувствовать дыхание вечности, прозревать её глубины. Мысли о вечном в поэзии Светланы Хайруллиной всюду. Они пронизывают её поэтическую систему, присутствуют в структуре её стиха.

Так, в стихотворении «Молитва», определяя характер лирической героини («Бескрайней стану и бездонной...»), она сопрягает посредством строфического параллелизма настоящее с прошлым: «Молилась бабушка, покорно // Сведя ладони у лица... Так мусульмане в древней Мекке // Молились на руки свои». И это сопряжение высвечивает, как истину, вечностную суть настоящего — пусть хоть «на мгновение», «на ми-

нуту». Но в этих мгновениях и минутах — самое главное для человека: Любовь и Вера, приобщающие человека к вечному. Поэтому так утвердительно и запоминающе звучит финальная реплика кого-то неявленного в стихотворении (потому и не явленного, что он пока далёк от Бога!) — отрицаемая всем ходом поэтической мысли: «... не скажу: «Всё это — ложь, // На лодочке своих ладоней // В бессмертие не уплывёшь».

Но вот уже «лодочка ладоней» оборачивается лодкой жизни, плывущей по реке вечности. В ином, не в мифоархетипическом, ключе стихотворение «Река» и не воспринимается. Она, хоть и «маленькая, ворчливая», «невзрачная», «суетливая», «быстротечная», но несёт лирическую героиню, как одна из её бесконечных притоков, к Лете — реке вечности, за очередным изгибом которой ведь что-нибудь, да ждёт нас. Иначе зачем было бы все задаваться казалось бы пустяжными, досужими вопросами: «Что меня ждёт после этого света, // Что меня ждёт?»

Данные в вопросительной форме, мысли эти являются самой надёжной верой поэта — что-то да будет, как и до *этой* жизни что-то было. Известное «да будет Свет» значит ведь, что Он и был, как и пребудет вечно. Свет, отражённый на имени поэтессы — при том, что по её признанию она «так хотела стать цветком и ливнем» («Русское имя»).

Чем, как не вечностью, объяснить появление под её пером стихов, подобных этим:

*В краю, где солнце и листва
Внимают речи человеческой,
Я не хочу играть в слова
И строить башни из наречий.*

*И не хочу, в конце концов,
Прожить, полезной притворяясь.
И видеть, как, закрыв лицо,
Уходит вечность, растворяясь.*

Они звучат *оттуда* — из того края, в который стремился из земной юдоли Лермонтов, о котором он написал в своём бессмертном «Пророке»: «Завет предвечного храня, // Мне тварь послушна *там** земная, // И звёзды слушают меня, // Лучами радостно играя». Тот край, который предощущал в своих строках-озарениях мальчик, упомянутый как-то Мариной Цветаевой в одной из её эстетических работ, стихов вообще не писавший, но однажды прозревший: «Там лебедь белая живёт, // Там ходит мальчик бледный. // Там-от // Ведно».**

Подобной способностью заглядывать за грань видимого мира, дарованной, видимо, свыше, сполна обладают дети, пророки и поэты. Не случайно у Светланы Хайруллиной они хоть и неявно для досужего читателя образуют единый тройственный союз. Более всего явлено это в её стихах о детстве — той не замутнённой поре, райском «временипространстве» (как нельзя хорошо здесь подходит бахтинское понятие), которое переживается каждым из нас и, кажется, навек утрачивается (так ли?). Хайруллиной оно осознаётся как несомненный дар, дар поэтический, не позволяющий человеку утратить в жизни понимание своего божественного, «ангельского», начала и предназначения: «Всё, что оно дарило мне, // Я помню столько лет, // И крылышками на спине // Ношу его обет...»

* Курсив мой — Р.С.

** Там-от — то есть «где-то далеко»; ведно значит «так и есть, бесспорно, истинно».

А какими красками (эпитетами, сравнениями, метафорами) Хайруллина наделяет своё детство, которым, по её признанию, она *дышит*. Оно полнится в её стихах незаёмными образами, своеобразными деталями — в её воспоминаниях зримо предстают *корзинки из наших рубашек, еловая ветка халвы, вздох пирогов, крылышко ставня, крапивы пыльной липкая ладонь...* Всё это от желания представить детство как самое красочное, яркое, неповторимое явление жизни. И потому ещё, что оно — *своё, родное*. Ни тени надуманности, искусственности, что порой встречаешь в иных стихах современников; всё — кровно пережитое.

И, конечно же, память поэта бережно хранит образы любимых людей. Таковыми в стихах Светланы Хайруллиной являются образы бабушки и — особенно — дедушки:

... дедова шляпа в саду
Восходит, как древний Сатурн,
И бабушка возле стола,
В морщинки набилась зола.

Читая детские стихи Хайруллиной, невольно вопрошаешь: полно, только ли о своём пережитом речь; не о райском ли саде эти строки с вечно неизменными его хозяевами — Адамом и Евой, за века постаревшими?

Детство — пространство праздника, праздничная суть которого заключается в чувстве родины, единства с людьми, ощущении духовного родства с ними:

Здесь впервые на земле
Мне сказали: «Будь смелей —
Братья вы и сёстры...»
Были маски и шары.
Вечно длится с той поры
Сладостный и пёстрый

Новый год в селе Апаст.
Мне туда нельзя попасть,
Где душой и кожей, —
Братья с чёлкой «полубокс»
И сестрёнка в голубом, —
Были мы похожи.

Самые сокровенные раздумья о детстве пластично и смыслоёмко воплощены Хайруллиной в хронотопической по своей значимости метафоре дома:

На улице хлюпает жирная слякоть.
А в доме цветёт на обоях сирень,
А в доме легко и не стыдно заплакать
И, глядя в огонь, просидеть целый день.

И крылышко ставня стучит осторожно,
И, как паутина, дрожат провода...
Он — самый уютный и самый надёжный,
Но мне не вернуться в него никогда.
(«Старый дом»)

Горькое чувство утраченности и невозвратности растёт от стихотворения к стихотворению, словно повторяя путь отечественной литературы — в размышлениях о судьбах родины, большой и малой, от «дворянских гнёзд» до тихих деревенок.

Но у Хайруллиной ситуация осложняется тем, что нет не только дома из прошлого, нет его и в настоящем — безысходная неприкаянность, вечно неутолимое одиночество:

*Мне не вернуться в почерневший дом
И в каменный, задуманный навеки.
Мои следы задушены дождём,
Моё гнездо разобрано на ветки.
(«Два края»)*

Детство, при всей своей «райско-ангельской» сущности, — это и пора первых столкновений: воображения — с реальностью, сказки — с жизнью, мечты — с явью, желаемого — с должествующим, имеющим место быть. Не этим ли объясняются (нам, взрослым, так ведь необходимо всё объяснить) частые у Хайруллиной парадоксы, посредством которых она пытается соединить, примирить, упорядочить эти начала, гармонизировать свои отношения с миром: «... верю в тысячу примет, // И не таю надежд. // И проверяю словом «нет» // Родительный падеж». Как, мол, так: отрицать факт рождения?! Но не от того ли самого это *чувства вечности*, при котором отсутствие рождения значит и отсутствие смерти, стало быть — существование *Всегда*.

С годами понимание парадоксальности существования углубляется, перерастая в трагедию личной судьбы, в том числе и творческой. Рождённой быть поэтом, ей и имя дано судьбоносное: «... названа я именем приветным, // На жизнь и смерть дарующим ответ»... Светлана Хайруллина ясно осознаёт своё высокое предназначение: «... я бы каждому народу // Подарила бы по морю, подарила по горе... Я бы гениев убитых всех сумела воскресить», отдавая при этом себе отчёт в том, что предназначение практически неисполнимо: «... чтобы стать всемогущей и могущественной, надо — // всех забыть, всего лишиться, не жалеть и не любить» («Мечта»). Такова реальность, таков парадокс действительности.

«Парадоксальность» поэтического видения сближает Светлану Хайруллину с Мариной Цветаевой и Инной Лиснянской — видимо, есть в этом всё-таки что-то «женское», уходящее корнями в ранимость женской души. Но порой в её стихах можно обнаружить и неожиданные, на первый взгляд, «сближения». Например, с Николаем Гумилёвым. Стихотворение «Зебра» — не своей экзотичностью, конечно же, а мыслью о Прекрасном, столь же красиво исполненной, — более всего напоминает о его «Жирафе». Вот как описывает свою зебру Хайруллина:

*Это — волшебный зверь
или полезный скот,
Тихо обжив загон,
бродит, храня живот?
Чёлки душистый куст,
тонких копыт слюда.
Как на чудесный пир,
дети бегут сюда...*

А ещё близки стихотворения двух поэтов своей неизбежной трагичностью, преодолеть которую оказывается невозможно — даже дети не в силах её избыть, а лишь множат: «... предлагают вдруг странному существу // С маленьких тёплых рук горькую взять листву».

И, кажется, нет спасения, если бы не мысль о Прекрасном: как не вспомнить здесь слова Достоевского о том, что красота спасёт мир. В этом глубоко убеждена и наш автор. Она пытается воссоздать сказку детства, сотворить утраченный (и речь не только о детстве, а кажется, вообще о до-земном рае) мир счастья. Наиболее наглядно это явлено в «экзотических» мотивах «Арабской песни», «Иссык-Куля», «Крымских божеств», «Кипариса», «Магомеда».

В «Арабской песне» Светлана Хайруллина предстаёт как настоящий мастер пера. Сродни пушкинскому «Анчару» своим «вещательным» стилем, интонацией, величественной, «вечностной» поступью, строки «Арабской песни» столь же мастерски исполнены: стихотворение отличает безупречно выстроенная композиция, чеканная слаженность ритма. А какова мощь образной системы, хотя бы этих строк:

*Моё ружьё не выстрелит во мглу,
Не станет яда у змеи гремучей,
И жала у пчелы, грозы у тучи...
В тот день, когда тебя я разлюблю.*

По силе убедительности, даже некоторой одержимости, вкупе с отточенностью всей поэтики, стихотворение кажется некой молитвой, сотворённой поэтом по образцам арабских песен, а может даже (при всём риске нашего сближения) по сурам Корана.

В свете последних событий нельзя не упомянуть стихотворную «трилогию» «Крымские божества», особенно второе стихотворение — «Коктебель», столь же мастерски исполненное. По тому, сколько здесь поэтических находок, можно смело говорить, что «экзотика» Хайруллинной равна поиску и утверждению своего, родного, незаёмного — о чём было сказано выше:

*Небрежен аромат лохматой южной розы,
И зеркало небес расколото вдали.
И волосы стригут блестящие стрекозы —
Нежнейшие цирюльники земли.*

Наиболее яркий лирический цикл Светланы Хайруллиной называется «Молитва», а заключительное стихотворение в нём — «Магомед». Оно — и «детское»: о деде, о повседневном освоении культурного опыта (на деда по представлениям лирической героини — девочки — похож пророк). Оно — и «молитвенное»: с его обращённостью к божественному — к вечному, вечно прекрасному...

СВЯТОЕ ВЕЧНОСТИ ЗЕРНО

*К нам Лермонтов сходит,
презрев времена...*

В. Маяковский

Истина живёт в направлении максимума.

П. Тейяр де Шарден

ЛИТЕРАТУРНАЯ КЛАССИКА, ВКЛЮЧАЮЩАЯ В СЕБЯ ВЕЛИКИЕ ТВОРЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА, НЕСЁТ НЕЧТО ВНЕВРЕМЕННОЕ, НЕПРЕХОДЯЩЕЕ, ВЕЧНОЕ. СВОИМ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ СОВЕРШЕНСТВОМ И БЕЗДОННОЙ ГЛУБИНОЙ СОДЕРЖАНИЯ ОНА ПОЗВОЛЯЕТ ДУХОВНО ОБОГАЩАТЬСЯ И РАЗВИВАТЬСЯ НОВЫМ ПОКОЛЕНИЯМ ЛЮДЕЙ. КЛАССИКА ВСЕГДА СОВРЕМЕННА, В НЕЙ МОЖНО ОТКРЫВАТЬ КАКИЕ-ТО НОВЫЕ ГРАНИ В СВЕТЕ ПРОИСХОДЯЩИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН И ДОСТИЖЕНИЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ.

К числу признанных классиков русской литературы относится Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841), двухсотлетний юбилей которого мы отмечаем в этом году. Многие поэтические и прозаические произведения Лермонтова давно обрели хрестоматийный характер и хорошо известны читателям ещё со школьных лет. Существует огромный массив литературы, посвящённый биографии и творчеству великого поэта, и сказать что-то своё об этом достаточно трудно. Но я всё-таки попытаюсь это сделать, и буду анализировать феномен гения Лермонтова преимущественно с философской точки зрения, рассматривая поэта как мыслителя и обращаясь к религиозным и метафизическим аспектам его творчества.

Одним из первых, кто высоко оценил поэзию и прозу Лермонтова, был Виссарион Белинский, который писал: «Мы видим, что свежесть благоухания, художественная роскошь форм, поэтическая прелесть и благородная простота образов, энергия, могучесть языка, алмазная крепость и металлическая звучность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразие идей, необъятность содержания — суть родовые характеристические приметы поэзии Лермонтова...» И далее, отмечая безотрадный характер первых стихотворений поэта, Белинский подчеркнул: «Нигде нет пушкинского разгула на пиру жизни; но везде вопросы, которые мрачат душу, леденят сердце...» (Белинский В. Г. Избранные сочинения. М., 1947, с.138–139). Великий критик высоко

оценил и роман Лермонтова «Герой нашего времени», и его новаторский характер. В постижении тайн личности Печорина Белинский увидел путь читателя романа к более глубокому пониманию самого себя в контексте своего времени, тех противоречий, разладов и судьбоносных выборов, которые имеют место в жизни.

Сложилась заложенная Белинским традиция трактовать творчество Лермонтова не только в литературно-эстетическом плане, но и в социально-политическом аспекте.

Во-первых, Лермонтов представал как выдающийся поэт-романтик, воспевающий гордого и мятежного героя-одиночку, почти всегда погибающего в борьбе с враждебным миром (такая направленность его творчества объяснялась, прежде всего, влиянием байронизма). Поэзия Лермонтова оценивалась как трагическая, полная разочарования, грусти и тоски. Очень часто она сравнивалась с поэзией Пушкина.

Во-вторых, поэт характеризовался как обличитель самодержавно-крепостнического строя и пороков великосветского дворянского общества, выразитель революционного духа, взывающего к действиям по изменению существующих в России порядков.

В-третьих, Лермонтов рассматривался не только как романтик, но и как писатель-реалист, критически отражающий жизнь своего поколения и черты своего исторического времени.

В-четвёртых, подчёркивался патриотизм Лермонтова, его горячая любовь к Родине, родной природе, его талант, способный глубоко выразить жизнь и душу русского народа, в том числе и его былинное и героическое прошлое. Лермонтов дал образцы военно-патриотической поэзии, воспевающей подвиг русских солдат.

В-пятых, выделялись и анализировались религиозные и богоборческие аспекты творчества Лермонтова, но практически в тени оставались его метафизические аспекты, связанные с той картиной мира, из которой исходил поэт. Между тем последние играют существенную роль для осмысления мировоззренческих вопросов, поднимаемых Лермонтовым в своих произведениях и его попыток их как-то разрешить. Среди них и находятся те вопросы, которые, по выражению Белинского, «мрачат душу, леденят сердце». Лермонтов затрагивал фундаментальные философские темы — темы соотношения Бога и человека, добра и зла, любви и одиночества, смерти и бессмертия, временности и вечности, свободы воли и предопределённости, страдания и смысла жизни. Постоянная жажда преодоления узких рамок обыденного бытия характерна для Лермонтова. Он глубинно ощущал несовершенство и неполноту этого бытия, его какую-то унылую власть, угнетающую человеческую вольность и свободу. Поэт хотел иного бытия, высокого и беспредельного, поднимающего человеческое «Я» над текущим временем и открывающим ему таинственные метафизические горизонты. С другой стороны, Лермонтов уяснил для себя, что пребывание в напряжённом состоянии бытия, на пределе есть важнейшее условие художественного и иного творчества, есть путь к новым открытиям и получению откровений свыше. Поэтому вполне можно утверждать, что поэт был озадачен отнюдь не только заботами личного существования и проблемами своего социально-политического времени. С раннего возраста его стали волновать вопросы метафизического, надвременного характера.

Лермонтову нравилось в одиночестве мечтать о вечности, о полётах духа в беспредельности. Вот как описываются такие мечты, возникающие у Вадима, героя его неоконченного юношеского романа: «... на тёмном чердаке, простёртый на соломе, лицом кверху, сложив руки, он уносился мысленно в вечность, — ему снилось наяву давно желанное блаженство: свобода; он был дух, отчуждённый от всего живущего, дух всемогущий, не желающий, не сожалеющий ни об чём, завладевший прошедшим и будущим... Его душа расширялась, хотела бы вырваться, обнять всю природу, и по-

том сокрушить её...» (Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 4-х томах, Т. 4, М., 1962, с. 36 – 37).*

Интерес представляют взгляды философов Серебряного века на Лермонтова и его творчество. Поэтому обратимся к ним.

Николай Бердяев писал, что великие русские писатели XIX века творили в большой мере «от жажды спасения народа, человечества и всего мира, от печалования и страдания о неправде и рабстве человека». Русская литература всегда носила моральный и открыто или скрытно-религиозный характер и выражала стремление к свободе. Певцом свободы и вольности был Пушкин. По Бердяеву, «к свободе стремился и Лермонтов, но с большим надрывом и раздвоением. Лермонтов, быть может, был **самым религиозным из русских поэтов** (выделено мною — К.Х.), несмотря на своё богоборчество» (О России и русской философской культуре. М., 1990, с. 64). Я полагаю, что уяснение особенностей религиозности Лермонтова имеет существенное значение для более глубокого понимания всего его творчества, и об этом поговорим в дальнейшем.

По мнению Григория Флоровского, Лермонтов — это выразитель того «душевного сдвига», который произошёл у поколения 30-х годов XIX века. «Лермонтов дал незабываемое изображение тогдашних душевных состояний, этой отравительной «рефлексии», какого-то нравственно-волевого раздвоения личности, не то тоски, не то грусти. Это был ядовитый слав дерзости и отчаяния, безочарования и большой пытливости. И отсюда жадное стремление выйти из настоящего» (О России и русской философской культуре, с. 272). Последний момент очень важен. У Лермонтова постоянно проявлялось желание встать над своим временем и посмотреть на всё «глазами вечности», т.е. с метафизической точки зрения.

Согласно Семёну Франку, «Лермонтов... обладая могучим даром поэтического слова, умеет выразить свою тоску, свой трагизм, и заразить ими читателя — но настолько субъективен, что в сущности не в силах поведать нам (и самому себе), чем особенно и от чего он страдает». Поэтому Лермонтов — это в большой мере «поэт настроения», тогда как Пушкин — истинный «ведатель жизни», и его поэзия есть «откровение бытия» (Пушкин в русской философской критике, М., 1990, с. 442). Мне представляется, что субъективность Лермонтова отнюдь не мешает ему быть также «ведателем жизни», ведь, раскрывая глубинные переживания своей души, поэт тем самым показывает особенности духовной жизни как таковой, тайные чаяния и печали, взлёты и падения человеческого духа. Здесь опять обращусь к Белинскому, который писал: «Великий поэт, говоря о себе самом, о своём, говорит об общем — о человечестве, ибо в его натуре лежит всё, чем живёт человечество. И потому в его грусти всякий узнаёт свою грусть, в его душе всякий узнаёт свою и видит в нём не только поэта, но и человека, брата своего по человечеству» (Белинский В. Г. Избранные сочинения, с. 148). Добавлю, что в субъективной сфере духа всё «разложить по полочкам» и сделать простым и ясным невозможно. Слишком здесь сильны иррациональные стихии, которые, кстати сказать, и питают истинную поэзию внезапными озарениями и неожиданными открытиями.

Художественное совершенство творений Лермонтова и глубинное их содержание, его раннее творческое созревание и столь короткая жизнь, трагическая судьба, постоянный интерес поэта к теме демонического, а также некоторые черты его внешности и поведения открывали возможность и к мистическим истолкованиям Лермонтова как феномена, несущего в себе какую-то тайну. Одну из попыток такой трактовки предпринял Дмитрий Мережковский, назвавший Пушкина дневным, а Лермонтова

* Далее цитирование произведений Лермонтова будет производиться по этому изданию. В скобках будут указываться только номера тома и страницы.

ночным светилами русской поэзии. Мережковский стремился представить Лермонтова существом «не от мира сего». Прежде всего, он использовал описание внешности поэта, данное И. С. Тургеневым: «В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое, какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой пронзительностью и строгостью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-тёмных глаз. Их тяжёлый взор странно не согласовывался с выражением почти детски нежных и выдававшихся губ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, с большой головой на сутулых, широких плечах, возбуждала ощущение неприятное; но присутствующую мощь тотчас создавал всякий» (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989, с. 296). Мережковский упоминает мнения и других современников поэта о его «тяжёлом взгляде» и о том, что в то же время нечто непонятное, таинственное влекло, притягивало к нему. Мережковский делает такой вывод: «Если бы довести до конца это первое бессознательное впечатление, то пришлось бы его выразить так: в человеческом облике **не совсем человек**, существо иного порядка, иного измерения, точно метеор, заброшенный к нам из каких-то неведомых пространств» (Мережковский В. Д. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М., 1991, с. 392). И в этом существе якобы происходит постоянное раздвоение, смещение добра и зла. Лермонтов не такой как все, и поэтому окружающие его люди могут усматривать в нём демона или сверхчеловека.

Мережковский упоминает о некоем «премирном состоянии душ, нерешительных ангелов», не вставших на определённую сторону в борьбе Бога с дьяволом. Считая, что к этому состоянию имеет отношение Лермонтов, он выдвигает ещё одно фантастическое предположение — поэту был открыт доступ к вечности, каким-то прошлым жизням, к знаниям, недоступным обычным людям. Есть у Лермонтова такие строки:

*А много было взору моему
Доступно и понятно, потому
Что узами земными я не связан
И вечностью, и знанием наказан* (3, с. 495–496).
Или ещё вот такое утверждение:
*Хранится пламень неземной
Со дня младенчества во мне...* (1, 114).

Действительно, печать избранности лежит на личности Лермонтова, проявившего свои выдающиеся творческие способности уже в раннем возрасте. Мережковский назвал Лермонтова поэтом сверхчеловечества. При этом он опирался на весьма спорную точку зрения Владимира Соловьёва, усмотревшего сущность лермонтовской поэзии в демонизме и объявившего Лермонтова родоначальником (точнее сказать, предтечей) ницшеанства, т.е. философии сверхчеловека и сверхчеловечества, созданной Ф. Ницше. Эту точку зрения Соловьёв высказал в своей статье «Лермонтов», написанной им в 1899 году незадолго до своей смерти.

По мнению Соловьёва, в поведении Лермонтова проявлялись черты сверхчеловека, высокомерно относящегося к людям, ведущего замкнутый и отчуждённый образ жизни. Поэт искажённо воспринял христианскую идею богочеловечества, представляя последнее как сверхчеловечество. Соловьёв осудил Лермонтова за его богоборчество. Говоря уже словами Мережковского, Лермонтов не понял своего призвания «быть могучим вождём людей на пути <к> сверхчеловечеству» истинному, т.е. к богочеловечеству, к христианству, и потому погиб. Христианства же не понял, потому что не захотел смириться» (Мережковский Д. С. Указ. соч., с.381).

Я против демонизации личности Лермонтова и его трактовки как сверхчеловека и иномирного пришельца. Во-первых, разберёмся с вопросом, кто такой сверхче-

ловек в представлениях Ницше? Это — тот, кто идёт на смену современному типу человека (на взглядах немецкого философа, несомненно, сказалось влияние эволюционной теории Дарвина). Сверхчеловек по отношению к человеку находится в том же положении, что и человек к обезьяне. Это существо, одержимое волей к власти, отрицающее Бога, ненавидящее простой народ и стремящееся встать «по ту сторону добра и зла», т.е. освободиться от существующих моральных норм и правил и быть абсолютно свободным в выборе путей для достижения своих целей.

Но разве применимы эти характеристики к Лермонтову? Конечно, нет. Во-первых, несмотря на наличие богоборческих моментов в сознании, поэт не отрицал Бога. И, судя по его стихам, неоднократно обращался с молитвами к Творцу. Во-вторых, ненавидя фальшь и лицемерие «великосветского» общества, знати, толпящейся у царского трона, Лермонтов любил свой народ, народный фольклор, русскую старину, высоко ценил ратный подвиг простых солдат в войнах, что нашло яркое отражение в его творчестве. Вспомним хотя бы «Бородино» или «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». В-третьих, я не нашёл у Лермонтова отказа от общепринятых моральных норм, хотя, конечно, по свидетельству современников, поэт далеко не всегда выглядел добрым человеком и мог совершать неприятные для окружающих поступки.

«Не совсем человек» по Мережковскому, Лермонтов, по моему убеждению, был вполне земным человеком, правда, человеком уникальным и противоречивым. Распознать личность поэта трудно. Лермонтов мог быть совершенно разным. Не случайно современники так неодинаково воспроизводят его образ в своих воспоминаниях. То они говорят о Лермонтове как о человеке с тяжёлым заносчивым характером, скрытным, смелом, дерзком, насмешливом, язвительном и способном на вызывающие поступки. То говорят о нём как о человеке сердечном, благородном, нежном, скромном, застенчивом, грустном и мечтательном. Но практически все соглашались в том, что Лермонтов — это необыкновенная личность, наделённая пронзительным умом, сильной волей и живущая, подчиняясь своим внутренним страстям. Лермонтов придерживался такой модели поведения, при которой его тонкая поэтическая душа как бы приоткрывалась, становилась до конца откровенной только с родными и друзьями, близкими по духу людьми. Конечно, великим откровением души Лермонтова стала его поэзия. Надо сказать, что Михаил Юрьевич относился весьма строго и взыскательно к своим стихам, и лишь небольшая их часть была опубликована при его жизни.

Лермонтов является поэтом человечества, а не мифического сверхчеловечества. А если и говорить о Лермонтове как сверхчеловеке, то только в смысле гениальной и героической сути его натуры. Известно, какие чудеса храбрости и бесстрашия проявлял поручик Лермонтов в боях с горцами на Кавказе, особенно в одном из них у реки Валерик. Трижды военное командование представляло его к награждению орденами и золотой саблей, но царь упорно вычёркивал фамилию опального поэта из списка награждённых. Бесстрашие и отсутствие страха смерти у Лермонтова подчёркивал и Мережковский, полагавший, что поэт обладал сокровенным знанием о существовании загробной жизни. «Когда я сомневаюсь, есть ли что-нибудь, кроме здешней жизни, мне стоит вспомнить Лермонтова, чтобы убедиться, что есть. Иначе в жизни и в творчестве его всё непонятно — почему, зачем, куда, откуда, главное — куда?» (Мережковский Д. С. Указ. соч., с.396).

Действительно, многое в Лермонтове поражает и выглядит трудно объяснимым. Это и та мудрость, которой достиг поэт уже в юношеские годы, и идейно-художественное богатство его творений, и его умение проникать в самые толщи русского народного духа, русской жизни и истории, и его удивительные пророчества будущего.

В стихотворении «Предсказание», написанном в 16-летнем возрасте, поэт дал картину весьма мрачного будущего России, которое во многом осуществилось в XX веке. Это — падение самодержавия, великие разрушения, кровопролития, массовая гибель людей, связанные с революцией, появление всевластного «мощного человека» с булатным ножом, который не щадит никого. Кроме того, Лермонтов предсказал кратковременность своей земной жизни и гибель в молодом возрасте. Наверное, черты нищепанского сверхчеловека можно усмотреть в образах Демона, Печорина и каких-то других мятежных и гордых персонажей Лермонтова. Но это не означает, что поэта надо отождествлять с его литературными героями, хотя, конечно, он приписывал им некоторые черты своего характера и собственные переживания...

Я не склонен и к мистической трактовке феномена гениальности. А то, что Лермонтов был гениальной личностью, нет никакого сомнения. Тайна гениальности сохраняется. Но выскажу такое предположение. На мой взгляд, гениальность — это следствие концентрации на генетическом уровне определённых творческих способностей людского рода в отдельном человеке. Гений обладает способностью расширения своего сознания, что открывает ему доступ к коллективной памяти человеческого рода, хранящейся в его подсознании, а также к неизвестным современной науке источникам информации.

Сам Лермонтов нередко задумывался над тайной природы человека и приходил к выводу о её двойственном характере. Есть у человека качества, врождённые от Бога и природы, но есть и такие черты, которые формируются под воздействием окружающей социальной среды. Последняя далеко не всегда положительно влияет на это формирование. Так, Печорин в «Герое нашего времени» говорит о себе: «Все читали на моём лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали — и они родились. Я был скромн — меня обвинили в лукавстве; я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли; я стал злопамятен; я был угрюм, — другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, — меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир, — меня никто не понял; и я выучился ненавидеть» (4, с. 405). Заканчивает своё откровение Печорин признанием того, что в его душе поселилось «холодное, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой», и он сделался нравственным калекой.

Другое откровение Печорин высказал в разговоре с доктором Вернером перед своей дуэлью с Грушницким: «Во мне два человека: один живёт в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его; первый, быть может, через час простится с вами и миром навеки, а второй... второй...» (4, с. 442). Печорин обрывает свою мысль, заставляя читателя «Героя нашего времени» делать догадки о её возможном продолжении. Можно сделать предположение о том, что лермонтовский персонаж хотел сказать о том, что второе «я» человека открывает путь к потусторонней жизни и вечности.

По мнению Лермонтова, важнейшую роль в постижении человеческой сущности играет углубление познания волевого начала жизни, определяющего её активность и целеустремлённость. Как подчёркивает поэт: «...воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созданию или разрушению чего-нибудь, отпечаток божества, творческая власть, которая из ничего созидает чудеса... О если б волю можно было разложить на цифры и выразить в углах и градусах, как всемогучи и всезнающи были бы мы!» (4, с. 127).

Интересную, но весьма противоречивую характеристику Лермонтова и его творчества дал Василий Розанов, который сам по себе был весьма противоречивым мыслителем и писателем. Для Розанова, если Пушкин есть поэт мирового «лада», т.е.

гармонии, согласия, то Лермонтов — это скорее поэт разлада и дисгармонии. «Лермонтов никогда не приходит, а только уходит... Вы его вечно увидите «со спины»... «Прощайте! Ухожу! — сущность всей поэзии Лермонтова... Пушкину и в тюрьме было бы хорошо. Лермонтову и в раю было бы скверно» (Пушкин в русской философской критике, с. 192–193). По моему мнению, Розанов слишком сгущает краски относительно дисгармоничности поэзии Лермонтова, и он совершенно неправ, считая, что поэт в своём творчестве отворачивается от мира и людей. Но с другой стороны. Розанов глубоко прав, когда говорит о том, что Лермонтов сосредоточен на тайнах человеческого бытия и «вся его поэзия есть только преобразование их почти до размеров целой вселенной...» (Розанов В. В. Религия и культура. М., 1990, с. 253).

Розанов также намекал на связь Лермонтова с потусторонним миром, на доступность для него неких высших тайных знаний. «Звёздное и царственное — этого нельзя отнять у Лермонтова; подлинно стихийное «лешее начало» — этого нельзя у него оспорить. Тут он знал больше нас, тут он владел большим, чем мы, и это есть просто факт его биографии и личности» (Розанов В. В. Мысли о литературе. М., 1989, с. 273).

Точно схватывают суть поэзии Лермонтова следующие слова Розанова: «Гимны его напряжены, страстны, тревожны и вместе воздушны, звёздны. Вся его лирика в целом и каждое стихотворение порознь представляют соединение глубочайшего личного чувства, только ему исключительно принадлежащего, переживания иногда одной только минуты, но чувства, сейчас же раздвигающиеся в обширнейшие панорамы, как будто весь мир его обязан слушать, как будто в том, что совершается в его сердце, почему-то заинтересован весь мир. **Нет поэта более космичного и более личного**» (выделено мною — К.Х.) (Розанов В. В. Мысли о литературе, с. 271).

Вот это единство противоположностей — космического, вселенского и субъективного, личностного — существенная особенность поэзии Лермонтова. Главное мировоззренческо-философское соотношение «человек — мир» в ней представлено достаточно чётко и основательно. На мой взгляд, программным здесь является стихотворение Лермонтова «Мой дом», которое я приведу полностью:

*Мой дом везде, где есть небесный свод,
Где только слышны звуки песен,
Всё, в чём есть искра жизни, в нём живёт,
Но для поэта он не тесен.*

*До самых звёзд он кровлей достигает,
И от одной стены к другой
Далёкий путь, который измеряет
Жилец не взором, но душой.*

*Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, течение века
Объемлет в краткий миг оно.*

*И всемогучим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осуждён страдать я долго в нём,
И в нём лишь буду я спокоен (1, с. 300).*

Для человека в конечном счёте домом является Вселенная, в которой он должен занимать своё место и исполнять определённую роль. Человеку, особенно поэту, пред-

назначено следовать великому чувству правды. Именно это чувство Лермонтов назвал «святым вечности зерном». Оно открывает человеку пути к постижению тайн мироздания и заставляет его жить и вести себя достойно и честно. Чувство правды, исходящее от Бога, даёт человеку смысл его жизни и устремляет его к высоким идеалам.

Не говори: одним высоким

Я на земле воспламенён,

К нему лишь чувствам я глубоким

Бужу забытой лиры звон (1, с. 76).

Особый спрос с поэта, который обязан в проникновенной художественной форме выражать правду, независимо от того, нравится это кому-то или нет. В стихотворении «Поэт» Лермонтов сравнивает поэтическое творчество с золотым кинжалом, имея в виду, что это творчество может и должно быть оружием истины и добра, разящем ложь и зло. Бог, проявляясь в душе поэта как высшая святыня, делает его голосом не только правды, но и совести, открывает в поэте способность пророка. А судьба пророков во все времена была трагической. Лермонтов пишет:

С тех пор, как вечный судия

Мне дал всеведение пророка,

В очах людей читаю я

Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви

И правды чистые ученья:

В меня все ближние мои

Бросали бешено камня (1, с. 547).

За правду, по существу, продиктованную любовью к людям, последние, казалось бы, должны благодарить поэта, но они его подвергают гонениям. Почему?

Многие не хотят правды и порой её даже ненавидят. Их устраивают взаимоотношения, построенные на фальши, лицемерии и хитрости. Лермонтов достаточно быстро понял, что такие отношения весьма характерны для «великосветского» общества. Да и простая толпа часто не жаждет правды и живёт, окутанная туманом невежества, тупого равнодушия и рабской покорности, в редких случаях взрываясь стихийным бунтом. Всё это вызывало у Лермонтова резкий протест, и одно из своих стихотворений он заканчивает такими словами, обращёнными к толпе:

О, как мне хочется смутить весёлость их,

И дерзко бросить им в глаза железный стих,

Облитый горечью и злостью!... (1, с. 467).

Именно следуя голосу правды и совести, Лермонтов, потрясённый гибелью Пушкина на дуэли, написал знаменитое гневное стихотворение «Смерть поэта», вызвавшее широкий общественный резонанс и гонения его автора со стороны царской власти.

Святое чувство правды устремляло поэта к небу, с высот которого ему казалось, что повседневная будничная жизнь людей есть лишь мелочная бестолковая суета, совсем не соответствующая высокому предназначению человека. Трагедия Лермонтова заключалась в том, что он был **максималист**, предъявлявший завышенные требования к жизни, явно не отвечающей его высоким запросам и устремлениям. С крайними оценками он подходил и к самому себе. Так, своё знаменитое стихотворение «Нет, я не Байрон, я другой/Ещё неведомый избранник...» Лермонтов заканчивает такими словами: «Я — или бог — или никто!» (1, с. 361). По существу, поэт выступал за яркий и сильный тип личности. Для него крайность ценнее середины и серости, т.е. он был против усреднённости и посредственности.

Недостижимость совершенства на Земле мучила поэта и постоянно порождала в нём страдания. Надежду на достижение совершенства и гармонии Лермонтов возлагал на небо, звёзды, иные миры. Из этого вырастала космичность его поэзии. Приведу несколько примеров звёздно-космических стихотворений Лермонтова:

*Светись, светись, далёкая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя всегда,
Твой слабый луч, сражаясь с темнотой,
Несёт мечты душе моей больной,
Она к тебе летает высоко;
И груди сей свободно и легко... (1, с. 100).*

Или:

*Вверху одна
Горит звезда;
Мой взор она
Манит всегда;
Мои мечты
Она влечёт
И с высоты
Меня зовёт... (1, с. 270).*

Обращённость к внеземной, другой жизни звучит в таких строках:

*Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизньную иную,
И о земле позабывал (1, с. 183).*

Желание занять место в звёздном мире Лермонтов выражает следующим образом:

*Люди друг к другу
Зависть питают;
Я же, напротив
Только завидую звёздам прекрасным,
Только их место занять бы хотел (1, с. 228).*

Поэт полагал, что великие страсти души в своих истоках связаны с небом:

*Источник страсти есть во мне
Великий и чудесный;
Песок серебряный на дне,
Поверхность лик небесный:
Но беспрестанно быстрый ток
Воротит и крутит песок,
И небо над водами
Одето облаками (1, с. 307).*

Но откуда вера человека в существование мира, области или просто места, где совершенство и полная гармония осуществимы? Почему он уверен в том, что когда-нибудь попадёт в место полного блаженства? На эти вопросы Лермонтов отвечает вполне религиозно:

*Когда б в покорности незнания
Нас жизнь создатель осудил,
Неисполнимые желания
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться*

*Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б в нём полного блаженства
Не должно вечно было знать (1, с. 231).*

Влияет ли звёздный мир на ход событий на Земле? Есть ли предопределение судеб людей в расположении звёзд на небе? Размышления по этому поводу можно найти у Печорина в новелле «Фаталист», завершающей роман «Герой нашего времени». С одной стороны, этот лермонтовский герой весьма иронически относится к астрологическим представлениям, согласно которым человеческая судьба «начертана на небесах». Но с другой стороны, он считает, что если люди верят в то, что небо принимает участие в их жизни, то это вдохновляет их и придаёт им дополнительные силы. А древние несомненно верили в это, и «... какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо с своими бесчисленными жителями на них смотрит с участием, хотя немим, но неизменным!..» (4, с. 468).

Печорин приходит к выводу о том, что предначертание судьбы всё же есть, и можно обнаружить признаки приближающейся смерти в облике человека. Он их увидел на лице своего сослуживца, серба Вулича, который вскоре погиб на самом деле. Наличие судьбы допускает свободу выбора человека и как бы безмолвно говорит в пользу ценности жизни, отвергая легкомысленную игру со смертью, чем отличался бесшабашный Вулич. И нелепая смерть серба от сабли напившегося до одури казака выглядит в новелле карой высших сил за этот грех.

С юных лет Лермонтов часто думал о смерти, её неизбежности и пытался представить потустороннюю загробную жизнь, которая иногда являлась к нему в его сновидениях. Это нашло отражение в ряде его стихотворений: «Смерть» (в 3-х вариантах), «Ночь I, II» и некоторых других. Смерть есть трагедия и тайна, поскольку она означает для жизни разрыв её бытия, разлуку души с телом, со всем привычным земным окружением, переход живого от посюстороннего к потустороннему, которое глубоко спрятано от взора и ума людей и лишь кратковременно приоткрывается избранным представителям рода человеческого в пору их духовного озарения. С другой стороны, смерть выглядит привычно, так как все умирают, и для каждого человека рано или поздно наступает момент ухода из земной жизни.

*Конец! Как звучно это слово,
Как много — мало мыслей в нём;
Последний стон — и всё готово,
Без дальних справок — а потом?
Потом вас чинно в гроб положат,
И черви ваш скелет обгложут,
А там наследник в добрый час
Придавит монументом вас (1, с. 387).*

Лермонтов неоднократно повторяет то, что он устал от бренности бытия, что ему хочется уйти из земной жизни и от людей, забыться непробудным сном или душою, как птица, улететь в бездонные выси неба. Казалось бы, вектор его души однозначно направлен к небу и потустороннему миру. Но это совсем не так. Поэт проявляет свою антиномичность, поскольку этот вектор обращается и в противоположном направлении, т.е. ко всему земному, и он вдруг заявляет, что не любит небо. В стихах Лермонтова явно выражается тяга к земному бытию, несмотря на его во многом ущербный характер, любовь поэта к земной природе и жизни.

*Как землю нам больше небес не любить?
Нам небесное счастье темно;*

*Хоть счастье земное и меньше в сто раз,
Но мы знаем, какое оно.*

<.....>

*Страшна в настоящем бывает душе
Грядущего тёмная даль;
Мы блаженства желали б вкусить в небесах,
Но с миром расстаться нам жаль (1, с. 323).*

Лермонтов весьма натуралистически описывает положение мертвеца в могиле, и он восстаёт против смерти как окончательного исчезновения и растворения в природе и полной утраты мертвецами связи с реалиями прежней жизни. У него мёртвые в какой-то мере оказываются живыми и ощущающими эту связь. В стихотворении «Любовь мертвеца», например, есть такие строки:

*Пускай холодною землёю
Засыпан я,
О друг! Всегда, везде с тобою
Душа моя.
Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл (1, с. 513).*

По моему мнению, Лермонтов в ходе своих размышлений о жизни, смерти и бессмертии пришёл к панпсихическим и пантеистическим представлениям.

Согласно такого рода представлениям, абсолютно мёртвого как такового вообще нет, всё в мире живо и обладает чувствительностью разной степени глубины и тонкости, всюду живое тянется друг к другу, и через всеобщую жизнь, явную и неявную, проступает божественное присутствие в мире.

Примеров описания всеобщей одушевлённой жизни, имеющей свои олицетворения в природе, в стихах Лермонтова немало. Вот одинокий могучий утёс горюет по поводу того, что его покинула тучка золотая, недавно ночевавшая на груди этого великана (стихотворение «Утёс»). Дубовый листок, оторвавшийся от родимой ветки, просит приюта у чинары, которая отвергает его (стихотворение «Листок»). Тростник с рыбаком, тронувшим его, неожиданно заговаривает человеческим голосом, заявив, что в нём живёт душа молодой девы, когда-то подло убитой на берегу реки (стихотворение «Тростник»). Словом, для Лермонтова мир наполнен всевозможными проявлениями жизни, которая есть везде. Вопреки возникающим иногда желаниям заснуть, забыться, умереть ощущение бесконечности жизни порождало в душе Лермонтова страстное желание творить даже на основе опыта мук и страданий:

*Я жить хочу! Хочу печали
Любви и счастью назло...
<.....>
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берёт (1, с. 372).*

Хочу подчеркнуть важный мировоззренческий аспект творчества Лермонтова. Ощущая разрыв между небесным и земным, живым и мёртвым, потусторонним и посюсторонним, божественным и человеческим и, трагически переживая этот разрыв,

поэт желал в своём воображении всё это соединить, т.е. он фактически, сознательно или не до конца осознанно, стремился к всеединству. Поэтому появление ангелов и демонов, живых мертвецов, русалок, говорящих тростников и других потусторонних персонажей в стихах Лермонтова не случайно. Как не случайно желание поэта перенести некоторые черты земной жизни и её динамику в потусторонний мир. В частности, он полагал, что человека в его посмертном существовании не ожидает вечный покой, и с ним будут происходить события, появятся проблемы, которые надо будет решать.

Из стремления к всеединству вырастали пантеистические мотивы у Лермонтова. В стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...» поэт описывает красоту и гармонию окружающей природы, а также ощущения своего единения с ней. Стихотворение заканчивается такими примечательными словами:

*Тогда смирятся души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога... (1, с. 421).*

Удивительные строки. Лермонтов не говорит ничего о конкретных чертах своего видения Бога в небесах. Но то, что это видение настигло его на фоне красот и спокойного благополучия природы, есть факт очень важный для понимания характера религиозности поэта. Можно уверенно предположить, что религиозные чувства и умонастроения Лермонтова во многом опирались на его пантеистическое мироощущение. Бог живёт в природе и проявляется в её величии, красоте и гармонии. В подтверждение сказанному можно привести ещё и следующее замечательное четверостишие:

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит (1, с. 543).*

Мне представляется, что устремлённость к небесному и всеединству, панпсихические сюжеты и пантеистические моменты, наконец, пророчества, имеющие место в поэзии Лермонтова, роднят её с тем, что впоследствии было названо русским космизмом (Н. Фёдоров, Вл. Соловьёв, К. Циолковский, А. Чижевский и др.). Я очень сожалею о том, что Владимир Соловьёв усмотрел суть лермонтовского творчества не в его всеобъединяющей и метафизической направленности и своеобразной религиозности, а в ницшеанстве. Увы, создатель философии всеединства не увидел в Лермонтове родственную душу, жаждущую преобразования мира и человека. Скорее всего, этому помешали бунтарство Лермонтова и проявления богоборчества в его произведениях. Я же считаю, что творения Лермонтова следует отнести к поэтическим предтечам русского космизма, который как направление религиозно-философской мысли сформировался лишь к началу XX века (см.: Хайруллин К. Х. Философия космизма. Казань, 2003).

Для космизма любовь выступает объединительной и возвышенной силой бытия. Большое внимание феномену любви уделил и Лермонтов. Уже в юном возрасте поэт ощутил любовь как необходимость человеческой жизни. Он увидел в ней таинственную силу, завораживающую и переворачивающую всю душу, зажигающую в ней страсть.

*Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! — любить
Необходимость; и я любил
Всем напряжением душевных сил (1, с. 187).*

Любовь занимает особое место в жизни человека, порождая у него широчайший спектр различных переживаний, как положительных, так и отрицательных. С одной стороны, любовь может давать человеку вдохновение, радость, счастье, блаженство, сладостное волнение и опьянение, чувство полноты бытия, а с другой — она заставляет страдать, может вызывать чувства отвергнутости, ревности, разочарования, грусти, печали, отчаяния, ожесточения, горя и даже привести к гибели. Всё зависит от конкретной ситуации, складывающейся в любовных отношениях. Очень многое из всего этого нашло своё выражение в проникновенной и страстной любовной лирике Лермонтова. Любовь заставляет забыть обо всём, погружает порой в состояние высшего умиротворения. Вот как описывает такое состояние поэт:

*И что за дело мне до света,
Когда сидишь ты предо мной,
Когда рука моя согрета
Твоей волшебною рукой;
Когда с тобой, о дева рая,
Я провожу небесный час,
Не беспокоясь, не страдая,
Не отворачивая глаз (1, с. 315).*

У Лермонтова нет сомнений в том, что любовь к женщине носит одухотворяющий, возвышающий душу характер. Любовь эта, как и благоговение перед женской красотой, родственны религиозным чувствам, трепетному и молитвенному отношению человека к Творцу. Душа становится своего рода храмом, если она заполняется любовью:

*Моя душа твой вечный храм;
Как божество твой образ там;
Не от небес, лишь от него
Я жду спасенья своего (1, с. 262).*

Считается, что Лермонтов всю свою короткую жизнь, несмотря на многие увлечения, любил лишь одну женщину — Варвару Лопухину, которая неожиданно вышла замуж за другого — помещика Н. Бахметева. В связи с этим поэт пережил тяжёлую душевную драму. Боль от утраты любимого человека и невозможность быть вместе с ним не утихла в душе Лермонтова вплоть до его гибели на дуэли с Н. Мартыновым. Преданность любви к Лопухиной выражена в стихотворении «К Л. —». Оно начинается словами:

*У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней...
Заканчивается такими строками:
И где бы я не стал искать
Былую тишину,
Всё сердце будет мне шептать:
Люблю, люблю одну! (1, с. 215–216).*

Но не все способны на настоящую любовь, не все умеют её ценить. Увы, любовь может быть сопряжена не только с муками неразделённости и отверженности, но и с обманом, коварством, изменой, безжалостным эгоизмом и роковой игрой, таящей опасность гибели. В стихотворении «Баллада» красавица просит влюблённого в неё юношу достать со дна ожерелье, которое она обронила со скалы в море. Юноша бросается в пучину вод и с большим риском для жизни исполняет просьбу. Но эгои-

стичная дева, не удовлетворившись этим, требует от юноши, в подтверждение своей любви к ней, достать со дна ещё и коралл. Не смея отказать деве, он опять прыгает в воду и погибает. Весьма поучительная история. Или вот ещё одна трагедия, описанная Лермонтовым. Евгений Арбенин, герой драмы «Маскарад», заподозривший свою жену Нину в измене вследствие обмана и интриг и переполненный чувствами ревности и мести, отравляет её, подсыпав яд в мороженое. Это притом, что никакой измены не было. Нина ни в чём не виновата и любит своего супруга. В итоге Арбенин, узнав всю правду, от ужаса того, что сотворил, сходит с ума. Любовь Арбенина носит сугубо эгоистический и собственнический характер. Она заключена в полном и безграничном обладании предметом любви, жестоко карающем его даже только при подозрении, что имеет место измена.

Рассматривая и показывая разные варианты любовных отношений в своих произведениях, Лермонтов пришёл к выводу, что суть любви вовсе не в жажде обладания предметом страсти, а в гармонии соединения влюблённых в одно целое, в неуклонном желании нести благо и счастье любимому человеку, в способности сострадать другим и даже жертвовать собой во имя них. Примеры жертвенной любви даны в ряде поэм Лермонтова. Это любовь черкешки к русскому пленнику («Кавказский пленник»), Ады к Зораиму («Ангел смерти»), бывшей монахини к своему супругу Арсению («Литвинка»), купца Калашникова к жене Алёне Дмитриевне («Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»).

Любви другого рода — любви к родине и природе — Лермонтов также посвящал свои стихи:

Люблю Отчизну я, но странную любовью!

Не победит её рассудок мой.

<.....>

Но я люблю — за что, не знаю сам —

Её степей холодное молчанье,

Её лесов безбрежных колыханье,

Разливы рек её, подобные морям,

Просёлочным путём люблю скакать в телеге,

И взором медленным пронзая ночи тень,

Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,

Дрожащие огни печальных деревень (1, с. 509).

Особые чувства питал поэт к Кавказу, красоте и величию его гор. В своём стихотворении в прозе он писал: «Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы взлелеяли детство моё; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу молился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновение гордится он ею!..» (1, с. 353). Ещё в детские годы Лермонтов бывал на Кавказе, и с тех пор его тянуло в кавказские горы. По-видимому, он ощущал некую мистическую связь своей судьбы с этим краем. Здесь поэт неоднократно жил, воевал, погиб у подножия горы Машук в районе Пятигорска, был похоронен. Правда, затем его прах был перевезён и перезахоронен в родовом имении в Тарханах.

Кавказ вызывал у Лермонтова возвышенные чувства и устремления к небу и метафизическим горизонтам. В красоте и величии Кавказских гор, целительной чистоте здешнего воздуха поэт находит источник своего вдохновения и пути преодоления своих душевных кризисов.

*Мой гений сплёл себе венок
В ущелиях кавказских скал (1, с. 199).*

Как казалось Лермонтову, пребывание в горах приближает человека к небу, отвлекает его от мелочной суеты, рождает желание свободного полёта:

*Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить? (1, с. 199).*

Иногда возникает ощущение своего промежуточного положения между землёй и небом, чувство того, что ты не принадлежишь ни земному, ни небесному миру, что ты одинок и связан с вечностью, которая, с одной стороны, таится в высотах небес, а с другой — в бездонных глубинах твоей души. Такого рода ощущения и чувства, и не только в горах, неоднократно испытывал Лермонтов, который утверждал, что он — «странник для мира и небес чужой», не умеющий жить среди людей (1, с. 249). Чувство одиночества никогда в полной мере не покидало души Лермонтова, и это чувство нашло отражение в очень многих его стихах. Оно было привычным ещё с детства: «Любил с начала жизни я/ Угрюмое уединенье...» (1, с. 79).

Одиночество необходимо было для творчества, сосредоточенных размышлений, внутреннего разговора с самим собой и самоанализа состояния своей души. Но нередко замкнутое и обособленное положение становилось для Лермонтова тягостным:

*Как страшины жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить,
Делить веселье все готовы —
Никто не хочет грусть делить (1, с. 96).*

В трудные минуты поэт рвался к встречам с друзьями, а настоящих друзей он высоко ценил, находя радость в общении с ними.

О своём одиночестве говорят и многие персонажи произведений Лермонтова. Но в чём причина неискоренимости чувства одиночества у создателя «Героя нашего времени»? Причин много. Это и раннее сиротство Лермонтова (его мать умерла, когда ему не было и трёх лет); и его постоянные разочарования, рождающиеся от столкновений с несовершенным устройством земной жизни и человеческого сообщества, от встреч с ничтожными и лживыми людьми; и осознание своей избранности, возвышающей его над толпой; и опала и гонения со стороны царских властей; и отсутствие гармонии в его любовных отношениях с женщинами.

Но это не всё. По моему мнению, Лермонтов в своих стихах выражал трагическое переживание одиночества человека как такового, что не было связано только с обстоятельствами личной жизни поэта, неудовлетворённостью своей судьбой. Что я имею в виду? Это то, что было названо впоследствии метафизическим сиротством личности, суть которого в следующем.

Человек рождается и попадает в мир без какого-то с его стороны согласия. Он не может выбрать себе родителей, место и время своего рождения. Человек вынужден довольствоваться характером и сроком жизни, которые предоставляет ему судьба. Человек — дитя не только своих родителей, но и исторической эпохи и определённой культуры. Он рано или поздно осознаёт свою обособленность от остального мира, свою одинокость и временность пребывания в нём. Неизбежность будущей смерти (каждый умирает в одиночку), болезни, старение, возможность стать жертвой слепого случая, эпидемии, стихийные бедствия, катастрофы, преступления, войны — всё это как дамоклов меч нависает над человеком при его жизни. Слишком хрупкой, небезопасной и кратковременной оказывается человеческая жизнь в прекрасном земном мире. В религиозном плане у человека возникает сиротливое чувство богооставленности, ощущение равнодушия Бога к его судьбе.

К осознанию трагизма человеческого бытия и возникающих в связи с этим глубоких переживаний Лермонтов пришёл очень рано в силу быстрого интеллектуального созревания, особой прозорливости и тонкого и чуткого устройства своей души. У него возникает протест против этого, желание бесстрашного одинокого противостояния смерти, отнимающей жизнь и любовь.

*Враждебной силою гоним,
Я тем живу, что смерть другим:
Живу — как неба властелин —
В прекрасном мире — но один* (1, с. 245).

Многие предпочитают особо не задумываться о хрупкости и недолговечности земной жизни, погружаясь в текущие дела, быт и ежедневную суету. Но наступает пора ощутить своё сиротство, постичь горькую правду о трагическом уделе человека в мире. Это происходит тогда, когда теряешь близких и дорогих людей, на тебя обрушиваются всякие беды и неудачи, и ты не получаешь должной помощи и поддержки от окружающих, когда понимаешь своё бессилие изменить нежелательный и жестокий ход событий.

Лермонтов полагал, что в мире идёт постоянная борьба света и тьмы, добра и зла, и она проходит через душу, в которой одновременно присутствует и святое, и порочное.

*В одном всё чисто, а в другом всё зло,
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого* (1, с. 191).

Как не вспомнить здесь о Достоевском, для которого осознание такой встречи святого и порочного, добра и зла в душе человека стало ведущим мотивом его творчества.

Что же делать человеку? По мнению Лермонтова, человек часто сам виноват в своих бедах и страданиях, оказываясь в плену греховных страстей и вожделений, действия сил зла. Поэтому в первую очередь он, не виня других, обязан самолично преодолевать собственные пороки, избегать дьявольских искушений и соблазнов и активно выступать на стороне добра, справедливости и правды, т.е., в конечном счёте, постоянно вести борьбу с разнообразными проявлениями зла. И надо торопиться свершать великие и добрые дела.

*Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.*

<.....>

*Мне жизнь всё как-то коротка
И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то!*

<.....>

*Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинять нельзя ни в чём* (1, с. 190).

Зло, глубоко проникающее в человеческую природу, искоренить очень трудно. Казарин, один из персонажей драмы «Маскарад», говорит так:

*Натуру победить. — Дурак, кто говорит;
Пусть ангелом и притворится,
Да чёрт-то всё в душе сидит* (3, с. 358).

Зло таится и в международных общественных отношениях, противоречия которых нередко разрешаются путём вооружённого насилия, пролития крови и взаимных убийств. Речь идёт о войнах. Их бесчисленная цепь и образует во многом всемирную историю. Для Лермонтова война есть преступление против священного дара жизни, против природы и мира. Зачем люди воюют друг с другом, и что остаётся после их смертоносных битв?

*Зачем?.. Властители вселенной,
Природу люди оскверняют.
Цветок измятый обagrится
Их кровью, и стрела промчится
На место птицы в небесах,
И солнце отуманит прах* (2, с. 142–143).

Но война не есть в чистом виде зло. Имеют место и национально-освободительные войны, в которых люди защищают свою родину, воюют против иноземных захватчиков, часто жертвуют собой и заслуживают не просто оправдания, а великой хвалы и славы. Во-вторых, война есть место для подвига, проявления мужества, отваги и храбрости. Это сфера испытаний и проверки человеческих характеров, определения того, кто ты есть на самом деле: герой или трус, верный патриот и товарищ или предатель и слабак. В-третьих, войны ускоряют ход истории, в частности, индустриально-технический прогресс. Правда, поэт Лермонтов относился к прогрессу весьма опасливо и настороженно, полагая, что он может нарушить чистоту и первозданный порядок природы (стихотворение «Спор»).

В творчестве Лермонтова весьма заметное место занимает тема демонизма, что соответствует романтической традиции. Разнообразные проявления и облики зла в мире, его глубинные корни постоянно привлекали к себе внимание поэта, давая пищу его творческому воображению. Ощущение присутствия в душе демонических сил не покидало его, и можно сказать, что образ демона преследовал Лермонтова всю его жизнь.

*И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда* (1, с. 331).

Но кто такие демоны? Согласно мифам и фольклору разных народов, это — злобные духи, с одной стороны, склоняющие людей ко злу или причиняющие вред, а с другой — это богоборцы, постоянно враждующие с богами. Они являются оборотнями, способными принять любое обличье. Греческая мифология утверждает и о существовании благого демона — даймониона, так называемого демона Сократа, который, пребывая в душе человека, подсказывает ему, как правильно поступить в том или ином случае. С распространением христианской религии демонов стали отождествлять с падшими ангелами, прислужниками Сатаны, изгнанными Богом из рая.

Десять лет Лермонтов упорно трудился над своей знаменитой поэмой «Демон», неоднократно перерабатывая и дополняя её. Известны 8 авторских редакций этой поэмы. По содержанию она представляет собой историю упорного и изощрённого соблазнения грузинской княжны Тамары духом зла, страстно возжелавшего обладать

красавицей. История заканчивается физической гибелью княжны и в то же время спасением её души Богом, которая уносится ангелом в рай. Демон в своей борьбе за обладание Тамарой терпит поражение, несмотря на все ухищрения, лживые обещания и уговоры. Но он не утрачивает статуса могучего бессмертного духа, «вольного сына эфира» и опять возвращается в своё одинокое, унылое и однообразное существование. А вот Тамара, носительница светлой, чистой, целомудренной и, по существу, святой души, умирает от ядовитого поцелуя Демона. Она пожалела духа зла и поверила в возможность его преображения и возврата в первозданное ангельское состояние. Княжна за правду приняла такие слова Демона:

*Хочу я с небом помириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру* (2, с. 531).

Но она жестоко обманулась и в расцвете своей красоты и молодости покинула земной мир. Конец поэмы носит, безусловно, трагический характер.

В поэме Лермонтов показал в яркой художественной форме сложную диалектику борьбы добра и зла, любви и ненависти. Для поэта Демон — это не просто библейский падший дух. В образе Демона он стремился выразить в концентрированном виде мировое зло в плане его обращенности к человеку, проникновения в его душу и жажды овладения ею. Образ получился весьма сложный, многоплановый и противоречивый. Духа зла трудно различить, и его не определить в каких-то чётких зримых контурах:

Он был похож на вечер ясный:

Ни день, ни ночь — ни мрак, ни свет!.. (2, с. 517).

По моему мнению, мировоззренческие выводы, вытекающие из содержания поэмы, могут быть следующими: 1) зло нередко обладает притягательной и соблазняющей силой и совсем не обязательно должно проявляться в уродливых и страшных формах; 2) зло неискоренимо в земном мире, но надо развивать умение и волю противостоять ему; 3) желание преодоления зла побуждает душу к действию и познанию; 4) любовь — великая добрая сила в своей чистоте, сердечности и сострадательности, но и она может быть использована злом в своих интересах; 5) даже носитель зла, благодаря влиянию любви, может восхотеть стать добрым, но это желание всё-таки поверхностно и обманчиво; 6) зло способно праздновать временную победу на земном эмпирическом уровне, но на метафизическом уровне оно обречено на поражение; 7) зло в своей сути ни при каких условиях и обстоятельствах не может превратиться в добро, даже если оно воспринимается в качестве добра в некоторых отношениях и случаях. В свете последнего утверждения давняя традиция рассматривать лермонтовского Демона как поборника свободы и справедливости, восставшего против несправедливых порядков, выглядит весьма спорной и малосостоятельной. Я совершенно не согласен с такими словами: «Демон не падший Ангел, а прозревший Ангел. Демон не носитель зла, а отрицание зла. В его отрицании — подлинно гуманистическое начало...» (Архипов В. Поэзия подвига. Вступительная статья / М.Ю. Лермонтов. Собр. соч. в 4-х т., Т. 1, М., 1969, с. 40). Я не понимаю, как можно такое говорить об убийце человека, причём чистого и святого, каким была княжна Тамара. Да, в жизни и сознании людей добро и зло, положительное и отрицательное бывает часто смешаны, но приписывать богоборцу и носителю зла, каковым является Демон, какие-то позитивные черты вряд ли правомерно и целесообразно.

В заключение вернёмся к вопросу об особенностях религиозности Лермонтова. Упомяну в связи с этим интересную книгу современного Санкт-Петербургского священника игумена Нестора (В.Ю. Кумыша) «Тайна Лермонтова», изданную в 2011 году. В ней основательно и подробно анализируется творчество великого по-

эта в контексте христианских истин, выделяются религиозно-философские аспекты его мировоззрения, нашедшие отражение в текстах созданных им произведений. Игумен Нестор делает справедливый вывод о том, что эти произведения говорят в пользу того, что их автор и в жизни, и в творчестве во многом исходил из христианских ценностей и стремился следовать им. Это притом, что у Лермонтова порой возникали и богоборческие умонастроения. Вот так звучит полная сарказма его благодарность Всевышнему:

*За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слёз, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растроченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я ещё благодарил* (1, с. 490).

Хотя Бог предоставил человеку свободу, но, по мнению поэта, это не снимает с него, как вершителя судеб, ответственности за всё то, что происходит в жизни с человеком. Не слишком ли беззащитным оставил Бог человека на Земле в его противостоянии тёмным разрушительным силам? И, выражаясь карточной терминологией, не слишком ли много козырей позволил Всевышний отдать в руки мирового зла в его противоборстве с добром? Такие и другие подобные вопросы, несомненно, волновали Лермонтова. Библейская история о первородном грехе как главной причине бед и зол человека и о Божьем наказании за этот грех, по-видимому, не слишком убеждала поэта в плане оправдания существующего положения вещей. Во всяком случае, наверно, это наказание для него казалось слишком жестоким и несправедливым.

Но, с другой стороны, Лермонтов глубоко осознавал всю необходимость веры в Бога для человека, которая его одухотворяет, возвышает и учит любить. Им был написан целый ряд великолепных стихотворений религиозного характера: «Ангел», «Ветка Палестины», три стихотворения с одинаковым заглавием «Молитва». В одном из них Лермонтов говорит о благотворительном влиянии религиозной молитвы:

*В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.*

*Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.*

*С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...* (1, с. 457).

Вообще, многие стихи Лермонтова несут в себе религиозный дух. Читая или слушая их, начинаешь ощущать присутствие чего-то великого, возвышенного, а, в конечном счёте, божественного. Известный литературовед Сергей Дурьин, человек глубоко и истинно верующий, в середине 20-х годов прошлого века сделал в своём дневнике такую запись: «Строчка Лермонтова — любая: из стихотворений 1838–

1844 г. — для меня религиознее всего Толстого» (цит. по: Марченко А. М. Лермонтов. М., 2010, с. 487). Вспомним и точку зрения Николая Бердяева на Лермонтова как самого религиозного русского поэта.

Но у меня возник важный вопрос: почему в религиозных по направленности и духу стихах Лермонтова отсутствует Христос, и даже нет упоминания его имени? Есть обращения к Богу как Отцу и Творцу всего сущего, речь ведётся и о молитвах, связанных с Божьей Матерью, но вот поэтических слов, касающихся Христа и его заповедей, нет. Читая книгу игумена Нестора о Лермонтове, стремящейся показать обращённость поэта к христианству, я ответа на указанный вопрос не нашёл. Ничего не остаётся, как попытаться самому ответить на него.

Во-первых, религиозность Лермонтова носит во многом пантеистический характер, о чём уже говорилось выше. Как известно, пантеизм, утверждая присутствие Бога всюду и фактически растворяя его в природе, явно затрудняет восприятие Бога как личности, если не сказать того, что делает это невозможным. А Иисус Христос является богочеловеком, именно божественной личностью.

Во-вторых, по моему мнению, Лермонтов не воспринял таинственной сути воплощения Бога в человеке, не понял того, что трагический разрыв между Богом и человеком ликвидируется именно через такое воплощение и что Христос как богочеловек и есть разрешение противоречия между Всевышним Творцом и его главным творением.

В-третьих, христианские проповеди смирения, покорности, преодоления гордыни, наверно, как-то не укладывались в душу Лермонтова, бунтующую против несовершенств бытия. Только в некоторых поздних его стихах стал появляться мотив смирения и согласия с действительностью:

*Люблю я больше год от года,
Желаньям мирным дав простор,
По утру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор* (1, с. 521).

Таким образом, можно сделать вывод, что христианство для Лермонтова не стало живой связью с Богом через его сына Иисуса Христа, несмотря на всю его устремлённость к небу и Богу. Но поэт ушёл из земной жизни в неполные 27 лет, и его мировоззрение, включающее и религиозные верования, не обрело своих окончательных устоев. Я соглашусь с мнением игумена Нестора о том, что в эволюции своих взглядов Лермонтов шёл от богоборчества не к богоотрицанию, а к богосынству, а значит, и к верному восприятию Христа.

Великая трагедия заключается в том, что Лермонтов погиб на взлёте своего литературного гения и лишь в небольшой мере реализовал колоссальный творческий потенциал. Сколько бы об этом привычно не говорилось, а чувство горечи от столь несправедливой ранней утраты великого русского поэта не исчезает. Народная молва приписывает такие слова Льву Толстому: «Если бы этот мальчик остался жив, не нужны были ни я, ни Достоевский». Наверно, есть преувеличение в этих словах, и Толстой вместе с Достоевским всё-таки были бы нужны и незаменимы при живом Лермонтове, но в них звучит признание огромного значения творчества Лермонтова для развития русской литературы, да и всей отечественной духовной культуры в целом.

Наш окраинный мир во дворе
без вражды умещался под вечер,
а потом – на бессмертной заре –
шёл доверчиво небу навстречу...

Месяц – тёплый, как хлеба ломоть.
Звёзды – пышки из райских пекарен.

С неба слушают маму Господь,
молодой мой отец и Гагарин.

* * *

Памяти сына Ивана

В году, уходящем за сферы небесного льда,
где бывшее время сквозь космос
 безмолвно струится,
где свет возрастает горчичным зерном,
навсегда
остался мой сын...
«Ни единая малая птица
не будет забыта...» *дарована

ВЕЧНОСТЬ И ВАМ,

утраты земные...
 Как мало погрелся от солнца
 отцовской любви безоглядный
 мой мальчик Иван,
 мой сын, не познавший нелёгкого
 счастья отцовства!..

Поверил бы в то, что написано так на роду,
и в неотвратимость внезапных,
как взрыв, расставаний,
когда б не лежали на кладбище
в каждом ряду

такие же дети,
такие же русские Вани...

«ТЯЖЕЛО В ДЕРЕВНЕ БЕЗ НАГАНА...»

На душе не то чтобы погано,
но ещё не вышел из «пике»...

«Тяжело в деревне без нагана...» –
раздаётся песня вдалеке.
Кто горюет? Кто там спяну злится?
Кто в душе слова такие свил?

... Пригодилась местная земляца
для постройки загородных вилл.

Нервный, словно в поисках стакана,
кто я здесь, бесцельный, из каких?
«Тяжело в деревне без нагана»,
если в ней — так много
городских...

* * *

Шёл да шёл — настойчиво, да малость
заблудился: к свету — не пройти...
Вдовая деревня повстречалась
на заросшем временем пути —
хворая, согбенная, глухая...
Кто её оставил здесь — одну?

Ветер — ни на миг не затихая —
смертным воем плачет на луну;
точно волк, забытым рыщет полем,
ищет с небом прежнее родство...

К свету шёл, а только здесь и понял,
что деревня — матушка его.

* * *

Пока не знаю, что к утру останется
от ночи еле тёплой...

ругаются окраинные пьяницы;
ворочается месяц в конуре

* Лк. 12. 6

Вселенной...

В нашем доме пятиярусном
нет звукоизоляции — слабы
панели в этом смысле,

если яростно
сигналит ночью джип Али-Бабы —
хозяина базарчика ближайшего,
собака лает с джипом заодно...

Отсутствие порядка надлежащего
спать не мешает гражданам давно —
машины рёв, ночные вопли шальные,
нетрезвых происшествий череда...

Хочу я, чтоб ничто не помешало им
проснуться — добрым людям — как всегда.

Увы, не знаю каждого по имени —
ни их, ни обитателей двора,
и даже врать не буду, что ни злыми, ни
похмельными не видел их с утра...

Есть в нашем доме «белые» и «красные»,
но не про нас ни драки, ни война...
Причина есть — хотя мы люди разные,
над нами крыша всё-таки одна.

* * *

Что стоит жизнь моя — пятак?
алтын? — Никак не разберусь я...

Пошёл гулять — увидел, как
ромашку нюхает бабуся.

Вот так живёшь — болеешь за
своё пустое, за обличье...
А тут — зажмурила глаза
старушка,
нежное мурлычет.
Светла бабуся и... юна!
Не важно, восемьдесят, сто ли
годов ей — ведаёт она,
ЧТО жизнь
на самом деле стоит.

* * *

Решили жители не сами —
решило некое Лицо
Оттуда. В общем, приписали
намедни к городу сельцо.
Теперь тут люди городские
живут... Горюет дед Пихто:
«Стал городским я за какие
грехи незнакомые? За что?..»

* * *

Проснуться рано — верная примета:
к большому дню окраины родной.

... Тревожит самочувствие рассвета,
лай во дворе и кашель за стеной.

Житуха! Из подвального оконца
парит — необитаемый подвал...

Тревожит вид болезный
незнакомца —
сердечник или водки перебрал?
О чём больном горюет втихомолку?

Вдоль здешних троп цветёт себе осот...
И почтальонка пенсии посёлку,
как похоронки, медленно несёт.

РОЖДЕСТВО

Январский день — спокоен, светел,
как задушевный разговор:
его теплом приютным встретил
Христорождественский собор.

Роддом — напротив... Не иначе,
как перед выпиской: льняной,
как распашонка, — свет маячит
в казённых окнах, но — родной...

И — тени тают ледяные!
А на снегу — встречай, страна! —
с утра папаши молодые
родные пишут имена.

* * *

Метель — по всем приметам — на подходе:
она могла не радовать меня,
но ... вызывает в нынешней погоде
большое солнце завтрашнего дня...

И вот оно — Природы вечной буйство!
Но я — один из смертных на земле —
лелею в сердце солнечное чувство
необъяснимой нежности к зиме.

НА ДОМБАЕ

Туманлыкель внимает Гоначихиру**...

Свою родню — и разве он один? —
боготворит сдающий мне квартиру
черкес Шебзухов Миша — Мухадин.

С восторгом о родном своём ауле
(у нас — вино, беседа) говорит —
о сыновьях, жене любимой Зуле —
друг Федя, карачаевец Фарид.

Тот и другой с душевным интересом
внимают мне. А в целом, как родня,

* Озеро и река в ущелье Гоначихир

по-русски карачаевец с черкесом
друг друга понимают. И меня.

* * *

Чай заварю... Излишне громок
кухонный кран, а тишина —
хрупка...

Сейчас — ты мой ребёнок,
моя безгрешная жена.
К тебе — приходят сны благие,
а я — задумываюсь над
тем, что непросто на богине
жениться было в пятьдесят...

От счастья, видимо, не спится...
А желтогрудая луна
на ель присела, как синица,
напротив нашего окна.

Как муж (не временный — законный)
держусь за солнечную нить
сна твоего...
А кран кухонный
придётся всё же починить...

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

В ЦЕНТРЕ ЗЕМЛИ

русское бытие в поэзии Юрия Перминова

Огонь, мерцающий в сосуде...

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

... и здесь от соседства немного совсем до родства.

Юрий ПЕРМИНОВ

Пожалуй, никогда ещё не было в нашей словесности столь явного противостояния поэзии мысли и поэзии чувства, как сегодня. Во многом это связано и с тем, что в ли-

тературу ринулись шеренги людей, полагающих, что стихи писать — как стакан воды выпить. Кроме того, прививку сухого ума, полученную от Бродского поистине в промышленных масштабах, современная русская поэзия должным образом, увы, ещё не «переварила»: важно взять всё новое и художественно-привлекательное, а иное, скучное и субъективное, напоминающее бесчисленные образцы авторского стиля, отложить на дальнюю библиотечную полку. Так не получилось, и новые юные поэты горстями высыплют песок рассудочных сентенций в собственные строки, вместо того, чтобы уронить в них органичный образ, подобный родниковой влаге.

Одновременно лирические высказывания, переполненные переживаниями и чувствами автора, порой катастрофически теряют предметность и вываливаются в некую сферу «хороших поступков и правильных соображений», что так часто встречается в описях духовной и гражданской тематики.

По существу, в стихах сегодня утрачиваются тяга поэта к живописанию постоянно обновляющегося мира, стремление угадать вечное — в мимолётном. Наконец, желание превратить мысль в яркое слово и не засушить притом всё живое, что эту мысль поддерживает и даёт ей дыхание.

Поэзия Юрия Перминова являет собой удивительное исключение из этого наблюдения. В духе лучших русских поэтов прошлого у него, практически, всегда жанровый образ сочетается с авторским осмыслением происходящего. Обладая вкусом к жизненным мелочам, человеческим приметам и характерам, Перминов своими художественными пристрастиями вызывает в памяти, на первый взгляд, контрастные стихи Заболоцкого — как ранние «Столбцы», так и позднюю «Некрасивую девочку». В последнем стихотворении зрение и мысль автора находятся, кажется, в истинном соответствии с главными задачами поэзии: увидеть — понять — передать читателю средствами лирики.

Стоит добавить ещё одну творческую составляющую, отчётливо характеризующую поэта — прошлого и настоящего: остаться жить в мире, который стал вдохновителем твоего слова и ума, не отделять себя от него, не бежать прочь — без сожаления и не оглядываясь.

Спросило бы время: «Ты гдешний?» — ответил бы: «Свой».

Такой, что другого рассвета — ни капли не надо.

... Рассветное время пульсирует влажной листвой

кустов облепихи, живущих напротив детсада.

Пока — тишина... До неведомой близкой поры

она — по соседству — ещё уживается

с нами,

людьми, обречённо зовущими с Лысой горы

безбожного шума, базарного ора цунами...

Но — утро: мамыши ведут ребятишек в детсад,

и время надеждой, пока невесомой

и тихой,

как бабочка,

дышит над городом утреним, над —

Бог ведает, сколько живущей у нас — облепихой.

Невозможно жить исключительно смыслами, не замечая или сознательно отстраняя от себя ход жизни — многообразный и многоорождающий. В её горниле, в её плавленном котле сосредоточено столько оттенков и значений, что ум человеческий не в силах справиться с этим бесконечным рядом, вернее — с этим бездонным колодцем, погружение в который происходит ежечасно и ежеминутно. И оно дарит человеку не только печаль, но и умиротворение. Только так может существовать наш мир, ибо душа человеческая не в состоянии вынести внутри себя трагедии разрушенных вселенных — вчерашней и сегодняшней, внутренней и внешней, потаённой и очевидной.

В стихах Юрия Перминова авторское упование на саму материю жизни очень хорошо видно — «душесохраняющее», врачующее, по-детски способное к обновлению с каждым новым утром. Его лирический герой постоянно выходит во «внешнее» пространство.

На улицы родного посёлка: «Меня вдыхает осторожно // проспект, голодный на тепло», — как по-звериному тонко чувствует автор реальность!

На рынок: «На капоте старенькой бибики — скорбная свиная голова. // Дряхлый пёс вылизывает крошку // костяную... Божьих птичек рать — // гоножится... Вёдрами картошку тётеньки пытаются продать <...> согреваю сердце, покупая // у бабули тёплые носки». С героем Перминова случаются некие странные или забавные истории, на первый взгляд — совершенно житейские. Однако между предметами и людьми, погружёнными в суету, разлито, будто эфир, какое-то животворящее молоко, в котором и тепло, и уютно, в которое и тянет — и в нём ты уже в действительности находишься.

Наконец, просто за дверь собственного дома: «Сквозит в подъезде, словно в конуре // у пожилой, некормленной собаки», — с удивительной достоверностью схвачена и психологическая атмосфера, и обстановка небогатого жилья.

*... рассвет
встаёт из-за ближайшей теплотрассы,
где чутко, без мобилы и гроша,
укрывшись несминаемой рогожей,
спит Вечный Бомж, настойчиво дыша,
ни на кого на свете не похожий.*

Здесь и горькая русская переключка с библейским Вечным Жидом, и горечь от гибнущей человеческой неповторимости, и, наперекор всему — жизнелюбие у бездны на краю: «**настойчиво дыша**»!

Трагичный русский мир — тот космос, в который включено бытие героя Перминова как alter ego автора. В нём много несправедливости, но и скрытой взаимной тяги людей друг к другу.

В нём часто встречаются грубость и некрасивые лица, но сердечное понимание правды и красоты всё-таки таится почти в каждом.

В нём сор жизни очевиден, но также доступен внимательному и родному взгляду мерцающий контур бытия русского человека, терпеливо несущего бремя нового века.

Герой Перминова не боится этого «крошечного мира» и не чуждается его: «не на века злая сила». В стихотворениях отчуждения **внутреннего** уединённого пространства смыслов от всего **внешнего** (активного, предметного, самовластного) нет совершенно. С течением времени поэт обрёл удивительное художественное равновесие. И теперь на фоне собственных гротескных сюжетов может произнести исполненные художественной полноты слова: «в этом обычном, надеюсь, и вечность сама».

Или же одухотворённо и совсем просто сказать:

*На тихий дом наш, как на аналой,
легла страница утреннего света...*

Стоит заметить, что у Перминова в стихах заметны интонации юродства, когда его герой будто впервые видит нестроения мира и говорит об этом с наивной логикой, словно бы детской и «безопытной» по отношению ко всей минувшей и текущей жизни. Такое умозрение, отражённое в поэтическом голосе, позволяет автору поверять окружающий мир на «подменность», исходя из начальных представлений о добре и зле. Нескладная провинциальная жизнь, которую поэт представляет как бытийную хронику «окраины», тягостна и просветлена одновременно. Из неё не ушли ещё прежние представления о хорошем и плохом, о великом и малом, а старый деревянный переулочек кажется «обветшалым подлинником» очередного каменного района.

*Так и живём: питаемся не манной
небесной — варим скудные борщи.
К полудню здесь остатками тумана
дрожащими — хоть горло полощи.*

*Нам фигушки показывают, врут, но
посёлок наш — не место для тоски.*

*Так и живём: считается, что трудно.
А мы не так считаем — по-людски.*

У Перминова далёкая от столицы «окраина» становится символом центра родной земли, примером прочности русского человека. Самые разные характеры, коллизии, картины быта поэт изображает с изначальной добротой и терпеливой любовью к людям: «Всех жалей... <...> Слов бабуля выдохнула мало, // но сказать мне главное — смогла». Его строки оказываются той художественной пробой, людской и житейской, которая характеризует Россию в наши дни. И подтверждает: широта, терпение, приверженность правде и справедливости, стремление к любви и дружбе не оставили русское сердце, только голос их сейчас чуть тише, нежели десятилетия назад, и нужна воля, чтобы он зазвучал в свою полную силу.

В стихотворениях Юрия Перминова мир весьма плотен, вязок. А всё воздушное, невесомое, в основном, связано с песней и её прозаическим отголоском — просторечием. Оно звучит в разговорах старушек, в репликах измученных злобой дня работяг и ещё крепких дедов, в чудном сне, в котором тёплая древность спорит с холодной новизной:

«на лавочке бабушки в сборе <...> и светится в их разговоре // каждое слово, не важно — о чём и о ком»; «ты, паря, снег подбрось до города — // его там не было ешшо!»; «снилось мне: спало в овраге лихо, // а избушка — по лесной тропе — // словно гриб, как старая ежиха, // белый дым тащила на трубе».

И ещё — с небом, рассветом и закатом, с пространством, которое живёт по не-земным законам. В какой-то момент они властно раздвигают тесноту сложившегося распорядка предметов и позволяют поэту видеть далеко и идти куда угодно беспрепятственно:

*С бессмертными родными небесами
сливается окраина моя.*

Здесь дан не только зрительный образ соприкосновения земли и неба, но обозначено принципиальное для русского человека созерцание, которое в поэзии Перминова играет роль лейтмотива — то явного, отчётливо выраженного словами, то едва уловимого, легко касающегося человеческого поступка, переживания, житейской картинке. В этом бытийном уделе видимая простота забот и явлений отодвигает ответственность речи и побуждения, и, казалось бы, жанровая зарисовка становится ещё одним штрихом терпеливой жизни духа.

*... Снова под окнами вырастут лук да редиска,
снова придёт понимание сущего: под
прессом тревог и житейского буднего риска
сердцу не надо
дарованных сверху свобод.*

В стихах его очень часто встречаются птицы, деревья, зелёная поросль, словно бы напоминая читателю о красоте и дыхании земли. Живые приметы соединяются с бытом и воссоздают мир, в котором есть тепло и радость. Из сумерек повседневности искрит бытие, свидетельствуя о жизни и смерти, добре и зле, труде и сердечной заботе.

Интонационно Перминов пишет очень мягко, уступчиво, однако фактура его стиха чрезвычайно насыщена деталями. Кажется, что он не обводит окружающий мир взглядом, что так характерно для современной самовлюблённой «поэзии ума», но успевает, не торопясь, обойти все закоулки и поговорить с каждым прохожим. А потом — словно по волшебству, ускоряет бег времени, и этот обход, измеряемый часами, оказывается для читателя почти моментальным.

Человеческое касание предмета, дерева, земли с течением мгновений у поэта не угасает, а существует если не на равных с реальностью, то как будто во втором ряду — не по значению, а по задаче — поддержать под локоть, помочь сохранить осанку прямой, не гнуть спину под гнётом обстоятельств («тепло от яблонь солнечно ко мне // плывёт сквозь годы — бережно, не тая»).

И здесь стоит упомянуть об одной стилевой особенности поэзии Юрия Перминова.

Он любит синтаксические переносы, порой разрывает длинное слово на две части и рифмует уже не смысловую единицу, а морфему. Это придаёт его лирическим стихам оттенок игры, лёгкой шутливости и улыбки, добродушной авторской самоиронии, что несколько снижает пафос высоких слов, но позволяет поэту касаться их безбоязненно и не редко.

Склонность к конструктивистским приёмам в контексте стихотворений Юрия Перминова говорит о характере автора порой даже больше, чем суждения его лирического героя. В поэте живёт некое правило, которое находится в согласии со всем его существом. До времени оно скрыто, но в какой-то момент заявляет о себе и включается в стремительный поток наблюдений, омывающих творческое сознание. Это видимый край того внутреннего духовного и мировоззренческого чертежа, который позволяет художнику «укладывать» постоянно меняющуюся реальность в связную картину. Лёгким пунктиром его линии проявляются в герое и действительности, когда они ложатся на бумагу в полном соответствии с волей автора.

*В ночь сырую, глухую — народную песню запели
так, что выплыл из хлябей луны золотой апельсин,*

*не бичи заплутавшие — наши родные кудели,
тот же самый народ прииртышских моих палестин.*

<...>

*В центре мира живём — иногда засыпая под песню,
иногда просыпаясь. К примеру, сегодня, когда
дышит вечное небо над нашей несуетной весью,
как над люлькой — теплом.
И от ночи сырой — ни следа...*

В стихотворениях Перминова песня — самовольная и самовластная стихия, по существу — синоним поэзии, точнее — её образ. Она влечёт к себе не только душу автора, но и всех иных людей, которые отчётливо или мимолётно появляются в его сюжетах. Именно песня высвечивает и вычерчивает все извивы характера русского человека и его сокровенную глубину. И она же помогает сшить воедино фрагменты разорванной памяти, соединяет чувства сегодняшние — со вчерашними.

Для поэта взаимоотношения новой эпохи со старыми временами достаточно сложны. Он с сочувствием относится к современникам, которые стараются тянуть семью и растить детей — несмотря ни на что. Они надрыдают сердце, пьют горькую, шумят и скандалят, но во всех бьётся пульс жизни, которая в состоянии превозмочь немислимые тяготы и беды («фразу «жить на что-то надо» // короче сделать: «надо жить»).

*А женщина — храни, Господь, её! —
удерживает мир от безрассудства,
развешивая детское бельё.*

На старом семейном снимке — прадед, вся грудь его — в медалях и крестах. Он «заживо сгниёт под Сыктывкарком». Рядом — дед, ещё мальчик. Перед самой войной он построит дом, «да не успеет в этот дом вселиться — // погибнет на десятый день войны».

*... Простые — удивительные! — лица.
В глазах — тепло. Ни боли. Ни вины.
Весёлый прадед — бравый есаул,
и дед — мальчиш. Он держится за стул...*

*Такой вот снимок у меня хранится...
Хотя он стар, как лист осенний, жёлт,
я чётко вижу: сын отцом гордится.*

... Год, кажется, семнадцатый пошёл.

Тут нагляден конфликт, прошедший через каждого русского человека — октябрь 1917 года. Но важно вот что: сегодняшний взгляд видит, как «сын отцом гордится», и эта непрерывная родовая нить скрепляет страшную историю России XX века. Дед сложил голову уже не за Российскую империю, а за Советский Союз, хотя в холодной северной земле закопан его погубленный Советами отец. И внук для себя определяет со всей возможной твёрдостью: «Но знаю то, что холода // встречать на родине — теплее». Потому что родина — это земля, а не государство.

На родине «время утицей белой плывёт // на рассвете далёкого мая». 1961-й, дома барачного типа, «инвалиду войны сорока // нет ещё — из квартиры над нами».

*Наш окраинный мир во дворе
без вражды умещался под вечер,
а потом — на бессмертной заре —
шёл доверчиво небу навстречу...*

*Месяц — тёплый, как хлеба ломоть.
Звёзды — пышки из райских пекарен.*

*С неба слушают маму Господь,
молодой мой отец и Гагарин.*

От тех лет остался в парке гипсовый танкист, одиноко стоящий «в холодном свете скомканной луны», издалека похожий на пошлого героя уже нашего времени («мужик неясных лет <...> кто он — дистрибьютор? // разбойник? дилер? просто бомж?»). И слышно, как кто-то одиноко плачет, ночной и бесприютный. Это голос прошлого, которое отодвинули на задворки нынешней культуры в суете настоящего, в поисках лучшей жизни — без совести, любви, горечи, слёз раскаяния... Собственно, не русской жизни, потому что подлинному русскому человеку такая она — не нужна.

Родина — вот главная тема стихотворений Юрия Перминова. Он видит бесчисленное множество её примет, хороших и плохих, её людей — таких разных, но взаимно близких по чувству земли и воды, мечты и памяти, смеха и рыдания. Любое слово поэта обращено в это пространство русского духа.

Приходят и уходят времена, стираются слова, гаснут звуки песен — но русское дыхание, кажется, исходит самой землёй нашей, скорбной и великой.

*Так и жил бы до смерти, как нынче, — дыша
миром наших окраин, когда надо мною —
как Всевышнего длань — небосвод...*

С Иртыша

сквозняки наплывают — волна за волною.

*Незабытым, несуетным прошлым богат
мир окраин моих, словно вечным — планета...
Одинокaя память родительский сад
опахнула неслышимой бабочкой света...*

АВТОРЫ ЖИВУТ В ТАТАРСТАНЕ

ДМИТРИЙ ЦЫГАНКОВ

ДОЧЬ

рассказ

I

Дивную историю довелось подслушать Ивану Кузьмичу за обедом в вагоне-ресторане. И пропустил бы Иван Кузьмич эту историю мимо ушей, если бы не мелькнуло знакомое название деревни — Разливы. Именно в эту деревню он и направлялся с дочкой в отпуск. А услышал Иван Кузьмич в разговоре двух подвыпивших мужиков, сидящих за соседним столиком, следующее.

Утром в одном из дворов деревни объявился дьячок из церкви, что находилась в соседнем селе. Хозяин двора видел этого дьяка впервые, но поскольку в церкви бывал редко, по великим праздникам, то человек в рясе не вызвал у него никакого подозрения. Дьячок попросил хозяина, чтобы тот отпустил свою жену Настасью помочь прибраться в церкви перед предстоящей Троицей, заверил, что это ненадолго, и сказал, что просьбу передал сам настоятель церкви. Федька, так звали хозяина двора, знал, что жена всякий Божий день старалась не пропускать ни одной церковной службы и не ленилась за четыре версты ходить по два раза на дню в соседнее село. Знал, что супруга частенько вставала на клирос вместе с певчими, поскольку имела ангельский голос. Федька не больно верил в Бога, но жене не запрещал отлучаться от хозяйства и отстаивать утренние и вечерние службы. Фёдор отпустил Настасью и дал наказ, чтобы та не задерживалась и поскорее возвращалась домой. Но Настасья к вечеру не вернулась, и рассерженный Фёдор пошёл сам до церкви узнать, в чём дело. И каково же было его удивление, когда батюшка с недоумением ответил, что никого никуда не посылал. Настоятель поведал, что дьяк у них один, служит исправно много лет и никаких других служителей он не знает. Озадаченный Федька вернулся домой. Что тут можно было подумать? Подождал день, другой. Но ни через день, ни через два, ни через месяц и ни через год Настасья так и не объявилась. Пропала жена. Федька погоревал, да вскоре женился на другой. Про Настасью старался не вспоминать. По деревне об этом всякие слухи ходили, но в стране случилась революция, свергли царя, и всем уже было не до судьбы таинственно исчезнувшей Настасьи...

Иван Кузьмич припомнил, что в детстве слышал от своей тётки эту историю и поэтому напряг слух, чтобы освежить память и не пропустить в разговоре земляков каких-либо подробностей. Мужики продолжали рассуждать:

— Верно тебе говорю — без нечистой силы здесь не обошлось...

- Давай, давай... ври дальше!
- Люди зря не скажут! Говорили, что за болотами издревле старый колдун жил. Он-то и обернулся дьяконом, чтобы девицу во служение к себе в лес забрать... или в жёны. А ещё бают, что колдун тот — самый что ни на есть дьявол!
- Ну, ну... И куда же он теперь подевался? Помер?
- Дурак! Как дьявол помереть может? Возможно, он до сих пор там и живёт. И Настасья с ним! Одно знаю, да и ты об том знаешь, — за болота в лес народ никогда не ходит.
- Да, верно говоришь! Сколько себя помню, опасаются люди в тот лес хаживать...
- Про что я тебе и толкую!..

Вернувшись в купе, Иван Кузьмич залез на верхнюю полку, лёг на спину, и, закрыв глаза, предался воспоминаниям.

Чем дальше поезд увозил Ивана Кузьмича от Москвы, тем учащённей билось его сердце, чувствуя приближение к родине и предвкушая встречу с ней. Всё отчётливей из памяти являлись пейзажи родной деревни — заросшие до окошек дягилем и крапивой приземистые рубленые избы, резные гребни и свесы крыш над широкими воротами подворий, благоухающие зелёные сады. Откуда-то из глубин прошлого возникали до боли знакомые образы односельчан — босоногих друзей, златовласых девчонок, с которыми гонял чижа за околищей; вырисовывались душевные лица милых стариков с добрыми, заботливыми взглядами. Иногда эти видения возникали и раньше, в ставшей повседневной столичной жизни, но их, словно мокрая тряпка стирает со школьной доски мел, вымывали из сознания Ивана Кузьмича грубые очертания города с его серыми фасадами высоток, заглушал отупляющий клаксонный гул проспектов, отчуждал шаркающий шум толпы, с отрешённым видом перемещающейся по широким улицам столицы. А сейчас в вагоне осязаемый воображением дух родины вытеснял из лёгких вязкий, едкий, удушшающий смог городской атмосферы и обыденности. Последний раз Иван Кузьмич был в деревне десять лет назад, когда хоронил мать, на один год пережившую отца.

Иван в детском возрасте не мог осмыслить, по какой причине у его сверстников имелись загадочные члены семьи, именовавшиеся дедушками и бабушками, а у него таковых не было. Со слов друзей они были очень великодушными людьми, одаривающими своих внуков щедрыми подарками и баловавшими их всякими сладостями. После рассказов об очередных подарках, завидуя ребятам, Иван прибегал домой и начинал донимать мамёнку расспросами. Почему у соседских Петьки и Зойки есть столь удивительная родня, а у него из всех родственных душ за порогом лишь суеверная тётушка да вислоухий пёс Пират? Мать всегда отвечала одно и то же, что его бабушки и дедушки живут очень далеко, на каком-то крайнем севере, откуда добраться до деревни невозможно. И только когда Иван подрос, мама поведала подлинную историю о трагедии, постигшей семью. Родители матери и отца Ивана были из одной деревни и все они погибли во время войны. Сначала деревню заняли немцы. Затем пришли партизаны, расстреляли немецких солдат и подожгли дома, в которых они квартировали. Во время поджогов на белой лошади прискакал молодой лейтенант Красной армии. Эту подробность мать никогда не упускала, словно молоденький лейтенант был членом их семьи. Откуда он взялся? Молодой, в новом обмундировании, он хотел остановить поджоги. Но партизаны сочли нужным расстрелять и его, мешавшего своими действиями исполнять приказ Ставки Верховного Главнокомандования под номером четыреста двадцать восемь. Партизаны ушли в лес. А потом пришёл немецкий карательный отряд и казнил многих жителей деревни. В числе казнённых были и прадеды Ивана.

В деревне из родных у Ивана Кузьмича в живых осталась только старенькая тётя Фрося с сыном и его семьёй. К ней, двоюродной сестре своего отца, он и ехал. К ре-

шению взять отпуск и наведаться в родную деревню побудило и иное обстоятельство. И этим обстоятельством стала его дочка Катя. Верней проблема, связанная с дочкой. Возникла эта проблема после приезда Кати из летнего лагеря.

Боялся Иван Кузьмич отпускать пятнадцатилетнюю дочь в лагерь, и, сколько ни отговаривал жену от этой поездки, приводя свои аргументы, в конечном счёте, сдался убеждениям жены. Доводы жены состояли в том, что Катя постоянно сидит дома, заточив себя добровольно в четырёх стенах, со сверстниками общается только в школе, и что лагерь — это то самое место, где Катя сможет вытащить из скорлупы замкнутого пространства свой внутренний мир на белый свет и наберётся новых впечатлений из реальной жизни, а не из книг, которые заменили ей и друзей, и подружек. Иван Кузьмич на уговоры жены выразительно кивал головой и с сарказмом громко хлопал в ладоши, всем видом давая понять, что он категорически не согласен. В то время, когда, возвращаясь после работы домой, заходя в подъезд, приходится каждый раз смахивать ногой с лестничной площадки использованные шприцы, когда каждую ночь за окном слышны дикие крики дерущейся молодёжи, жена, видите ли, не довольна тем, что их дочь сидит дома и читает книги. Да любые родители позавидовали бы им, что дочка постоянно на глазах, а не шатается бесцельно с сигаретой в зубах и с банкой пива в руках по подворотням с оголтелой шпаной! Но жена на возражения цокала языком, говорила, что муж её не понимает, что не так всё страшно, и что в лагере она будет под постоянным присмотром. Иван Кузьмич опять отстаивал свою позицию, доказывая, что и в лагерях сейчас бардак — на работу берут с улицы кого попало без педагогического образования, без санитарных книжек. Целый вечер кипели страсти, что явилось для семьи событием из ряда вон выходящим, и, в конце концов, чтобы закончить затянувшийся спор, Иван Кузьмич всё же отступился, о чём сейчас искренне сожалел. «Кто в доме мужик? — размышлял Иван Кузьмич. — Конечно, я! Надо было не в ладоши хлопать, а стукнуть кулаком по столу, настоять на своём, но не получилось... Ну их... этих женщин. Говорят одно, думают другое...»

В летнем лагере случилось то, чего Иван Кузьмич опасался больше всего — первая влюблённость дочки. Боялся Иван Кузьмич не самой влюблённости, что естественно для её возраста, а, зная ранимый характер Кати, вытекающих последствий. Отец пытался понять, что сейчас творится на душе у дочери, чтобы хоть как-то попытаться вывести Катю из состояния депрессии, в которой она пребывала уже целых две недели. При своей чувствительной натуре Катя была ребёнком дисциплинированным и уравновешенным. Родители утешались тем, что их чадо не капризно и в быту не доставляло никаких хлопот. Без всяких нравоучений и принудительных мер дочка всегда стремилась быть прилежной ученицей в школе и помощницей в домашних делах. Катю никогда не надо было после школы насильно усаживать за уроки и не приходилось лишний раз напоминать, чтобы прибралась в комнате. Внутренняя самодисциплина, безусловно, благоприятно повлияла на становление устойчивой психики Кати. Она была девочкой спокойной, рассудительной, вежливой, в школе у неё редко возникали конфликты с одноклассниками и, тем более, с учителями. Но если случалась какая-нибудь неприятность, то Катя сразу замыкалась, искала причину возникшей проблемы и старалась перебороть и погасить в себе переживания. Вот и сейчас Иван Кузьмич посмотрел на дочь — вроде бы она, подперев ладонями подбородок, любитесь проплывающими за окном пейзажами, но взгляд её бирюзовоголубых глаз застыл в одной точке приоткрытого окошка и был таким же потускневшим, как грубое, запылённое, холодное стекло.

Иван Кузьмич повернулся набок. Как разговорить дочь? Там в Москве, сколько ни пытался он выяснить причины несчастья дочери, всё без толку. Бархатистый голос Кати,

всегда уверенный, настойчивый и жизнерадостный, вдруг осекался, и она начинала говорить тихо, невнятно, будто разговаривала сама с собой. Про любовь поняли потому, что дочь после приезда тщетно пыталась дозвониться какому-то Гене. «Пусть всё переварит. Не стоит пока приставать с разговорами. Только хуже сделаю, — рассуждал Иван Кузьмич, рассматривая печальное лицо дочери. — От меня ей только родинка на левой щеке досталась. Всё остальное от жены — выразительные глаза, тонкий нос, слегка изогнутые брови, пухленькие губы, белокурые волосы, которые она с двенадцати лет перестала заплетать в косички. Перестала, потому что не хотела выделяться простотой на фоне одноклассниц, носивших на голове причёски, которым и названия-то трудно подобрать. Стала зачёсывать волосы назад, прижимая их ободком, и ровно подстригая на уровне лопаток. И пряди спадали волнами так же как у матери. Внешностью вся в маму. А жена у меня — красавица! И дочка выросла красавицей. Только, видно, Бог красотой не награждает, а посылает её, как испытание человеку, или даже, как наказание... Особенно для родителей. Будет теперь за дочерью всякая нечисть хвостом увиваться. И мать в молодости приходилось от всяких подонков отбивать. Да, определённо копия мамы. Это хорошо! Что бы стало, если бы она на меня походила?»

Если бы дочь и выросла больше похожей на отца, чем на мать, то в том не было бы ничего дурного. Воплотилась бы Катерина не в блондинку с голубыми глазами, а в кареглазую брюнетку. И гены отца были ничуть не хуже материнских. В свои сорок пять Иван Кузьмич выглядел намного моложе своих лет, поскольку приветствовал здоровый образ жизни и был лишён вредных привычек. Спиртное воспринимал как необходимое дополнение к праздничному столу, выпивал в меру, сторонился шумных малознакомых компаний и не любил рестораны, предпочитая домашнее застолье в кругу семьи и друзей. Охоту к курению поначалу отбил отец, когда Иван в восьмом классе стянул у него папиросы. Тогда отец взял кожаный выючный ремень и за милую душу отхлестал сына. И отхлестал не только за курение, но и за воровство, и за враньё, что не брал папирос. В молодости, работая на заводе, Иван несколько раз пробовал начать курить, чтобы не огорчать мужиков, звавших его на перекур. Но это занятие ему не пришлось по нраву, и с курением он завязал раз и навсегда. Ещё в институте Иван увлёкся гиревым спортом и до сих пор не бросал для поддержания формы тягать по утрам двухпудовую гирю. В институт, воплощая свою мечту стать архитектором, Иван пытался поступить сразу после школы, приехав из деревни в Москву, но первая попытка стала неудачной. Провалив вступительные экзамены, возвращаться в деревню молодой человек, вставший на стезю самостоятельной зрелой жизни, не видел смысла. По воле случая посчастливилось устроиться слесарем на машиностроительный завод, получить койку в общежитии, и только через год Ивану удалось сдать экзамены и стать студентом.

В институте Иван и познакомился со своей будущей женой Полиной. Учились молодые люди на разных факультетах. Полина первой проявила интерес к высокому, широкоплечему парню, выделявшемуся из однородной массы студентов атлетическими формами и уверенной походкой. Потом уже Полина заметила сходство своего жениха, за исключением цвета волос, с образом Алёши Поповича — героем известной картины Васнецова. Девушке понравилось мужественное и в то же время открытое лицо парня с добрым, внушающим доверие, пронзительным взглядом горящих глаз. Полина стала называть Ивана богатырём, приехавшим в стольный град из деревни растративать силушку на постижение премудрых наук. На ладно сложенную, обаятельную Полину тоже было трудно не обратить внимания. Светлые мягкие волосы, здоровый румянец на щеках подчёркивали ярко выраженные черты её славянской внешности. Ивану после знакомства не раз в буквальном смысле слова на кулаках приходилось доказывать кавалерам-воздыхателям, которым не переводилось счёта, своё право на ухаживание за

восхитительной блондинкой. Любовь между молодыми людьми возникла сразу, и всё свободное от учёбы время они старались проводить вместе. После окончания института сыграли свадьбу. Полина была москвичкой, и с жильём на первых порах проблем не возникло. Дочка родилась на шестой год совместной жизни, молодой паре удалось создать крепкую материальную базу до её появления в семье.

Иван с Полиной были убеждены, что лучшее воспитание — это собственный пример. Не надо насильно навязывать ребёнку мнения, взгляды и суждения. Он сам возьмёт от своих родителей всё самое лучшее, нужное, важное. Катя росла ребёнком спокойным, послушным и с её воспитанием за пятнадцать лет никогда не возникало проблем. Родители были спокойны, видя, как дочь из хорошенькой любопытной девочки превращается в эрудированную романтическую жизнерадостную девушку. И вот случилась эта поездка в лагерь...

Иван Кузьмич попытался игриво заговорить с дочкой:

— Катерина Ивановна, в первом часу ночи будем на месте...

— Будем, — перебила отца Катя, давая понять, что не расположена к разговору и продолжая смотреть в одну точку.

— Не печалься... быстро доедем...

— Доедем, — тихо отозвалась Катя.

Вагон остановился прямо напротив здания вокзала. Иван Кузьмич первым спустился на перрон, поставил сумки на землю и, взяв дочку огромными ладонями за талию, снял её с подножки. Состав тут же тронулся и, медленно набирая ход, растворился в ночном сумраке. Из поезда кроме Ивана Кузьмича с дочкой сошли только двое мужиков, которых Иван Кузьмич видел в вагоне-ресторане. Они стояли неподалёку и о чём-то беседовали с диспетчером — грузной женщиной, обтянутой тесным синим кителем и держащей в руке сигнальный фонарь.

Иван Кузьмич одёрнул на спине дочки задравшийся свитер, и хотел было выдать торжественную речь по случаю прибытия на родину, но поняв, что Катя не в духе, просто произнёс:

— Ну вот, дочь, и прибыли. Ты здесь ничего, конечно, не помнишь. Тебе два годика было, когда мы с мамой тебя сюда привозили показать бабушке с дедушкой. А тут с тех пор ничего и не изменилось... Пошли потихоньку.

Проходя мимо станции, Иван Кузьмич заметил только одно новшество — в здании вокзала на окнах появились грубые железные решётки. А всё остальное оставалось так же, как и десять, и двадцать, и тридцать лет тому назад — потрескавшаяся голубая краска фасада, шероховатая побелка на арочных проёмах окон, громоздкая входная дверь со старыми глубокими царапинами, замазанными разводами коричневой краски.

Дом тёти Фроси находился недалеко от станции. После похорон матери в родовой избе поселился сын Ефросиньи со своей семьёй, и Иван Кузьмич посчитал, что туда сразу будет наведываться не тактично. Чем дальше Иван Кузьмич с Катей отходили от вокзала, тем реже уличные фонари выстилали под ноги городских гостей короткие отрезки светлых дорожек. Последний мигающий маячок, проблёскивая под конусной шляпкой судорожными впышками, был готов вот-вот погаснуть и стать бесполезной жестянкой в цепочке таких же потухших плафонов, что висели на просмолённых столбах, держащих на узких плечах провисшие провода, которые длинными струнами протыкали сумрак. Но ночь выдалась звёздная, глаза привыкли к темноте, и можно было без труда различить натоптанную стёжку рядом с разбитой машинной колеёй, виляющей двумя бороздами вдоль прямой улицы деревни. Иван Кузьмич давно заприметил, что звёзды над родной деревней сияют по-особому. От Москвы до Разливов было

всего-то полсуток езды, но здешнее ночное небо разительно отличалось от московского. Словно рассыпанная алмазная крошка, играющая отражающимися бликами луны, звёзды висели настолько низко, что казалось — можно протянуть руку и сорвать один из крошечных бриллиантиков. Чудилось, что вот-вот одна из звёздочек сорвётся с расшитого золотом небесного плата, упадёт на крышу одной из стоящих на краю деревни изб, разлетится горящими искорками по сухой дранке и случится пожар. И звёзд на здешнем небе было столько, что ни одному звездочёту за столетие не удастся сосчитать их несметное количество. В Москве можно было без труда отыскать созвездие Большой медведицы, стоило только кинуть беглый взгляд на полночный небосвод. Здесь же очертания ковша терялись среди миллионов маленьких светящихся планет, и, сколько ни напрягай зрение, ослеплённые ярким сиянием глаза быстро уставали и весь небосклон сливался в одно безграничное мерцающее пространство.

— Посмотри, какие звёзды необыкновенные, — любясь сказочным небом, распахнул чувства Иван Кузьмич, адресуя порыв души и дочери, и всему космосу. — А воздух, дочь, какой! Чуешь, из леса хвоей пахнет... и грибницей. Ох, хоть грибов белых вдоволь наедемся!

Подходя к знакомым воротам, Иван Кузьмич удивился, что тётушка не встречает гостей у порога, ведь вчера по телефону он сообщил, во сколько прибывает поезд. Щадя преклонный возраст родственницы, Иван Кузьмич настоятельно попросил, чтобы та не шла встречать их на станцию. «Странно, — подумал Иван Кузьмич. — Не дай Бог, что случилось».

Каково же было удивление Ивана Кузьмича, когда он, осторожно приоткрыв калитку, не услышал лай собаки. И ещё больше Иван Кузьмич изумился, увидев на двери избы большой ржавый амбарный замок, освещённый тусклой лампочкой, висевшей над крыльцом. Иван Кузьмич достал из кармана куртки телефон и набрал номер тёти, но в ответ услышал сообщение оператора: «В данный момент абонент не доступен или находится вне зоны действия сети».

— Ну дела, — не скрывая волнения, выговорил Иван Кузьмич. — Что могло произойти? Куда, дочь, тётка наша подевалась? Может, у сына? Нет, знает, что с поезда придем прямоиком к ней.

— Пап, смотри, — обратила внимание Катя, — в замке с другой стороны какая-то бумажка торчит.

Иван Кузьмич выдернул свёрнутый в трубочку клочок бумаги и замок тут же отворился, повиснув на одном конце дужки. Развернув записку и поднеся её к самому носу, Иван Кузьмич прочёл вслух: «Ваня, срочно уехала к подруге на дальний хутор. Связи там нет. Замок открыт. Ужин на печи. Сожги дрова, что лежат в кухне. Ночи стали холодными. Буду завтра к обеду. Хозяйничайте».

— Видно, что кто-то под диктовку тётки писал, почерк уж больно аккуратный, — определил Иван Кузьмич и, сняв замок с петель, пригласил дочь в избу: — Заходи, Катюша. Будем хозяйничать! Иди за мной осторожно.

Поднявшись по ступеням, миновав тамбур, пройдя через сени, Иван Кузьмич нащупал деревянную ручку и отворил дубовую дверь. Так же на память он отыскал пальцами на стене выключатель и зажёл свет. Катя за отцом переступила порог, закрыв за собой тяжёлую дверь и осмотрелась. Именно так она и представляла деревенский дом. Большая выбеленная печка с широкими под потолком полатами, на которых с краю, свесив лапу, лежала рыжая кошка, надменно разглядывая незнакомцев суженными зрачками жёлтых прищуренных глаз. В печном углу висел рукомойник над прибитой к стенке чугунной раковиной, под которой стояло эмалированное ведро. Внутреннее пространство избы было разделено перегородками на три неболь-

шие комнаты. Катя прошлась по дому, заглянув в каждую из них. Старая простенькая мебель, железные кровати с круглыми блестящими набалдашниками на стойках, просиженный диван с выпирающими бугорками пружин под синей выцветшей обшивкой. Напротив дивана на тумбочке стоял плоский цветной телевизор — единственный в обстановке предмет, напоминающий, что на дворе не далёкая старина, а всё-таки двадцать первый век. Но, несмотря на небогатое убранство, в доме было очень уютно. Белые шторы на окнах; белые кружевные скатерти и салфетки на столах и тумбочках; белые лёгкие прозрачные накидки на подушках, что лежали аккуратными пирамидками на застелённых лоскутными одеялами кроватях; белый рушник над образами Богородицы с Младенцем и Николая Угодника в красном углу. Белая печь. Вся эта торжественная белизна, чистота белого цвета преображала дом, услаждала сердце и дарила душе тепло, покой и ощущение какого-то долгожданного праздника.

— Хорошо здесь, — поделилась впечатлением Катя, подходя к отцу.

Иван Кузьмич сидел на табуретке, обдирал ножом с берёзовых чурок податливую бересту и складывал её в топку печи.

— Это, дочка, потому, что изба намоленная и Дух в ней царит святой, — ответил Иван Кузьмич.

— Как это, намоленная? — спросила Катя и присела на корточки рядом с отцом, с интересом наблюдая, как тот разводит огонь в печи.

Убедившись, что от фитилька зажжённой спички воспылал наструганный берестовый запал и пламя обхватило красными языками потрескивающие короткими выстрелами поленья, Иван Кузьмич закрыл дверку топки. Облокотившись на колени, он внимательно посмотрел в заинтересованные глаза дочки, в которых в первый раз за последние две недели заметил мелькнувшее оживление. Какой-то вспыхнувший, словно только что в печке, огонёк. Иван Кузьмич погладил Катю по голове:

— Намоленная, потому что тётя Фрося её намолила. Намолила жизнью своей тяжёлой, любовью к семье, повседневными заботами о хозяйстве, добротой своей безграничной к людям. Тётя Фрося — душевный человек. Всегда ближним помогала,

чем могла. Вот только незнакомых людей в дом никогда не пускала. Придёт кто чужой — она за ворота и там с ним разговаривает. А в дом не приглашала.

— А почему?

— Она мне так говаривала: «Зайдёт человек в дом, потом уйдёт, а мысли его в избе останутся. А кто знает, что у чужака на уме. Хороший тот человек или злодей какой? А у злыдня — дюжина чертей за плечами. Понравится чертям в избе, они и останутся». Потому и не пускала.

Иван Кузьмич услышал, как стоящая в печи сковорода зашкворчала, и почувствовал, что из-под крышки потянулся ароматный дымок.

— Ну-ка, посмотрим, что нам тётка приготовила, — сказал Иван Кузьмич, поднялся с табуретки, и, взяв тряпичную прихватку, открыл крышку. — Ух, ты! Вот и картошка с грибочками, о которых я мечтал. С белыми! Мой, дочка, руки и будем ужинать.

В передней комнате под висевшими на стене старинными часами с качающимся маятником и гирьками в форме шишечек стоял стол с двумя скамьями по бокам. Стол был застелён клеёнчатой скатертью с изображением красочных цветочно-ягодных натюрмортов. Катя сняла с оставленного тётей Фросей на столе ужина холщовую тряпицу. Вокруг литровой бутылки с непонятной для Кати мутноватой жидкостью лежали буханка ржаного хлеба, зелёный лук, нарезанная варёная колбаса и миска с малосольными огурцами. Иван Кузьмич поставил на деревянную подставку дымящуюся сковороду и пригласил Катю за стол:

— Давай, дочь, садись напротив. Поедим со сковороды? Мать-то нам не разрешила бы со сковороды кушать.

Иван Кузьмич открутил крышку с бутылки и понюхал содержимое.

— А-а-а, самогончик! — сглотив слюну, обрадовался оставленному тётушкой развлечению Иван Кузьмич, налил себе полную гранёную стопку и произнёс тост: — Ну, с прибытием, значит, нас, и за здоровье тёти Фроси!

Иван Кузьмич выпил, не поморщившись, закусил огурцом и удовлетворённо прокричал:

— Хороша!

Катя, стараясь нанизывать на вилку картошку одновременно с грибом, с аппетитом кушала и наблюдала за питейной церемонией. Она редко видела выпивающего отца, и ей стало любопытно, что это за жидкость под названием «самогон», от которого так балдел родитель. Она поднесла к носу горлышко открытой бутылки, нюхнула и тут же, поперхнувшись, резко отёрнула руку. Прокашлявшись, Катя дала свою оценку вонючему напитку:

— Ну и гадость! Как ты её, пап, пьёшь? Отравиться же можно!

— Скажешь тоже! — закусывая вторую стопку, запротестовал Иван Кузьмич. — Это самый чистый и натуральный продукт! Тётя Фрося умеет самогонку делать! Вот ничего не охота. Ни коньяку, ни виски, и даже водки не хочу. А самогончик, да под огурчик малосольный, да под грибочки — милое дело! Предки наши всю жизнь самогон пили, и мне видно через гены передалась эта любовь к первачку.

— Мне-то эти гены точно не передались. Чуть не задохнулась! — перебила Катя, укладывая на горбушку толстые куски колбасы.

— Это замечательно, что не передались! — смеясь, подыграл Иван Кузьмич и в очередной раз наполнил до краёв стопку.

— Пап, там, на стенке, фотографий много в рамке. И мы там есть. Это что — всё наша родня? — любопыствовала Катя.

— Конечно! Ты не представляешь, сколько у нас родни. Да и вообще сейчас люди живут, а родственников своих знают разве что понаслышке. А вот представь себе,

едешь ты в вагоне метро, а напротив очкарик какой-нибудь, брат твой троюродный, сидит — книжку читает. И ты того не ведаешь, что он твой брат. Поднимаешься по эскалатору, а по встречной линии дама важная в элегантной шляпке, тётка твоя пятиродная, спускается. Смотрите вы друг на друга и не догадываетесь, что в жилах ваших одна кровь течёт. Выходишь из метро, а у дверей нищий в потрёпанной одежде, дядька твой шестиродный, с протянутой рукой стоит — и ни сном, ни духом, что у племянницы милостыню просит.

— А где у тёти Фроси муж? Умер? — продолжила расспрашивать Катя.

— Второй муж умер лет пять тому назад. А первый в сталинских лагерях сгинул.

— И за что же его посадили?

— За частушки...

— Как за частушки? — не поверила Катя, думая, что отец шутит и не хочет рассказывать по какой-то причине правду.

— Да вот так. Лихой был дядька. Когда он на войну уходил, тёте ещё только четырнадцать годков исполнилось. А после войны вернулся солдат в деревню, и девчонка вспылала любовью к статному, геройскому фронтовику, хоть тот и был намного старше её. Солдат на пылкие девичьи чувства ответил взаимностью. Только они поженились, и года вместе не прожили, как дядька в подвыпившем состоянии около клуба частушки крамольные спел. Про Ленина да про Сталина. А кто-то из односельчан донёс. Ему и дали десять лет лагерей.

— И за такое сажали? — удивилась Катя.

— Ха! Хорошо ещё, что не расстреляли. Хотя в те времена в лагеря сослать, что на верную смерть отправить. А ты говоришь! — выпалил Иван Кузьмич, но, увидев, что зевающая Катя уже слабо реагирует на его страстную речь, сбавил тон: — Ну да ладно. Хватит о грустном. Давай спать укладываться, а то, смотрю, у тебя ресницы слипаются. Ложись на любую кровать в спальне, а я, как раньше, на диване расположусь.

Быстро заснуть не удалось, Иван Кузьмич вновь задумался о дочери. Что всё же произошло в том злополучном лагере? Всё обошлось только платоническими отношениями, а парень в конце смены дал ей от ворот поворот? Или всё-таки случилась физическая близость? Тогда эта первая любовь ляжет чёрным гнетущим валуном на её юную душу. И неизвестно, сколько нужно будет времени, чтобы раздробить, размельчить тяжёлый камень. Мечтала о чуде, о храбром принце на белом коне, об отважном герое из прочитанных книг, который увезёт её в сказку и подарит волшебную любовь. Но вместо принца образовался какой-то Гена. Гена — крокодил. Бесчувственный, гадкий, с кривенькими лапами... Может, права жена, и пусть Катя на своих ошибках познаёт все превратности жизни. А если Катя забеременела? Тогда порушенные надежды могут подтолкнуть её к непоправимой беде.

«Слава Богу, что я рядом, — продолжал терзать себя думами Иван Кузьмич. — В деревню согласилась поехать, не раздумывая. Значит, доверяет мне. Только сама ещё не разобралась в сложившейся ситуации, и ищет нужные слова, чтобы поделиться со мной. Разговаривалась вроде, и даже улыбнулась мне перед сном. И с аппетитом всё в порядке!»

Иван Кузьмич давно подметил, что если у дочери случались неурядицы, то аппетит у неё не пропадал, как у многих, а напротив — усиливался. При этом дочка не набирала лишнего веса и оставалась стройной, как осинка. И отец уже знал — если Катя не отходила от холодильника, значит, на душе у неё творилось что-то неладное. «Это у неё от деда Кузьмы, — засыпая, убаюкал себя приятным воспоминанием Иван Кузьмич. — Тот частенько поучал: «Беда бедой, война войной, а обед по расписанию!»

II

Наутро Иван Кузьмич проснулся от настойчивого стука. Кто-то, не унимаясь, тарбанил в дверь. «Может, тётка пораньше приехала, — сделал предположение Иван Кузьмич. — А дверь-то я на ночь запер». Ивану Кузьмичу пришлось встать и выйти в сени. В сенях было зябко, и Иван Кузьмич в одних трусах и майке, пробежав босиком на цыпочках по холодным половицам, спустился с тронутых утренней сыростью крутых ступеней тамбура и щёлкнул засовом. Согнувшись под косяк, он открыл от себя на вытянутую руку входную дверь, чуть высунулся из дверного проёма и тут же отпустил дверную ручку. Жёсткая пружина сухо взвизгнула, резко вернула дверной массив на место, и Иван Кузьмич получил хлёсткий удар по лбу. Тряхнув головой, чтобы побыстрее пропали высыпавшиеся из глаз белые мушки, Иван Кузьмич вновь толкнул дверь и, сделав шаг через порог, подпёр её плечом. Он не поверил своим глазам. Перед ним на крыльце, держась обеими руками за кривой деревянный порох, стоял маленький худой сгорбившийся старичок в чёрной рясе с изрядно потрёпанным подолом. Старик хмурым оценивающим взором синих поблёкших очей медленно осмотрел с головы до ног Ивана Кузьмича. Один с большим бегающим зрачком глаз старика заметно отличался от другого — неподвижно застывшего на одном месте и покрытого тусклой плёнкой. Задержав на мгновение взгляд на рельефных бицепсах Ивана Кузьмича, незваный гость поднял густые спутавшиеся брови, которые не давали упасть помятой замшевой скуфье на вытянутый с красными прожилками нос, и, погладив костлявыми пальцами такие же всклокоченные седые усы и бородку, сильным старческим голосом поприветствовал хозяина:

— Доброго тебе утра, сынок! Извини, что в такую рань побеспокоили.

— И Вам доброго утра, — промямлил Иван Кузьмич, с трудом прокручивая в гудящей после удара голове подслушанную в поезде байку про колдуна.

Старик, делая добродушное выражение лица, хитро улыбнулся, сверкнул здоровым глазом и продолжил:

— Слушай, мил человек, я дьяк Василий из церкви, что в соседнем селе. Не подсобишь нам, браток, по хозяйству? Вчера с брёвна привезли для новой крыши. Скидали, работнички, у самого входа, и теперь ни пройти, ни проехать. Ты вон какой здоровый! С Фролкой на пару быстро управитесь. А мне уже не по силам тяжести ворочать.

Тут Иван Кузьмич заметил, что у калитки стоял двухметровый розовощёкий небритый детина с пустыми чёрными глазами, перекошенным ртом и оттопыренными мясистыми ушами, за которые были зачёсаны светлые длинные сальные волосы. Серый скатавшийся пиджак поверх красной дырявой майки еле сходил на могучей талии здоровяка и вместо пуговиц был запахнут перетянутым солдатским ремнём с блестящей жёлтой пряжкой. Спереди за ремень был заткнут плотницкий топор с ухватистой ручкой. На затылке у детины небрежно висела замызганная шерстяная кепка. Ивану Кузьмичу подумалось, что парень очень похож на партизана, заблудившегося во времени и вышедшего из леса разведать обстановку в деревне.

— Ну, так что, милоч, поможешь? Очень надо! — наседали старик, двигая взлохмаченными бровями вверх-вниз, словно хотел этими движениями загипнотизировать Ивана Кузьмича, и, сместив акцент на вежливость, осведомился: — А тебя, сынок, как звать-то?

— Меня Иваном, — неуверенно ответил продолжающий пребывать в оцепеневшем состоянии Иван Кузьмич.

Не переставая анализировать возникшую ситуацию, сложившуюся из невероятной легенды про водящуюся в родных краях нечистую силу и представшей пред

взором картины в виде двух несуразно одетых людей, один из которых ни дать ни взять вылитый персонаж из страшилки в образе дьяка, Иван Кузьмич, поочерёдно разглядывая нежданных визитёров, пытался взять себя в руки: «Да ну к дьяволу! Какая нечистая сила? И я тоже хорош. Верю в чёрт те что! Наверно, самогончика вчера перебрал... Надо помочь людям». Иван Кузьмич расслабился:

— Сейчас, только одёжку накинута!

Иван Кузьмич вернулся в дом, вытряхнул на диван дорожную сумку, вытянул из вывалившейся одежды спортивный костюм, надел его и, прихватив старую, оставшуюся ещё со времён молодости стройотрядовскую ветровку, зашёл в спальню. Дочка, чья голова утонула в большой пуховой подушке, сладко спала, и казалось, что она чуть улыбалась, видя какой-то чудный сон. Утро нового дня, пробиваясь через узорчатую тюль, что виднелась в узкой щели занавесок, тонкой светлой полоской падало на лицо Кати. Дальше полоска переливом касалась прилипшего к её губам шелковистого локона волос; расширяясь, пробежала по одеялу и, рассекая стойку кровати, упиралась в стенку печи. В ногах у Кати, свернувшись калачиком, мирно дремала с приоткрытыми глазами кошка. Отцу не хотелось тревожить безмятежный покой дочери, но надо было поставить её в известность о своей отлучке, и Иван Кузьмич, вполголоса, растягивая слова, как когда-то у люльки распевал своей малютке колыбельную, попробовал её разбудить:

— Ка-ать... Ка-а-атя... мне надо уйти ненадолго. Люди попросили помочь. Я через часика два-три буду, а ты если до моего прихода встанешь, то позавтракай и не скучай. Слы-ы-ышишь?

Катя что-то пробурчала себе под нос, дав понять отцу, что услышала сказанное и скрылась с головой под одеялом.

В сенях Иван Кузьмич открыл чулан, разыскал резиновые сапоги, и, выйдя на крыльцо, доложил:

— Я готов!

— Вот и чудненько! — радостно воскликнул дьяк Василий, похлопал по плечу Ивана Кузьмича и, повернувшись к Фролу, распорядился:

— Пойдём через лес. Так быстрее будет.

Добравшись задними дворами до сколоченного из двух досок мосточка и через неширокий ручей, процессия, возглавляемая дьяком Василием, миновала узкий покос и, пройдя по опушке вдоль берёзовой рощицы, зашла в лес.

Сразу же в сени ельника ходоков облепила роящаяся туча комаров. Иван Кузьмич накинута на голову капюшон ветровки, на ходу обломил ветку с первого попавшегося лиственного деревца и стал отмахиваться от полчища насекомых.

Через некоторое время натопанная тропинка привела к болоту, где хвойный лес заканчивался, и начиналась покрытая тонкой рваной плёнкой белёсого тумана замшелая бледно-зелёная равнина с редко растущими невысокими сосенками, немалая часть которых имела болезненный вид. Одни из полуживых деревьев, словно потрескавшиеся истуканы, неведомо какой силой продолжая удерживать равновесие, стояли ровно. Другие же пошатнулись, покосились и, теряя надежду, были готовы вот-вот рухнуть в торфяной могильник. Отслужившие свой век накренившиеся деревья, как могли, боролись за своё существование. В любую секунду с лёгким дуновением ветерка их подкосит смерть, и они раскинутся стволами в болотной трясине, рядом с тленом павших сорочидей. Те же из сосен, которым не повезло родиться на торфяных просторах, но сумевшим впитаться корнями в обделённую кислородом почву и приспособиться к жестокой реальности, подавленные избытком воды, лишённые минерального питания, были настолько скрюченными и маленькими, что больше

походили на кустарник. Ивану Кузьмичу почудилось, что он оказался на затерянном гигантском погосте, на котором уцелевшие, стремящиеся выжить любой ценой корявые деревца служили молчаливыми надгробиями своим погибшим товарищам. Хвойные надгробия слабо отличались друг от друга скучными несуразными конфигурациями. Из всех обитающих в округе тварей только пятнистый уж или полосатая гадюка изредка в полдень приползали навестить не погребённые в землю, изъеденные глубокими рубцами древесные мощи. Но бесчувственные рептилии приползали не для того, чтобы поскорбеть над прахом усопших сосенок, а затем, чтобы забраться на их трухлявые кости и подставить свои хладнокровные чешуйчатые спины припекающему солнышку. Иван Кузьмич поймал себя на том, что его сознание как-то неадекватно воспринимает окружающий ландшафт. Даже расстилавшийся со всех сторон сотканный из сфагноума и дозревающей клюквы салатово-красный ковёр его не впечатлял, а представлялся громадным нераздельным поминальным венком, возлежащим на братских захоронениях, которым не было границ.

Почва под ногами стала мягче, и тропка стала едва угадываться между округлых бугорков, заросших пушистыми кустами голубики, усыпанными крупными, с бархатистым налётом, тёмно-синими бусинами поспевшей ягоды. За холмиками голубики повсюду виднелись рыжевато-коричневые стебли пахучего багульника с зелёно-войлочными продолговатыми листьями. Унылый вид окрестности, облепленные серыми наростами лишайника убогие сосенки, исходящая из болота сырая хмарь, смешанная с сильным эфирно-маслянистым дурманящим запахом багульника, действовали угнетающе на настроение Ивана Кузьмича, и в его голову вновь закрались сомнения: «Нет, что-то тут не так! Почему мы пошли через лес, по гнилому болоту, которому не видно конца? Почему эти двое выбрали меня? Мало ли в деревне мужиков? И откуда вообще они проведали про мой приезд? Я ведь только ночью сошёл с поезда, и никто меня не видел, кроме двух мужиков-попутчиков».

— А что мы втроём пошли? Может, ещё мужичков надо было прихватить, чтоб побыстрей дело сделать? — учинил допрос Иван Кузьмич, попытавшись застать врасплох шагающего впереди дьяка, который перебирал старческими ногами так, что за ним невозможно было угнаться.

— Да какие, Ваня, мужики? А то ты не знаешь! Кто не на работе, тот с жуткого похмелья. И до обеда, пока не поправятся, от них толку, как от козла молока, — без промедления, затронув больное место крепкой мужицкой души, не оборачиваясь, отозвался дьяк Василий и поставил в пример позади шагающего спутника: — Фролка... вот он у нас непьющий. Но у него на то причина.

«А откуда он проведал, что я водочкой не злоупотребляю? — не унимался теряться в догадках и строить мрачные предположения Иван Кузьмич. — И что-то старичок больно шустрый. Я на своих длинных ногах за ним еле поспеваю. И на посох совсем не опирается, а попросту переставляет его без толку. Нет, нет! Что-то тут нечисто. Не иначе, он и есть колдун, обернувшийся дьяком. Всё сходится. А этот Фрол? Разбойник с большой дороги! Несомненно у лиходея-колдуна во служении состоит».

Иван Кузьмич глянул через плечо на Фрола. Тот шёл вразвалку широким шагом с отсутствующим выражением лица, засунув одну руку в карман штанов, а другой налево и направо сноровисто размахивал топором, словно Чапаев шашкой, рубя ветвистые шеренги багульника.

«Сейчас тюкнет сзади по затылку, и поминай, как звали! Заташат к себе в логово, посадят на привязь и работай на них всю оставшуюся жизнь, если не убьют. Кто тут в болотах искать станет? Да и концов никаких после моего ухода не осталось. Дочке-то я не сказал, кто за мной пришёл и куда пойду. Как она там одна? Потом

и за ней придут, скажут — отец зовёт. Она, доверчивая, и последует за ними. Нет, надо смыться, пока не поздно!» — поставив жирную точку в логической цепочке своих умозаключений и окончательно уверовав в правоту ужасных домыслов, Иван Кузьмич решил на побег.

Резко перемахнув через торчащий куст голубики, Иван Кузьмич во всю прыть, словно подраненный лось, помчался сквозь искорёженный топью гиблый лес. Стараясь попадать ступнёй на сухие кочки, он иногда промахивался и тогда сапог проваливался в мягкий мох, из которого, как из выжимаемой губки, просачивалась мутная вода. Вплюхиваясь в коварную западную болота, Иван Кузьмич терял темп, и ему заново приходилось набирать скорость, вытаскивая сапоги из чавкающих зыбунов. Но разгон взят неплохо, понял он, поскольку уже где-то далеко за спиной вдогонку послышался еле различимый крик дьяка Василия:

— Дурачок, ты куда? Тут болота кругом! Пропадё-ё-ёшь...

Последнее услышанное слово только подстегнуло беглеца. Преодолевая препятствия, как спринтер на короткой дистанции, Иван Кузьмич ловко перепрыгивал кочки, кусты и лавировал между стволами деревьев. Вскоре он почувствовал, что земля стала твёрже, и прекратилось чваканье болотной жижи. За низкорослыми соснами показались острые верхушки высоких елей, и Иван Кузьмич, довольный, что выбрал правильное направление для рывка, поубавил прыти. Уже в лесу Иван Кузьмич остановился и присел на поваленное дерево перевести дыхание и подумать — правильно ли сделал, что дал дёру. С дьяком-то точно что-то неладно. И Фрол — больно подозрительная личность. Наверно, инстинкт самосохранения сработал вовремя. А если нет? Тогда позора не оберёшься!

Обдумывая своё поведение, Иван Кузьмич любовался молоденькой ёлкой, что росла перед ним. В отличие от горемычных, прозябающих на болоте по соседству сосенок, прелестная, будто с новогодней открытки, ёлочка была настолько пышной, что её ствол еле просматривался сквозь частые колючие ветви. «Вот бы тебя к нам на Новый год, — переключился с плохого на хорошее Иван Кузьмич. — Таких в городе на базаре не купишь. Потом выкидывать будет жалко. Нет уж, незачем красоту губить. Здесь с сестрицами и расти».

Отдышавшись, Иван Кузьмич встал, повертелся на одном месте, прикидывая дальнейший маршрут, и направился, как ему показалось, к дому. Через некоторое время закралась неуверенность в том, что выбран правильный курс, и через час ходьбы Иван Кузьмич окончательно понял, что заблудился. И заблудился не в далёких, незнакомых таёжных дебрях, а в своём родном лесу! В лесу, который он, по его глубокому убеждению, знал, как свои пять пальцев.

«Кому расскажешь — засмеют! — потешался над собой Иван Кузьмич. — Конечно, с этой-то стороны деревни я в лес отродясь не ходил. Это за своей улицей всю округу облазил вдоль и поперёк. Все тропки знаю, как линии на своей ладони. А тут оплошал. И телефон, как нарочно, не догадался взять».

Иван Кузьмич попытался вспомнить основы ориентирования на местности, но из полученных в школе и в институте знаний по данному вопросу не извлёк никакой пользы. Вспомнилась рассказанная дочкой шутка, которую та услышала по радио, про ещё один верный способ определения юга по дереву: «Если посмотреть на дерево, и дерево окажется пальмой, значит, вы уже на юге!» — «Да, точней приметы не придумаешь, — иронизировал Иван Кузьмич. — В школе такому определению не учили».

Здрав голову, Иван Кузьмич, словно из глубокого колодца, неотёсанными стенками которому служили кроны елей, увидел маленькое голубое окошко небосвода. Льющийся сверху свет скатывался, словно с крутых горок, по ветвям деревьев. Сия-

ющий поток, рассекаемый тысячами иголок, терял после каждого расширяющегося книзу зелёного яруса веток свой напор и соскальзывал у земли с трамплинов размашистых лап своими тусклыми остатками на заросли папоротника, жадно подставляющего уцелевшим после стремительного падения солнечным лучам свои шершавые языки, чтобы лизнуть животворящую силу.

Лесные птицы всевозможной окраски выпархивали то из-за деревьев, то из густой травы, и, разворачиваясь под самым носом Ивана Кузьмича, тарахтя крыльями, шустро разлетались по сторонам. Казалось, что птахи своим звучным щебетанием проявляли недовольство появлению на их пути какого-то незнакомого живого существа. Или наоборот, это существо им было хорошо знакомо, и они знали, что от встречи с ним ничего хорошего не жди. Но Ивану Кузьмичу было не до претензий крылатых обитателей леса. Надо было как-то выбираться. Уже часа четыре он плутал по дебрям, и не вырисовывалось никаких перспектив покинуть этот бесконечный ветхозаветный живой лабиринт. Древостой сомкнутыми кронами, словно сцепленными руками, взял Ивана Кузьмича в кольцо, и никак не хотел выпускать. Только один раз мелькнула надежда, когда впереди сквозь плотные ряды деревьев он увидел просвет. Но радость оказалась недолгой. Иван Кузьмич вышел на небольшую лесную полянку с высоким душистым травостоем. Отовсюду слышалось тренькание букашек, стрекотание кузнечиков, и пёстрые большекрылые бабочки вместе с грузными гудящими шмелями кружили хороводы между сочными стеблями травы, изредка на мгновение присаживаясь отдохнуть на яркие лепестки полевых цветов. Инструментальный оркестр насекомых виртуозно аккомпанировал сводному птичьему хору. Благозвучная музыка и неземной вокал сливались в неповторимую божественную мелодию, написанную гениальным композитором — матушкой природой. Бесплатный билет в лесную филармонию — это было прекрасно, но Ивана Кузьмича волновали сейчас не райская музыка, а совсем иные насущные вопросы. К полянке не вела ни одна тропа, и значит, до жилья далеко, как бы не пришлось надолго задержаться в этом бескрайнем вечнозелёном царстве. Пугала и вероятность того, что придётся остаться в гостях с ночёвкой.

В детстве ничего не вселяло большей жути в Ивана Кузьмича, чем ночной лес. Он припомнил, как ребяtnей выходили ночью за околицу, и как с друзьями перед соседскими девчонками хорохорились, что любой из них не побоится зайти в сумрачную, полную опасностей таинственную чашу. Затем, набрав полные лёгкие воздуха, пропитанного древесной смолой и предвкушением риска, затаив дыхание, подходили к чёрной изгороди ночного леса и на спор — кто первый испугается и убежит — стояли, держась за руки, боясь сделать шаг за порог чего-то сказочного и таинственного. В ночной завораживающей тиши было слышно, как учащённо бьётся сердце — своё и рядом стоящего товарища. Но вдруг в лесу раздастся какой-нибудь тихий сухой треск, прозвучавший громким грозным рыком ужасного зверя, и герои, разжав потные ладошки, срывались с места и во весь дух, не чувствуя ног, неслись в сторону деревни. Мальчишки махом добежали до места, где храбрецов с волнением ждали дамы сердца. И девчонки, видя, как их рыцари несутся сломя голову, будто за ними гонится зловещее чудовище, поддавались общей панике, начинали во весь голос визжать, и вот уже перепуганная ватага, теряя заколки и сандалии, бежала наперегонки по деревне, рассеиваясь по своим домам. Собаки, не понимая, в чём причина переполоха в столь позднее время, сходили с ума и разъярённым лаем подгоняли и без того объятых страхом ребят. Дома, конечно же, каждый получал по полной программе за непослушание и поздние гулянки. Но с утра друзья встречались, и как ни в чём не бывало, всем видом показывая, что вчерашний пережитый позор забыт раз и навсегда, вновь строили планы на вечер. Только от девчонок некоторое время приходилось выслушивать обидные насмешки, но это уже была не беда!

Воспоминания прервали доносившиеся издали еле слышные протяжные гудки поезда. Иван Кузьмич напряг слух. Так и есть! Приближаясь нарастающим стуком колёс, уже где-то близко проходил состав, тревожа девственный покой природы гулками сигналами цивилизации. На этот раз Иван Кузьмич не ошибся и, идя на шум, скоро выбрался к железнодорожному полотну. А уж окрестности около путей он знал отлично! С матерью или с друзьями они всегда ходили собирать землянику вдоль железной дороги, где на открытом пространстве между лесом, на пригорках, подставляясь прямым лучам солнца, зрела сладкая красная ягода. «Не так уж и далеко забрёл», — прикинул Иван Кузьмич, предположив, что до деревни около трёх-четырёх километров.

III

Под вечер Иван Кузьмич добрался до дома. Насвистывая под нос весёлую мелодию, он затворил за собой калитку и в этот момент услышал в саду оживлённые возгласы. Иван Кузьмич заглянул в сад, отделённый изгородью от двора, и был до такой степени ошеломлён, что из вытянутых, сложенных дудочкой губ вместо художественного свиста вылетело обескураженное: «У-у-ух, ты...» Среди яблонь Иван Кузьмич увидел дядка Василия, мирно сидящего за столиком вместе с дочкой и тётёй Фросей. Катя соскочила со скамейки, подбежала к отцу и бросилась ему на шею.

— Как же я испугалась, папка! — возликовала, повиснув на груди у отца, сияющая Катя. — Мы уже думали, с тобой что-то случилось.

— Да что со мной случится? — успокаивал дочку Иван Кузьмич, подозрительно, с опаской косясь на дядка.

— Да мало ли что в лесу может приключиться! Сам говорил, что здесь зверья всякого полон лес!

Следом, качаясь из стороны в сторону, тяжёлой поступью, коротенькими шагами опираясь на костыль, подошла грузная старенькая тётя Фрося. Стараясь сделать суровый вид, сдвинув брови, она одной рукой поправила на голове белый, в синий горошек, ситцевый платок, но тут её обветренное загорелое лицо расплылось в широкой радушной улыбке. Ойкая и цокая языком, она всё же попыталась пожурить племянника:

— Ты что, Ванька, вытворяешь? Как тебе не стыдно! Взрослый мужик, а ведёшь себя, как дитё малое! Ой, как был баламутом, так им и остался!

Постучав костяшками пальцев по лбу племянника, она, сменив Катю, обняла Ивана Кузьмича, затем по обычаю трижды его поцеловала, и обратилась к дядю:

— Ну что, Василий, вот он, беглец наш — живой и здоровёхонький! Выпьете по такому случаю вишнёвой наливочки?

— А что! С удовольствием, — не отказался дядя Василий. — День сегодня скромный, можно. Заодно Ваня нам и расскажет, в честь какого лешего он совершил сей марафон. Я так думаю, что с непривычки багульник на него так подействовал в болотах. Надышался головолома и опьянел! Так, Иван?

— Наверно, так и есть, — начал оправдываться Иван Кузьмич. — Я, это...

— Или за злого колдуна меня принял, — хихикая, продолжал подтрунивать дядя. — Уже успели мужики наши голову тебе задурить?

— Так я с детства про колдуна знаю, — возразил на насмешки Иван Кузьмич.

— Ай, Ванька, Ванька, — вмешалась тётя Фрося. — Мы вас, сорванцов, тем колдуном пугали, чтобы вы на болота поменьше бегали!

— А куда тогда девица та, Настасья, подевалась? Или это тоже враки? — задал тётке резонный вопрос Иван Кузьмич, присаживаясь за столик.

— А про неё тебе Василий расскажет, — тётя Фрося позвала с собой не отходившую от отца Катю: — Пойдём, внученька, поможешь на стол собрать.

— Да, было дело, — начал без предисловий свой рассказ дьяк Василий. — Жила в вашей деревне девица Настасья. Красива была, как зорька ясная! А пела так, что птицы в лесу смолкали, заслышав её голос! Но вот беда, влюбилась Настёнка в Федьку непутёвого. Парень тоже видный был — чубатый, рослый, но шалопай, каких свет не видывал. Пил, гулял, всякий день кулачные бои по пьяному делу устраивал с любым, кто под руку подвернётся. Родители у Насти от болезни какой-то умерли, когда та ещё совсем малой девчонкой была. Отговорить её от замужества было некому. Взял Федька сироту в жёны, и с первых дней совместной жизни начал попрекать. Дескать, цени меня за то, что одолжение сделал, в дом привёл на хозяйство готовое, а то кому бы ты нужна была, сирота нищая. Да поколачивать стал частенько молодую жену. Сердечко Настино быстро остыло, любовь к мужу прошла, но приходилось терпеть. А куда деваться? И заступиться некому...

Дьяк Василий прервал рассказ. К столу подошла тётя Фрося с бутылкой красной наливки под мышкой и зажатыми в пальцах рюмками. Через минуту появилась Катя, неся тарелки с закусками. Поставив еду на стол и присев к отцу, Катя поинтересовалась планами на завтра:

— Так что, пап, за грибами, как проснёмся, в лес пойдём?

Иван Кузьмич не хотел уже слышать ни о каком лесе и, усмехнувшись, придумал на грядущий день занятие поинтересней:

— Ну их, Катенька, эти грибы! В лесу комары злющие. Лучше с утра пораньше на рыбалку махнём!

— Правильно, Ваня, — поддержала идею тётя Фрося, разливая по рюмкам ароматную, пахнущую вишней наливку. — И я бы с удовольствием рыбки поела!

Подняв рюмку и оценив на просвет приятный рубиновый цвет содержимого, дьяк Василий сказал тост:

— С приездом вас, гости дорогие, в родные края! Хорошо, что Ефросинью навестили. И спасибо хозяйке за угощенье! — и, уже поднося рюмку к губам, вполголоса добавил: — Прими, Господи, не во грех, а здоровья ради.

Закусив отломленной от курника румяной корочкой, дьяк продолжил своё повествование:

— Так вот... На чём я остановился? Ну да, вспомнил. Смирялась и с побоями Настасья, и с гулянками вечно пьяного мужа, и с изменами. Кобелём Федька тем ещё был. Девочек щёлкал, что семечки. Хлыщ окаянный! Но вот приехал как-то уже в наше село купец молодой по своим делам торговым. В церкви увидел он Настасью, услышал, как она задушевно поёт на клиросе, подивился её голосу дивному, и всю вечернюю стоял, украдкой глаз с неё не сводил. Видно, сильно сердце того купца зацепила Настя. После службы подкараулил он Настасью, когда та за село вышла. Сделал вид, будто ему с ней в одну сторону. Мол, так и так, как раз в вашу деревню направляюсь, а коли по пути, так разрешите Вашим провожатым быть. По дороге разговорились. У деревни разошлись каждый своей дорогой — Настя домой, купец обратно вернулся. И после этого всякий раз по приезду в село стал он встречи искать с Настасьей.

— Да, повезло девчонке! — вставила своё слово тётя Фрося и, прекрасно зная конец истории, дабы дьяк не упустил любимой подробности, подвела его к самому важному моменту: — И всё ли у них, Василий, ладно сложилось?

— Всё у них сложилось замечательно! Только ты, Ефросинья, не беги вперёд паровоза... Парень тоже по сердцу Настасье пришёлся. Тем более у купца были самые серьёзные намерения, и он поклялся возлюбленной, что когда следующим разом при-

едет, то заберёт её от опостылевшего мужа и увезёт с собой. Купец дал твёрдое слово, что поспешит вернуться как можно побыстрее. На том и попрощались. Настасья осталась ждать. Но что-то задержало купца. Деньки летели, а его всё нет и нет, как в воду канул. Что случилось? Может, парня в оборот родня взяла, потому как против невестки-простолюдинки была, да к тому ж замужней, может, ещё какие обстоятельства не позволили ему возвратиться скоро, как пообещал. Об том мне не ведомо. Эту историю нашему настоятелю его предшественник из уст в уста передал, а как мне протоирей пересказал, так и я вам слово в слово излагаю... Время шло. От нестерпимой разлуки закручинилась Настасья. В отчаянии — слёзы горькие лила, с лица спала, перестала в церковь ходить. Даже Федька пожалел жену и перестал ей чинить обиды. Подумал, что он всему виной — довёл, замотал жёнку до бессилья. Но вот объявился купец. День в селе побыл, другой. Видит — не приходит Настя в церковь. Забеспокоился молодец. Вот тогда он и придумал этот маскарад с переодеванием. Уговорами да посулами подкупил дьячка, который в ту пору служил, чтобы тот одеванье своё одолжил. Облачился купец в рясу, прикинулся священнослужителем, чтобы у мужа никакого сомнения не вызвать — куда и зачем жена отлучается, и нагрязнул в деревню. Положилась девица на судьбу и последовала за суженым. Купец Настю в город увёз и после этого долго не появлялся в нашем селе. А через несколько лет приезжал уже не один, а с сыном. Так что всё у Настасьи в жизни сложилось как нельзя лучше! Вот и вся история!

— Так значит, про колдуна врут люди? — дослушав дьяка, сделал свой вывод Иван Кузьмич.

— Но почему же врут? — возразил дьяк. — Слухи на пустом месте не рождаются. Колдун не колдун, а жил на болотах не то монах-отшельник, не то цыган-знахарь. Кто-то говорит, что он и до сей поры там живёт, только людям не показывается. А вот Фролка утверждает, что в детстве, когда ему десять годков было, он повстречался с каким-то старцем, когда в лесу грибы собирал да заблудился. Фрол рассказывает, что блуждал он полдня, прям как ты сегодня, и не мог из лесу дороги найти. И когда уже совсем смеркаться стало, тут ему в чаще этот старичок и вышел навстречу. Взял он Фролку за руку и, не проронив ни слова, вывел его к деревне. Вообще, по преданию, этот таинственный старик никогда к людям не приближался, и так складывается, что Фролка единственный человек, с кем он за всё время на контакт пошёл. Фролка описывает, что отшельник уже тогда был настолько стар, что походил на истлевший пень, в который вставили два глаза и воткнули четыре конечности. Но молва о колдуне ещё с дореволюционных времён идёт. Вот и делай выводы — сколько тому деду лет, и слухи то или чудо. Фролкиным словам, конечно же, трудно довериться. С головой у него не всё в порядке. В двухгодовалом возрасте Фролку баран прямо в лоб боднул, да так сильно, что он на глазах у родителей по земле кубарем покатился. Но верь, не верь, а только после этой коротенькой встречи Фрол с малолетства погоду начал предсказывать точнее, чем Гидрометцентр. И, как подросток, обнаружилась у него ещё одна редкая способность — в травах стал разбираться лучше, чем любой аптекарь. Знает, когда какую надо собирать, и от чего и как ту травку правильно применить. Любит его в нашем селе народ и за советом к нему частенько обращается — когда что сеять, каким настоем от какой-либо болезни лечиться. Вот такие чудеса в наши времена! И вообще, не смотри, что у Фролки вид такой придурковатый. Он всё отлично понимает, только мысли свои витиевато выражает, и малознакомому человеку на первых порах трудно его понять. И вообще, парень он хороший и отзывчивый! Вот и сейчас бегаёт по болотам — тебя ищет.

— Да, выкинул я номер, — признал свою вину Иван Кузьмич. — Как чёрт в ухо нашептал!

— Да ничего! Всякое бывает. Давайте ещё по рюмашке выпьем, — приняв раскаяние, предложил дьяк, и, воздав благодарность природе за её существенный вклад в приятную обстановку гостеприимного застолья, воодушевлённо подметил: — Погодка-то сегодня выдалась — благодать!

День подходил к концу. Через виднеющийся сквозь яблони штакетник покосившегося забора стал проступать клубящийся дымок тумана. Словно крадущийся вор, туман расползался вдоль ограды и, бесцеремонно складывая всё, что попадётся под руку, в белый бездонный мешок, обволакивал тягучей пеленой разросшиеся вдоль изгороди кусты мяты и лебеды. Нежно-голубое, тронутое лёгкими мазками белых облаков живописное полотно небосвода постепенно стало приобретать тёмно-синие тона, пока не превратилось, сгущая краски, в сапфировый холст, готовый вот-вот сменить палитру и, покрываясь тяжёлым слоем мглы, преобразиться в забрызганное жёлтыми каплями звёзд чёрное полотнище ночи. Чувствовалось, как посысел и посвежел воздух, наполняясь исходящим от земли испарением, благоухая цветочным нектаром с настоявшихся на солнечных лучах окрестных трав. Пахло клевером, мятой, смородиновым листом и далёким сладким детством. Когда уже вдали померк горизонт, и уходящий день алой полоской зарева задержался пожелать спокойной ночи готовящейся ко сну земле, к застолью присоединился пришедший с затянувшихся поисков Фрол. Представлявшийся прежде пустым взгляд здоровяка Фрола теперь приобрёл для Ивана Кузьмича совсем иное значение — как чужое окно, в которое пока не заглянешь, будет издали казаться обыкновенной отсвечивающей стекляшкой, скрывающей за собой нечто личное и сокровенное.

Иван Кузьмич, прислонившись к яблоне, слушал тёплую беседу дьяка Василия с тётей Фросей, корил себя за то, что сделал неправильный вывод, думая плохо о доброжелательном Фроле, и умилённо наблюдал, как по саду, заливаясь звонким смехом, бегают Катя, играя с серой, похожей на волка, короткошёрстной собакой хозяйки. Глядя на веселящуюся дочь, Иван Кузьмич понял, что перед ним прежняя Катя, какой он и привык её видеть, — заводная и счастливая. И это значило — все дочкины печали, как и его отцовские переживания, остались позади. Иван Кузьмич даже был рад случившемуся с ним происшествию, сыгравшему свою роль в душевном переломе дочери. Вот уж, воистину — не было бы счастья, да несчастье помогло! Осталось позвонить жене — доложить, что с их дочерью всё в порядке, и можно со спокойным сердцем наслаждаться отпуском.

ВАСИЛИЙ ТИТОВ

СТИХИ ИЗ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

ТОПОЛЬ

Пришёл сентябрь, и безутешен тополь –
Его листва уж не шумит крылом.
«Парнище русый!..» – из-за плоскостопья
Не принят в небо, плачет за селом.

Как кисти рук приподнимая гнёзда –
В них вывелись крылатые птенцы! –
В вечерний час, когда мерцают звёзды,
Его печаль плывёт во все концы.

ГУДЯЕВ РОДНИК

Он грезил о звёздах в земном заточенье,
Он вычислил солнце, блуждая во тьме.
Осиливший толщу и власть притяженья,
Явился, как ангел, почти на холме!

Прелестную звёздочку ночь опускает
В таинственный срубик, в четыре венца,
И сини полднейной избыток стекает,
И знойная радость стекает с лица.

А вечером тихим природниковый
Любовные песни поёт соловей...
О, где ж ты моя вековая подкова?
Нашёл – перепрыгал – забыл, хоть убей!..

РЕЧКА ДОЛГОБАЗАН

Речку сон окутал белый...
Зимний день над ней, укрытой,

Словно взгляд над колыбелью:
Пусть поспит ребёнок пряткий.

Но послушай ближе к ночи,
Слух в затишье напрягая:
Шепчет песню, камень точит
Речка, сердцу дорогая.

Шум дождей не слыша, рошу,
Птиц восторженное пенье,
Трудно ей, в снегах, на ощупь
Направлять своё течение.

Но уходит чутким зверем,
Огибая каждый кустик,
Бережку крутому веря,
Веря в счастье, солнце, устье...

ДЕНЬ СЧАСТЬЯ

Проснись, кочет,
Сыграй зóрю.
Пакет ночи –
Зарю вскрой!

Стучит в раму
Стихий море.
Прощай, мама –
Рассвет мой!

Вокзал. Стойки.
Боюсь сглазу:
Толпа стонет,
Кассир нем.

Раздайсь, люди!
Любой! Сразу!
Куда будет!
Билет мне!

СУДОХОДНОЕ

Ругаем мы
Речные перекаты,
Но если глубже
В этом разобраться,

Они бывают
В чём-то виноваты,
Но их не будь –
Воде не удержаться.

Спрявим реку
И перекаты вынем –
И поминай, как звали их –
Глубины.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шмякнулась ночь мешком со спины,
Солнце встаёт над пакгаузом...
Мы восхищаемся тайной зимы –
Чистым улёгшимся парусом.

НА ЗИМНИЙ ОТСТОЙ

Тихо в рубке.
В машинном «нутре».
Свёрнут флаг.
Окна все в серебре.

Рукавица
Дубеет на грелке.
Спят, не вздрогнут
Приборные стрелки.

Тихо в рубке.
Рули «на коне»...
А ведь весело было
И любо!...

И скучает
О ранней весне

Капитана
Старинная шуба...

НАВИГАЦИЯ НАЧАЛАСЬ

Зима отъярилась!
Беззвёздное время
Прошло и забылось
К началу апреля.

Разбужены дали –
Трубят теплоходы!
А солнышко давит
Сугробы как соты.

С запасом отваги
Уходят буксиры.
А ветер их флаги
Полощет курсивом.

Весна – это диво,
Любовь и работа,
На полчища льдиниц –
Форштевни речфлота!

Родное начало,
Запев стоголосый!
Судьбу раскачало –
На месяцев восемь...

НА СТРОЙКЕ КОММУНИЗМА

Буксир наш не возит туристов –
Иною судьбой наделён,
Посмотришь – на вид неказистый,
Но сколько же силищи в нём!

Торопится с Волги на Каму,
А с Камы – на Волгу опять,
Порой секционным составом
Ему нелегко управлять.

Покажется груз не особым,
Но грузы не делают честь –
Трудыга, он возит бессонно
Песчано-гравийную смесь.

И щебень, и бутовый камень,
Цемент, доломитный помол, –

Буксир, заручась берегами,
Справляется, что тебе вол!

По правилам план выполняет –
Не может же он подкачать!
О помощи кто-то вызывает –
Он первый спешит выручать.

Случится ли шторм оголтелый,
Тумана ль беспутный закут –
Волжане, влюблённые в дело,
Работают – песню поют.

ПРИЗРАК ЛЮБВИ

Утешайся, мятущийся берег,
Запрокинувший голову клён,
Утки рано покинули ерик –
Бабье лето является в кон!

Ветер листья едва ли теребит,
Светит солнце, не будет дождя,
Запасаются солнцем деревья,
Соки трезвые в глубь уводя.

Отряхавшись от пыли дорожной,
Не ходивший вылёживать пляж,
Буду весело думать на позже,
Принимать нисходящую блажь.

Словно юность, ушедшую в город,
Лето знойное я не верну,
И, раздевшись за тихим угором,
Разбегусь, да и в омут нырну!

И, плывя из опасного места,
Белый шарфик примечу вдали...
То ли это чужая невеста?
То ли призрак грядущей любви?

ПОСЁЛОК ШЛЮЗОВОЙ

Не слышно тусовок в шуршании курток,
Затих городок, как встревоженный вождь,
Из мартовской ночи в апрельское утро
Выводит весна новорожденный дождь.

С космической скоростью сны отлетают,
Отыщут деревья потерянный ряд,

Лишь двое бессмертно дождинки глотают,
Наперсники звёзд, поцелуи горят.

ПАРОХОДНАЯ НОЧЬ

Завалит волна мускулистый бурун,
Луга распластает шальной отголосок.
Я вышел на палубу. «Приму» курю.
Качаются звёзды, как в поле колосья.

И воздух, и синь, – хоть соломиной пей,
Но сердце томится любовью и бредит.
Далёкая ГЭС, ожерелье огней –
Меня на рассвете любимая встретит.

Привет, не уснувшие в чудную ночь!
Не спавшая ночи, поклон, дорогая!
Изводит желанье кому-то помочь:
Плыть нарочным в ночь, на весло налегая.

Иду я по жизни: душа ль не болит?
Любовь и надежда – мои балансиры...
Идём мы по Волге, а Волга не спит,
Как счастье влюблённых, как память России.

ОДНАЖДЫ ВО СНЕ...

Вздрагнет каюта дланью уюта –
Волжское, камское майское утро
Солнечной конницей, златом-булатом
Вломится вольницей в иллюминатор...

ПАМЯТИ ЭЛЕКТРОМОНТЁРА П. КАЗАНЦЕВА

Вгрызался в твердь, ища стрельнувший кабель,
Большой умелец в сращивании жил.
И, давший людям свет, ты шёл кругами
В фанерный дом, где по-простому жил.

Ты кровь сдавал, как безоглядный донор,
Чтоб занять отгулы про запас –
Рвануть в тайгу, в тундровые просторы,
Ямал для всех – странноприимный Спас.

Встречались мы в ландшафтах не однажды –
Ловили рыбку и тропили дичь,
Болотным чаем уголяли жажду,
Пытаясь страсть охотничью постичь.

В костровом свете спел ты на удмуртском
 Про речку Иж, про Нижнекамский край,
 И пили мы — за родину, за русскость,
 За свет в окне, за тот и этот рай...

ПРИЕЗЖИЙ

Я с Чистого Поля поплюю молоко,
 Алексеевский хлебец вкушая.
 И, тропами предков гуляя легко,
 Я воздух вдыхать обожаю.

Утихнет печаль и развеется мгла
 Над трактом в Сибирь и в Саратов.
 Здесь травы густы и роса тяжела —
 Алмазинки в десять каратов.

Отрада садов и отвага ботвы,
 И Кама с накатом вопросов:

Ты помнишь себя?
 Не устал, не отвык,
 Мечтатель с душою матроса?

РОССИЯНЕ-СЕВЕРЯНЕ

И есть он, Бог, и значит, не напрасно
 Три века потрудились на судьбу
 Того села, что основал Апраксин —
 Засечный пост, и первую избу.

Святитель наш, митрополит Алексей,
 Слова какие к небу обращал,
 Когда он церковки, и дух, и местность,
 И жизнь потомков, в общем, освящал?

Прожжённый Запад, Юг-Восток калёный
 Всегда желают нас завоевать.
 Мы за Отечество, за край зелёный
 Всегда готовы насмерть постоять!

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТИХАМ

Я словно вдохнул воздуха камских и волжских излучин, словно постоял на палубе, подставив ветру русые волосы, словно вернулся в мятежную юность — таковы мои впечатления от стихов Василия Титова. Спасибо ему и за своеобразный слог, столь непохожий на примелькавшиеся в поэзии стереотипы. И не зудит редакторское нутро, дабы поправить строку «Встречались мы в ландшафтах...», поскольку в пространстве, очерченном автором, и ландшафты поэтически убедительны. Возможно, это то, что мудрый и чуткий на русское слово Вадим Кожин называл самородностью стиха, когда писал о Николае Рубцове.

Эпигонством, вторичностью в стихах Василия Титова и не пахнет. Пахнет рекой... Поэзию, помимо всего прочего, я люблю за лаконизм. В шестнадцать строчек поэт может вместить то, на что прозаик потребует рассказ или повесть. Вот и в подборке «Стихи из двадцатого века» автор сумел довольно подробно поведать и о своей трудовой биографии, и о своём жизненном пути. Я уж не говорю о чувствах, эмоциях, о душевном отклике, который рождается у читателя.

Не случайно даже название подборки, придуманное самим поэтом. Мною, представителем послевоенного поколения, не так давно были обнародованы похожие строки: «Я останусь в двадцатом веке, // в двадцать первом я лишь умру». А ведь мы с Василием Александровичем ещё совсем недавно и не знали друг о друге. О чём же говорит это, казалось бы, случайное совпадение? Не о том ли, что мы жили в счастливое время, в счастливой стране...

Николай АЛЕШКОВ

ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ: 100 ЛЕТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

РАИСА МАРТЫНОВА

ГЕРОИ ЗАКАМЬЯ

(Продолжение. Начало в № 2 (19))

Роль Российской Империи в Первой мировой войне известна сравнительно мало и заслуживает краткого напоминания. В 1891 году, в царствование Александра III, Россия и Франция обязались оказывать взаимную помощь в случае агрессии со стороны третьей державы.

Император Николай II подтвердил этот союз во время пребывания во Франции в 1896 году, а президент Франции Феликс Фор — в ходе визита в Россию в 1898 году.

В ходе войны Россия отправила во Францию 40 тысяч солдат в составе четырёх бригад, две из которых сражались на французском, а две другие на салоникском фронте.

Бригада состояла из двух полков с запасными батальонами, некоторые её офицеры и унтер-офицеры уже воевали на Восточном фронте. Через Сибирь и Маньчжурию бригада прибыла в Марсель.

Три другие бригады последовали северным путём, через Архангельск. Одна из них сражалась в Шампани, остальные на Македонском фронте.

После революции 1917 года достойнейшие из бойцов, верные своему долгу, продолжали служить. Был создан русский «Легион чести», который доблестно сражался до самой победы. Только недавно были обнародованы слова французского маршала Фоша: «Если Франция не была стёрта с карты Европы, то этим мы обязаны прежде всего России...»

Но той России, которой они служили, ради которой погибали на чужбине, уже не стало.

В новой России оказались не нужны ни их память, ни их доблесть.

Самые забытые солдаты России... Только теперь, когда они все уже перешли за черту земного круга, начинается время их последней победы, возрождается их национальное достоинство: верность долгу, верность Отечеству и присяге.

На сегодняшний день в моём архиве уже 30 фотографий. Они отреставрированы, увеличены, помещены в багетные рамы с паспорту. 35 человек из тех, кто изображён на них, в результате поисков стали известны. Расскажу о тех фотографиях, которые не были опубликованы в предыдущем номере журнала «Аргмак».

Напомню: на основе найденных фотографий создано уже пять экспозиций, которые успешно пробуждают память соотечественников не только в Заинском районе Татарстана, но и в Казани (в Национальном музее РТ), и в Санкт-Петербурге в Царскосельском музее «Ратная палата», и в музее белого казачества в Париже.

Я благодарна всем, кто помогает мне в поиске забытых героев-земляков. Прежде всего, это мои родные, близкие и друзья, которых я уже упоминала в предыдущей публикации. Сегодня с особым удовольствием хочу пополнить этот список именами руководителя военно-исторического отдела музея «Ратная палата» в Царском Селе Георгия Эдишеровича Введенского, генерального директора Национального музея Татарстана Гульчачак Рахимзяновны Назиповой и главного редактора журнала «Аргамак. Татарстан» Николая Петровича Алешкова.

2 августа 1917 года, г. Туапсе

Слева первый сидит Галяминский Андрей Филиппович (годы жизни 1890–1933), уроженец города Заинск.

Похоронен в деревне Бугульда Заинского района ТАССР.

Участник I мировой войны (1914–1918 гг.). Прапорщик Царской Армии.

Участник Гражданской войны на стороне Красной Армии.

Во время «Вилочного восстания» офицеры предложили и А. Ф. Галяминскому принять участие, но он сел на первый пароход и уехал из наших мест. До 1917 года река Зай была судоходной.

Письма родителей и фотографии представил Дмитрий Андреевич Галяминский (1931 г.р.)

1914 год

Ямашев Владимир Васильевич (годы жизни 1890–1951), уроженец деревни Нарат Асты Мензелинского уезда Уфимской губернии (сейчас это деревня Нарат Асты Сармановского района).

Похоронен в деревне Владимировка Сармановского района.

Участник I мировой войны (1914–1918 гг.)

Ямашев Владимир Васильевич — первый директор Тюгеевской начальной школы в Мензелинском уезде Уфимской губернии. В Тюгеевке проработал до 1926 года.

Дети:

1. Дочь — Лидия Владимировна Чернышёва (ур. Ямашева) — заслуженный учитель Республики Татарстан. Умерла в 2011 году, г. Альметьевск.

2. Дочь — Нина Владимировна Нурмухаметова (ур. Ямашева), заслуженный учитель Российской Федерации. Живёт в городе Альметьевск.

Фотографию и информацию предоставил Гудошников Семён Михайлович, житель города Заинск.

1914 год

Слева первый стоит Майоров Корней Васильевич (годы жизни 1892–1962), уроженец деревни Басар Мензелинского уезда Уфимской губернии.

Похоронен в деревне Басар Заинского района (ныне деревни не существует).

Участник I мировой войны (1914–1918 гг.). Был ранен, находился в плену, вернулся в 1923 году.

Участник II мировой войны (1942–1945 гг.) Трудовой фронт.

В центре сидит Лопатин.

На могильной плите надпись со словами «Братьям Майоровым Корнею и Ефиму — солдатам и кормильцам России от благодарных потомков».

Фотографию предоставила Майорова Прасковья Корнеевна — дочь Майорова К. В. Ей 90 лет. Живёт в старом Заинске.

2 апреля 1917 год

Шемановский Лев Александрович, уроженец города Заинск Мензелинского уезда Уфимской губернии.

Участник I мировой войны (1914–1918 гг.). Участник Гражданской войны — Белая Армия. Штабс-капитан.

Один из руководителей «Вилочного восстания» в феврале-марте 1920 года, член тайной организации «Чёрный орёл и земледelec».

Из руководителей «Вилочного восстания» уцелел только он, с Белой Армией ушёл в Харбин.

Фотографию Шемановского Льва Александровича предоставил Галяминский Дмитрий Андреевич. Шемановский Л. А. и Галяминский А. Ф. с детства дружили, их родители тоже жили в очень дружных отношениях.

1916 год

Справа первый — Сухов Мирзаян Шакирзянович (годы жизни 1892–1944), уроженец деревни Новая Муртаза Бирского уезда Уфимской губернии. Похоронен в деревне Новая Муртаза в Чакмагушевском районе Башкортостана.

Участник I мировой войны (1914–1918 гг.). 29-я артиллерийская бригада Оренбургских казачьих войск. Младший унтер-офицер. Награда — Георгиевский крест (4 степень).

Участник II мировой войны (1942–1945 гг.). Трудовая армия.

Фотографии и информацию о своём деде предоставил Сухов Радик Равилевич, житель города Набережные Челны, 2013 год.

1914 год

Справа — Тарасов Никифор Иванович (в фуражке), (годы жизни: 1885–1958), уроженец деревни Фёдоровка Мензелинского уезда Уфимской губернии. Похоронен в деревне Фёдоровка Заинского района Республики Татарстан.

Слева — его товарищ Никифор, уроженец села Налим Заинского района.

Участники I мировой войны (1914–1918 гг.).

Фотографию предоставил Тарасов Арсений Фёдорович, деревня Сармашбаш, Заинский район, Республика Татарстан.

1919 год

Зарипов Салих Зарипович (годы жизни 1889–1944), уроженец деревни Боламык Мензелинского уезда Уфимской губернии. Похоронен в деревне Мартыштамак Сармановского района Республики Татарстан.

Участник I мировой войны. Служба в Царской Армии с 1913 года. 26 Сибирский стрелковый полк, 9 рота. Военный городок вблизи города Иркутск.

Попал в плен близ Варшавы, откуда был отправлен в Германию, потом во Францию, в город Тулон. Лагерь для военнопленных.

Фотографию предоставила Зарипова Аниса Салиховна (1923 г.р., село Сарманово, Сармановский район, Республика Татарстан).

1913 год

Шаймарданов Шайгардан Шаймарданович (годы жизни 1888–1962), уроженец деревни Сармашбаш Мензелинского уезда Уфимской губернии. Похоронен в деревне Сармашбаш Заинского района Республики Татарстан.

Служба в Царской Армии. Участник I мировой войны (1914–1918 гг.).

Фотографию предоставил внук, Шайгарданов Дамир Ибрагимович (1972 г.р., деревня Сармашбаш, Заинский район, Республика Татарстан).

1914 год

Хайдаров Гайнетдин Хайдарович (годы жизни 1895–1915), уроженец деревни Старый Мензелябаш Мензелинского уезда Уфимской губернии.

Участник I мировой войны (1914–1918 гг.). В 1915 году погиб на войне.

Фотографию предоставила племянница Зарипова Аниса Салиховна (1923 г.р., село Сарманово, Сармановский район, Республика Татарстан).

1913 год

Слева — Зарипов Салих Зарипович (годы жизни 1889–1944), уроженец деревни Боламык Мензелинского уезда Уфимской губернии. Похоронен в деревне Мартыштамак Сармановского района Республики Татарстан.

Справа — Ханнанов Кадыр Ханнанович — из деревни Лашау Тамак Сармановского района.

Служба в Царской Армии. 26 Сибирский стрелковый полк, 9 рота. Военный городок вблизи Иркутска.

Участники I мировой войны (1914–1918 гг.).

Фотографию предоставила Зарипова Аниса Салиховна.

1919 год

Слева — Шаймарданов Сахип Шаймарданович.

Справа — Закиров Миннемахамет Закирович, уроженец деревни Уразай Агрызского района Республики Татарстан.

Участники I мировой войны (1914–1918 гг.). Военнопленные. На фотографии во Франции — 1919 год — близ города Тулон (лагерь для военнопленных).

Фотографию предоставила Зарипова Аниса Салиховна.

1913 год

Справа — Зарипов Салих Зарипович (годы жизни 1889–1944), уроженец деревни Боламык Мензелинского уезда Уфимской губернии. Похоронен в деревне Мартыштамак Сармановского района Республики Татарстан.

Участники I мировой войны (1914–1918 гг.).

Военнопленные — сначала в Германии, потом во Франции, лагерь для военнопленных близ города Тулон.

Фотографию предоставила Зарипова Аниса Салиховна.

1915 год

I ряд, в центре сидит Бычков Гаврила Степанович (годы жизни 1871–1936), уроженец села Орловка Мензелинского уезда Уфимской губернии. Унтер-офицер Царской Армии.

Участники I мировой войны (1914–1918 гг.).

Фотографию предоставила Забродина Валентина Андреевна (г. Набережные Челны).

1921 год

Никитин Павел Алексеевич (годы жизни 1890–1940 гг.), уроженец деревни Налим Мензелинского уезда Уфимской губернии. Похоронен в городе Елабуга Республики Татарстан.

Участник I мировой войны (1914–1918 гг.).

Участник Гражданской войны.

САМОРОДОК

Мир оригинального художника Анатолия Пашина — своеобразное пейзажничество — уход в природу и, по контрасту с ним, неожиданная постиндустриальная маэстрия, а точнее, постмодерн.

Взрывная, экспрессивная плазма его искусства составлена из двух толчков, двух начал. Материально — это живое, копошащееся, как священное животное с языческим лицом, плотно увешанное символикой всевозможных верований (в том числе мифологических) дерево, как бы содержащее в себе плоды всех времён и всех культур: иконописи, резьбы и росписи по дереву, мир Андрея Рублёва, деревянной утвари, рельефов и «экологической» скульптуры, мир Пикассо, Дали и Пушкина...

Первый пласт работ — это своеобразная архаика, «доцивилизационный» период. Здесь художник ушёл от холстов, масляных поверхностей, работал как самородок или древний инок, подобно Нестору, при лампадке, вдали от человеческого глаза, процарапывая натуральными красителями магические линии древнего идола или святого... Мох и вода, дожди и солнце давно сделали своё дело. Их деяния только откорректированы прикосновением мастера, подключившим их в один поток философского осмысления. Поэтому замшелые, ворсистые доски и листья, оживлённые линией стебля и вспышкой экзотического пера, приобретают лик претворения...

«Я почувствовал энергетику пёрышек, душу досок, их молчаливый зов, обещание тайн...» В этой части своего творчества, с ликами христианских ли, языческих ли богов, домовых, призраков, нечистой и доброй силы, полных жажды слияния с человеком и с чем-то ещё секретным, непостижимым — масса обаяния, тайны, и что-то храмовое, народное, предвечное, как церковное пение. Здесь чарующий частокол из ликов — в виде натуральной сельской изгороди из досок и горбылей с мордастыми и носатыми физиономиями хозяев, скульптурные деревянные обрубки, пни. Дожди и потоки вод и невидимое глазу тысячелетнее плавание в деревенских заводах сформировали неожиданно шокирующее правдоподобие или дьявольскую маску! Здесь Пашина-пигмалиона не оторвать от демиурга-создателя, от всех осадков и солнечно-химических реакций этой земли. Это исток.

Вторая актуальная часть искусства Пашина — это современная графика, рациональная, концептуально выношенная, давняя, сопровождающая все его терзания и достижения в других сферах искусства (монументальном искусстве и витраже), практически задействовавшая все современные технологии эстампа

и печатной графики (офорт, линогравюра и др.). Но и здесь А. Пашин сделал головокружительный разрыв со всеми механическими способами технического воспроизведения, сделав культовым священное движение руки художника, линией выводящее биоритмы сердца и зов древних эпох. Это серии «Казань», «Пушкиниана», «Женщины», «Дон Кихот», «Яблоко желаний», «Римлянки», «Дочери». В графике он разворачивает свой дар поэта — обладателя блестящих сравнений, метафор и нежных обволакивающих притч. Одной из таких просветляющих волшебных находок надо считать его «куртуазное перо» — бренд и имидж Пашина, отражающий весь его облик, начиная с одежды. И что бы это ни было: наконечник ли стрелы, перо писца или осеняющее его особым ликованием перо жар-птицы, — это крик души современного художника, который в наше развороченное рынком волчье время каким-то чудом должен быть услышан современниками...

АНАТОЛИЙ ПАШИН

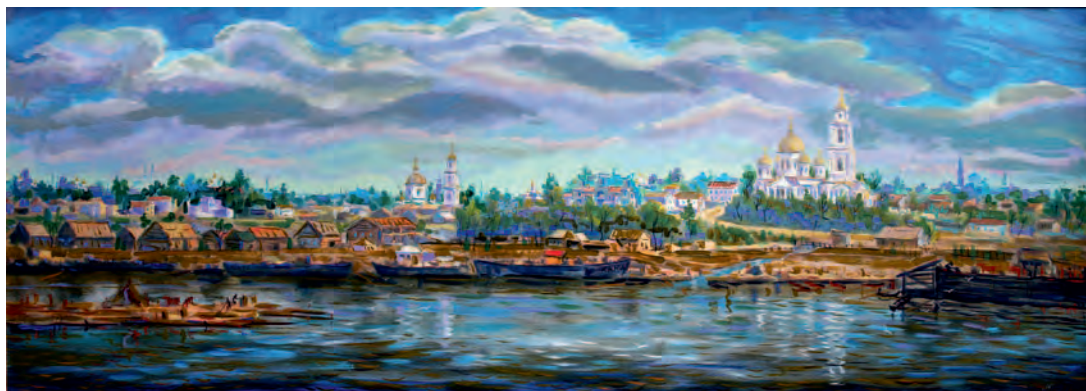
Игра. Х., акр., сус. золото. 90×90. 2013 г.

Паганини. Х., акр., 200х90. 2013 г.

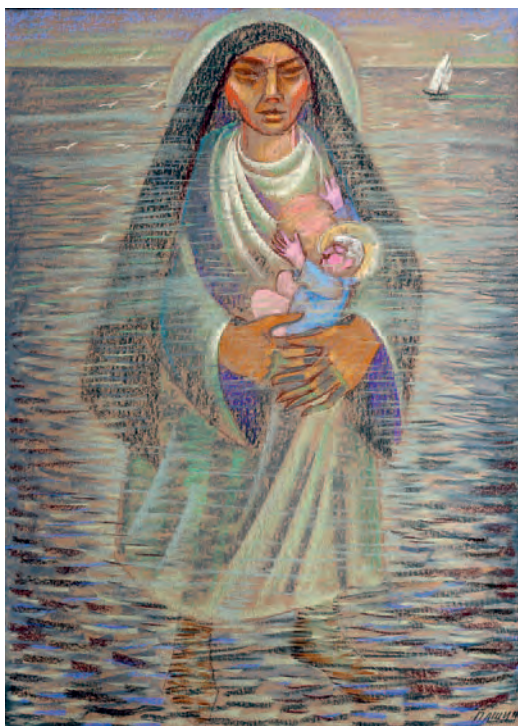

*Рождение Христа на Алтае.
Х., акр. 200х90. 2013 г.*

Уездный купеческий город Чистополь. Х., акр., 70х220. 2014 г.

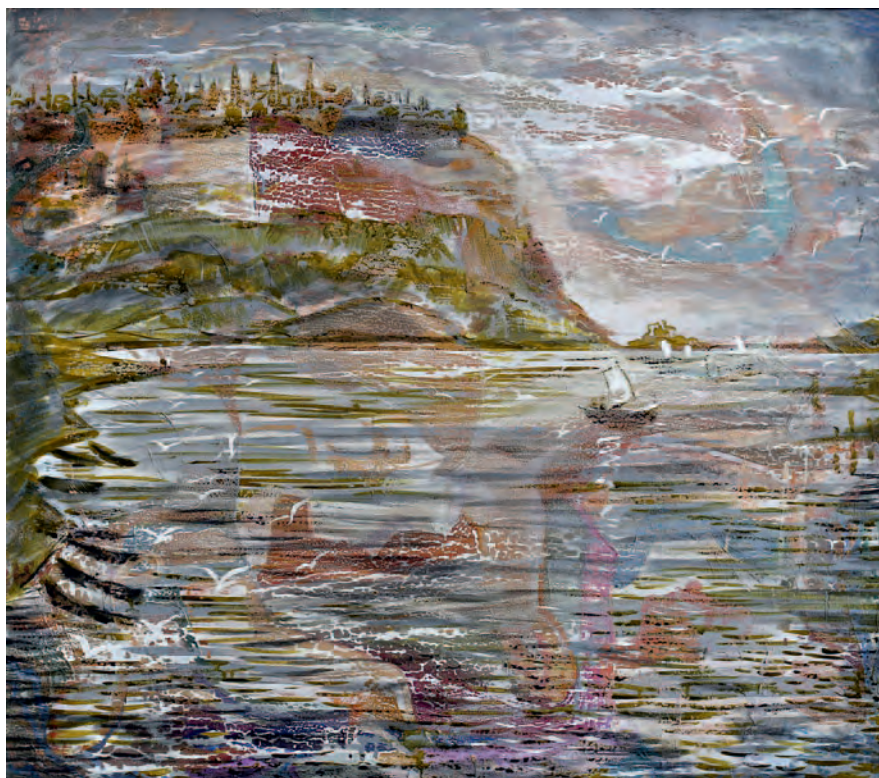
АНАТОЛИЙ ПАШИН

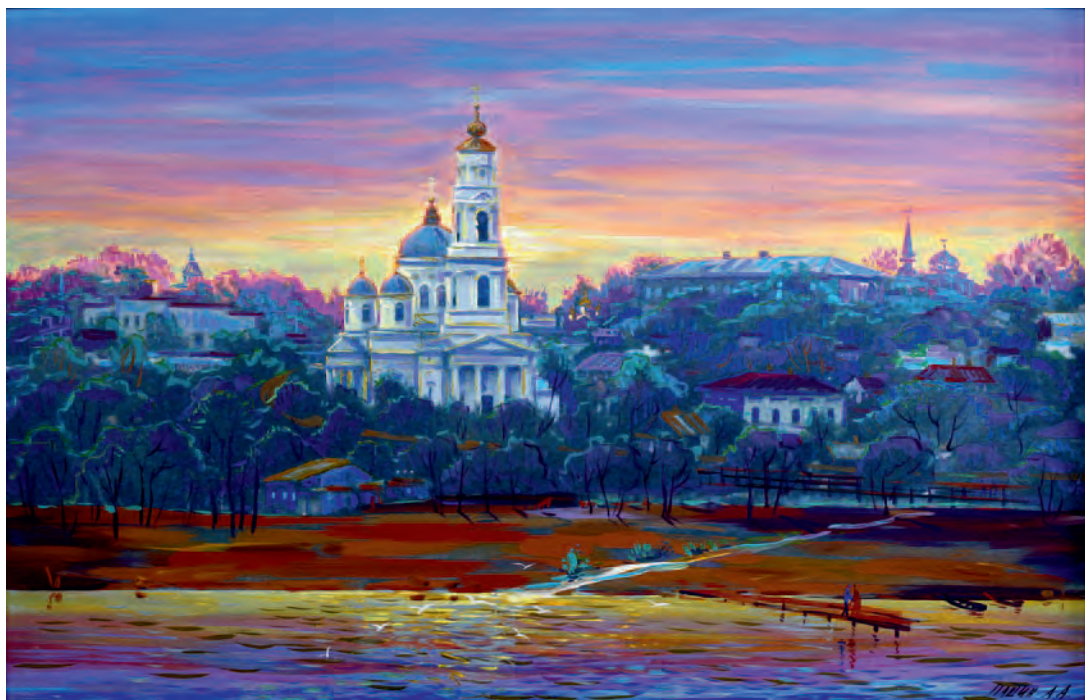
Мадонна Джукетау. Бум., паст.. 80×100. 2014 г.

Булгарин. Бум., паст.. 80×100. 2014 г.

Чайки над Джукетау. Х., акр.. 90×100. 2014 г.

Никольский собор в Чистополе. Х., акр.. 70×100. 2014 г.

Русский натюрморт. Бум., паст.. 60×80. 1998 г.

АНАТОЛИЙ ПАШИН

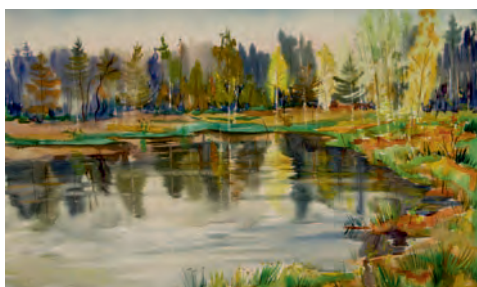
Озеро русалок. М., карт., 35×45. 2000 г.

Сиреневый вечер. Акв., бум., 60×80. 2010 г.

Ласковое утро. М., карт., 35×45. 2000 г.

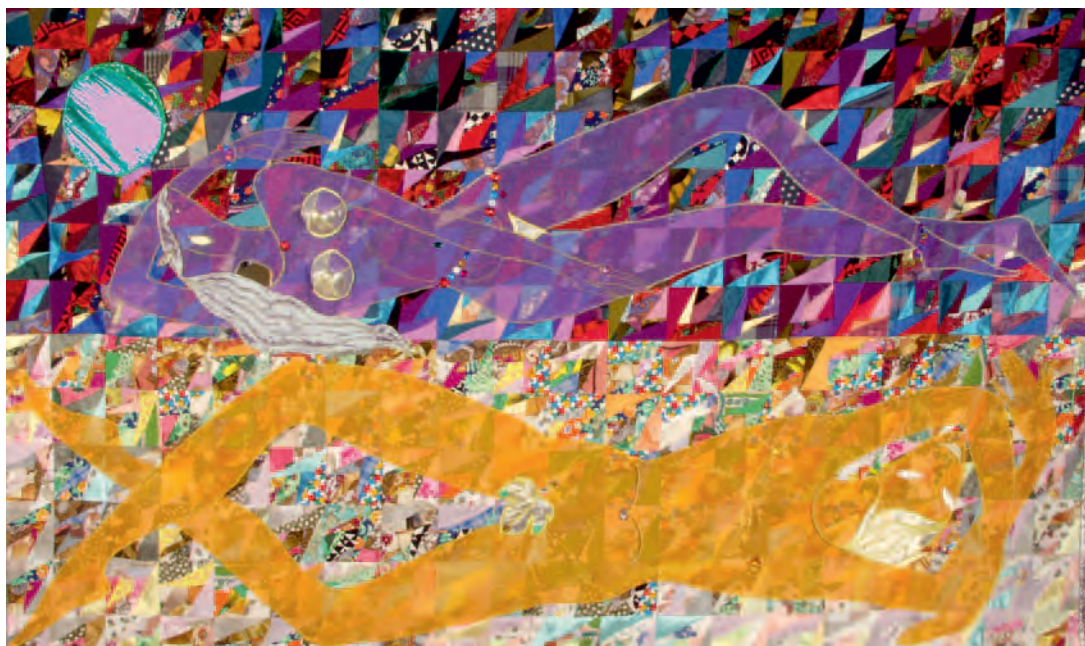
Осеннее озеро. Акв., бум., 40×70. 2010 г.

Березоньки. М., карт., 40×60. 1985 г.

Солнечный день. Акв., бум., 45×70. 2005 г.

День и ночь. Лоскут. техника. 180×220. 2003 г.

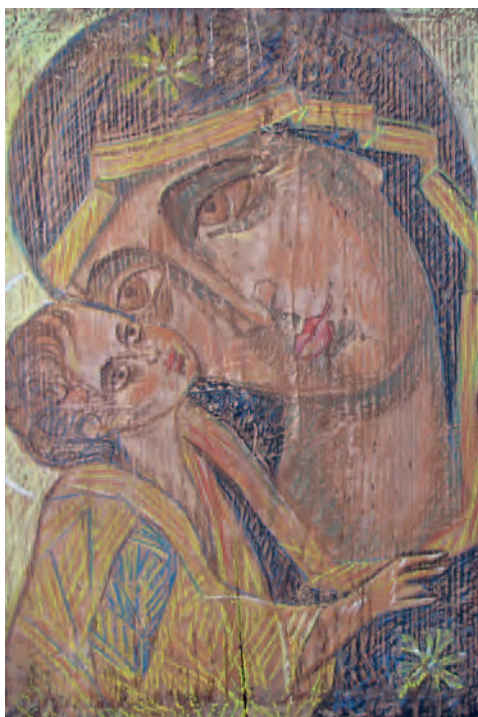

Русь православная. Триптих. Литой витраж, стекло на торец. 120×200. 2000 г.

АНАТОЛИЙ ПАШИН

Николай Угодник.
Дерево, смеш. техн., 40×60. 2013 г.

Владимирская Божья Матерь.
Дерево, смеш. техн., 40×60. 2013 г.

Распятие.
Х., акр., 95×140. 2014 г.

Иоанн Креститель.
Дерево, смеш. техн., 30×60. 2013 г.

*Азиатская мадонна природы.
Х., акр., 140×90, 2014 г.*

Булгарская мадонна. Х., акр., 140×90, 2014 г.

Лунная Булгария. Х., акр., 90×140, 2014 г.

*Явление Богоматери на реке Каме
Х., м., 90×90, 2013 г.*

*Предки-охотники.
Бум., паст., 80×100, 2013 г.*

*Оплакивание художника.
Х., акр., 85×85, 2013 г.*

*Камская чайка.
Х., акр., 70×70, 2013 г.*

У КОНОВЯЗИ

РАФАЭЛЬ ХАЛИЛУЛЛОВ

ЧУДЕСА, ДА И ТОЛЬКО!

Ко мне на улице хулиган пристал. Обозвал, толкнул в лужу, вырвал пакет с картошкой и убежал. Пустяк, а неприятно. Позвонил в полицию. А сам думаю: «Всё равно искать не будут...» Через час сообщают на мобильник: поймали Вашего обидчика, пишите заявление и забирайте свою картошку. Чудеса, да и только!

Вечерком заглянул сосед на огонёк. Рассказал ему про хулигана и картошку. «Это что, — говорит. — Еду я утром на своем жигулёнке. Вдруг гаишник из кустов вылетает. Ну, я, как всегда, дежурную сотню приготовил. Так он проверил документы и вежливо говорит: «У вас всё в порядке. Счастливого пути!» Чтобы гаишник без штрафа отпустил?! Чудеса, да и только!»

Пока мы с соседом обсуждали поведение странного гаишника, пришла с работы жена. «Радость у нас на заводе, — говорит. — Зарплату, наконец, выдали, да ещё с процентами за задержку. Сам директор на собрании прощения просил...» — «Ну, ты и загнула!» — изумились мы. «Истинная правда!» — божится жена и выкладывает на стол деньги. Чудеса, да и только!

Вскоре дочка из института вернулась. «Экзамен сдала?» — спрашиваем. «На пять!» — докладывает она. «Как на пять? Ты же денег только на тромяк взяла?» — «Наш преподаватель сказал, что теперь он оценки только за знания ставить будет! И строго предупредил, чтобы никаких денег...»

— Чудеса, да и только! — заохала жена. — Да что же это на свете творится? Неужели жить по-человечески стали?

О том, что творится на свете, мы узнали из вечерних теленовостей. Оказалось, что в наш город приехала прокурорская бригада из центра. Заводить дела на оборотней в погонах, коррупционеров и тех, кто зарплату годами не выдает. Такая теперь генеральная линия наметилась.

А если так, значит, и мы поживём по-человечески. Месяца два, а если повезёт, то и все три.

СОБРАТ ПО РАЗУМУ

В ясном небе что-то ухнуло и завертелось. Когда улеглась пыль, Фёдор увидел на картофельных грядках своего необъятного огорода серебристое блюдце размером с сельсоветовскую лужу. «Мать честная... Что за хреновина! — изумился мужик. — Это сколько цветмета привалило!» Одолев робость, он подступил к «хреновине» и ткнул её вилами в серебристый бок.

— Пошто, нехристь, грядки замял? — опасливо крикнул он.

Внутри блюда что-то хрюкнуло, и перед изумлённым Фединым взором возник маленький головастый тип голубоватого цвета. Был он наг и бос.

— Ты кто? Яврей али славянин? — спросил Федя первое, что пришло в его ошарашенную голову.

Голубой подмигнул, и в Фединых глазах, как бегучка на телеэкране, возникли слова: «Сами мы не местные... соседняя галактика... вынужденная посадка... поршень полетел... нужен молоток и разводной ключ... с меня пол-литра...»

Вилы выпали из враз ослабевших Фединых рук. «Всё, допился! Видения пошли!» — решил он. Но на белую горячку это не походило. При ней всё больше тараканы мерещились. Тут какая-то неведомая сила понесла Федю к сараю, где хоронился старенький трактор, доставшийся от ликвидированного колхоза, и всякий нужный в хозяйстве хлам.

Получив молоток и ключ, босой просигналил: «Я мигом... Вселенная не забудет...» — и исчез в серебристом блюдце.

Через час Федя с голубым мужичком сидели в сарае перед бутылкой с фиолетовой жидкостью. «Чернила, что-ли?» — опасливо подумал Федя. Собрат по разуму заморгал: «Не бойсь... проверено... не палёная...»

— Ну, тогда за контакт цивилизаций! — сказал Федя и махом отправил неземную жидкость в рот.

«Однако, слаба — наш самогон покрепче будет!» — решил он, похрустывая редиской. Голубой закусывать не стал и снова подмигнул.

— Ещё по одной! — догадался Федя. — Наш человек!

Третью гость пить не стал. «За рулём... дорога дальняя...» — просигналил он. Чужая важность момента, Федя допил остатки сам...

Утром он еле поднял голову. Во рту было сухо, в глазах — мутно, в голове — печально.

— Где ж ты вчера нажрался?! Вроде со двора никуда не уходил... — колокольным набатом загудел голос жены. Фёдор бессильно бросил голову на подушку. «Разве баба поймёт? Разве поверит в межгалактический контакт?» — еле шевельнулась мысль.

Вдруг перед Федиными глазами пробежали строчки: «Нахожусь на пути домой... спасибо за помощь... ключ на верстаке...»

«Значит, благополучно отбыл! — облегчённо вздохнул Фёдор. — Хороший мужик был, хоть и голубой!»

САМИ ПОНИМАЕТЕ

— Проходите, садитесь. Слушаю Вас, молодой человек... Минуточку, ответу на звонок!.. Алло! Да, это я! Что, подряд на строительство? Это архисложный вопрос... Конкуренция дикая... Да, и тендер проводить надо! Хорошо, учитывая наши многолетние деловые отношения, что-нибудь придумаем. Но, сами понимаете...

Так, слушаю Вас... Опять звонят! Да, это я! Что, закупка оборудования? Она находится на особом контроле! Ситуация сложнейшая! Разве, что для Вас попытаемся сделать что-нибудь... Но, сами понимаете...

Итак, слушаю Вас! Извиняюсь, снова телефон! Да, это я! С финансированием проблема? Даже не знаю, чем помочь... Обложили со всех сторон — ревизоры, аудиторы, контролёры... Ладно, попробую пробить, исключительно ради Вас... Но, сами понимаете...

Чёрт, опять звонят! Не дают спокойно работать! Да, это я! Что? Принять к нам на работу? Да у нас сокращение штатов идёт полным ходом! Разве, что самому включиться... Но, сами понимаете... Ну-с, внимательно слушаю Вас!

— Я из редакции городской газеты. Мы договорились с Вами об интервью.

— Да, помню-помню... А о чём интервью?

— О том, как в Вашем министерстве борются с коррупцией.

— Ах, да! Ну, пишите... Наше министерство, как и вся страна, поднялось на борьбу с этим, сами понимаете, злом...

ЧУДЕСНЫЕ ТАБЛЕТКИ

«Просто будь мужчиной! Всего одна упаковка — и ты в любом возрасте Казанов!» — услышал я как-то по телевизору. И загорелся. Дай, думаю, на склоне лет побалую супругу.

Позвонил. Мягкий женский голос заверил:

— Таблетки действительно творят чудеса! Я своему мужу взяла. Теперь не знаю, как его успокоить...

И назвала цену за одну упаковку. Аккурат моя пенсия.

— А что так дорого?

— А знаете, сколько оленей-моралов угробили ради этих таблеток?

— Ладно, — говорю, — беру. Очень уж хочется супругу порадовать...

За неделю съел упаковку. Сажу, жду, когда стану Казановой. Но чуда не произошло. Поехал в офис, где торговали чудо таблетками.

— Не подействовало? — удивились там. — Не может быть! Мы всей фирмой пьём и не жалуемся. Может, у Вас нервы?

— Да, нервишки пошаливают, — согласился я.

— Ну, тогда понятно! Есть у нас и от нервов таблетки — депутаты такие пьют...

И я купил депутатские таблетки. Заплатил две мои пенсии. Но чего не сделаешь ради любимой жены...

Съел упаковку. Сажу, жду, на депутатов по телевизору смотрю. Они — бодрые, а у меня — нервишки пошаливают, а остальное — спит.

— Похоже, сосуды засорились, вот таблетки и не действуют, — пояснили в фирме. — Чтобы их почистить, надо приобрести специальный пояс.

Делать нечего. Купил пояс. Цена — три мои пенсии. Поносил месяц и снова к фирмам. Там с моего пояса какие-то показания сняли.

— Всё плохо, — сообщили мне печально. — Жить Вам осталось два понедельника.

— А что случилось? — спросил я, побледнев.
— Страшное дело: нервы поедают сосуды!
— Как же быть?!

— Остаётся последняя надежда — тайное зелье африканских шаманов! Мёртвых поднимает!

И показывают пузырьрёк стоимостью в четыре моих пенсии. Я в ужасе побежал снимать с книжки последние деньги...

Попил я шаманское зелье. И знаете, помогло! Я живой и неплохо себя чувствую. Правда, остался без денег и без жены. Ушла она от меня.

— Не хочу, — говорит, — с дураком жить!

А жаль, я ведь для неё старался. Уж очень хотел её порадовать...

НАЛЁТ

В операционном зале банка было полно клиентов, когда туда ворвались трое в масках.
— Это ограбление! — крикнул один из них, махая предметом, похожим на пистолет. — Если хотите остаться живыми и здоровыми, стойте на местах и не дёргайтесь!

Девушки-операционистки с поднятыми руками испуганно замерли за своими рабочими местами. А грабители принялись набивать большую спортивную сумку пачками купюр.

— Живее! — приказал тот, что был с пистолетом. — Времени в обрез!

— Да не спешите, болезные, — неожиданно подала голос бабуля, пришедшая снять пенсионные деньги с книжки.

— Грабьте основательно, аккуратно... — добавил мужчина в потёртом пиджаке.

— Точно! — поддержала его учительского вида тётка. — Как банкиры нас грабят... Аккуратно, ничего нам не оставляя...

— Ипотекой замучили... процентами... — подал голос бледный молодой человек.

— И договорами, написанными мелким шрифтом, — отозвался дедуля в очках.

— Жулики! Стыда у них нет! Дурят нашего брата! Пора порядок навести! — раздавалось со всех сторон.

Тем временем налётчики, набив сумку доверху, поволокли её к выходу.

— Сынки! — крикнула им вслед бабуля. — Пачку выронили!

— Возьми, старая, себе! — раздалось уже с улицы. — Добавка к пенсии будет!

— Спасибо, родимый! — сказала бабка. — А вы к нам в управляющую компанию не загляните? Уж больно они грабят нас своими счёт-фактурами...

НА ПРИЁМЕ

— Алло! Поликлиника слушает... Ой, Маш, привет! Да, на работе. Приём веду. Бьюсь, как рыба об лёд. Не представляешь, как меня задолбали эти больные — никаких сил нет! Сегодня один дядька скрюченный пришёл. Еле дышит. Спасите, говорит, доктор. «Где ж вы раньше были?!» — спрашиваю. Оказывается, полгода лечился в платной клинике. На нём там все новые лекарства попробовали за его же деньги. Чуть без квартиры не остался. Ну, не придурок ли?

А недавно беременная притопала. «Что-то, — говорит, — неважно себя чувствую!» А я как раз на вторую работу спешила. «Приходите завтра», — говорю. «А вдруг рожу?» — «Тогда жду Вас через полгода». А она в слёзы! Ну, не дура ли!

Вчера мужик припёрся. Я, говорит, весь чешусь. А в баню, говорю, не пробовали сходить?

— Пробовал, — отвечает, — не помогло...

— А Вы ещё раз сходите...

— А поможет?

— Должно. А не поможет, ещё раз к нам придёте. В пятницу...

— Почему в пятницу?

— А у меня в пятницу выходной, — отвечаю.

Так он опять чесаться начал и к главврачу потащился. Жаловаться на бездушное отношение к больным. Ну, разве не придурок?

Скорее бы приём закончить... Я сейчас в морге, подрабатываю. Там хоть отдохнуть можно — по крайней мере, покойнички ни на что не жалуются. Может, вообще туда перейти? А то тут за копейки нервы у самой вытянут — не больные, так начальство. Ладно, Маш, пока. Перезвоню. У меня этих придурков ещё целая очередь! Ну, кто там с талончиком? Заходите!

МАМА, ПОЧИТАЙ!

АНАСТАСИЯ КУДРЯВЦЕВА

ДОБРО ПОБЕЖДАЕТ ЗЛО

сказка

* * *

С Анастасией Константиновной Кудрявцевой я знаком семь лет — ровно столько, сколько она живёт на белом свете. Моя семья дружит с дедушкой и бабушкой Насти, мы часто бываем в их гостеприимном доме.

Настя очень деятельный человек. Она посещает воскресную православную школу, рисует, лепит, читает стихи, поёт, вырезает, делает аппликации, составляет бизнес-проект авторского детского садика. Трудно сказать, что тут главное, но мне больше всего нравятся сказки и другие разные истории, которые Настя придумывает сама. И не только придумывает, но делает к ним иллюстрации, сшивает их вместе, чтобы получилась книга. Таких книг у Насти уже не менее десяти.

— Нельзя ли напечатать одну из них в «Аргамак?» — спросил я однажды у чрезвычайно занятого автора.

— Позвоните как-нибудь вечером, — сказала Настя. — Я что-нибудь подберу.

Долгожданный вечер наступил. Мы вместе выбрали сказку, которую сочинила Настя, а дедушка Виктор Семёнович и бабушка Татьяна Васильевна помогли её переписать. Рисунки — автора.

Главный редактор

Жила была одна женщина. У неё не было детей, и она просила Бога подарить ей ребёнка. Бог услышал её молитвы, и она родила двух девочек и назвала их Анна и Милия. Девочки росли добрыми и красивыми. Однажды к ним приехала волшебница и забрала старшую дочь Анну на учение в школу. Мама уходила на работу, а дочь Милия выходила во двор и играла с детьми.

Однажды мама задержалась на работе. Маленькую Милию украла злая ведьма.

Началась буря и непогода. Мама прибежала домой, а Милии там нет. Мама растерялась и не знала, к кому обратиться. Вышла на улицу и заплакала. Гроза, гром, буря так и не переставали, шли, всё ломая и руша. Разрушился и дом бедной мамы...

Прошли годы... Анна приехала из школы и отправилась искать Милию. Она ехала, ехала в карете, которую ей дали принцесса и принц, пока не остановилась у тётюшки, которая жила во

дворце. «Сегодня останься, а завтра отправишься снова», — сказала тётушка. Анна нашла старую одежду, которую давно-давно носила тётушка, в своей комнате. Наутро поехала дальше, и по пути ей повстречались домовёнок, русалочки, а в самом конце пути в лесу ей повстречалась вредная Баба-Яга...

Закончились путешествия, и перейдём к прекрасному... Жила на планете Земля девочка Настя. Она жила в Королевстве. И была самой прекрасной слугой в Королевстве.

Анна и Настя встретились. Анна задумалась: Настя такая хорошая, да и вдвоём веселей в пути! И попросила Настю путешествовать с ней. Настя согласилась, и вдруг загремел гром и они попали в чей-то маленький подвальчик. И нашли там розо-

вую балеринку (она была им по колено). Её звали Розита. Она горько плакала. Сверху раздавалось: «Не бойся, мы тебе поможем!»

Настя поднялась наверх. А в пути нужна и еда, и постель. Настя взяла полотенца и сделала крошилды. И они отправились дальше, взяли с собой и балеринку Розиту.

Они поехали дальше. Розита больше не плакала, ей очень полюбились девочки, такие умные, храбрые и заботливые. Она захотела быть похожей на них.

По дороге они встретили маленькую разбойницу. Она попросила у них крошилду. Аня увидела, что в мешке осталось только 4 крошилды. Они взяли по одной. Маленькая разбойница держала в руке нож, в кармане был пистолет. Но она была добрая, и они позвали её с собой.

А в это время Милия смотрела на извивающегося червячка и сочиняла песенку:

Червячок чок-чок,
На кровати — паучок,
Под кроватью — сундучок,
Там лежит один сачок,
В пальцах держит пятачок,
Прямо скажем, дурачок:
Пьёт на праздник коньячок,
Будет точно толстячок!
... хи-хи-хи!

Злая колдунья не хотела отпускать Милию. Маме надоело ждать, и она послала Ивана-царевича и Лёню. Не совсем Ивана-царевича, Лёня был им пятиюродный брат или семиюродный брат.

Все вместе, дружно, они смогли одолеть злую колдунью и спасти Милию.

Царство зла колдуньи разрушилось на мелкие осколки. А колдунья превратилась в цыплёнка. Все: Анна, Настя, Розита, Разбойница, Лёня, Иван-царевич, мама, папа, — были очень рады. Все развеселились, а Милия спела им свою весёлую песенку.

Они вернулись домой. И началась свадьба. Анна вышла замуж за Лёню, а Милия за Ивана. Милия сочинила новую песню...

— Червячок пришёл на свадьбу весело,
Все танцуют и поют целый день!

Анна: Все вместе мы спасли Милию
И победили злую ведьму!

Все: Этот день сегодняшний — веселье!
Этот день — радость в глазах.
Это праздник большой,
Праздник на всех.

Иван: Это праздник светлый!
Э-э-это праздник светлыый!

Настя: Он-гоп-гоп! Оп!

В КОНЦЕ НОМЕРА

Мы обещали назвать в юбилейном (двадцатом) номере «Аргмака» всех авторов, публиковавшихся в нём за пять лет существования журнала. Список мы подготовили, но он не уместился, к сожалению, в заданный объём издания. И мы решили разместить его на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей, являющегося издателем журнала. Кому интересно, тот и заглянет: www.srpkn.ru.

И обнаружит, что мы не ориентируемся на «звёздные» имена. Мы ориентируемся на открытие новых и новых авторов, живущих в нашей стране — России, живущих в нашей республике — Татарстане. Мы ориентируемся на то, что «Россия пишет стихи и прозу, как никогда ещё не писала». Такое завещание нам оставил поэт милостью Божьей Станислав Золотцев, переехавший в последние годы жизни из Москвы в Псков. Наша практика подтвердила, что он был прав: подлинная художественная литература рождается не в пределах Садового кольца, а на огромных пространствах от Калининграда до Владивостока.

Пять лет тому назад некоторые «мудрецы» предрекали мне — дескать, без крупных литературных авторитетов журнал быстро выдохнется, не будет востребован. Сегодня я могу смело утверждать — этого не случилось. «Аргмак. Татарстан» всё увереннее встаёт рядом с теми изданиями, которые продолжают традиции отечественной классики, не делят писателей на своих и чужих, предлагают им открыто и честно, а, главное, талантливо излагать свои взгляды на мир, в том числе, и на то, «как нам обустроить Россию».

Близко с нашими границами опять пахнет порохом. Происходящее на братской Украине тревожит сердца всех россиян. Заокеанское закулисье (США) угрожает санкциями, навязывая военное разрешение конфликта, стремясь к новому переделу мира. Что касается писательского сообщества, то в этих условиях каждый решает сам — быть или не быть амбивалентным и толерантным. Мы стоим на патриотических позициях. Русский тот, кто любит Россию. Ни пяди родной земли, политой потом и кровью отцов и дедов, мы никому не отдадим. Спасибо всем, кто с нами!

Николай АЛЕШКОВ

Наши авторы

стр. 50 ГАЛИУЛЛИН Рустем Гусманович родился в 1987 году в деревне Наласа Арского района Республики Татарстан. В 2004 году поступил на факультет татарской филологии и истории Казанского государственного университета. В 2009 году закончил КГУ с отличием, награждён медалью «Лучший выпускник-отличник 2009», и в 2012 году защитил диссертацию. Кандидат филологических наук.

С 2005 года его юморески, рассказы, повести печатаются в газетах «Сабантуй», «Шәһри Казан», «Ватаным Татарстан», «Мәдәни жомга», «Татарский мир» (Москва), «Литературная газета» (Москва), в журналах «Чаян», «Казан утлары», «Идел», «Мәйдан», «Наш Современник» (Москва), «Аврора» (Санкт-Петербург). В студенческие годы он работал в журнале «Чаян» (2006) и в газете «Шәһри Казан» (2008–2010). В 2010–2011 годах работал редактором отдела в журнале «Казан утлары» («Огни Казани»). С 2011 года — главный редактор журнала «Идел».

Рустем Галиуллин является членом правления Союза писателей и журналистов Татарстана, членом Международного Пен-клуба, победителем конкурса молодых писателей «Иделем Акчарлагы» (Гран-При — 2007), автором трёх книг: на татарском языке — «Гипнозчы малай» («Мальчик-гипнотизёр», 2008 г.) и «Юлларда жил ак иде» («На дорогах белый ветер...», 2012 г.), на русском языке — «Одиночество» (Москва, 2013 г.). В 2009 году стал победителем в номинации «Дебют» на XII конкурсе в сфере журналистики и масс-медиа Республики Татарстан «Бәллүр кәләм — Хрустальное перо».

стр. 3 ЗОЛОТЦЕВ Станислав Александрович (1947–2008) — советский и российский поэт, прозаик, переводчик и публицист. Родился 21 апреля 1947 года в деревне Крёстки под Псковом в семье сельских учителей. В юные годы работал слесарем на псковском заводе, окончил вечернюю школу. Затем поступил в Ленинградский государственный университет на филологический факультет (первые два курса был вечерником, работая на Кировском заводе). Окончил английский отделение филологического факультета ЛГУ в 1968 году. Два года работал переводчиком в Индии. Затем два года преподавал в Историко-архивном институте (Москва), сотрудничал с Интуристом, работая гидом.

С 1972 по 1975 год служил офицером в авиации Северного флота. Затем учился в аспирантуре на кафедре зарубежной литературы МГУ, защитил диссертацию по творчеству Дилана Томаса (Великобритания, Уэльс), кандидат филологических наук.

За 30 с лишним лет профессиональной писательской деятельности С. Золотцев выпустил 25 книг стихотворений, несколько книг прозы и три книги литературных исследований. Множество его статей, обзоров и других литератур-

но-исследовательских материалов были опубликованы в периодике. Его перу принадлежат более 20 книг переводов из поэзии Востока (бывших советских республик, Индии и арабских стран) и Запада (Великобритании, США, Франции и др.).

С.А. Золотцев неоднократно избирался в руководящие органы Союза писателей России и столичной писательской организации. С 1992 по 2000 г. работал руководителем новосозданного Московского Литературного фонда (социально-правовая защита писателей). С 1995 года совмещал эту должность с работой в родном Пскове, где был избран писателями-земляками председателем областного отделения Союза писателей. Жил по преимуществу в Пскове, не порывая творческих связей с Москвой.

Отец двоих детей и дед двоих внуков, которые живут в Москве.

стр. 157 КЛЯЧИН Валерий Алексеевич (1954–2014) родился в г. Иваново. После окончания в 1976 году Клайпедского мореходного училища работал штурманом на судах флота рыбной промышленности СССР, проживая в посёлке Заливино Калининградской области.

С 1981 по 1986 год учился на дневном отделении Литературного института им. Горького (семинар прозы). Затем вернулся в Иваново, где работал литературным консультантом в Ивановской писательской организации, учителем в сельской школе, имел своё фермерское хозяйство, служил священником в храмах Ивановской области (РПЦ) и в Суздале (РПАЦ), зарабатывал на хлеб кладкой печей и каминов в Подмоскovie. Член Союза писателей России с 1991 года.

Первая публикация стихотворений состоялась в 1976 году в газетах «Советская Клайпеда» и «Рыбак Литвы», первый рассказ опубликован в журнале «Литературная учёба» в 1986 году. Первая и единственная книга прозы вышла в 1988 году («Дождь во время любви», М., «Современник», 1988 г.). Печатался в коллективных сборниках издательства «Современник», в областных газетах и многих номерах альманаха «Откровение», в журналах «Аргмак. Татарстан», «Новый Енисейский литератор». Лауреат Областной Литературной премии, имеет Почётную грамоту СП России. Был членом редакционной коллегии журнала «Аргмак», создателем и главным редактором интернет-издания «Русский Крест».

стр. 202 ЛЮТЫЙ Вячеслав Дмитриевич родился в 1954 году в городе Легница Польской Народной Республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А.М. Горького. Служил в армии, работал радиоинженером, звукооператором и заведующим литературной частью театра, инкассатором, менеджером коммерческого банка. В настоящее время — замести-

тель главного редактора журнала «Подъём». Лауреат премии Общественной Палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», премии журнала «Подъём» «Русская речь». Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

стр. 231 **МАРТЫНОВА** Раиса Ахтямовна родилась 2 октября 1951 года в деревне Сармашбаш Заинского района Республики Татарстан. В 1974 году окончила Елабужский педагогический институт, отделение физмат. Работала учительницей математики в школах Тукаевского района. После переезда в город Набережные Челны работала на заводе ЖБИ-210 начальником цеха, в Управлении строительства дорог прорабом, старшим инженером в ООО «Меркурий», инженером в ООО «Климат-Люкс». С 2001 года стала заниматься историей российского дворянства, родословной князей Юсуповых, а также историей Первой мировой войны: поисками документов и фотографий военных лет. Является членом дворянского собрания Республики Башкортостан. Награждена памятной медалью «Юбилей Всенародного Подвига. 1613–2013 гг.», крестом «За увековечение памяти Отечественной войны 1812 года», юбилейной медалью «200 лет победы над Наполеоном». В 2013 году совместно с единомышленниками обнаружила захоронение воинов Белой Армии в деревне Кокшан Менделеевского района РТ и установила памятник.

Поддерживает идеи монархизма и дворянского движение России.

стр. 39 **НЕМЧЕНКО** Гарий Леонтьевич родился 17 июля 1936 года. Писатель-прозаик, очеркист, член Союза писателей. Родился в станице Отрадной Краснодарского края. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета. 12 лет жил и работал в Новокузнецке, на Запсибе. Именно из книг Гария Немченко вся страна впервые узнала о первооткрывателях Запсиба, их жизни, быте, увлечениях. Был редактором газеты «Металлург-строй», собственным корреспондентом «Строительной газеты», заведующим отделом прозы в издательстве «Советский писатель».

Рассказ Гария Немченко «Красный петух Плимутрок» издан в Париже на французском языке с иллюстрациями русского художника эмигранта. Вышло свыше пяти десятков книг его прозы, сборники есть в Национальной библиотеке США. По мотивам его произведений снято несколько художественных фильмов.

Труд о судьбе знаменитого оружейника Михаила Калашникова был отмечен литературной премией «Сталинград». Перевод с адыгского языка романа Ю. Чукко «Сказ о Железном Волке» был удостоен российской литературной премии «Образ».

Г.Л. Немченко избирался первым атаманом землячества казаков в Москве, заместителем атамана Союза казаков по культуре и внешним связям.

стр. 106 **ОЛЬШАНСКИЙ** Александр Андреевич родился 12 февраля 1940 года в городе Изюм Харьковской области. Советский и российский прозаик и публицист, член Союза писателей России.

В 1961 году поступил в Литературный институт им. А.М. Горького. После закрытия Хрущёвым очного отделения Литинститута стал одним из организаторов забастовки протеста. В 1963–66 гг. — военная служба на Дальнем Востоке.

В 1969 году его, как выпускника Литинститута, приглашают перейти на работу в аппарат ЦК ВЛКСМ. В 1973–79 гг. — заведующий редакцией по работе с молодыми авторами издательства «Молодая гвардия». С 1979 г. — член Союза писателей СССР.

В настоящее время руководитель семинара прозы на Высших литературных курсах, один из основателей Содружества выпускников Литературного института, политический обозреватель международного журнала «Форум». Награждён медалями СССР и РФ, имеет почётное звание «Zasluzony dla kultury Polskiej» (1989).

стр. 239 **ПАШИН** Анатолий Алексеевич родился в 1957 году в городе Чистополе Татарской АССР. В 1972 году поступил в Казанское театральное училище на театральное-декорационное отделение, обучался у преподавателя Т.А. Зуевой. После окончания работал художником в Калуге. Отслужив в десантно-штурмовых войсках, работал художником в Казани.

С 1979 по 1984 год обучался в Харьковской Государственной академии дизайна и искусства, где посещал занятия по цветоведению у профессора М.А. Шапошникова, по академической живописи у профессора П.С. Жердицкого, по технологии классического паяного и литого витража и других монументальных техник — у профессора А.В. Проница. По окончании был направлен на работу художником-проектировщиком в Набережные Челны, где проживает поныне.

Принимал участие в молодёжных и республиканских художественных выставках с 1974 года, провёл более 30 персональных выставок по различной тематике в Москве, Казани, Киеве, Харькове, Самаре, в Набережных Челнах, Чистополе, Елабуге, Альметьевске, Нижнекамске.

Участвовал в 4 Всероссийских выставках в Москве; на 4 зональных выставках «Большая Волга» в Чебоксарах, Казани, Самаре, Нижнем Новгороде, Москве. Его произведения публиковались в журнале «Азат хатын» и в альбоме «Художники Татарстана». Анатолий Пашин — участник многих региональных и более 30 республиканских выставок.

За активную творческую деятельность он отмечен дипломом Союза художников России «За успехи в творчестве и содействие развитию изобразительного искусства России»; дипломом и медалью за оригинальную графику выставки ВДНХ (Москва 2001 год); Почётной грамотой Управления культуры г. Набережные Челны; дипломом СХ РТ, г. Казань 2006 год; Дипломом Министерства культуры РТ «За участие в международном симпозиуме URMAN ARTe» (2008 год); дипломом Арт-галереи и дирекции «За оригинальность художественного образа, ВДНХ г. Казань; Почётной грамотой мэра г. Набережные Челны «За многолетний плодотворный труд и большой вклад в развитие изобразительного искусства» (2008 год).

Работы художника находятся в Государственном музее Татарской АССР; в НКЦ «Ка-

заны»; «Музее уездного города» (г. Чистополь); в картинных галереях Казани, Набережных Челнов, Альметьевска, Елабуги, а также в частных коллекциях России и за рубежом. Он является инициатором открытия картинной галереи в родном городе Чистополе.

стр. 32 ПЕРЕЯСЛОВ Николай Владимирович родился в 1954 году в Донбассе, работал шахтёром, геологом, журналистом, директором Самарского областного отделения Литературного фонда России, помощником мэра Москвы. Секретарь Правления Союза писателей России. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор свыше 30 книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов. Участник 1-й Международной поэтической конференции в Каире, 1-го фестиваля поэзии стран Азии во Вьетнаме, 1-го Российского Литературного Собрания и встречи с Президентом РФ В. В. Путиным. Член Петровской академии наук и искусств и Славянской литературной и артистической академии в Варне. Лауреат литературных премий им. А. Платонова, Р. Гамзатова, М. Лермонтова и Большой Литературной премии России. Живёт в Москве.

стр. 199 ПЕРМИНОВ Юрий Петрович — известный русский поэт, член Союза писателей России. Родился в 1961 году в Омске. Окончил филологический факультет Омского государственного педагогического института им. Горького. В течение многих лет возглавлял ведущую общественно-политическую и литературно-публицистическую газету Сибири «Омское время». В настоящее время — главный редактор историко-культурологического, литературно-художественного проекта «Тобольск и вся Сибирь». Автор восьми книг стихотворений и многих публикаций в центральных и региональных литературных изданиях — журналах «Наш современник», «Подъём» и т.д. Лауреат всероссийских литературных премий. Живёт в Омске.

стр. 153 ПЕРОВСКАЯ Маргарита Николаевна родилась в 1958 году в г. Шебекино Белгородской области, в настоящее время проживает в г. Орле. В 1982 закончила историко-филологический факультет Орловского педагогического института. Работала учителем истории, преподавателем Орловского государственного университета.

С 1999 года — учитель истории и директор Школы «Леонардо» г. Орла. Профессиональной писательской деятельностью не занимается.

стр. 149 ПЕРОВСКИЙ Николай Михайлович (1934–2007) родился в слободе Михайловка Курской области. Его родители были репрессированы в тридцать седьмом, и будущий поэт оказался в детском доме.

В начале войны детдом эвакуировали. Под Курским обозы попали под немецкие бомбы. Мальчик вочич увидел кровь и смерть. Затем попал в Среднюю Азию, где ему пришлось познать беспризорщину и ранний труд.

С 1947 по 1953 годы Николай оказался «воспитанником колхоза» — так это тогда называлось. Пас телят в предгорьях Тянь-Шаня, работал водовозом, подручным комбайнёра. Затем

учился в Московском горном институте, работал на обогащательной фабрике в Донбассе, на шахте в Воркуте. Впоследствии жил на Белгородщине, преподавал музыку и физкультуру в школе, был газетчиком, клубным баянистом.

Первую книгу стихов выпустил в 1961 году. В 1964 году принят в Союз писателей СССР. С 1976 года жил в городе Орле.

стр. 103 ПОПОВА Светлана Олеговна родилась в 1988 году в городе Елабуга. В 2010-м окончила Набережночелнинский филиал Казанского Федерального Университета, факультет прикладной математики и информационных технологий. Печаталась в литературных журналах «Аргамак» и «Идель». В 2009 году стихи вошли в сборник студенческой поэзии «Смотри, ресниц не размыкая...», изданный Елабужским государственным музеем-заповедником. В марте 2013 года вышел собственный сборник стихов «Зеркало мира». Работает в Набережных Челнах в оптовой фирме, живёт в Елабуге.

стр. 174 САРЧИН Рамиль Шафкетович — поэт, автор-исполнитель, литературный критик, литературовед. Кандидат филологических наук. Член Союза российских писателей, Союза писателей Республики Татарстан, Объединения русскоязычных литераторов Финляндии. Редактор международной литературной сети «Общелит.ру». Член редколлегий журнала «Аргамак. Татарстан». Автор поэтических сборников «Стихотворения» (1998), «Возвращение» (2009), «Цветоповал» (2011); монографий «Поэтический мир Н. Н. Благова» (Казань, 2008), «Николай Благов» (Ульяновск, 2008), «Традиции русской поэзии в лирике Инны Лиснянской» (Казань, 2009), «Лирика Роберта Миннуллина» (Казань, 2012); сборника статей «Лики казанской поэзии» (Казань, 2013). Обладатель гранта губернатора и правительства Ульяновской области (2007), премии Объединения русскоязычных литераторов Финляндии (Хельсинки, 2011), республиканского гранта «Учитель-исследователь» (Казань, 2012). Лауреат I степени II Международного песенно-поэтического конкурса «Журавли над Россией» (номинация «Авторская песня о Родине»; Москва, 2011). Финалист Литературной премии им. О. Бешенковской Международной гильдии писателей (Германия, 2013).

стр. 100 СЕЙДАМЕТОВА Карина Константиновна родилась в 1984 году, поэтесса, член Союза писателей России.

Автор поэтических сборников «Позимник» и «Соборный свет», изданных самарским отделением Литературного Фонда России.

Стихи публиковались во многих всероссийских бумажных и электронных общественно-патриотических изданиях: журнале «Наш современник» (Москва), «Роман-журнал 21 век» (Москва), «Русское эхо» (Самара), «Волга XXI век» (Саратов), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Невский альманах» (СПб), «Аргамак» (Татарстан), «Простор» (Казакстан), «Свиток» (Дальний Восток), «ВЕЛИКОРОССЬ», «Родная Кубань» (Краснодар) и др.

Участник 11, 12 Форумов молодых писателей России и зарубежья. Лауреат поэтической премии им. Ю. П. Кузнецова (журнала «Наш современник», 2011 г.)

Студентка Литературного института им. А.М. Горького.
Живёт в Москве.

стр. 227 ТИТОВ Василий Александрович родился в селе Первая Ханенёвка Базарно-Карабулакского района Саратовской области в 1950 году.

После окончания средней школы и ПТУ работал плотником на стройке. После службы в морской авиации тихоокеанского флота восемь лет работал электромехаником на грузовых судах Волжского Пароходства. Закончил Самарский речной техникум. Последние 26 лет до выхода на пенсию жил и работал электромонти́ром в городе Ноябрьске Ямало-Ненецкого округа. С 2007 года проживает в Алексеевском районе Республики Татарстан. Публиковался в журналах: «Ноябрьск литературный», «Сибирские истоки» (г. Ноябрьск).

стр. 179 ХАЙРУЛЛИН Камиль Хасанович родился в 1946 году в Казани. Окончил физический факультет и аспирантуру Казанского университета. Кандидат философских наук. В течение 35-ти лет преподавал в казанских вузах. Был заведующим и профессором кафедры философии Казанского педагогического университета (1987–2010). Почётный работник высшего профессионального образования РФ. Специалист в области русского космизма и космической философии. Автор более 70-ти научных работ. Издал два сборника своих стихов и в соавторстве два нотных сборника песен. Публиковался в коллективных поэтических сборниках («Галерея-2,3») и периодической печати (ж. «Вопросы философии», «Философские науки», «Философия образования», «Казань», «Аргатам. Татарстан», «Зинзивер», газ. «Татарский мир», «Звезда Поволжья» и др.). Некоторые философские работы и стихи переведены на польский язык и изданы в Польше. Лауреат премий газет Союза писателей XXI века «Поэтоград» и «Литературные известия» за 1913 год по разделу «Литературоведение и литературная критика».

стр. 169 ХАЙРУЛЛИНА Светлана Тагировна (1963–1999) родилась в Казани. Окончила Литинститут им. М. Горького в 1991 году. Автор двух книг: «Я не люблю играть в слова» (1997) и посмертной «Бог и ребёнок» (1999).

стр. 241 ХАЛИЛУЛЛОВ Рафаэль Исмагилович родился в Казани в семье известного татарского живописца Исмагила Халилуллова. После школы трудился на заводе, служил в армии на Дальнем Востоке, окончил Казанский государственный педагогический институт по специальности «история». Работал научным сотрудником Госмузея РТ. В СМИ с 1981 года — корреспондент, редактор многотиражной газеты «Трибуна строителя». С 1986 года в журнале «Чаян» — редактор отдела, заведующий отделом фельетонов, заместитель главного редактора, главный редактор. Победитель различных журналистских конкурсов. Заслуженный работник культуры РТ. Награждён медалью РТ «За доблестный труд».

стр. 209 ЦЫГАНКОВ Дмитрий Васильевич родился 17 июня 1971 года на Украине, в городе Котоп Сумской области. В 1972 году родители отправились в город Набережные Челны на строительство автогиганта. Лето проводил в Тверской области, в которой жили родители отца.

В 1983 году семья переехала в Польшу, куда отчим был направлен на работу торговым представителем от завода. Жили в старой части Варшавы. В 1985 году семья вернулась в Набережные Челны. В 1988 году окончил пятнадцатую среднюю школу. Устроился работать слесарем-ремонтником на городскую ТЭЦ. А затем начались перемены, сначала в стране, а затем и в сознании людей. Проработав два года, уволился и занялся частным предпринимательством. В 1986 году, в результате несчастного случая, получил тяжёлую травму, потеряв трудоспособность.

стр. 239 ШАГЕЕВА Розалина Гумеровна, искусствовед, заслуженный деятель искусств Республики Татарстан. Живёт в Казани.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАНИСЛАВ ЗОЛОТЦЕВ РОССИЯ ПИШЕТ.....	3
АЛГЕБРА И ГАРМОНИЯ НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ ПОСЛЕ ЗВАНОВОГО ОБЕДА.....	4
СОБЫТИЯ МИНУВШЕГО ЛЕТА АЛЕКСАНДР ВОРОНИН ЮНЕСКО ЕДЕТ В ТАТАРСТАН	8
СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВ В СВЯЖСКЕ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА, В БОЛГАРЕ ЗВУЧАТ МОНАДЖАТЫ	11
ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА Я. УДИН «...СУЩИЙ В НЕЙ ЯЗЫК...»	18
НИКОЛАЙ КРАСИЛЬНИКОВ ЗДРАВСТВУЙ, «АРГАМАК»!	22
МЫ ПОСТРОИЛИ ГОРОД РЕШАЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ	25
ЗВАНЫЙ ГОСТЬ НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ МОСКОВСКИЕ СОЛОВЬИ.....	32
ГАРИЙ НЕМЧЕНКО КАЛМЫЧКА	39
ПРОЗА И ПОЭЗИЯ МОЛОДЫХ РУСТЕМ ГАЛИУЛЛИН КАФЕ.....	50
КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА НЕБЕСНАЯ ИЗБА	100
СВЕТЛАНА ПОПОВА ЛИНИЯ СЛИЯНЬЯ	103
РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР АЛЕКСАНДР ОЛЬШАНСКИЙ РАШЕН БАБ	106
ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ НИКОЛАЙ ПЕРОВСКИЙ ЖАЖДА РОДСТВА.....	149
МАРГАРИТА ПЕРОВСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ	153
ВАЛЕРИЙ КЛЯЧИН ЖИЗНЬ ОТШУМЕЛА.....	157
МОЯ ДОРОГА	164
СВЕТЛАНА ХАЙРУЛЛИНА НИ КРАЯ, НИ ДНА.....	169
РАМИЛЬ САРЧИН ПРЕКРАСНОЕ ЗОВЁТ.....	174

2014 — ГОД ЛЕРМОНТОВА**КАМИЛЬ ХАЙРУЛЛИН**

СВЯТОЕ ВЕЧНОСТИ ЗЕРНО179

ПОЭЗИЯ СИБИРЬЮ ПРИРАСТАЕТ**ЮРИЙ ПЕРМИНОВ**

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ199

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

В ЦЕНТРЕ ЗЕМЛИ202

АВТОРЫ ЖИВУТ В ТАТАРСТАНЕ**ДМИТРИЙ ЦЫГАНКОВ**

ДОЧЬ209

ВАСИЛИЙ ТИТОВ

СТИХИ ИЗ ДВАДЦАТОГО ВЕКА227

ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ: 100 ЛЕТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ**РАИСА МАРТЫНОВА**

ГЕРОИ ЗАКАМЬЯ231

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ**РОЗАЛИНА ШАГЕЕВА**

САМОРОДОК239

У КОНОВЯЗИ**РАФАЭЛЬ ХАЛИЛУЛЛОВ**

ЧУДЕСА, ДА И ТОЛЬКО!241

СОБРАТ ПО РАЗУМУ241

САМИ ПОНИМАЕТЕ243

ЧУДЕСНЫЕ ТАБЛЕТКИ243

НАЛЁТ244

НА ПРИЁМЕ244

МАМА, ПОЧИТАЙ!**АНАСТАСИЯ КУДРЯВЦЕВА**

ДОБРО ПОБЕЖДАЕТ ЗЛО246

В КОНЦЕ НОМЕРА

.....249

НАШИ АВТОРЫ

.....250

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: МЫ ПОСТРОИЛИ ГОРОД. ОАО «КАМГЭСЭНЕРГОСТРОЙ» — 50 ЛЕТ**ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: МЫ ПОСТРОИЛИ ГОРОД. ОАО «КАМГЭСЭНЕРГОСТРОЙ» — 50 ЛЕТ****ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ.****ХУДОЖНИК АНАТОЛИЙ ПАШИН****ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ.****ХУДОЖНИК АНАТОЛИЙ ПАШИН**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Выходит ежеквартально
(1 раз в 3 месяца)

Учредитель

ОАО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

**Татарстанское отделение
Союза российских писателей**

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Подписано в печать 11.08.2014 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 18,15. Тираж 2000 экз.

Заказ А-2085

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала
ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс»
420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Со всеми номерами литературного журнала «Аргамак. Татарстан» можно познакомиться на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей www.srpkn.ru.

Рукописи принимаются по адресу: 423809, Татарстан, г. Набережные Челны, а/я 126 или e-mail: anp45@mail.ru. Желателен диск с набором, фотография, краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

А. Пашин. **Время летних дождей.** Х., акрил. 120х80. 2014.

А. Пашин. **Пхищение елабужским быком красавицы болгарки.** Х., акрил. 120х80. 2014

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

АННА ТИМИРЁВА

Вскрываются синие реки,
Над городом гомон и дым.
И солнце усталые веки
Целует лучом золотым.

И даже в тюрьме — за решёткой,
За толстой кирпичной стеной —
Я слышу: чирикают чётко
Воробушки, пьяны весной.

1922 год

**ВИКТОР
АСТАФЬЕВ**

**ЕВГЕНИЙ
НОСОВ**

**ВИКТОР
ПОЛИТОВ**

Когда Политов гостил у Астафьевых, ещё живущих в Вологде, был при нём такой случай: кто-то пишущий из окружения Астафьева был очень назойлив, настаивая, что он, де, «друг». Астафьев со всей откровенной резкостью остановил его: «Какой ты мне друг? Мои друзья пара, тройка оставшихся в живых фронтовиков, да ещё Женья Носов, которые не побоятся мне и в тюрьму передачку принести... Дру-у-г!»

Политов, сам человек резкий, был смущён этим откровением...

Стихи Анны Васильевны Тимирёвой, возлюбленной адмирала Колчака, и очерк о её личности Елены Дербилловой (Харьков, Украина), а также статью Галины Рогожиной (Саратов) о переписке Виктора Астафьева, Евгения Носова и Виктора Политова читайте в декабрьском номере литературного журнала «Аргатак. Татарстан».